

Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси.

ВВЕДЕНИЕ

В истории древнерусского государства, а точнее, в истории его внешней политики есть область, которой в советской историографии явно не повезло. Имеется в виду создание древнерусской дипломатии, организация внешнеполитической деятельности, дипломатической службы Киевской Руси, т. е. форм, методов, средств, приемов, при помощи которых русская раннефеодальная монархия осуществляла свои внешнеполитические цели. “Невезение” это, впрочем, было неслучайным. Долгие годы советские ученые при разработке марксистско-ленинской истории древнерусской государственности, внешней политики древней Руси основное внимание закономерно обращали на анализ классового, феодального содержания этой политики, на ее направления и эволюцию. И на этом пути советская историография добилаь впечатляющих результатов.

Чисто дипломатическим сюжетам придавалось естественно вспомогательное значение. Однако еще в конце 40-х годов

Б. Д. Греков, готовя к публикации второе издание своей знаменитой книги “Киевская Русь”, написал в предисловии, что в монографии “недостает разработки вопроса о дипломатии Киевской Руси”, недостаточно освещенного вообще и в его книге в частности¹. С тех пор прошло 30 с лишним лет, в свет выпущено немало работ по истории древней Руси, в том числе ее внешней политики. И в первую очередь следует назвать фундаментальную монографию В. Т. Пашуто “Внешняя политика древней Руси”². Однако “белое пятно” в исследовании древнерусской истории так и не было ликвидировано. И произошло это потому, что сюжеты чисто дипломатического порядка так и не приобрели самостоятельного исследовательского значения. Между тем история дипломатии древних руссов — тема специального исследования, хотя наряду с этим утверждением закономерно возникают вопросы: уместно ли вообще говорить об организации дипломатической деятельности русского государства применительно к X или даже IX в. отечественной истории? Не является ли сама постановка проблемы известной модернизацией истории, стремлением перенести на более ранние исторические этапы позднейшие понятия и категории? Заранее их предупреждая, нам хочется подчеркнуть, что организация дипломатической деятельности неотделима от внешнеполитической функции государства, что зарождение государственности даже в такие “непросвещенные” времена, как IX—X вв. отечественной истории, неизбежно предполагает с первых же шагов древней Руси на международной арене существование определенных организационных внешнеполитических начал, конкретных дипломатических средств, методов, форм, приемов, свойственных не только уровню развития данного государства, но и в известной степени международной практике своего времени. Естественно, что система древнерусской дипломатии, как, впрочем, и дипломатии любого другого государства, не возникает неожиданно и сразу же в готовых, раз и навсегда отлитых политических формах. Марксистско-ленинская концепция истории дает четкую методологию изучения этого вопроса. Как формирование государства, его внешней политики определяется развитием способа производства, зависит от характера и уровня развития производственных отношений, так и организация дипломатической службы того или иного государства, составляющей неотъемлемую часть самого государства, определяется базисом общества. Раскрывая смысл международных отношений, К. Маркс отмечал, что они по своей сути “вторичные и третичные, вообще производные, перенесенные, непервичные производственные отношения”. В. И. Ленин обращал внимание на то, что “выделять “внешнюю политику” из политики вообще или тем более противопоставлять внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль”, и отмечал, что, “как всякая война есть лишь продолжение средствами насилия той политики, которую вели воюющие

державы и господствующие классы в них долгие годы или десятилетия до войны, так и мир, заканчивающий любую войну, может быть лишь учетом и записью действительных изменений в силе, достигнутых в результате данной войны”⁴.

Важное значение для понимания исследуемой проблемы имеют принципиальные положения работы Ф. Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства”. Именно в период перехода от первобытнообщинного строя к раннеклассовому обществу, на этапе “военной демократии”, зарождаются войны как социальное явление, закладываются и основы государственной дипломатической службы. В эпоху “военной демократии”, отмечал Ф. Энгельс, родовой строй превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы власти становятся орудиями господства и угнетения, направленными против собственного народа. Образование на основе складывания классового общества “военно-демократических” союзов племен, появление военных вождей, дружин приводит к тому, что война становится в повестку дня общественного развития. Эти союзы, писал Ф. Энгельс, “можно было удержать как организованное целое только путем постоянных войн и разбойничьих набегов. Грабеж стал целью. Если предводителю дружины нечего было делать поблизости, он направлялся со своими людьми к другим народам, у которых происходила война и можно было рассчитывать на добычу...”. И саму “военную демократию” Ф. Энгельс называл военной потому, что войны “становятся теперь регулярными функциями народной жизни”. А грабительские войны “усиливают власть верховного военачальника... закладываются основы наследственной королевской власти...”⁵. Дипломатическая деятельность “военно-демократических” общественных образований, а позднее классовых государств зарождается как средство закрепления результатов военных предприятий, создания различных международных политических комбинаций для дальнейших завоевательных походов или для обороны против опасных соперников.

Исторически преходящий характер войн, как и дипломатической деятельности государств, отражает изменения классового содержания эпохи. С этих позиций война и дипломатия молодых буржуазных государств, несмотря на их классово ограниченный характер, рассматривались В. И. Лениным как прогрессивное историческое явление, потому что они были направлены против дряхлеющего феодального строя, против отживших свой век феодальных монархий. “Для торжества современной цивилизации, для полного расцвета капитализма, для вовлечения всего народа, всех наций в капитализм — вот для чего послужили национальные войны, войны начала капитализма”⁶. Точно так же в период зарождения феодальных отношений, т. е. в эпоху перехода от “военной демократии” к раннефеодальным монархиям, подготавливавшие и оформлявшие их политические усилия следует

рассматривать в плане общего поступательного развития, перехода от первобытнообщинного строя к феодальному со всеми присущими последнему противоречиями, которые проявлялись все ярче и полнее по мере военных и политических побед складывающихся феодальных государств. Совершенно очевидно, что “военно-демократические” набеги на соседей в буйный век далеких и рискованных военных предприятий, дававших простор выходу молодой энергии мощных предгосударственных формирований, по мере упрочения феодальной государственности должны были уступить место развивающемуся международному праву, внешнеполитическому регулированию ради целенаправленной деятельности эксплуататорского государства, которое выбирало в тот или иной конкретно-исторический момент наиболее целесообразные с точки зрения господствовавшего класса решения для упрочения своего внутри- и внешнеполитического положения. Поэтому и дипломатия рассматривается как явление надстройки, как неотъемлемая составная часть государства, а организация дипломатии на том или ином историческом этапе связывается с уровнем развития производственных отношений в данной стране, с характерными чертами международных отношений эпохи.

“Каждому историческому типу классового общества,— отмечается в “Курсе международного права”,— соответствует свой тип государства и права. Это относится и к международному праву, зарождение которого непосредственно связано с возникновением государства и осуществлением им внешних функций”⁷. Точно так же и зарождение древнерусской дипломатии следует рассматривать в органической связи с развитием государственности того времени, а также со становлением международной дипломатической практики раннего средневековья.

Вполне понятно, что с этих позиций скудные, даже единичные свидетельства источников о дипломатической практике древних руссов должны расцениваться не как случайные, не сцепленные друг с другом исторические факты, ни о чем не говорящие и ничего не подтверждающие, а как осколки пусть примитивной, неразвитой, но эволюционирующей с каждым десятилетием дипломатической системы раннефеодального государства, которая является отражением процесса развития государственности раннего средневековья. И вопрос в этой связи заключается не в том, могла ли Русь IX—X вв. иметь такую систему, а в том, насколько она, как часть общегосударственной (пусть и слабо еще выраженной) системы, соответствовала подобным же общественным явлениям в сопредельных государствах Восточной Европы периода раннего средневековья, второй половины 1-го тысячелетия, в каком соответствии она находилась с тщательно разработанной, изощренной и по содержанию, и по форме дипломатией Византийской империи — этой политической *alma mater* раннефеодальных “варварских” государств.

Что имеется в виду под зарождением дипломатической системы древней Руси? Прежде всего содержание дипломатических переговоров и дипломатических соглашений, расширение круга и степень значимости поднимаемых в них политических вопросов; вовлечение в сферу дипломатической активности Руси все большего количества государств и народов; генезис форм дипломатических переговоров и соглашений, развитие сопровождающих их процедур, обрядов, ритуала, отражающих в известной мере как содержание, так и форму переговоров и соглашений; зарождение и развитие посольской службы как таковой, т. е. превращение посольств в постоянный инструмент внешнеполитической деятельности древнерусского государства, изменения характера состава посольств, а также их представительства, складывание первых постоянных “кадров” посольской службы.

Как известно, многие дипломатические переговоры и соглашения древней Руси возникли на почве военного противостояния руссов с соседними странами и народами. Поэтому в тех случаях, когда дипломатические шаги древней Руси были связаны с военными предприятиями наступательного или оборонительного характера, анализ военного противостояния становился способом изучения и чисто дипломатического аспекта событий. С этих позиций рассматривается ряд спорных и противоречивых свидетельств о дипломатической практике древних руссов, отраженных в греческих житиях святых Стефана Сурожского и Георгия Амастридского, в Вертинской хронике, содержащей первые сведения о посольстве руссов в Константинополь и в империю франков в 838—839 гг. К этому же ряду относятся сообщения греческих хроник и русских летописей о первом нападении Руси на Константинополь в 860 г. и упоминания греческих авторов о последовавших за ним русско-византийских переговорах; сведения летописей о заключении руссами мира с варягами на исходе IX в. (последний факт подтвержден и в венгерском анонимном источнике). Сюда же следует отнести и прослеживающиеся по источникам скоординированные анти-византийские действия Руси и Болгарии в начале X в.

С каждым десятилетием эти фрагментарные известия становятся все более подробными и частыми. Наконец, к первой половине X в. относятся свидетельства летописи о походе Руси на Константинополь в 907 г. и о заключенном в том же году новом русско-византийском договоре, а также содержащиеся в “Повести временных лет” жемчужины ран-несредневековой дипломатии — русско-византийские письменные мирные договоры 911 и 944 гг. и сопутствующие им рассказы о посольских переговорах, церемонии утверждения соглашений и т. п. Свое место в этом ряду занимают дипломатические контакты правительства Ольги с Византией и Германским королевством во второй половине 50-х годов X в.

В общем плане развития древнерусской дипломатической практики следует рассматривать и политические контакты

Руси с Хазарией, народами Северного Кавказа, с печенегами, а также попытки добиться мирных урегулирований после русских походов в Закавказье в первой половине X в. Этот ряд открывается упоминаниями о дипломатии древних русов в конце VIII — начале IX в. Конечной хронологической гранью исследования является начало 60-х годов X в., т. е. конец самостоятельного правления Ольги. Дипломатические усилия правительства Ольги стали своеобразным рубежом: в годы ее правления произошла определенная политическая стабилизация отношений Руси с сопредельными странами. Были урегулированы отношения с Византией и подтверждено действие русско-византийского договора 944 г. На Западе Русь завязывает политические контакты с Германией, более или менее определяется позиция Руси в Северном Причерноморье, где руссы сумели получить доминирующее положение как на востоке региона, так и на западе, на подступах к Подунавью. Не сумев закрепиться при Игоре в Закавказье, Русь во второй половине 40-х — 50-е годы поддерживает мирные отношения с Хазарией — своим врагом номер один на восточных торговых путях и в районе Приазовья и Поволжья. Таким образом, ко второй половине X в. четко обозначились основные направления внешней политики древней Руси, были предприняты шаги по их реализации.

Вместе с тем для киевской правящей верхушки становится очевидным, что дальнейшая решительная борьба за реализацию этих внешнеполитических направлений сопряжена с борьбой против Хазарского каганата, обострением соперничества с Византией, новыми войнами, поисками союзников на Западе и Востоке, новой дипломатической активностью. Правительство Ольги не ставило перед собой решение подобных задач. Эту нелегкую государственную миссию взяло на свои плечи киевское правительство молодого Святослава, при котором традиционные для Руси направления внешней политики не только приняли более четкие очертания, но и нашли более решительные и яркие средства выражения — военные и дипломатические. Дипломатия Святослава опиралась на предшествующие внешнеполитические успехи древней Руси, синтезировала накопленный внешнеполитический опыт и в этом плане являла собой новый качественный этап, исследованию которого будет посвящена последующая работа.

В дореволюционной историографии неоднократно ставились вопросы о дипломатической деятельности древних русов. Отдельные аспекты темы рассмотрены в обобщающих исторических курсах и исследованиях В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, А. Л. Шлецера, Н. М. Карамзина, М. П. Погодина, К. Н. Бестужева-Рюмина, М. А. Оболенского, Д. И. Иловайского, С. А. Геденова, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, М. С. Грушевского, М. К. Любавского, Д. И. Багалая, А. Е. Преснякова и др.; в историко-правовых курсах и исследованиях Г. Эверса, В. И. Сергеевича, Д. Я. Самоквасова;

в работах по истории русской церкви Е. Е. Голубинского, Макария и по истории принятия христианства на Руси IV—VI вв. Д. Приселкова, В. А. Пархоменко; в источниковедческих исследованиях А. А. Шахматова, историографических работах В. С. Иконникова; в исследованиях византинистов, славистов В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского, В. И. Ламанского и др. Однако обобщающий характер работ обусловил отрывочность значительно отстоящих хронологически друг от друга свидетельств о дипломатии древних руссов, которые излагались, как правило, информативно и оценивались изолированно, без учета всего фактического ряда. Кроме того, почти нет примеров обращения к сравнительно-историческому методу исследования с привлечением к анализу той или иной внешнеполитической ситуации материалов по дипломатической практике иных государств и народов того времени. Вместе с тем в ожесточенных спорах о судьбах древнерусской истории в течение XIX—XX вв., и особенно норманистов и антинорманистов, русская дореволюционная историография оттачивала аргументацию. Проявила изобретательность в отдельных догадках и в целом оставила богатейшее научное наследие относительно многих фактов дипломатической истории древней Руси.

Аналогичная картина наблюдается и в зарубежной историографии. В обобщающих работах, монографиях и статьях по истории древней Руси, Византии, Болгарии, походов викингов, христианизации славян, принадлежащих перу немецких, французских, английских, американских, канадских, буржуазных болгарских и югославских историков (Н. Клерка, П. Лавеска, Ф. Вилькена, А. Куре, Д. Бьюри, М. Дринова, В. Златарского, С. Рэнсимена, Г. Лэра, М. Таубе, Е. Хонигмана, Г. Рондала, Л. Брейе, Г. Вернадского, Г. Острогорского, П. Сойера, А. Власто, Ф. Дворника, А. Боака, К. Эриксона, Э. Арвейлер и др.), затрагиваются многие внешнеполитические и дипломатические сюжеты истории древней Руси IX—X вв. И в работах буржуазных историков, несмотря на их общую норманистскую направленность, которая в течение десятилетий была подвергнута обстоятельной критике со стороны советских ученых, острые споры относительно как концепции возникновения древнерусской государственности, так и конкретных фактов ее проявления в дипломатической практике, содержатся интересные наблюдения, которые необходимо учитывать при общей оценке развития исторической мысли в исследуемой области.

Принципиально иного значения исполнены обобщающие работы советских авторов, в которых дается оценка свидетельствам источников о дипломатической практике древних руссов с марксистско-ленинских позиций развития государственности. В монографиях и статьях Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, Д. С. Лихачева, Л. В. Черегшина, В. Т. Пашуто, В. Л. Янина, В. В. Мавродина, М. В. Левченко, М. И. Артамонова, А. Ю. Якубов-

ского, И. П. Шаскольского, Е. А. Рыдзевской, В. Д. Королюка, А. А. Зимина, Я. Н. Щаюва, В. П. Шушарина, О. В. Творогова, Г. Г. Литаврина, А. Г. Кузьмина, М. А. Алпатова, М. А. Шангина, В. М. Бейлиса, Е. Э. Липшиц, А. П. Новосельцева, польского ученого Г. Аовмянского, в обобщающих трудах “Очерки истории СССР”, “История Болгарии”, “История Византии”, “История СССР с древнейших времен до наших дней” широко и всесторонне выяснена выдающаяся роль древней Руси в мировой истории и культуре, в международных отношениях IX—XI вв.; выявлены экономические, политические, культурные связи древнерусского государства с сопредельными странами; раскрыты зарождение, сущность и основные направления его внешней политики; дана обоснованная критика русской дворянско-буржуазной и современной буржуазной историографии по вопросам развития древнерусской государственности. Известные отечественной историографии свидетельства о дипломатической практике древних руссов советские историки рассматривают как один из важных аргументов в споре с дореволюционными и зарубежными норманистами при отстаивании марксистско-ленинского понимания складывания государственности на Руси. Однако обобщающий или узкоспециальный характер исследований, в которых дипломатические аспекты играют лишь второстепенную роль, обусловил и характер изучения свидетельств о дипломатической активности древних руссов: фрагментарность и описательность при изложении фактов и их оторванность от общей канвы развития древнерусской дипломатии.

Наряду с этим ряд отечественных дореволюционных, советских и зарубежных ученых обращались к исследованию тем, непосредственно связанных с дипломатией древних руссов. Так, в статьях русского византиста В. Г. Васильевского, советской исследовательницы Е. Э. Липшиц подробно рассматриваются следы первых довольно туманных русско-византийских внешнеполитических контактов в конце VIII—первой трети IX в., отраженные в житиях греческих святых Стефана Сурожского и Георгия Амастридского; выводы русских и советских ученых оспаривают западные византисты А. Грегуар и его ученица Ж. да Коста Луйе.

Событиям 860 г. — первому русскому нападению на Константинополь и последовавшим за ним дипломатическим переговорам руссов с греками — посвящены специальные работы отечественных дореволюционных ученых А. Пападопуло-Керамевса, Х. М. Лопарева, В. Г. Васильевского, западного буржуазного историка А. А. Васильева, который хотя и считал, что под Константинополем появилась “варяжская” Русь, но всю канву событий изложил с научной скрупулезностью.

Русскому посольству в Константинополь и империю франков в 838—839 гг. уделил внимание историк А. Рязановский, доказывавший, как и некоторые отечественные ученые,

принадлежность посольства славянскому Киевскому государству. Отношениям Руси с Византией, договорам Руси с греками 907, 911, 944, 971 гг. посвятили в XIX в. специальные работы Н. А. Лавровский, И. И. Срезневский, В. В. Сокольский, А. Димитриу; в начале XX в. — А. В. Лонгинов, Д. М. Мейчик, А. А. Шахматов; в советское время — В. М. Истрин, С. П. Обнорский, М. А. Шангин, Д. С. Лихачев, А. А. Зимин, Н. Я. Половой, С. М. Каштанов. В зарубежной историографии проблемы русско-византийских договоров, дипломатической практики древних руссов на основании изучения договоров Руси с греками были рассмотрены в статьях бельгийских византинистов А. Грегуара, П. Оргельса, английского историка Р. Доллея, польских исследователей И. Свеньицкого и С. Микуцкого, французской И. Сорлен, Ф. Возняка.

Отношения древней Руси с Востоком и некоторые аспекты древнерусской внешней политики в этом регионе рассмотрели дореволюционные востоковеды Б. А. Дорн, В. В. Григорьев, А. Я. Гаркави, а также советские историки В. В. Бар-тольд, А. Ю. Якубовский, Н. Я. Половой, Б. Н. Заходер, В. М. Бейлис, М. И. Артамонов, А. П. Новосельцев, Т. М. Калинина, буржуазный востоковед В. Ф. Минорский. Дипломатическим усилиям правительства княгини Ольги посвятили работы во второй половине XIX — начале XX в.

А. Д. Воронов, Ф. Я. Фортинский, Д. В. Айналов,

В. А. Пархоменко, М. Д. Приселков, а в советское время — Б. Я. Рамм, М. Б. Свердлов, М. А. Алпатов.

Данных сю

жетов коснулись в специальных статьях известный югославский византинист Г. Острогорский и греческий ученый В. Фидас.

Организации древнерусской дипломатии посвящены небольшие разделы в работах советских историков международного права Ф. И. Кожевникова, Д. Б. Левина⁸ и других, а также в обобщающем труде “Курс международного права”. Их достоинство — в методологической постановке вопроса о месте и значении дипломатии в системе общественных отношений, однако историка не может удовлетворить отсутствие в данных работах исследовательского подхода к проблеме генезиса дипломатических институтов, к их исторической обусловленности развитием древнерусской государственности, к связи их эволюции с международной дипломатической практикой. К тому же работы историков международного права построены на весьма ограниченных исторических источниках, и поэтому речь в них идет в основном о договорах Руси с Византией.

Важное значение для исследуемой темы имеют труды западных византинистов К. Неймана, Ф. Дэльгера, Д. Оболенского и Д. Миллера. В статье К. Неймана сделана попытка воссоздать порядок заключения византино-венецианских дипломатических соглашений, что позволяет использовать при анализе русско-византийских отношений наблю-

дения исследователя в этой специальной сфере истории. В одной из последних монографий Ф. Дэльгера, написанной им совместно с И. Караяннопулосом, дан анализ документов, вышедших из византийской императорской канцелярии, в том числе дипломатических актов, византино-иностранных договоров—хрисовулов. Наблюдения автора помогают ориентироваться в содержании и форме византийской дипломатической документалистики при ее сопоставлении с русско-византийскими дипломатическими соглашениями. Д. Оболенский исследовал отношения Византии с окружающим ее “варварским” миром, в том числе со славянами, и посвятил специальную работу изучению принципов и методов византийской дипломатии. При всем знании Д. Оболенским истории внешней политики Византии второй половины 1-го тысячелетия и ее дипломатической системы трудно согласиться с некоторым “византиноцентризмом” автора, который рассматривает византийскую дипломатическую практику в виде некоей доминанты в “варварском” мире. Окружающие Византию “варварские” государства, как это показывают многочисленные исследования, отнюдь не являлись частью “византийского сообщества”, и их внешняя политика была вполне суверенной. Д. Миллер в своей статье о византийских договорах и практике их выработки рассмотрел русско-византийские договоры на общем фоне международной практики того времени.

В историографии, как отечественной, так и зарубежной, лишь две работы посвящены комплексному исследованию всех тех аспектов в истории древней Руси, которые рассматриваются в качестве свидетельств поступательного развития русской дипломатической службы,— это монографии М. В. Левченко и В. Т. Пашуто⁹. М. В. Левченко подробно проанализировал все известные внешнеполитические контакты Руси и Византии в IX—XI вв., дал обзор историографии проблемы, сделал некоторые источниковедческие наблюдения, попытался решить спорные вопросы. Ценность его работы в аспекте исследуемой темы заключается в совокупности определенных источниковедческих, историографических и хронологических ориентиров, которые помогают в работе над историей древнерусской дипломатии. В то же время чисто дипломатические сюжеты М. В. Левченко затронул лишь в той степени, в какой это было необходимо для решения избранной им проблемы. В. Т. Пашуто удалось исследовать практически все основные направления внешней политики древней Руси, мобилизовать по этой теме все известные источники, привлечь богатейшее историографическое наследие. В орбите изучения оказались международные связи Руси IX—X вв. не только с Византией, но и с Болгарией, империей франков, Хазарским каганатом, народами Северного Кавказа, печенегами, уграми, другими странами и народами. Естественно, что, касаясь большинства вопросов, которые составили предмет данного исследования, В. Т. Пашуто

не ставил перед собой задачу детального изучения дипломатического аспекта темы.

Между тем проблема дипломатии древней Руси требует специального комплексного исследования путем вовлечения в научный анализ всего корпуса источников, имеющих к ней отношение, их научного пересмотра, если это диктуется ходом исследования, и сравнительно-исторического анализа дипломатии древних руссов и дипломатии сопредельных с Русью стран и народов во второй половине 1-го тысячелетия. Хронологические рамки изучаемой темы (IX—X вв.), наличие в ней лишь отдельных исследовательских “точек”, отделенных друг от друга порой несколькими десятилетиями, фрагментарный и информативный характер основного историографического пласта диктуют и своеобразие ее историографического исследования. Практически невозможно выявить общую историографию проблемы, потому что она распадается на отдельные темы, мало или вообще не связанные друг с другом. Поэтому каждой главе предпослан специальный историографический обзор. Иногда в таких обзорах нуждаются даже сравнительно узкие сюжеты исследования, поскольку они на протяжении десятилетий являлись предметом острых дискуссий. При этом основное внимание уделялось оригинальным или общепринятым точкам зрения, фг) интересным наблюдениям и догадкам и опускалась подражаемая информация. Вот почему в обзорах нашел отражение ^>J в основном лишь самобытный вклад историков в развитие О исторической мысли в данной области.

<~ф Что считать источниками по теме? Ответить на этот *А вопрос не столь уж затруднительно, так как весь круг источников хорошо известен специалистам, неоднократно использовался ими, в том числе и при анализе внешнеполитических и отдельных дипломатических аспектов истории древней Руси. Вместе с тем подход к этому корпусу источников именно с историко-дипломатической точки зрения открывает дополнительные возможности для наблюдений как источниковедческого, так и общесторического порядка.

Данные о первых дипломатических контактах славяно-руссов в VIII—IX вв. содержатся в житиях греческих святых Стефана Сурожского и Георгия Амастридского. О посольских контактах Руси с Византией и Франкской империей в 838—839 гг. имеется лишь краткая запись в Вертинской хронике.

“Свой” круг источников у таких внешнеполитических и дипломатических сюжетов, как поход Руси на Константинополь в 860 г., последовавшие за ним русско-византийские переговоры и русско-византийский мирный договор. Это известные проповеди константинопольского патриарха Фотия, его “Окружное послание” восточным архиепископам и сочинения, принадлежащие перу биографа патриарха Игнатия Никиты Пафлагонского и венецианского хрониста Иоанна Дьякона. Сюда же относится и памятник агиографической

литературы “Слово на положение ризы богородицы во Влахернах”, в котором, по мнению ряда ученых, также идет речь о событиях 860 г. Краткие упоминания об этих же событиях содержатся в трудах продолжателя Феофана, и в частности в труде “Жизнь императора Василия”, в церковной и эпистолярной литературе. Данные события нашли отражение в греческих хрониках Симеона Логофета и продолжателя Георгия Амартола, позднейших хрониках Скилицы и Зонары, в русских летописях. Как видим, круг источников лишь по этой конкретной проблеме весьма пространен, хотя в большинстве своем каждое из сообщений весьма кратко, фрагментарно.

Исследование русско-венгерского соглашения конца IX в. предпринято на основании параллельного анализа опубликованной на русском языке В. П. Шушариным части венгерской анонимной хроники XI в. и сведений “Повести временных лет”.

Что касается дипломатии древних руссов в начале X в., отраженной в “Повести временных лет” под 907 г. и в других русских летописях под иными датами, то здесь в распоряжении исследователя практически нет свидетельств, кроме летописных, а те, что дошли до нас, являются весьма спорными. Текст договора 911 г. и описание истории русского посольства в Константинополь представлены лишь в “Повести временных лет”.

Источниками по истории русско-византийской войны 941—944 гг. являются греческое житие Василия Нового, сообщение кремонского епископа Лиутпранда, чей отчет о посольстве в Константинополь содержит свидетельство о нападении русской рати на Византию, ряд греческих хроник, но в основном — данные “Повести временных лет”, содержащей оригинальное описание русско-византийских переговоров на Дунае, историю обмена посольствами между Русью и Византией и текст русско-византийского мирного договора 944 г.

Сведения о русских походах в Закавказье в IX—X вв. и о дипломатической активности руссов в связи с этими событиями содержатся в трудах восточных авторов Ибн-Исфен-дийара, ал-Мас'уди, Ибн-Мискавейха и ряда других.

Свидетельства о дипломатической деятельности киевского правительства в 50-х годах X в. имеются в “Повести временных лет” и в других древнейших русских летописях, в хорошо известных западных хрониках — продолжателя Ре-гинона, Гильдесгеймской, Кведлинбургской, Саксонской, Лам-перта Герсфельдского, Титмара Мерзебургского, а также в “Книге о церемониях” Константина Багрянородного, где он подробно описал два приема княгини Ольги в императорском дворце во время ее пребывания в Византии.

Некоторые из упомянутых событий нашли многократное повторение в византийских хрониках — Симеона Логофета, продолжателя Георгия Амартола, Скилицы, Зонары и дру-

■ х в русских летописных сводах, восходящих к древнейшим летописным традициям, таких, как “Новгородская первая топись старшего и младшего изводов”, “Летописец Пере-яславля-Суздальского”, “Троицкая летопись”, и некоторых их. Это потребовало параллельного анализа русских летописных текстов и сведений византийских хроник и других сообщений византийских и западных авторов.

Одни из сведений бесспорны (что нашло отражение в историографии проблемы), другие на протяжении десятилетий вызывали острые дискуссии. К последним относятся сведения житий Стефана Сурожского и Георгия Амастридского о появлении руссов в Крыму и на Малоазиатском побережье Черного моря, данные Вертинской хроники, церковные тексты, отражающие события 860 г., русские летописные тексты, относящиеся к событиям 907—911, 941—944 гг. и посольству Ольги в Византию. Такое состояние источников по проблеме потребовало особого внимания к спорным текстам. Так, главы, посвященные событиям 907, 944 гг., посольству Ольги, в значительной степени состоят из источниковедческого и историографического анализа.

Исследование темы предполагает не только обращение к источникам, непосредственно касающимся того или иного аспекта древнерусской дипломатии, и их сопоставление, для того чтобы понять зарождение и эволюцию древнерусской дипломатической системы, ее преемственность, но и обращение к другим дипломатическим документам раннего средневековья, аналогичным внешнеполитическим ситуациям, сравнительно-исторический анализ которых помогает решить спорные вопросы, проливает свет на те страницы истории русской дипломатии, которые оставались скрытыми при исследовании лишь источников, непосредственно относящихся к событиям. Так, стало правомерной исследовательской традицией использовать сведения Менаандра о греко-персидском договоре 562 г. при сравнительном анализе русско-византийских договоров 907, 911 и 944 гг.; известия Лиут-пранда о его посольствах в Константинополь — для сопоставлении с посольскими отношениями Руси и западных стран с Византией; данные сочинений Константина Багрянородного “Книга о церемониях” и “Об управлении государством” — для раскрытия истории внешнеполитических и дипломатических отношений Византийской империи с сопредельными странами. В этом же плане рассматриваются императорские хрисовулы, типы которых разобраны Ф. Дэльгером и И. Караяннопулосом, а также сведения о других византино-иностранных соглашениях (с Аварским каганатом, Хазарией, олгарией, Арабским халифатом и арабскими эмиратами, империей франков, Персией и т. д.), собранные Ф. Дэльгером по данным византийских, восточных, западных и других

^{ор}Р^{ов} и опубликованные в первом томе издания “Regesten ^{ор}К-aiserurkunden des Ostromischen Reiches von 565—1453. *eil: Regesten von 565—1025” (München und Berlin, 1924).

Разумеется, такой источниковедческий калейдоскоп невозможно охарактеризовать однозначно. Поэтому источники анализируются в соответствии с конкретными дипломатическими сюжетами, а характер анализа зависит от степени изученности и доброкачественности источника.

Автор отдает себе отчет в том, что подобная комплексная работа, отражающая проблемы истории как древней Руси, так и сопредельных с ней стран, не могла быть создана без всесторонней помощи высококвалифицированных специалистов. В связи с этим он выражает глубокую признательность и благодарность своему учителю безвременно ушедшему от нас академику Л. В. Черепнину и академику Б. А. Рыбакову, которые одобрили замысел книги, оказали большую моральную поддержку, дали ряд ценных рекомендаций; члену-корреспонденту В. Т. Пашуто, который взял на себя труд ознакомиться с отдельными частями монографии, а позднее с ее полным текстом, высказал немало существенных замечаний и помог дополнительными материалами. Без весьма полезных советов докторов исторических наук Г. Г. Аитав-рина и А. П. Новосельцева была бы затруднительна разработка проблем, связанных с историей Византии и стран Передней Азии. Доктор исторических наук С. М. Каштанов, кандидаты исторических наук О. М. Рапов, И. С. Чичуров помогли автору избежать некоторых

просчетов и ошибок, указали на неиспользованные возможности более полного раскрытия темы.

Вероятно, книга не лишена недостатков. Они, естественно, остаются на совести автора, но все, кто оказал ему помощь, способствовали тому, чтобы этих недостатков было как можно меньше. Сердечное всем спасибо за доброжелательное и заинтересованное отношение к работе.

Глава первая
**ЗАРОЖДЕНИЕ
ДРЕВНЕРУССКОЙ
ДИПЛОМАТИИ
VI-IXее.**

*1. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА АНТОВ.
“ПОЛЕВЫЕ МИРЫ” ДРЕВНИХ РУССОВ.
КОНЕЦ VIII — ПЕРВАЯ ТРЕТЬ IX в.*

К тому времени, когда на берегах Волхова и Днепра появились первые относительно стабильные восточнославянские государственные объединения, мировая дипломатическая практика проделала долгий и сложный путь. Рабовладельческие государства древнего Востока, Рим, греческие государства-полисы и их многочисленные колонии, Скифская держава, позднее Византийская империя, раннефеодальные государства Европы, Арабский халифат, государства Средней Азии и Закавказья, Хазарский каганат, государственные образования, возникавшие в Причерноморье и на Северном Кавказе, — весь этот разноязычный, этнически пестрый и разнообразный в социально-экономическом, политическом и культурном отношении мир за долгие столетия уже выработал определенные дипломатические приемы, средства, формы, заимствуя и примеряя опыт веков к нуждам собственной рабовладельческой или феодальной государственности. Изменчивый, постоянно бурлящий, воюющий и мирящийся мир плотным кольцом обступал Среднерусскую равнину, где вдоль больших рек, на необозримых черноземах юга, на перекрестках древнейших торговых путей и в северных лесах происходило формирование федераций славянских племен, а позднее образование древнерусского государства. И точно так же, как долины рек, привольные степи, многочисленные городки были открыты товарам, хозяйственной сноровке, военному опыту других стран и народов, восточнославянское общество должно было неизбежно знакомиться с политическими традициями внешнего мира, примерять собственный опыт к уже сложившейся международной дипломатической практике, впитывать все то, что могло усилить основы раннефеодальной славянской государственности, укрепить позиции княжеской власти внутри страны, содействовать ее международному престижу.

Первые известия о дипломатической практике восточных славян относятся к V—VI вв. н. э. и содержатся в византийских источниках. Эта практика зарождалась в ходе длительного противоборства племенных союзов склавинов и антов с Византийской империей. Византийские авторы сообщают о постоянных набегах склавинов и антов на владения империи в V—VI вв., о начавшемся мощном давлении славянского мира на Балканы с начала VI в. У Прокопия Кесарийского имеются сведения о рейдах антов во Фракию, о регулярных вторжениях склавинов и антов за Дунай и о бедственном положении балканских владений Византии. Начиная с 527 г., по данным Прокопия, склавины и анты регулярно совершали набеги на владения империи, переходили Дунай, опустошали Иллирику, захватывали жителей в плен

и т. п. Во время славяно-византийской войны 550—551 гг. славяне подступили к Константинополю. В конце VI в. они предприняли несколько попыток овладеть византийской столицей¹. Уже тогда Византия стремилась путем различного рода даров, уступок, откупов ослабить давление славянского мира.

К VI в. относятся и первые попытки империи поставить себе на службу военную мощь славянских племенных союзов, отгородиться при помощи славянских наемных отрядов и славянских пограничных поселений от натиска аваров, а позднее и болгар. Наем в императорскую армию славянских отрядов стал с VI в. обычным делом. В конце VII в. византийское правительство развернуло целую систему пограничных опорных поселений, куда расселило славян-колонистов. Эта мера не оправдала себя: натиск окружавших Византию “варварских” народов на границы империи продолжался. В ходе этой борьбы Византия заключает со славянами первые соглашения. Так, во времена Юстиниана I империя попыталась договориться со славянскими вождями о системе поселений. Для славян это были первые шаги на поприще дипломатических переговоров с неизменным политическим соперником².

К VI—VII вв. относятся и сведения о дипломатических контактах славянских племенных союзов между собой и с другими народами. Прокопий Кесарийский сообщает о совместных действиях против империи антов и склавинов. В 548—549 гг., во время военных действий готского военачальника Тотилы против империи, славяне вновь перешли Дунай. “Многие подозревали, — отмечает Прокопий, — что Тотила, подкупив этих варваров крупными денежными суммами, направил их на римлян, с тем чтобы императору было невозможно хорошо организовать войну против готов, будучи связанным борьбой с этими варварами”. В свою очередь Византия искала возможности заключить “какой-либо договор” с гепидами, чтобы направить их против склавинов. Посольство гепидов прибыло в Константинополь, и военный союз был заключен и подтвержден клятвенными заверениями императора и послов³. Менандр Протиктор рассказывает о попытке антов в период противоборства с аварами в VI в. на время приостановить военные действия при помощи посольских переговоров для выкупа пленных. В 560 г. переговоры с аварами по этому вопросу вел ант Мезамир. Они окончились неудачей, а первый известный нам древнеславянский посол был убит⁴. Знаменательно, что Менандр сообщает о нарушении аварами посольского статуса Мезамира: “Авары уклонились от должного к лицу посланника уважения, пренебрегли правами и убили Мезамира”. Видимо, права посла были хорошо известны и антам.

Маврикий Стратег упоминает о договорах антов и склавинов со своими соседями как о событиях ординарных. “В общем, — пишет он о дипломатической практике древних

славян, — они коварны и не держат своего слова относительно договоров; их легче подчинить страхом, чем подарками”. Показательно упоминание о подарках, которыми византийцы стремились откупиться от своих грозных и беспокойных соседей. Очевидно, в отношениях с антами использовались обычные для того времени приемы византийской дипломатии: подкуп, задаривание вгождей “варварских” племенных союзов или государств и т. п. Автор первой половины VII в. Феофилакт Симокатта сообщает о том, что анты в VI в. стали “союзниками римлян” в борьбе против аваров .

В VI в. во взаимоотношениях славян с империей прослеживается еще одна характерная черта: выплата антам крупных денежных сумм и предоставление им права расселяться в пределах империи в обмен на обязательство соблюдать мир и противодействовать набегам кочевников. В середине VI в. Юстиниан I, воспользовавшись распрями антов и склавинов, отправил к антам посольство, подтвердившее согласие Византии отдать им одну из крепостей на левом берегу Нижнего Дуная и выплатить деньги за обязательство соблюдать мир. М. Ю. Брайчевский считает, что обещанные антам деньги были не единовременным откупом за сохранение мира, а постоянной данью: “...империя обязалась выплачивать им (антам. — А. С.) дань”. По мнению М. Ю. Брайчевского, в этом случае мог иметь место антско-византийский договор. В союзе с Византией славяне не раз выступали против персов, остготов, а в союзе со своими бывшими противниками наносили удары по византийским владениям ⁶.

Во всех этих случаях речь может идти об устных соглашениях по какому-то одному конкретному вопросу. В пользу устного характера соглашений говорит и отсутствие в источниках каких-либо упоминаний о письменных соглашениях; и сам характер заключаемых соглашений (подкуп “варваров”, разрешение им расселяться в пределах империи, их обещание помочь империи в борьбе против того или иного противника, выкуп пленных); и упоминание Маврикия Стратега о том, что славяне “не держат своего слова”, т. е. не выполняют своих устных обещаний.

Таким образом, даже эти весьма ограниченные сведения о первых дипломатических контактах древних славян с Византией, аварами и готами, между древнеславянскими племенами и племенными союзами свидетельствуют о том, что и склавины, и анты находились в русле тогдашних восточно-европейских политических взаимоотношений. Вооруженные силы их межплеменных союзов прекрасно знали дорогу на Константинополь. Захват территории и богатой добычи, увод в плен мирных жителей, стремление вырвать у Византии подарки, золото в обмен на мир, участие в системе военных союзов, в охране имперских границ, служба в византийской армии антских отрядов, ведение мирных посольских переговоров с соседями, и в частности относительно одного из древнейших сюжетов дипломатических отношений — выкупа

пленных, зарождение периодических платежей со стороны империи славянам за мир на ее окраинах, переговоры по поводу территориальных вопросов — со всеми этими внешнеполитическими акциями уже было знакомо тогдашнее древнеславянское общество. Политические взаимоотношения славянских племен со своими соседями не представляли собой явления из ряда вон выходящего. Это были обычные для того времени взаимоотношения “варварского” мира с Византией и внутри этого “варварского” мира. Приемы и методы, с помощью которых устанавливались внешние отношения, возникли, конечно, не в VI в. Они восходят к глубокой древности — к традициям греко-римского, ближневосточного, византийского мира и племенным традициям Восточной Европы.

Сквозь призму антских политических традиций представляется возможным рассмотреть вопрос о первом контакте между Русью и Византией, сведения о котором записаны в русской летописи в виде легенды о Кие⁷. Заметим, что ряд ученых давно обратили внимание на внешнеполитический аспект этой записи⁸. Большое значение для изучения этой части древнейшей русской летописи имеют работы Б. А. Рыбакова. Еще в 1939 г. он высказал мнение, что многие явления Киевской Руси уходят корнями в антскую эпоху и “отзвуком древних антских походов к границам Византии является комментарий автора “Повести временных лет” к рассказу о Кие, Щеке и Хориве”⁹.

Первые сведения о дипломатической практике древних руссов относятся к концу VIII — первой трети IX в. и дошли до нас в двух житиях — Стефана Сурожского и Георгия Амастридского, памятниках византийской агиографической литературы¹⁰. В них нашли отражение факты нападения руссов на византийские владения, расположенные вдоль Черноморского побережья, и последующие переговоры руссов с греками. Эти сведения получили широкий отклик в отечественной и зарубежной исторической литературе. Правда, историков в основном интересовал вопрос: были ли походы руссов реальными событиями дорюриковой поры, описанными по их следам в конце VIII—IX в., или они происходили значительно позднее и поэтому не могли свидетельствовать о военных и политических успехах Руси в первой трети IX в. Среди аргументов, которыми оперировали историки, были наблюдения и социально-экономического и политического характера. При исследовании хронологии и содержания этих походов до сих пор не был внимательно рассмотрен лишь один аспект — дипломатический, а именно: как проходили описанные в житиях переговоры руссов с греками, каковы были их условия, о каком уровне развития русской государственности они свидетельствовали.

“Житие св. Стефана Сурожского” повествует о том, как на Крымское побережье обрушилась новгородская рать, которую привел князь Бравлин. Рать была “велика”, а князь

“силень зело”. Руссы повоевали византийские владения от Херсонеса до Керчи и “с многою силою” подступили к Су-рожу. Десять дней продолжалась осада города. Наконец, проломив железные ворота крепостной стены, руссы “вниде” в город и начали грабить его. Бравлин попытался захватить богатства местного храма св. Софии, где находилась гробница Стефана Сурожского, а в ней “царское одеяло”, и “жемчуг”, и “злато”, и “камень драгий”, и “кандила злата”. Но Бравлииа постигла неудача. У гробницы святого он был поражен внезапным недугом: “обратися лице его назад”. Тогда Бравлин отдал приказ прекратить разграбление города, вернуть сурожанам все отнятое у них добро и отпустить пленных, захваченных во время похода. И лицо князя вновь приняло нормальное положение. Потом состоялось крещение Бравлина. Согласно житию, акт крещения совершил над ним архиепископ Филарет, преемник св. Стефана в Суроже”.

По наблюдениям В. Г. Васильевского, “Житие св. Стефана Сурожского” написано ранее конца X в., а события, описанные в нем, относятся к первой трети IX в. Об этом говорит и упоминание в житии исторического лица — Филарета (первая треть IX в.), и утверждение автора, что руссы появились, когда после смерти св. Стефана “мало лет минуо”

Норманисты и в XIX, и в XX вв. полагали, что описание нападения русской рати на Сурож попросту отражает факт крещения Владимира Святославича в Херсонесе и создано в XI в., а может быть и позднее. Антинорманисты, опираясь во многом на исследование В. Г. Васильевского в этой области, отстаивали реальность сведений жития о нападении руссов на Сурож¹³ и усматривали в них “доваряж-ское” проявление русской государственности. Позднее точку зрения В. Г. Васильевского разделяли В. А. Пархоменко и Н. Полонская. В. А. Пархоменко отмечал, что попытка привязать поход на Сурож к личности Владимира I не имеет под собой никаких оснований, так как Владимир не доходил в крымском походе до этого города¹⁴. М. Д. Приселков в своей ранней работе также признал основательными выводы В. Г. Васильевского, хотя и допускал возможность отнесения сурожских событий к X в. Обратив внимание на факт крещения руссов в то время, он подчеркнул, “как рано вообще подымался у варваров вопрос о принятии христианства, непременный порог для вступления в круг европейской культуры”¹⁵.

Скептики были и в XX в. Ф. И. Успенский не считал “Житие св. Стефана Сурожского” полноценным историческим источником. По его мнению, оно несет на себе печать местного происхождения и не дает сведений относительно исторической обстановки событий: сам факт появления Бравлина в Суроже упомянут не в связи с изложением истории жизни святого, а в “чудесах”, которые тот совершал после своей кончины¹⁶.

Концепция В. Г. Васильевского подвергалась неоднократно-атакам со стороны зарубежных буржуазных авторов. В довоенные годы бельгийский историк А. Грегуар и его ученица Ж. да Коста Луйе выступили с отрицанием достоверности сведений “Жития св. Стефана Сурожского” и возродили старую версию об идентичности походов Бравлина и Владимира Святославича, чтобы доказать невозможность существования в IX в. славянского государства, способного угрожать византийским границам. После войны концепция А. Грегуара — Ж. да Косты Луйе, правда с оговорками, придерживался А. А. Васильев¹⁸. В 60-х годах версию о тождестве походов Бравлина и Владимира I поддержала И.

¹⁹ Сор-
лен

Но и в западной литературе раздавались голоса в защиту оригинальности и принадлежности к IX в. текста жития. Г. Вернадский признал точку зрения В. Г. Васильевского вполне правомерной, поскольку в житии упоминаются исторически реальные лица, и подверг критике А. Грегуара за его “кампанию против достоверности житий” и Ж. да Косту Луйе за вольное обращение с текстом жития и ошибочные выводы. Так, Г. Вернадский обратил внимание на неверный перевод Ж. да Костой Луйе той части жития, где говорится о хронологии событий. В житии сказано, что русская рать пришла к Сурожу, когда после смерти святого “мало лет минуо”. В переводе Ж. да Косты Луйе это — “несколько лет”, что существенно меняет смысл. Святой умер в 787 г., а нападение на Сурож руссов, по мнению Г. Вернадского, могло состояться уже в 790 г.²⁰ В 1970 г. А. Власто в работе по истории христианизации восточных славян отметил, что поход новгородцев во главе с Бравлиным вдоль Крымского побережья был вполне в духе времени, хотя и не удастся определить место, откуда они выступили. Вместе с тем он критически отозвался о попытках проецировать на X в. походы на Сурож и Амастриду. Сделать это легко, замечает А. Власто, но “причины фальсификации не кажутся нам убедительными”. Напротив, создание фемы Пафлагонии, строительство хазарской крепости Саркел, появление в Константинополе в 838 г. русского посольства — логические последствия русских походов в конце VIII — первой трети IX в. “Такие рейды имели место, — писал А. Власто, — и византийское правительство в 839 г. пыталось устранить угрозу дипломатическими средствами:

²¹
В советской историографии развернутую критику концепции позднейшей редакции жития дал М. В. Левченко. Он разделял в этом вопросе точку зрения В. Г. Васильевского и тех, кто был близок к нему по своим выводам. М. В. Левченко также обратил внимание на то, что исторически достоверными персонажами жития являются и архиепископ Филарет, крестивший Бравлина, и христианский князь Юрий I архан. М. В. Левченко вскрыл идейно-теоретическую по-Доплеку скепсиса А. Грегуара — Ж. да Косты Луйе, стремив-

шихся подкрепить научно несостоятельные позиции норманистов и доказать невозможность дорюрикова восточнославянского государства. “Сообщение о том, что русские явились из Новгорода, а не из Киева,— писал М. В. Левченко,— является доказательством того, что рассказ о посмертном чуде сложился раньше, чем Киев сделался центром государства и исходным пунктом для военных экспедиций”²².

В советских обобщающих трудах 50—60-х годов набег руссов на Сурож датируется концом VIII или первой четвертью IX в.²³

Обратимся еще раз к данному источнику и оценим его с точки зрения дипломатической истории.

Житие сообщает, что, когда лицо Бравлина “обратился назад”, князь согласился выполнить все необходимые для выздоровления условия. Что же это были за условия? Во-первых, сказали ему, “сии възвратите все елико пограбихом священныя съсоуды и церковныя в Корсоуни и в Керчи и везде”; во-вторых, “выжнете рать изъ града сего, да не възметъ ничтоже рать и излезе из града”; в-третьих, “еси възьмь пленники моужи и жены и дети, повели възвратити вся”²⁴. Очевидно, автор жития отразил в этом отрывке следы каких-то конкретных устных переговоров, какого-то довольно узкого соглашения о мире, заключенного между захватившими город руссами и местными властями.

Можно ли назвать это соглашение мирным договором?

Думается, что употребление в данном случае этого понятия было бы преждевременным. Здесь можно говорить лишь о местном соглашении. К понятию “договор”, по нашему мнению, допустимо относить межгосударственные соглашения, как устные, так и письменные, обнимающие широкий круг проблем и посвященные мирному урегулированию отношений между двумя государствами на сравнительно долгий срок. Причем в исследуемом случае прослеживаются черты именно неразвитого соглашения, типичного “полевого мира”, последовавшего после кровопролитного сражения или опустошительного похода. Нет ни одной детали, которая указывала бы на дипломатическую практику X в. с ее письменными договорами и длительными посольскими переговорами по крупным межгосударственным проблемам, которые старались решить великие князья киевские. Зато многое из практики сурожских переговоров роднит их с “военной демократией”, с практикой аналогичных походов антов, аваров, хазар, про-тоболгар в период формирования их государств.

Мы не знаем, да, наверное, никогда и не узнаем, что произошло в Суроже в действительности, почему руссы вынуждены были пойти на переговоры. Житие объясняет это вмешательством святого, влиянием чудодейственных сил, но были, видимо, какие-то реальные причины, определившие начало переговоров и вызвавшие уступки руссов. Они вер-

нули все, что награбили, вывели рать из города, ничего не взяв с собой, и отпустили пленных. Перед нами характерные черты мирного соглашения времен не только “дорюриковой”, но и “додоговорной” Руси. Это было типичное соглашение с местными византийскими властями, которое было заключено, возможно, в трудных для руссов обстоятельствах. Важно отметить и факт участия в событиях архиепископа Филарета. В делах государственных, в том числе внешнеполитических, византийские церковные иерархии имели большое влияние. Филарет, как уже говорилось, крестил Бравлина. Не исключено, что он же участвовал в переговорах с руссами, настояв на вышеупомянутых условиях соглашения, где на первом месте стояло возвращение церковных ценностей.

Обращает на себя внимание условие о возвращении пленных — одно из древнейших в дипломатической практике всех народов, в том числе и актов.

В VII—X вв. обмен и выкуп пленными как одно из условий или единственное условие мирных соглашений неоднократно встречались в практике дипломатических отношений Византии с Персией, Арабским халифатом и арабскими эмиратами, Болгарией, уграми, с Русью. Так, в июне 628 г. император Ираклий заключил мир с только что взошедшим на престол персидским шахом Шероом. Освобождение персами пленными греков явилось одним из условий соглашения. На протяжении столетий серию соглашений, включавших условие об обмене пленными или их выкупе, заключила Византийская империя с Арабским халифатом. В 678 г. Константин IV установил мир с халифом Моавией, условием которого был выкуп византийцами пленными греков. В 781 г. обмен пленными входил в условия трехлетнего мира, заключенного Константином IV с халифом Гаруном аль-Рашидом. В 831 г. Михаил II предложил на пять лет перемирие халифу ал-Мансуру на следующих условиях: арабы отдадут грекам их пограничные города, возвратят пленными византийцев, прекратят военные действия, а в обмен получают 100 тыс. золотых монет. Спустя девять лет Феофил направил в Багдад посольство с предложением произвести обмен

25 плен-

ными

Эта практика продолжалась и в X в. В 924 г. император Роман I Лакапин послал в Багдад халифу Мухтадиру дорогие подарки в благодарность за прекращение арабами военных действий и согласие произвести обмен пленными. А в 938 г. он направил к багдадскому халифу посольство с предложениями мира и обмена пленными. В 987 г. Византия заключила на семь лет мир с фатимидскими арабами. Его условием была выдача греками всех пленными арабов

В IX в. условие об обмене пленными дважды входило в мирные межгосударственные договоры Византии с Болгарией. В 814 г. оно стало составной частью соглашения о 30-летнем мире, заключенного Львом V с болгарским ханом Омортагом, а в 893 г. явилось одним из условий мира, за-

ключенного между Львом VI и Симеоном. Первое же крупное столкновение империи с уграми в 934 г. закончилось тем, что византийское посольство обратилось к ним с просьбой приостановить военные действия и произвести обмен пленными²⁷. В X в. этот пункт включался в договоры Руси с греками.

В связи с нападением руссов на Сураж в истории древнерусской дипломатической практики появляется новый эпизод, которому впоследствии было суждено стать неотъемлемой частью нескольких дипломатических переговоров древней Руси с Византией. Речь идет о крещении Бравлина — факте, по-видимому, достоверном, поскольку он связан с историческим лицом — архиепископом Суражским Филаретом, причем эпизод о крещении знатного русса можно трактовать либо как определенную политическую уступку с его стороны, либо, напротив, как определенную привилегию, предоставленную ему побежденной стороной — греками. Так, руссы-победители приняли христианскую миссию, а возможно, частично и крестились после успешного похода на Константинополь в 860 г.; крещение Ольги в Византии рассматривалось русским летописцем как честь, оказанная княгине императором и патриархом. Владимир Святославич крестился после победоносного похода на Херсонес. В случае с Бравлиным можно предположить, что крещение русского князя было частью дипломатического соглашения между победителями — руссами и побежденными — греками. Возможно, что крещение Бравлина самим архиепископом рассматривалось как значительная политическая привилегия, вырванная у могущественной православной державы, ради которой можно было приостановить военные действия, вернуть церковную утварь, отпустить пленных. Думается, что нападение Руси на Сураж в конце VIII или в начале IX в., как и переговоры, проведенные там руссами, отражают тот этап в истории русской государственности, когда древние руссы, не создав еще сильного и единого государства, не осмеливались атаковать столицу Византии, а нападали лишь на ее окраины.

Другим свидетельством дипломатической практики руссов в первой половине IX в. является упоминание в “Житии св. Георгия Амастридского” о переговорах с греками во время нападения русской рати на главный город Пафлагонии — Амастриду.

По мнению В. Г. Васильевского, “Житие св. Георгия Амастридского” было создано до 842 г. Одним из основных аргументов в пользу этой датировки источника он считал отсутствие в нем упоминаний об иконах, что ясно указывает на “иконоборческий” период его появления, который, как известно, закончился со смертью императора “иконоборца” Феофила в 842 г. В. Г. Васильевский пришел к выводу, что житие принадлежит перу дьякона Игнатия, автора заметных церковных сочинений той поры. “Если мы будем относить

амастридский рассказ к первой половине IX в., — писал В. Г. Васильевский, — то отсюда будет следовать, что имя Руси уже в это время было не только известным, но и общераспространенным, по крайней мере на южном побережье Черного моря”. Точку зрения В. Г. Васильевского поддержал И. Шевченко, который привел дополнительные аргументы об авторстве Игнатия и указал на дату смерти Георгия — 825 г., что уточняет дату русского похода — между 825 и 842 г.²⁸ Исследование В. Г. Васильевского “Введение в житие св. Георгия Амастридского” нанесло серьезный удар по концепциям норманистов — А. А. Куника и его школы, которые приурочивали поход на Амастриду к 860 г., ко времени нападения “нор-манно-русского вождя” Аскольда на Константинополь, а также тех историков, которые относили поход к 941 г., ко времени нападения на Византию Игоря (Макарий, Д. И. Иловайский). Вслед за В. Г. Васильевским поход на Амастриду датировал до 843 г. Ф. И. Успенский. Этой же точки зрения придерживались Е. Е. Голубинский, В. С. Иконников, В. А. Пархоменко, В. И. Ламанский, Н.Полонская, М. Д. При-селков .

В зарубежной историографии при изучении нападения на Амастриду, как и в случае с оценкой сурожского похода, прослеживаются те же точки зрения — норманистов и анти-норманистов. А. Грегуар, Ж. да Коста Луйе, А. А. Васильев, И. Сорлен для доказательства недостоверности “Жития св. Георгия Амастридского” использовали аргументацию, выдвинутую в русской историографии XIX в. Исходя из чисто внешних совпадений общих характеристик похода Игоря 941 г. и нападения на Амастриду (территориальные рамки — от Пропонтиды до Амастриды, разграбление византийских владений, осквернение православных святынь, захват людей в плен и т. д.), они считали житие позднейшей переделкой, учитывающей военное предприятие Игоря. Правда, к уже знакомым аргументам норманистов А. А. Васильев добавил новый: определение в житии руссов как народа широко известного не соответствует реалиям IX в., что также указывает на более позднее происхождение памятника. И. Сорлен полагала, что нет никаких оснований говорить о русских походах на Византию в первой половине IX в., за исключением “двух неясных эпизодов, скорее всего относящихся к более поздним датам”. Промежуточную позицию в этом вопросе занимает Э. Арвейлер. Не отрицая историчности факта нападения руссов на Амастриду, она тем не менее считает, что описание в житии этого события, как и обращения руссов в христианство в Амастриде, навеяно русской атакой на Константинополь в 860 г. и христианизацией части Руси в 60-х годах IX в.³⁰

Иной точки зрения придерживался Г. Вернадский. Он полагал, что житие появилось вскоре после смерти святого, т. е. в начале IX в., а нападение руссов на Амастриду могло произойти в 820—842 гг., а точнее — в 840 г. Г. Вернадский

подробно разобрал один из аргументов А. Грегуара — Ж. да Косты Луйе о том, что территориальные рамки похода Игоря в 941 г. и русского нападения на Амастриду были идентичными. Они считали, что под Пропонтидой в житии имелось в виду Мраморное море, а это значило, что поход вдоль побережья начался там, где русских не было до 860 г., когда они во время атаки Константинополя дошли до Принцевых островов. Г. Вернадский вслед за В. Г. Васильевским считал, что под Пропонтидой в житии подразумевался район от устья Босфора в Черном море до выхода из Дарданелл в Эгейское море. Поход на Амастриду вовсе не угрожал Константинополю, как это могло бы быть, если бы руссы вошли в Пропонтиду. Кстати, согласно В. Г. Васильевскому, Игорь также не входил в Пропонтиду в 941 г.³¹, и в этом смысле аргумент А. Грегуара — Ж. да Косты Луйе повисает в воздухе. В 941 г., писал Г. Вернадский, русские приблизились к входу в Босфор, но не осмелились идти в глубь пролива, а двинулись вдоль побережья в сторону Пафлагонии. При этом он ссылаясь на понимание слова “Пропонтида” византийским историком XI в. Михаилом Аталиатом, включившим в свой труд описание нападения рати Владимира Яро-славича на Византию в 1043 г. Византийский автор отметил, что русские достигли Пропонтиды; а согласно и русским, и византийским источникам, войско Ярослава сына едва вошло в Босфор и так и не дошло до Мраморного моря. Что касается утверждений А. Грегуара, Ж. да Косты Луйе, А. А. Васильева о том, что Византия не знала Руси ранее 860 г., то Г. Вернадский советует им обратиться к истории русского посольства в Византию и Ингельгейм в 838— 839 гг., поскольку в это время Русь упоминается в Бертин-ской хронике под своим собственным именем³².

Построения А. Грегуара, Ж. да Косты Луйе, А. А. Васильева относительно хронологии и существования русского похода на Амастриду подверглись критике в советской историографии. Так, М. В. Левченко, подробно разбирая их вышеизложенные доводы, показал, что они не внесли в смысле аргументации ничего нового. По сравнению со своими западными предшественниками, пожалуй, лишь А. А. Васильев выдвинул новое положение. Он отметил, что в “Похвале” св. Иакинфу, составленной Никитой Пафлагонским после нападения руссов на Константинополь в 860 г., ничего не говорится об опустошениях, произведенных руссами в Амастриде, а город предстает перед читателями “Похвалы” как процветающий и богатый. М. В. Левченко считает, что спустя 20 лет после нападения его следы могли уже забыться, а город мог быть полностью восстановлен³³. К этому следует добавить, что в житии вообще не упоминается о разрушениях и опустошениях, совершаемых руссами в самой Амастриде, а лишь отмечается, что в этом городе закончился опустошительный поход и было достигнуто “некоторое мирение” с руссами.

Особо следует сказать о небольшой, но чрезвычайно интересной статье Е. Э. Липшиц, которая, анализируя и сопоставляя церковную византийскую литературу первой половины IX в., биографические данные и творчество ряда того времени, пришла к твердому выводу, что житие создано Игнатием ранее 1041 г. Эта точка зрения

й

ж

35

В “Житии св. Георгия Амастридского” за флером церковных сентенций прослеживается живая историческая ткань. Руссы, не осмелившись напасть на Константинополь, начали разорение византийских владений от Пропонтиды, т. е. от входа в Босфор на восток, и нанесли удар по Малоазиатскому побережью Черного моря. Здесь лежала богатая Пафлагония с главным городом края — Амастридой, куда приходили торговцы со всех концов тогдашнего света. Пышные постройки, богатые базары, прекрасная естественная гавань делали город притягательным для предприятий не только торговых, но и военных. Сюда-то и направилась русская рать. Уже в самом выборе пути сказывается и знание обстановки в крае, и знакомство с местными богатыми городками. В IX в. Русь определила два направления для своих военных походов на юг — Крым (Херсонес, Керчь, Сурож) и Малоазиатское побережье Черного моря. И едва ли не первым военным предприятием руссов был амастридский поход.

Одним из аргументов в пользу древности факта, изложенного в житии, является, на наш взгляд, характер достигнутого в Амастриде соглашения. Здесь, как и в Суроже, имел место неразвитый локальный мир.

Е. Е. Голубинский полагал, что в Амастриде был заключен “союз мира и дружбы”³⁶. Однако такой договор обычно заключался не в ходе локальных военных кампаний или пограничных инцидентов, а в результате крупных межгосударственных столкновений. Завершая, как правило, полосу военного противоборства, он устанавливал мирные или даже союзные отношения между государствами. Имеем ли мы дело именно с таким договором? По-видимому, нет, так как в житии четко прослеживаются следующие условия дипломатического соглашения: во-первых, освобождение пленных; во-вторых, “сохранение почтения к храмам”, т. е. прекращение разграбления православных церквей и монастырей; в-третьих, “вольность и свобода христианам” (вероятно, речь шла о прекращении режима насилий и оскорблений, который руссы установили на захваченной территории). В итоге переговоров “устраивается некоторое примирение и сделка их (.руссов.— А. С.) с христианами”: руссы прекращают оскорбление святынь и не трогают более “божественных сокровищ”. Таким образом, перед нами типичное, как и в случае с нападением на Сурож, “полевое” перемирие между вторгшейся во владения империи “варварской” ратью и Местными византийскими властями.

3 А. н. с”х,„„“

В житии заметны следы и самого хода переговоров: вождь руссов пригласил к себе одного из христиан, который и сформулировал условия мира. О том, что получили руссы взамен, ничего не известно, как не известно и то, куда они затем направили свой путь. Возможно, взаимные условия существовали, но житие объясняет покладистость “варваров” лишь вмешательством чудодейственных сил.

С точки зрения дипломатической практики, в определенной мере отражавшей уровень развития государственности древней Руси тех лет, амастридское примирение было типичным примером локального мира “военно-демократического” характера. Но амастридский поход в отличие от сурожского затронул области, расположенные неподалеку от Константинополя. Мир был заключен не в отдаленных крымских владениях, а на территории самой метрополии, в нескольких переходах от столицы. Поэтому прав был В. Г. Васильевский, когда утверждал, что нападение на Амастриду было своего рода “рекогносцировкой” перед большим общерусским походом на Константинополь”³⁸. Поход на Амастриду отразил более высокий уровень объединительных тенденций древнерусского общества и возросшие материальные возможности Руси, так как только значительному войску было под силу совершить такой рискованный и далекий поход.

Амастридский мир (“делка”, “примирение”) — фактически первый официально отмеченный в источнике договор Руси с греками.

О нападении Руси на Амастриду молчат и византийские хроники, и русские летописи, сведения которых пополнялись зачастую за счет греческих хронографов. Нам представляется, что причину этого умолчания правильно объяснил В. Г. Васильевский: “Нашествие на Амастриду и берега Паф-логонии могло быть местным и частным фактом, разбойничьим набегом, о котором жителям Константинополя не было необходимости много заботиться”³⁹. Действительно, русская гроза прошла стороной для столицы империи и вылилась в опустошительный, но “частный” набег на побережье. Амастридский поход не поколебал устоев Византийской империи, не повлиял решительным образом на ее внешнюю или внутреннюю политику. Он был обыденным событием для Византии и отразился, как и сурожский, в локальном памятнике агиографического характера.

Попытки некоторых ученых объединить оба похода в один, а также свести историю, описанную в “Житии св. Стефана Сурожского”, к простому повторению амастридской версии не увенчались успехом⁴⁰. Попутно заметим, что авторы не утруждали себя аргументами, отстаивая версию о единой реальной основе сведений обоих житий.

Нам представляется, что при анализе сведений обоих житий о нападениях руссов на владения империи следует фиксировать не только расхождения, но и общие черты. Приметы сходства, как это ни парадоксально, на наш взгляд,

ярче всего подчеркивают самостоятельный характер обоих походов. Они были направлены вдоль Черноморского побережья: один — вдоль Малоазиатского, другой — вдоль Крымского. Территориальные рамки походов четко очерчены: один — от Пропонтиды до Амастриды, другой — от Херсо-неса до Керчи. В обоих военных предприятиях руссы берут с бою провинциальные византийские города, не осмеливаясь нанести удар по столице империи. И в том и в другом случае объектом грабежа становятся городские храмы, куда стекались золотая и серебряная утварь, драгоценные камни и дорогие ткани и где стояли богато отделанные раки святых. Наконец, оба похода закончились мирными соглашениями, условия которых весьма схожи: прекращение военных действий, освобождение пленных, возвращение награбленного, “почтение к храмам”, вывод рати из города. Несмотря на некоторые различия в статьях, в этих соглашениях отразился весь комплекс тогдашних представлений о мирных договорах с противниками как руссов, так и греков.

Стремление объединить два похода в один предполагает отрицание повторяемости событий, отраженных в обоих житиях, многократности нападений руссов на византийские границы в VI—IX вв. и их явной целенаправленности на районы, близлежащие к Константинополю, Херсонес и Крымское побережье. Сколько раз еще русские дружины пройдут по этим знакомым дорогам в IX—XI вв.! Объединять оба похода — значит признать нападение руссов на храмы чуть ли не уникальным явлением, что совершенно неверно, так как захват каждого христианского города язычниками неминуемо заканчивался разграблением церковных ценностей. Наконец, такие кампании нередко завершались мирными соглашениями с жителями прибрежных городов, что также нашло отражение в обоих житиях.

Таким образом, перед нами не исключительные явления в истории VIII—IX вв., а характерный тогдашний стереотип, и в этом стереотипе свое прочное место находят начала дипломатических традиций руссов. Локальные мирные соглашения, обмен пленными как одно из первых известных Руси условий мира, крещение знатного русса видным византийским церковным иерархом как определенная политическая привилегия — вот тот путь, по которому шла дипломатическая практика руссов в те подернутые дымкой легенды времена. Что касается хронологии сурожского и амастридского походов, то ее, как мы видели, историки определяли по-разному: поход на Сурож — конец VIII — начало IX в.; поход на Амастриду — между 820 и 843 г., вторая четверть IX в., 840 г., между 825 и 842 г.

Представляется целесообразным в этой связи обратить внимание на факт постройки хазарами в устье Дона крепости Саркел в середине 30-х годов IX в. при участии византийских инженеров, а также на посольство Руси в Византию в "38—839 гг. На наш взгляд, правы те ученые, которые счи-

тают, что Саркел был построен не столько против угров и печенегов, сколько ввиду растущей опасности со стороны Руси⁴¹. Поэтому мысль, высказанная М. А. Алпатовым, будто русское посольство 838—839 г. явилось следствием возникновения общего фронта Византии, Хазарии и Руси против печенегов⁴², не кажется нам правомерной. Император Феофил дружески встречал в 838 г. в Константинополе своих недавних противников с целью заполучить их в союзники. С этой позиции, по нашему мнению, можно точнее определить хронологические рамки амастридского похода и переговоров: они произошли в промежутке между началом 30-х годов (незадолго до постройки Саркела) и 838—839 гг. (появление русского посольства в Византии и Ингельгейме). Постройку Саркела в таком случае можно расценить как реакцию союзников — Византии и Хазарского каганата на растущую русскую опасность.

2. РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ВИЗАНТИЮ И ФРАНКСКОЕ ГОСУДАРСТВО. 838—839 гг.

Следующей заметной вехой в развитии древнерусской дипломатии явилось русское посольство в 838—839 гг. в Константинополь к византийскому императору Феофилу (829—842 гг.) и в Ингельгейм — столицу Франкского государства — к Людовику Благочестивому (814—841 гг.). Сведения об этом содержатся в Вергинской хронике, принадлежащей перу епископа Пруденция. Общая канва событий такова. В 839 г. при дворе франкского императора Людовика Благочестивого появились послы византийского императора Феофила — епископ Феодосий Халкидонский и спафарий Феофан. Вместе с византийцами в Ингельгейм прибыли русские послы, возвращавшиеся на родину кружным путем из Константинополя. Византийские послы привезли Людовику подарки и личное послание императора Феофила, в котором тот предлагал подтвердить отношения “мира и любви” между двумя странами. 18 мая 839 г. византийское посольство было торжественно принято в Ингельгейме. Далее Пруденций сообщает: “Послал он (Феофил. — *А. С.*) с ними (послами.—*А. С.*) также неких людей, которые говорили, что их (народ. — *А. С.*) зовут рос (*Rhos*), и которых, как они говорили, царь их, по имени Хакан (*Chacanus*), отправил к нему (Феофилу.— *А. С.*) ради дружбы”. В упомянутом послании Феофил просил Людовика милостиво предоставить русским послам возможность вернуться на родину и дать им охрану, так как пути, какими они прибыли к нему в Константинополь, “шли среди варваров, весьма бесчеловечных и диких племен”, и он не желал бы вновь подвергать их опасности. Согласно сообщению Пруденция, Людовик Благочестивый расспросил послов о причинах их появления в земле франков и узнал, что

они являются “свеонами”. Послов заподозрили в шпионаже и задержали до выяснения истинных целей их прибытия в Ингельгейм, причем было отмечено, что “пришли они скорее шпионить, чем искать дружбы”. В ответном письме Феофилу Людовик сообщил, что, если послы окажутся невиновными, он либо отпустит их на родину, либо вернет обратно в Византию, чтобы Феофил поступил с ними по своему усмотрению¹. На этом информация Пруденция кончается. О дальнейшей судьбе русского посольства сведений нет.

В течение долгой историографической жизни этого сообщения его оценивали с разных точек зрения, и только один аспект — дипломатический, непосредственно связанный с самой сущностью события, не нашел до сих пор детального освещения ни в отечественной, ни в зарубежной литературе.

А. Л. Шлецер первым высказал мысль, которая определила позицию норманистов в трактовке данного конкретного исторического факта. “Люди, называемые в Германии шведами... — писал он, — в Константинополе называют себя русскими, — вот главное положение, выводимое нами из сего места”.

Титул “каган” Шлецер перевел как скандинавское имя собственное Хакан (Hakan). Наконец, он упорно отстаивал тезис о невысоком престиже русского посольства в Константинополе, так как оно представляло народ, для Византии неизвестный².

Вслед за Шлецером эту же точку зрения высказали Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев.

Норманистскую оценку русского посольства 839 г. разделял М. П. Погодин: “Норманцы, из племени Русь, пришли к Феофилу для заключения союза”. Ясно, писал он, что ““Rhos” — северное племя, и такому племени естественно искать дороги западной...”. Этой точки зрения придерживался В. Томсен. Ф. И. Успенский, решая проблему также в Духе норманизма, предложил несколько иной вариант. “Нельзя ли допустить, — писал он, — что в 838 г. часть варягов, вытесненная из Новгорода, при содействии царя Феофила пробилась к своим сородичам в Скандинавию, чтобы собрать новых охотников и сделать новую попытку утвердиться в России?” Версию о скандинавском происхождении посольства поддерживал М. Д. Приселков. Он полагал даже, что руссы — скандинавы — не смогли вернуться на родину именно из-за враждебного отношения к ним восточных славян. С. Ф. Платонов считал проблему противоречивой и практически неразрешимой. Историка смутило то обстоятельство, что послы, назвав себя шведами, представляли государство Русь, во главе которого стоял каган, что соответствовало тюркской владетельной терминологии⁴.

Точка зрения отечественных норманистов нашла отклик в работах зарубежных авторов. Еще в 1930 г. немецкий буржуазный историк Г. Лэр отрицал русский характер посоль-

ства, считая его хазарским лишь на основании титула “ха-кан”, упомянутого Пруденцием. А. А. Васильев в соответствии со своей концепцией “норманской Руси” считал членом посольства представителями “русско-варяжско-шведского государства на Днепре”. А. Стендер-Петерсен был убежден, что посольство 839 г. было “торгово-дипломатической делегацией шведского племени Руси”, которое, осев в славянских землях, направило свою миссию через Хазарию в Византию и Ингельгейм.

Английский историк П. Соьер в обобщающей работе “Эпоха викингов” писал, что появление на западе в 839 г. “шведов”, называемых “русью”, указывает на более раннюю стадию активности скандинавов в русских землях, чем записано в летописи, где под 852 г. отмечено, что “скандинавы” установили “свою власть” в Киеве⁵.

В последние годы историю посольства изучали Д. Оболенский и Э. Арвейлер. Д. Оболенский пришел к выводу, что, хотя греки знали Русь по нападению на Амастриду, в Византии и Ингельгейме побывала норманская то ли дипломатическая, то ли торговая миссия. Э. Арвейлер считает, что в 838 г. в Византии появилось хазарское посольство, в состав которого входили руссы из района Новгорода. Они не смогли вернуться на родину и “неожиданно открыли” для себя Константинополь. Для греков “их русское происхождение осталось незамеченным”, так как 20 лет спустя патриарх Фотий в своих проповедях по поводу нападения руссов на Константинополь в 860 г. утверждал, что их имя “было неизвестно в Византии”. “Только в 860 г., — пишет Э. Арвейлер, — византийцы начали знакомиться с руссами”⁶.

Особую позицию в вопросе о посольстве 839 г. занимали Е. Е. Голубинский и В. Г. Васильевский. Первый полагал, что посольство было отправлено в Византию не Киевской, а Тмутараканской, или Азово-Черноморской Русью, которая издревле поддерживала отношения с империей. Васильевский же считал послов представителями Поднепровской Руси, расположенной ближе к Черному морю и находившейся под властью хазар. Он допускал, что под каганом можно подразумевать как хазарского верховного правителя, так и русского князя, носившего этот хазарский титул⁷.

Однако наряду с формированием норманистских взглядов на посольство 838—839 гг. складывалась и иная точка зрения, согласно которой Пруденций упомянул представителей Киевской Руси, Руси славянской, нарождающегося древнерусского государства. Еще Г. Эверс, полемизируя с А. Л. Шлецером, заметил, что ни один шведский правитель не называл себя каганом и франки прекрасно знали шведов под их собственным именем задолго до появления в Ингельгейме русского посольства (в 829 г. шведское посольство просило того же Людовика Благочестивого способствовать в распространении среди шведов христианства). И в шпионаже руссов заподозрили лишь потому, что они назвались

“свеонами”, так как за два года до этого скандинавы совершили устрашающий набег на владения франков⁸.

Ряд русских историков XIX—XX вв. как в специальных исследованиях, так и в общих трудах выступили против отождествления “хакана”, упомянутого Пруденцием, с неким скандинавским Гаконом. К. Н. Бестужев-Рюмин, Д. И. Иловайский, В. С. Иконников, Д. И. Багaley, В. И. Ламанский утверждали, что славяне позаимствовали титул “каган” от хазар, которые властвовали над Поднепровьем в VII—VIII вв. Они усматривали следы хазарского влияния в употреблении титула “каган” первым русским митрополитом Иларионом в “Слове о законе и благодати” и “Похвале” князю Владимиру. Идею о киевском, славянском представительстве посольства 839 г. защищал С. А. Гедеонов. Он отрицал так называемую шведскую Русь и говорил о трех-четырех норманнах, “случайно попавших в Киев в 839 г.”. Гедеонов считал совершенно невероятным, чтобы в Византии не угадали шведского имени Гако́н под тюркским титулом “каган” и чтобы шведы называли себя не по имени народа, их посланного (Русь), а в соответствии со своим дружинным именем (Rods). Гедеонов обратил внимание и на то, что ни шведы, ни датчане в политических взаимоотношениях не употребляли свои дружинные имена, а сохраняли этнические. Пруденций же узнал о названии народа, чьи интересы представляли послы, от византийских дипломатов, для которых слово “Русь” издавна было собирательным и означало поднепровские и северо-восточные славянские племена. Гедеонов, отмечая употребление титула “каган” в Киевской Руси XI в., указал, что император Феофил назвал каганом правителя Руси со слов русских послов⁹.

Дискуссия среди отечественных историков оказала влияние и на зарубежную буржуазную историографию. Некоторые из ее представителей активно выступили в защиту тезиса о славянском происхождении государства, посланного в 838 г. “шведов” в Константинополь. И. Свеньицкий утверждал, что Вертинская хроника сообщает о “русской миссии” при византийском дворе, и считал ее началом отсчета дипломатических отношений Киевской Руси и Византии. Наиболее аргументированно отстаивал этот тезис А. В. Рязановский¹⁰. Он подчеркивал, что русские норманисты подменяли суть вопроса поверхностным его рассмотрением, так как старались установить национальную принадлежность послов (кто они — шведы, готы, славяне, хазары), а не посланного их государства, правителя. По его мнению, титул “каган” был распространен среди хазар, дунайских болгар, аваров и других восточноевропейских народов. Рязановский приводит отрывок из письма от 871 г. византийского императора Василия I Македонянина императору Людовику II, из которого следует, что титул “каган” не был известен норманнам, но использовался аварами и болгарами. На основе анализа “Слова” Илариона он пришел к выводу, что “каган россов,

который направил посольство... в Константинополь, был в действительности князем киевским". Причерноморско-русской или русско-хазарской миссии было незачем возвращаться по кружным путем, так как Причерноморье находилось под контролем дружественных Византии хазар. Если же принять версию о киевском происхождении миссии, то обратный путь посольства из Ингельгейма оправдан, поскольку он пролегал по старинной торговой дороге через Ингельгейм — Краков — Киев¹². Г. Вернадский, который кое в чем, как заметил И. П. Шаскольский, отступал от "традиционных норманист-ских концепций", писал, что посольство 839 г. было не норманским, а русским и ходило оно в Константинополь для заключения соглашения между Русью и Византией¹³.

С принципиально иных позиций повели разработку проблемы советские и зарубежные историки-марксисты. Вопрос о возникновении государства на Руси стал решаться в плане изучения надстроечных явлений, в тесной связи с уровнем социально-экономического и культурного развития русских земель. В работах Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, В. Т. Пашуто и других убедительно показано, что в IX в. древняя Русь осуществляла переход от первобытнообщинного строя к феодальному, что в русских землях шел процесс классового образования, становления государственности, формирования феодальной внешней политики, закладывались основы древнерусской культуры¹⁴. Высокий уровень политического развития русских земель в IX—X вв. выявил В. Т. Пашуто. Он убедительно доказал, что применительно к этому времени следует говорить не о русских племенах, а о конфедерации или федерации племен, об отдельных русских княжествах — полян, древлян, дреговичей, полочан, словен. "Вся структура тогдашней Руси оказывается не этнографической, племенной, а политической... — пишет В. Т. Пашуто. — Славянская конфедерация пришла в соприкосновение с северными странами, столкнувшись с норманскими "находниками" и наемниками"¹⁵. По его мнению, уже в самых ранних источниках русские княжества "выступают внутри страны и во внешних сношениях как политические организации, по преимуществу имеющие территориальные и социальные (князь, знать, народ) членения"¹⁶.

Значительный вклад в разработку проблемы внес польский историк Г. Ловмянский, который, опираясь на широкий круг археологических, этимологических, этнографических и письменных источников, показал сходство процессов классового образования и развития государственности в славянских странах в I-м тысячелетии н. э., в том числе в древней Руси¹⁷.

В тесной связи с изучением социально-экономического, политического и культурного развития русских земель в IX—X вв. решают историки-марксисты и норманский вопрос. Не отрицая роли чужеземного элемента в формировании государства на Руси, они подчеркивают, что варяги были по

существо не внешним импульсом становления древнерусской государственности, а одним из ее внутренних факторов. Г. Ловмянский — автор специальной работы о роли варягов в становлении славянской государственности — писал: “Не Киев обязан норманнам началом своей государственной организации, а норманны благодаря развитию государственного устройства на Руси, и особенно на Среднем Днепре, нашли условия для участия в этом процессе главным образом в качестве купцов и наемных воинов”¹⁸.

Эту же точку зрения высказал И. П. Шаскольский, критикуя взгляды буржуазных норманистов А. Стендер-Петер-сена, Г. Пашкевича и других о решающем значении варягов в образовании древнерусского государства. “Норманны, — писал И. П. Шаскольский, — лишь включались в грандиозный процесс формирования классовых обществ и государства на огромной территории от Приладожья до низовьев Днепра”. На Копенгагенском симпозиуме по истории викингов в 1968 г. Д. С. Лихачев, рассматривая вопрос о “призвании” варягов, также отметил, что помимо “династии Рюрика имелись другие княжеские династии на Руси, как скандинавского, так и местного происхождения”¹⁹. На сессии по истории норманнов в Сполето (1968 г.) М. Хеллманн говорил, что “образование средневековой России рисуется как продолжительный и сложный процесс. Туземные и внешние факторы играли при этом свою роль, не во все времена одинаково интенсивную, но они все содействовали тому, чтобы Киевское государство в течение полутора веков выросло в значительную политическую силу”²⁰. Единственное, что вызывает здесь возражение, так это мотив равнозначности “туземных и иноземных” элементов в формировании древнерусской государственности, который противоречит фактам и основанной на них концепции советской исторической школы о преимущественном значении славянских элементов и о второстепенной роли чужеземных в генезисе государства на Руси.

С этих методологических позиций и следует оценивать факт появления “свеонов” в составе русского посольства в Византии и Ингельгейме.

Вместе с тем и в советской историографии правильные в принципе определения этого посольства как миссии славянского древнерусского государства не нашли до сих пор исследовательского подтверждения. Так, М. В. Левченко по существу не внес в аргументацию ничего нового. М. И. Артамонов отмечал, что о принадлежности посольства к Киевской Руси “свидетельствует и титул главы этой Руси — каган, который невероятен для северных славян, но вполне понятен для славян среднеднепровских, находившихся под властью хазар. Принятием этого титула киевский князь заявил о своей независимости от хазар”. В коллективной монографии “Древнерусское государство и его международное значение” также подчеркивалось, что древнерусское государ-

ство “стало освобождать тяготевшие к нему славянские земли от чужеземной власти каганата, а затем подчинило и его, узурпировав (как это делали позднее московские цари) титул кагана”. Анализируя упоминания титула “хакан русов” в сочинениях Ибн-Русте и ал-Мукаддаси, А. П. Новосельцев отметил, что время, к которому относят руссов и их хакана восточные авторы и епископ Пруденций, “приблизительно совпадает”, что говорит о принятии главой руссов титула “хакан”, “дабы подчеркнуть свое могущество”. Г. Г. Литаврин рассматривает посольство как начало непосредственных контактов Руси с Константинополем и попытку установить регулярные отношения между древней Русью и Византией. В. Т. Пашуто характеризует посольство как русскую славянскую дипломатическую миссию, которая подтверждает существование мирных связей между Русью и Византией²¹.

Данный взгляд на историю посольства нашел отражение и в общих трудах²².

Рассмотрим историю посольства с точки зрения дипломатической практики первой трети IX в.

Несколько слов о хронологии посольства. В Ингельгейме византийское посольство, с которым появились во франкской столице русские послы, было принято в мае 839 г. Прибыло оно туда, конечно, раньше, так как, согласно дипломатической практике раннего средневековья, прием послов осуществлялся не сразу по их прибытии в страну, а после их устроения, предварительного обмена мнениями относительно церемониала приема и т. п. Вероятно, оба посольства, проделав долгий путь от Константинополя до Ингельгейма, появились здесь ранней весной. А это значит, что русское посольство зимовало в византийской столице. Следовательно, русские послы появились в Константинополе не позднее осени 838 г. — конца навигации, ибо только водным путем посольство и могло туда попасть. Уже само длительное пребывание русских послов в Византии указывает на их определенный статус: руссы были не случайно забредшими странниками, а политической миссией, причем сроки ее пребывания в столице империи типичны для тогдашней дипломатической практики.

Каковы исторические условия появления русского посольства в Византии? Это было время, когда император Феофил вел отчаянную борьбу с Арабским халифатом и обратился за помощью к странам Европы, впервые выдвинув идею крестового похода против мусульманского мира. В 837—838 гг. византийское войско потерпело ряд поражений в Малой Азии, и возникла угроза арабского удара непосредственно по Константинополю. Непокойно было и на севере. Хазары обратились к Византии с просьбой построить на Дону военную крепость (будущий Саркел), чтобы воспрепятствовать продвижению новых кочевых орд — угров или оттеснивших их печенегов²⁴, а возможно, опасаясь давления со стороны

Поднепровской Руси, которая своими морскими и сухопутными набегами в конце VIII—первой трети IX в. беспощадно граничила с Византией, и Хазарией. М. И. Артамонов считал, что одного нападения новгородской рати на Сураж было достаточно, чтобы вызвать страх в Хазарии и ускорить договоренность империи и Хазарского каганата о постройке крепости. Вскоре на Дон прибыли греческие строители во главе со спафарокандидатом Петроной. Об этом подробно рассказал в X в. в своем труде «Об управлении государством» Константин VII Багрянородный. Саркел был выстроен не на речной, а на сухопутной дороге, при переправе через Дон, и должен был прикрыть Хазарию (и крымские владения Византийке запада и северо-запада. Но попытка византийцев использовать постройку Саркела для усиления своего влияния в этом районе путем насаждения христианства встретила сопротивление хазар. Византийцы пошли на создание в Крыму самостоятельной фемы (византийской территориально-административной единицы) во главе с тем же Петроной, получившим ранг протоспафария²⁶.

Таким образом, русское посольство появляется в Византии именно в тот момент, когда в Причерноморье завязывается сложный международный узел. Византия стремится в этих условиях сохранить и упрочить свое влияние на северных берегах Черного моря и одновременно заручиться поддержкой западных соседей в борьбе с арабами. Именно к этому времени относятся ее посольства в Венецию, Испанию²⁷, к франкам. Поэтому все версии о случайном характере русского посольства представляются нам неоправданными. Славянское посольство в Византию в первой трети IX в. не представляло собой события из ряда вон выходящего: вся практика политических взаимоотношений антов, древних славян со своими соседями показывает, что они хорошо знали посольскую дорогу в Константинополь.

Знаменательно, что русские послы появились в Ингель-гейме вместе с официальным посольством императора Феофила, которое преследовало весьма ответственную цель — подтвердить с франками «мир и любовь» перед лицом растущей арабской опасности. Практика подобных сопровождений типична как для древнего мира, так и для средневековья. В дальнейшем эта традиция получила развитие и на Руси. Обычно в обязанности сопровождающего посольства входили охрана в пути иноземных послов, наблюдение за ними, помощь в обеспечении их средствами передвижения, питанием, а также в проведении нового тура переговоров в столице иноземного государства. В тех случаях, когда речь шла о выработке общих решений (например, в трех столицах — Вене, Кракове и Москве), вместе путешествовали не два, а даже три посольства или легкие гонецкие миссии. В этом смысле путешествие русского посольства не только подтверждает традиционную для взаимоотношений с дружественным государством практику, но и указывает на общность вопро-

сов, которые могли обсуждаться с руссами в Византии и с франками (в присутствии руссов) в Ингельгейме.

Важно отметить и тот факт, что Феофил лично информировал Людовика Благочестивого о русском посольстве, просил оказать ему содействие в возвращении на родину и предоставить охрану, что также свидетельствует об определенном политическом статусе славянских послов. В Византии, согласно сообщению Константина Багрянородного, вообще очень ревностно соблюдалась бюрократическая регламентация приемов и проводов послов в соответствии с международным престижем их страны или ее ролью в текущей политике²⁸. Все это, на наш взгляд, позволяет сделать вывод, что ни небольшие готско-норманские очаги в Крыму, ни случайные скандинавские отряды не имеют к этому посольству никакого отношения. Обстановка диктовала серьезные переговоры с возможным сильным союзником. Отсюда и соответствующий статус посольства при византийском дворе.

Представляются убедительными и доводы тех историков, которые обращали внимание на нелогичность характеристики посольства как хазарского или азово-черноморского, так как в этом случае возвращение по землям дружественных хазар не представляло бы для него большой трудности. Другое дело — традиционный путь в низовьях Днепра, который был перехвачен уграми и печенегами. Это обстоятельство могло нарушить первоначальные планы послов.

Главный аргумент против характеристики посольства 839 г. как миссии Киевской Руси заключается в самом факте упоминания о послах как о “свеонах”. Действительно, исследование, произведенное в Ингельгейме, заставило послов, отрекомендовавшихся от имени Руси, признать себя “свеона-ми”. Поэтому, по мнению целой группы историков, “шведов” следует отождествить с Русью. Но согласиться с этим — значит принять чисто формальный момент за существо дела. То, что послы были “свеонами”, не имеет никакого отношения к характеристике посланного их государства. Как княжения IX—X вв. уже носили в основном не этнический, а политический характер, так и представительство этих княжений или их федерации имело не этническое, а политическое, государственное значение. Более того, вновь организующееся государство, мало знакомое с дипломатической практикой решения международных вопросов, не располагавшее людьми, подготовленными для этой цели (знание дипломатических обычаев, иноземных языков), могло воспользоваться услугами опытных и бывалых варягов. В те далекие времена не национальная принадлежность дипломатов, а знание ими своего дела, служебная преданность тому или иному престолу определяли состав миссии.

Членами посольства являлись варяги — постоянные участники и смелых набегов, и пограничных переговоров, и дружинной службы при восточнославянских князьях, а также при константинопольском дворе.

Служебную функцию “свеонов” в составе русского посольства отметил еще К. Н. Бестужев-Рюмин. М. В. Левченко полагал, что “шведов русский князь послал потому, что они состояли при нем дружинниками и были известны как люди опытные в дипломатических переговорах”. И. П. Шас-кольский и В. Т. Пашуто также писали о них как о “норманнах”, служивших Руси. А. В. Рязановский отметил, что в русской истории варяги неоднократно выступали в составе посольств “от рода русского”, и в частности в период переговоров послов Олега и Византии в 907 г., а также русского посольства в Константинополь в 911 г. Послы 839 г. были русскими, так как представляли древнерусское государство, киевского кагана-князя, хотя по национальной принадлежности являлись “шведами”. Г. Ловмянский высказал мысль о том, что на различных этапах истории древней Руси варяги выполняли разные функции. До третьей четверти IX в. они выступали прежде всего как купцы “ввиду присущей им ловкости в торговых делах, знания чужих стран, которое облегчало им также функции дипломатические”. Русь использовала в своих целях их навыки в военном деле, мореплавании. А с последней четверти X в. торгово-дипломатическая роль варягов падает, зато возрастают их функции “военно-наемные”. Б. Дельмэр также полагал, что “свеоны” были скандинавами на службе у русского князя ^{он} .

По-видимому, сам факт представительства варягов в русском посольстве указывает на устойчивую дипломатическую традицию, существовавшую, возможно, до конца X в., когда Русь в Византии — а может быть, и в других странах—пользовалась их услугами при ведении дипломатических переговоров. Привлечение варягов на службу в Киеве было вызвано потребностями внутреннего развития страны, складыванием древнерусского государства, совершенствованием его внешнеполитических функций. Этим же потребностям служило так называемое призвание князя ³⁰ .

Закономерен вопрос о целях русского посольства, прибывшего в Константинополь. Ряд историков считают, что оно добивалось заключения союзного договора ³¹ . Высказывались и более осторожные оценки: о “сношениях” Руси и Византии писал Д. И. Багалея, о начале установления “регулярных отношений” с империей говорит Г. Г. Литаврин, в установлении “мирных связей между Русью и Византией” видит цель посольства В. Т. Пашуто ³² .

В связи с этими разными оценками следует обратить внимание еще на один аспект истории посольства, не отмеченный исследователями. Из сообщения Пруденция следует, что франки заподозрили послов в шпионаже. История древнего мира и средних веков знает немало примеров выполнения посольскими и торговыми миссиями разведывательных функций ³³ . Очевидна ординарность самого обвинения. По-

сольство, появившееся в Ингельгейме под сомнительным предлогом невозможности возвратиться на родину из-за “бесчеловечных и диких племен”, перекрывших все пути, неясная национальная принадлежность русских посланцев не могли не вызвать подозрения у франков.

На наш взгляд, историки слишком серьезно воспринимают версию Феофила о том, что послы были лишены возможности вернуться восвояси традиционным путем. К. Эрикссон даже высказал предположение, что послами были русские христиане, которые опасались нападения со стороны своих соплеменников — язычников³⁴. Думается, что франки реально оценили затруднения послов и верно определили функции попавшего к ним русского посольства.

У Пруденция сказано, что русский хакан отправил послов к Феофилу “ради дружбы” (*amicitiae causa*). Согласно международным понятиям того времени, эта формулировка не подразумевала конкретного политического союза, военного соглашения или установления устойчивых отношений “мира и любви”. Кстати, именно о такого рода отношениях можно говорить в связи с посольством в Ингельгейм епископа Феодосия Халкидонского и спафария Феофана. Посольство руссов, по нашему мнению, выполняло более ограниченную задачу — войти в дружеские, мирные отношения с Византийской империей, что, возможно, было связано с недавним нападением руссов на малоазиатские владения Византии и город Амастриду.

Такое посольство могло выполнять и наблюдательные функции. По-видимому, пребывание русского посольства в землях франков (вынужденное или целенаправленное) также проходило под знаком установления Русью отношений “дружбы” с франкским двором. Не исключено, что целью посольства являлся сбор определенной информации для правильной политической ориентации Руси, искавшей внешнеполитических контактов.

В Византии посольство встретили доброжелательно, так как установление дружественных отношений с Русью соответствовало целям империи. Отсюда и помощь в осуществлении дальнейших задач русской миссии — установлении контактов с франками. Появление русского посольства в Константинополе можно рассматривать и как начало конца той полосы изоляции, в которой оказались восточнославянские племена после нападения аваров, а позднее в связи с зависимостью от хазар. Посылка в Византию первого русского посольства и его появление в землях франков знаменует собой новый этап в становлении древнерусской государственности.

Глава вторая
поход
НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ
в 860 г. И
„ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ
ПРИЗНАНИЕ”
ДРЕВНЕЙ РУСИ

1. НАПАДЕНИЕ РУСИ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПЕРЕМИРИЯ

В 860 г. в Восточной Европе произошло событие, взбудоражившее современников от Константинополя до Рима и оставившее заметный след в византийских хрониках, церковных источниках, правительственной переписке. Позднее оно отразилось и в “Повести временных лет”.

Ранним утром 18 июня 860 г. Константинополь неожиданно подвергся яростной атаке русского войска. Руссы подошли со стороны моря, высадились у самых стен византийской столицы и осадили город.

Не раз и не два до этого на протяжении VIII—IX вв. руссы наносили удары по владениям империи. Но их нападения на византийские владения, переговоры в Крыму и в Пафлагонии, посольство 838—839 гг. не привели к решению принципиальных вопросов взаимоотношений между двумя государствами. Мощная Византийская империя, являвшаяся для причерноморского и восточноевропейского “варварского” мира своего рода государственным образцом, законодательницей “политических мод”, не признавала складывающееся древнерусское государство, которое только-только выходило из своего племенного бытия на государственную дорогу и поступь которого была еще слабо слышна большому европейскому миру. Факт нападения русского войска на Константинополь в 860 г. значительно изменил характер взаимоотношений между Византией и Русью.

Прежде всего обращает на себя внимание тот резонанс, который имело это нападение. Еще в XI в. автор “Повести временных лет” отметил этот факт как явление экстраординарное в русской истории. Под 852 г. читаем: “Наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо уведехомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется в летописаньи гречьстемь. Тем же отселе почнем и числа положимъ...” Не вдаваясь в существо спора о том, верно или неверно отразил русский летописец дату начала царствования византийского императора Михаила III¹, обратим внимание на то, что именно в период его царствования в греческом летописании, оповестившем мир о нападении Руси на Царьград, русская земля стала называться русской землей.

Это необычное отношение летописца к факту нападения Руси на Константинополь давно заметили отечественные историки. Об этом писали М. В. Ломоносов, И. Н. Болтин, Д. И. Иловайский, С. А. Гедеонов, М. Д. Приселков, Ф. И. Успенский².

Советские ученые М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, М. В. Левченко, В. Т. Пашуто, анализируя данные визан-

тийских хроник, церковных источников, “Повести временных лет”, подчеркнули, что поход отразил более высокую степень объединительных тенденций среди славянских племен, иную, чем прежде, степень их социально-экономического и политического развития, результатом чего и явился выход древнерусского государства на европейскую арену. М. Н. Тихомиров именно с походом 860 г. связал “начало русской земли”. Б. А. Рыбаков также считает, что летопись признала 860 г. “началом русской земли” потому, что это был год “победоносного вторжения огромной русской эскадры в Константинопольский залив... Михаил был тем могущественным противником, с которым вступила в бой Киевская Русь... Теперь история Руси тесно сплелась с историей Византии, Болгарии”. М. В. Левченко отмечал, что поход 860 г. показал возросшую силу славянских племен, осуществивших частичное объединение, и заставил Византию считаться с Русью как с самостоятельной политической силой. В. Т. Пашуто подчеркивает, что Русь показала себя более объединенной и крепнувшей, что поход вызвал усиление дипломатической активности Византии в Хазарии. В западной историографии поход 860 г. как поворотный пункт в русско-византийских отношениях рассматривался А. Власто³.

Таким образом, как отечественные, так и некоторые зарубежные историки, несмотря на различные методологические принципы подхода к изучению политической истории древней Руси, отметили конкретно-исторический факт нападения русских войск на Константинополь в качестве важного события не только русской, но и европейской истории.

Но что же так поразило византийцев? Почему донесли они известие о нападении руссов на столицу империи до далеких келий Печерского монастыря? И кто из византийцев писал о русском нашествии так, что сведения эти прожили долгую и добротную историографическую жизнь?

Первыми на событие откликнулись византийские современники. Сведения о нападении руссов на Константинополь содержатся в двух проповедях патриарха Фотия, видного византийского церковного и государственного деятеля той поры, непосредственного участника событий, и в его “Окружном послании” восточным митрополитам в 867 г.⁴

Другой греческий современник — Никита Пафлагонский, биограф смещенного Михаилом III патриарха Игнатия, в “Жизни святого Игнатия-патриарха”, написанной вскоре после его смерти (877 г.), скупно, но выразительно развертывает перед читателем конкретную картину нашествия⁵. Таким образом, нападение отразилось в масштабных, хорошо известных в Византии сочинениях, затрагивающих принципиальные внутри- и внешнеполитические вопросы и вышедших из-под пера видных деятелей империи.

В те же годы был создан еще один церковно-литературный памятник, сюжет которого непосредственно навеян собы-

тиями нашествия, — “Слово на положение ризы богородицы во Влахернах”. “Слово” вышло в свет в 1648 г, в Париже и оказалось забытым до 1895 г., когда Х. М. Лопарев опубликовал его в русском переводе. Он полагал, что “Слово” было написано по горячим следам событий и по заказу патриарха Фотия хартофилаксом собора св. Софии в Константинополе неким Георгием, известным в то время церковным автором. Х. М. Лопарев считал этот памятник прекрасным источником по истории русского похода 860 г. “Слово” повествует о том, как перед лицом грозного нашествия, когда храм Богородицы во Влахернах (район Константинополя, выходящий непосредственно к бухте Золотой Рог и окруженный лишь одной линией стен) подвергся прямой опасности захвата, возникла мысль о перенесении золотого и серебряного наряда храмовой раки, где хранилась так называемая риза богородицы, а также самой ризы в более безопасное место, что и было сделано. В “Слове” рассказывается о ходе нападения, о молитвах, в которых приняли участие император и патриарх, о требованиях вождя нападавших встретиться с императором и утвердить с ним мирный договор и т. п.⁶

Четвертое современное известие, отразившее факт нападения, принадлежит римскому папе Николаю I, который коснулся этого сюжета в своем письме византийскому императору Михаилу III от 28 сентября 865 г.⁷ Папа Николай I осенью 860 г. послал своих легатов в Константинополь на собор, посвященный делу низложенного патриарха Игнатия, и, видимо, от них получил информацию о нападении руссов на византийскую столицу⁸. В письме папа упрекал Михаила III за то, что враги ушли неотомщенными, хотя и натворили много всяких бед: убивали людей, пожгли церкви и дошли до самых стен города⁹.

От X в. дошло два оригинальных известия о нападении руссов. Одно принадлежит перу так называемого продолжателя хроники Феофана, другое — Симеону Логофету.

В труде продолжателя Феофана присутствуют два свидетельства о нападении руссов на Константинополь. В одной из частей приводится рассказ о нападении в период царствования Михаила III, в то время как сам император участвовал в походе против арабов. Тогда руссы “возвратились к себе”, как только патриарх Фотий умилоствовал бога, а некоторое время спустя в Константинополь явилось посольство руссов с просьбой о крещении Руси, что и было осуществлено¹⁰. Во втором отрывке более обстоятельно описан сюжет крещения “.

Другим оригинальным источником, содержащим сведения о нападении Руси на Константинополь при Михаиле III, является так называемая хроника Симеона Логофета, автора первой половины X в., творившего во времена византийского императора Романа I Лакапина. Симеон Логофет, так же как и продолжатель Феофана, рассказывает об ужасах русского

нашествия, приводит количество русских судов, подошедших к городу (200), описывает возвращение Михаила III из похода в Малую Азию и его моления вместе с Фотием в храме Богородицы во Влахернах, а далее сообщает, что благодаря заступничеству божественных сил на море разыгралась буря, которая опрокинула русский флот. Причем в древнерусском переводе этой хроники отмечено, что Русь “малем избего-шимъ от беды”¹². Этих последних сведений нет ни у Фотия, ни у продолжателя Феофана.

Факт русского нашествия нашел отражение во многих известных византийских хрониках XI—XII вв.— Иоанна

Скилицы, Иоанна Зонары, Михаила Глики,
¹³ Льва Грамма-

тика

В XI в. капеллан венецианского дожа Иоанн Дьякон сообщил, что при Михаиле III на Константинополь напали норманны на 360 судах, которые повоевали окрестности города, беспощадно поубивали “множество людей” и с триумфом возвратились домой¹⁴. Сторонники норманской теории¹⁵, естественно, рассматривали это сообщение как свидетельство, подтверждавшее норманский характер древнерусского государства и варяжский характер нашествия. Но существует и иная точка зрения: историки отмечали, что под норманнами Иоанн Дьякон мог иметь в виду просто северных жителей, каковыми и являлись руссы¹⁶.

В XII в. версию о чудесном спасении Константинополя от врагов при Михаиле III повторил в письме к византийскому патриарху Иоанну император Алексей II Комнин¹⁷. В XIII в. о фактах нападения руссов на столицу империи в 860 г. упоминал император Феодор Ласкарис¹⁸.

В 1894 г. профессор Гентского университета Франц Кю-мон издал хранившуюся в Брюссельской библиотеке византийскую рукопись, которая включала ряд сочинений XI—XIII вв., в том числе и так называемую Хронику Манасии. Хроника состояла из перечня римских и византийских императоров и краткого комментария событий, при них происходивших. После имени византийского императора Михаила III следовало сообщение о том, что в период его правления, 18 июня 860 г., произошло нашествие Руси на Византию¹⁹.

Таким образом, нападение Руси на Константинополь в 860 г. на протяжении почти пяти веков неизменно становилось сюжетом греческих хроник, переписки, религиозных песнопений, благодарственных слов, проповедей, официальных циркуляров, речей. Думается, что не все сведения о нашествии дошли до современников, но и те, что стали достоянием истории, несомненно, свидетельствуют о том, что поход 860 г. не был для Византии ординарным пограничным конфликтом с одним из “варварских” племен, а вылился в противоборство с опасным и сильным противником, стал из ряда вон выходящим событием, может быть столь же прогремевшим на весь тогдашний европейский и ближневосточный мир, как и предыдущие нападения на Византию персов, аваров,

арабов. Во всяком случае, значительность информации византийских источников не оставляет на этот счет сомнений.

Чем же поразило это нападение воображение греков? Почему оставило оно столь яркий и долгий след в византийской литературе? Почему вызвало такой горделивый восторг русского летописца? Ответы на эти вопросы следует искать в самой истории похода, в его масштабах, международном значении, последствиях, одним из которых явилось заключение между Византией и Русью первого известного нам межгосударственного соглашения. Характер этого соглашения, ход его заключения, на наш взгляд, также невозможно понять без анализа военной обстановки, его породившей.

Прежде всего следует отметить, что нападение руссов на Константинополь пришлось на время весьма трудное для Византийской империи, когда арабы теснили ее и с Запада, и с Востока.

Незадолго перед русским нашествием, весной 860 г., император Михаил III увел из Константинополя в Малую Азию 40-тысячное войско навстречу врагу. В это же время греческий флот ушел к Криту на борьбу с пиратами²⁰. Столица фактически оказалась беззащитной: в городе не было ни достаточных для обороны войск, ни флота, который мог бы воспрепятствовать высадке неприятельского десанта с моря. Оставшиеся во главе города адмирал флота патрикий Никита Орифа, видный военачальник и государственный деятель, принимавший активное участие в войнах с арабами²¹, и патриарх Фотий в случае вражеского нашествия могли надеяться лишь на мощь константинопольских стен.

Именно этот момент и выбрали руссы для нападения. Византийские источники единодушно отмечают неожиданность атаки и потому ее особенно впечатляющую силу. “Где теперь царь христоролюбивый? Где воинство? Где оружие, машины, военные советы и припасы? Не других ли варваров нашествие удалило и привлекло к себе все это?” — вопрошал Фотий в своей первой проповеди “На нашествие россос”, в то время как неприятель подступал к городу. Он откровенно говорил о полной неготовности греков к отражению нашествия: “Мы услышали весть о них или, точнее, увидели грозный вид их”, т. е. первой вестью о руссах явилось само их появление. “Неожиданное нашествие варваров,— продолжал Фотий,— не дало времени молве возвестить о нем, дабы можно было придумать что-нибудь для безопасности”. А во второй проповеди, произнесенной перед паствой в храме св. Софии уже после прекращения осады, он говорил о “нечаянности нашествия” и “необычайной быстроте его”

“Ни на какое приготовление не надеялись”, — отмечается и в “Слове” Георгия Хартофилакса. Согласно хронике продолжателя Георгия Амартола, греки узнали о нашествии лишь тогда, когда руссы были уже у Мавропотама, близ Константинополя. Ни у царя, ушедшего с войском в Каппа-докию, ни у его сановников, записал хронист, и в уме не

было, что предстоит нападение руссов (“иже не у цареви, ни от их же поучаваашеся и уме имеаше твориму безбож-нихъ Русь възвести нашьствие...”) ²³.

Удачный выбор момента для нападения вслед за византийскими источниками подчеркивали и русские летописи. В “Повести временных лет”, в разделе о нападении Руси на Константинополь (летопись датирует его 866 г.), есть упоминание о том, что поход начался тогда, когда Михаил III увел войско из города против арабов (“отшедшу на огаря-ны”). Никоновская летопись, связавшая этот поход с именами Аскольда и Дира, утверждает, что князья знали об обстановке, сложившейся в ту пору на границах империи. В тексте, озаглавленном “О пришествии агарян на Царь-град”, летописец сообщает, что “множество съвокупившеся агарян прихожаху на Царьград, и сиа множицею творяще. Слышавше же киевстии князи Аскольдъ и Диръ, идоша на Царьград и много зла сътвориша” ²⁴. В этом позднем тексте для нас важна интерпретация событий летописцем, его убежденность, что в Киеве располагали определенными сведениями о трудном внешнеполитическом положении Византии.

Неспокойно было в 860 г. и внутри империи. В конце 50-х годов вновь обострилась борьба с павликианами. Обосновавшись в Западной Армении, они поддержали в 860 г. наступление арабов в Малой Азии. Сторонники павликиан в столице с нетерпением ждали исхода военных событий на Востоке.

860 год был отмечен острыми распрями в среде господствующего класса Византии в связи с делом патриарха Игнатия.

Таким образом, момент нападения был выбран руссами настолько удачно, что естественно возникает мысль о сборе ими определенной военной и политической информации.

Еще Г. Эверс высказал предположение, что русский поход был тщательно подготовлен, что руссы собрали необходимые сведения о городе, на который они шли, и хорошо были знакомы с путями, по которым им предстояло идти на Византию. Д. И. Иловайский предполагал, что руссы знали об уходе греческой армии во главе с Михаилом III в Малую Азию. В. И. Ламанский отмечал, что неожиданность нападения и совпадение русской атаки с наступлением арабов в Малой Азии, по всей вероятности, указывают на обусловленность этих событий. М. Д. Приселков писал о возможном союзе Руси и арабов и закономерной синхронности их военных действий. Из зарубежных историков на эту сторону вопроса обратили внимание А. А. Васильев и Э. Арвейлер. “Вторжение было запланировано русскими заранее, — подчеркивал А. А. Васильев, — что позволяет предположить их знание положения в городе”. Э. Арвейлер считала, что руссы готовили свой поход и особенно оснащение кораблей в районе Азовского моря, недоступном византийским погра-

развитием отношений между Русью и Византией. Одолеть “варваров” силой не было никакой возможности, поэтому греки молили о мире. “Ясно покажи, что град укрепляется твоею силою; сколько душ и градов взято уже варварами,— воззови их и выкупи, яко ее всемогущая; даруй же и мир крепкий жителям града твоего”³²,— зывали греки к богородице. Итак, не об отмщении и победе над врагом молили растерянные жители Константинополя свою заступницу, а о “мире крепком”, который, как они думали, могла дать им только “божественная сила”. И мир был получен. Ровно неделю продолжалась осада Константинополя, а 25 июня³³ руссы внезапно стали отходить.

Симеон Логофет излагает события несколько иначе. При огромном стечении народа край ризы богородицы был опущен в море, после чего разыгралась буря, разметавшая русские суда. Эта версия нашла отражение в хронике продолжателя Георгия Амартола и “Повести временных лет”³⁴. Но очевидцы событий Фотий и Георгий, автор “Слова”, а также продолжатель Феофана молчат о буре, якобы послужившей причиной гибели русского флота. Напротив, в принадлежащих их перу источниках говорится о внезапном, неожиданном для греков отступлении руссов. “Нечаянно было нашествие врагов, неожиданно совершилось и удаление их”,— говорил Фотий во второй проповеди, где дал религиозную оценку этому факту: руссы сняли осаду, как только ризу богородицы обнесли вдоль стен города³⁵. В точном соответствии с данными Фотия трактует этот вопрос продолжатель Феофана: “Руссы возвратились к себе, как только патриарх Фотий умилостивил бога”³⁶. Разумеется, истинная причина отступления руссов могла заключаться либо в каких-то событиях военного характера, либо в перемирии, одним из условий которого со стороны руссов было снятие осады и прекращение блокады Константинополя. Что касается военной стороны дела, то ни в одном источнике нет сведений о поражении руссов. Напротив, римский папа Николай I даже упрекал Михаила III за то, что враги ушли неотомщенными. Да и сам Фотий во второй проповеди говорил о том, что возмездие “варварам” не было воздано. Венецианский хронист Иоанн Дьякон отметил, что нападавшие вернулись на родину с триумфом

37

На это обстоятельство обращалось внимание в дореволюционной, советской и зарубежной историографии.

Еще А. Л. Шлецер, приписывая поход 860 г. варягам, отметил, что под стенами Константинополя были проведены переговоры, которые он ошибочно связал с позднейшим русским посольством для заключения договора о “мире и любви”. М. П. Погодин писал, что “греки... вступили без сомнения в переговоры с напавшею Русью. Предложена была им богатая дань, лишь сняли бы осаду и удалились”, но никаких аргументов в пользу этого положения не привел. Подробно

аргументировал мысль о проведении русско-византийских переговоров под стенами Константинополя Х. М. Лопарев. Опираясь на сведения “Слова” о желании вождя нападавших увидеть императора “для утверждения мирных договоров” и на основании отсутствия сведений о поражении руссов в византийских источниках, он пришел к выводу, что “между греками и русскими заключен был мир и, как тогда выражались, любовь”. О заключении под стенами византийской столицы договора “мира и любви” писали А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, В. В. Мавродин³⁸.

Между тем К. Н. Бестужев-Рюмин считал, что поход киевских князей на Константинополь в 860 г. закончился неудачей³⁹. М. В. Левченко, возражая В. В. Мавродину, писал о том, что “ни один источник не сообщает о заключении договора “мира и любви””⁴⁰. Позднее точку зрения М. В. Левченко поддержал Г. Г. Литаврин⁴¹.

М. Таубе, автор специальной работы о ранних русско-византийских отношениях, оспаривал мнение Лопарева и Шахматова и полагал, что ни о каком договоре в тот момент не могло быть и речи⁴².

В этой связи проанализируем еще раз сведения, содержащиеся в “Слове на положение ризы богородицы во Вла-хернах” и проповедях Фотия. “Слово” сообщает, что “начальник стольких тех народов для утверждения мирных договоров лично желал его (императора.— А. С.) увидеть”⁴³. Обращает на себя внимание категоричность утверждения о том, что заключение мирного договора уже состоялось. Автор “Слова” подчеркивает, что вождь напавших желал утвердить его с императором. Заслуживает внимания и сообщение Фотия о том, что “город не взят по их (руссов.— А. С.) милости”⁴⁴. События приобретают реальные черты: семидневная осада руссами Константинополя, разгром пригородов столицы, невозможность взять ее мощные стены, стремление греков к миру и как результат всего этого начало мирных переговоров под самыми стенами города. Мы можем лишь предположить, что их проводили сановные представители обеих сторон, но для утверждения выработанных мирных условий вождь руссов стремился лично встретиться с византийским императором. Затем последовало внезапное (для массы населения византийской столицы) прекращение осады и отход руссов от Константинополя.

Другим заслуживающим внимания аргументом в пользу заключения перемирия у стен Константинополя, ускользнувшим от исследователей, является факт упоминания Фотием об уходе руссов с огромными богатствами. Во второй проповеди, произнесенной, как известно, после снятия осады, Фотий говорил о руссах как о народе, получившем со времени осады “значение”, “достигшем блистательной высоты и несметного богатства”⁴⁵. Если слова о “значении” и “высоте” характеризуют в основном возросший международный авто-

ритет Руси, то упоминание о несметных богатствах, приобретенных руссами в Византии, говорит о материальных результатах похода. Два возможных способа могли использовать руссы для приобретения этого богатства: первый — сохранить за собой все награбленное в Византии имущество: товары, церковные ценности, предметы личного обихода греков; второй — получить за уход от города огромный выкуп, контрибуцию. Мы не знаем точно, что имел в виду Фотий, но и в том и в другом случае Русь могла добиться сохранения богатств путем перемирия. Если допустить, что руссы сохранили за собой богатства, захваченные в ходе нашествия, то, значит, ни о каком поражении их, ни о каком потоплении русских судов разыгравшейся бурей (версия Симеона Логофета) не может быть и речи, а сообщение Брюссельской хроники и Симеона Логофета о неудаче руссов (повторенное русскими летописями) следует расценить как общую оценку похода, который не достиг своей цели — Константинополь устоял. Греки были вынуждены согласиться на сохранение руссами награбленного имущества не в пример событиям в Амастриде, когда руссы обязались вернуть захваченные церковные ценности. Переговоры в данном случае вполне возможны, и не только потому, что они должны были зафиксировать этот почетный отход руссов от города, но и потому, что именно в ходе переговоров мог решиться вопрос о последующем русском посольстве в Константинополь для заключения договора о “мире и любви”, сведения о котором содержатся у Фотия, в группе источников продолжателя Феофана. После серьезных межгосударственных конфликтов сами собой такие посольства не являлись.

Факт переговоров становится тем более реальным, если допустить, что руссы увезли с собой огромный выкуп. Возможно, что имело место и то и другое: сохранение руссами за собой награбленного имущества и получение выкупа, ведь Фотий говорит о приобретенных ими несметных богатствах.

Переговоры, прекращавшие военные действия и завершавшие военные кампании, давно уже стали не только прочной дипломатической традицией у других стран и народов, но и достоянием взаимоотношений Византии с “варварскими” государствами. Такого рода переговоры неоднократно проводились Византией с аварами, персами, арабами, вестготами, уграми, болгарами⁴⁶. В связи с этим необходимо отметить, что, разделяя точку зрения тех историков, которые считают, что в ходе осады 860 г. между руссами и греками состоялись переговоры, мы не можем согласиться с тем, что их результатом стал договор “мира и любви”, как полагали Х. М. Лопарев, А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, В. В. Мавродин, авторы “Очерков истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.” (ч. 1. М., 1953). Договор “мира и любви” или “мира и дружбы” представляет собой устное или письменное межгосударственное соглашение, регулирующее общие отношения между странами. Такие договоры связывали

в ту пору Византийскую империю с некоторыми соседними государствами, но в данном случае речь может идти лишь о перемирии, прекратившем состояние войны. Нам не известны его условия, но в их числе, несомненно, был отход от города русского войска, прекращение блокады. Этот факт, по нашему мнению, сыграл большую роль в развитии дипломатических отношений Византии и Руси. Впервые в истории Византия и Русь вступили в государственные договорные отношения. Теперь дальнейшее урегулирование отношений двух стран Русь могла строить, опираясь на победоносный поход, на мирный договор, заключенный под стенами Константинополя и, возможно, утвержденный императором Михаилом III и вождем руссов.

В свете этих событий и следует, на наш взгляд, рассматривать наметившиеся перемены в отношениях между Византией и Русью. Впервые русское войско осадило Константинополь, этот вожделенный для “варваров” богатейший город, где находились огромные ценности. Византии противостояла возникшая из политического “небытия” держава, утверждавшая свою силу и свой престиж нападением на одно из сильнейших и богатейших государств тогдашнего мира.

Русь, ранее довольствовавшаяся локальными нападениями на византийские владения и заключением частных соглашений с имперскими чиновниками, добилась переговоров с греками у стен Константинополя. Вот эту метаморфозу отношений империи к восточным славянам и отразил во второй проповеди патриарх Фотий. “Народ неименитый,— говорил он,— народ не считае́мый ни за что, народ, поставляе́мый наравне с рабами, неизвестный, но получивший имя со времени похода против нас, незначительный, униженный и бедный, но достигший блистательной высоты и несметного богатства,— о, какое бедствие, ниспосланное нам от бога”⁴⁷. Гордые и надменные греки выуждены были признать “неименитый” и “неизвестный” в международном плане народ, который получил имя, авторитет и известность благодаря успехам в походе 860 г.

Так закончилась эпопея 860 г., которая послужила началом мирных межгосударственных отношений Руси и Византии, и последующая история это замечательно подтвердила.

2. ДОГОВОР “МИРА И ЛЮБВИ”

Византийские источники говорят о том, что по истечении небольшого срока после ухода русской рати из-под Константинополя в город явилось русское посольство. В “Окружном послании” восточным архиепископам патриарх Фотий писал: “Поработив соседние народы и чрез то чрезмерно возгордившись, они (руссы.— А. С.) подняли руку на Ро-мейскую империю. Но теперь и они променяли эллинскую и безбожную веру, в которой прежде всего содержались, на

чистое христианское учение, вошедши в число подданных нам и друзей, хотя незадолго перед тем грабили нас и обнаруживали необузданную дерзость, и в них возгорелась такая жажда веры и ревность, что они приняли пастыря и с великим тщанием исполняют христианские обряды” . В хронике продолжателя Феофана говорится, что “немного времени спустя посольство их (руссов.— А. С.) прибыло в Царьград с просьбой сделать их (руссов.— А. С.) участниками в святом крещении, что и было исполнено”².

Близко к этому излагаются события в написанной в X в. биографии Василия I Македонянина: “И народ россов, воинственный и безбожный, посредством щедрых подарков золота и серебра и шелковых одежд [император] Василий привлек к переговорам и, заключив с ними мирный договор, убедил [их] сделаться участниками божественного крещения и устроил так, что они приняли архиепископа”³. Авторство этой части сочинения продолжателя Феофана приписывается Константину Багрянородному.

В дальнейшем факты, изложенные продолжателем Феофана, были заимствованы византийскими хронистами XI—XII вв. Скилицей и Зонарой, а от них, вероятно, проникли и на Русь. “Повесть временных лет” молчит об этом договоре, но позднейшая Никоновская летопись уже располагает сведениями греческих хронистов. Рассказывая о деяниях князя Аскольда, летописец отметил, что Василий Македонянин “сътвори же и мирное устроение съ прежереченными русы, и приложи сихъ на христианство”⁴.

Приведенные нами сведения о договоре Византии и Руси в начале 60-х годов IX в. имеют богатую историографию.

Еще историк XVIII в. М. М. Щербатов отметил, что император Василий I воспользовался заключением мира с Русью для насаждения в русских землях христианства⁵. Примечательно, что, приняв версию о заключении в это время договора о мире между Византией и Русью, он отделил содержание договора от факта христианизации Руси.

Г. Эверс заметил, что греки после нападения 860 г. вступили в ближайшие сношения с руссами. Впервые подробно изложил историю посольства и крещения Руси Н. М. Карамзин. Он первым обратил внимание на противоречивость сообщений Фотия и Константина Багрянородного о крещении Руси. В “Окружном послании” Фотия определенно говорится, что крещение Руси произошло при нем, Фотии, а Константин VII приписывает крещение руссов своему деду Василию I и патриарху Игнатию, который сменил на патриаршем троне Фотия. Н. М. Карамзин выходит из щекотливого положения просто. “Сии два известия,—пишет он,— не противоречат одно другому. Фотий в 866 г. мог отправить церковных учителей в Киев; Игнатий тоже”⁶. Ни Эверс, ни Карамзин ни слова не упоминают о мирном договоре Руси с Византией. С. М. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин,

Д. И. Иловайский, М. П. Погодин, С. А. Геденов и другие историки XIX в. при всей несхожести их концепций приняли на веру сведения византийских источников. Лишь в отдельных работах дворянских и буржуазных историков и правоведов предпринимались попытки аналитически подойти к этим весьма скудным сведениям.

А. В. Лонгинов высказал предположение, что договор 60-х годов IX в. был не первым, а вторым в истории русско-византийских дипломатических отношений и лишь восстановил соглашение, нарушенное войной 860 г. Исходя из данных Ибн-Хордадбе о взимании в Византии с русских купцов десятины за проданные товары, он посчитал поход 860 г. ответной акцией на нарушение Византией торгового договора, открывавшего русским гостям свободный доступ в империю. По его мнению, последующее посольство руссов в Константинополь представляло собой миссию, посланную с целью восстановить старую торговую практику⁷. Изначальный договор А. В. Лонгинов относил к 30-м годам IX в., ко времени посольства в Константинополь в 838 г.

Ф. И. Успенский считал, что руссы, напавшие на Византию в 860 г., по возвращении в Киев, между 860 и 867 гг., направили в Константинополь посольство с просьбой прислать к ним епископа, хотя никаких аргументов в пользу этой версии не привел. М. Д. Приселков предполагал, что существовало два русско-византийских договора о «союзе и дружбе». Первый он относил к 860 г. и утверждал, что тот не дошел до нас; следы второго, согласно данным византийских источников, вели, по его мнению, к 866—867 гг.⁸

Более подробно и аргументированно излагали дореволюционные ученые крещение Руси в 60-х годах IX в. Но в данном событии их интересовали в основном вопросы историко-церковного характера: какая Русь крестилась, кто послал на Русь епископа — Михаил III и Фотий или сменившие их в 867 г. Василий I -Македонянин и Игнатий, кого в этой связи считать святителем Руси и т. п. Лишь попутно касались они политической стороны дела. При чем А. Л. Щлецер, Д. И. Иловайский полагали, что крестилась Русь не Киевская, а Азово-Черноморская. К. Н. Бестужев-Рюмин считал, что именно неудача руссов привела к тому, что Византия заставила креститься Русь. У него крещение воспринимается как определенное унижение потерпевшей поражение Руси, хотя аргументов на этот счет не приводится. А. Пападопуло-Керамевс высказал гипотезу, что крещение Руси было осуществлено вскоре после снятия осады, но не усмотрел в этом факте никакой связи с мирными переговорами и договором⁹.

Значительное место в разработке истории ранних лет христианства на Руси занимают работы В. А. Пархоменко, Н. Полонской, В. И. Ламанского. Уделяют они внимание и событиям 60-х годов IX в. В. А. Пархоменко связал крещение Руси с появлением в Северном Причерноморье миссио-

нера Кирилла (Константина), и Русь крестилась, по его мнению, не Киевская, а близкая к Херсонесу. Версию о причастности одного из братьев-миссионеров — Кирилла к крещению Руси в 60-х годах IX в. защищал и В. И. Ламанский. Появление Кирилла и Мефодия в Херсонесе в начале января 861 г. он объяснял стремлением Византии через посредство этих миссионеров, больших знатоков и любителей славянского языка, привлечь Русь к христианству и тем самым предотвратить дальнейшие нападения русских дружин на владения империи. Миссия была организована патриархом Фотием и после пребывания в Крыму объявилась в землях хазар. Согласно источникам, братья вернулись в Византию осенью 861 г. вместе с хазарским посольством, просившим о крещении. По мнению Ааманского, это было русское посольство, которое просто приняли за хазарское, так как все земли к северу от Византии считались хазарскими. Крещение Руси он связывал с общим процессом христианизации окружавших Византию народов, и в частности с крещением болгар в 864—865 гг.¹⁰

История русско-византийских политических контактов в 60-х годах IX в. нашла отражение и в зарубежной историографии. В XIX в. в работах немца Ф. Вилькена и француза А. Куре сообщалось о русском посольстве, направленном в Византию с просьбой о крещении. А. Куре вслед за М. П. Погодиным считал его делом Аскольда. В немногих работах 30—40-х годов XX в., в основном пронизанных духом норманизма, представляют известный интерес лишь конкретные замечания. Так, американский историк Г. Рондал вслед за А. В. Лонгиновым считал, что поход 860 г. был предпринят в ответ на нарушение Византией договора о дружбе и торговле, заключенного между Киевом и Константинополем во время миссии 838 г. Он полагал, что руссы сняли осаду после переговоров, в ходе которых они получили большой выкуп и обещали принять христианство, а формальный договор был заключен позднее и подтвердил прежнее соглашение. Рондал отводил Фотию важную роль в обращении Руси в христианство. А. А. Васильев утверждал, что после 860—861 гг. между Византией и Русью был заключен дружественный договор, а может быть и два договора. Одни переговоры проходили в правление Михаила III и патриаршество Фотия. А. А. Васильев обращает внимание на то, что в «Окружном послании» Фотий сообщает о крещении Руси сразу же после сведений о крещении Болгарии, что может указать на хронологию первого договора — около 863—864 гг. Окончательный же мир с Русью был заключен (по данным продолжателя Феофана) уже после убийства Михаила III и смещения Фотия, а значит, первый договор действовал недолго. Но А. А. Васильев допускает, что продолжатель Феофана мог приписать Василию I честь заключения договора с Русью, между тем как в действительности его мог заключить и Михаил III. Связь между посольскими

переговорами и крещением Руси А. А. Васильев также не усматривает¹.

А. А. Васильев — один из немногих, кто попытался выяснить содержание русско-византийского договора 60-х годов IX в. Анализируя договор Олега с греками 911 г., он обратил внимание на статью, разрешающую русским служить в византийской армии. Если же учесть, что Константин Багрянородный в “Книге о церемониях” сообщил о действиях русского отряда в 700 воинов в составе войск Имерия, отправившихся на Крит в 911—912 гг.¹³, то становится очевидным, говорит А. А. Васильев, что это разрешение восходит к договору 60-х годов IX в. Кстати, английский историк Д. Бьюри еще в 1912 г. распространил это разрешение не только на руссов, но и на варягов и англичан. По мнению А. А. Васильева, в “Окружном послании” Фотия прослеживаются отношения “политической дружбы”; к 60-м годам IX в. восходит и разрешение руссам торговать в Константинополе и селиться возле монастыря св. Маманта, отмеченное в договоре Олега с греками под 907 г.

М. Таубе связал русско-византийский договор, заключенный после похода 860 г., с договоренностью в 60-х годах IX в. о крещении Руси и началом обращения Руси в христианство. В специальной работе о ранних русских нападениях на Константинополь канадский историк А. Боак указал на заключение в период между 860 г. и началом X в. одного или более мирных договоров Руси с Византией, следы которых он усматривал в разрешении русским гостям торговать в Константинополе, в “начале миссионерских усилий православной церкви среди русских, в разрешении русским воинам служить в византийской армии”¹⁵, на что уже обращали внимание Д. Бьюри и А. А. Васильев.

Ф. Дворник в своих работах о греческих и западных церковных миссиях в земли славян пришел к выводу, что поход 860 г. совершили поднепровские славяне, а не Азово-Черно-морская Русь. Сам поход он рассматривает как звено в цепи событий, когда восточнославянские племена, заняв доминирующее положение в регионе Днепра — Днестра, вплотную подошли к границам Византии на Нижнем Дунае и вступили в соприкосновение со многими другими сопредельными народами и государствами. Поход Руси вновь заставил византийскую дипломатию искать решение вопроса, как обезопасить свои владения в Крыму и возродить связи с Хазарией, куда была послана миссия во главе с Константином-Кириллом. С Русью же был заключен мирный договор, который, как полагает Ф. Дворник, искала сама Русь, потерпев поражение под стенами Константинополя, что, как мы видели, не соответствует ходу событий. Ф. Дворник считает, что в 860 г. Византия предприняла первую попытку обратить Русь в христианство, которая, по его мнению, была удачной¹⁶.

Диссонансом даже по отношению к концепциям зарубежных буржуазных историков норманистского толка явилось

выдвинутое француженкой И. Сорлен положение о том, что вряд ли можно говорить о заключении в то время какого-то дипломатического акта между Византией и Русью, поскольку все источники упоминают только о крещении и лишь один Константин Багрянородный пишет о договоре. Само крещение И. Сорлен вслед за В. И. Ламанским связывает с патриаршеством Фотия и с посланной им в Причерноморье миссией Кирилла и Мефодия¹⁷.

Особую позицию заняла в этом вопросе Э. Арвейлер. Она пришла к выводу, что Константинополь был атакован не киевскими, а таврическими руссами. Они же и были христианизированы Фотием посредством миссии Кирилла в 861 г. “Все говорит за то, — писала Арвейлер, — что русские-киевляне не имеют никакого отношения к походу на Константинополь в 860 г.”¹⁸

В советской историографии вопрос о политических контактах, последовавших за нападением Руси на Константинополь в 860 г., подробно исследовал М. В. Левченко. Он определенно считал, что в 60-х годах IX в. имело место “регулирование взаимных отношений равноправными договорами” и Византия была вынуждена пойти на эти новые отношения с Русью. Автор не разделял точку зрения тех историков, которые полагали, что крестилась Русь не Поднепровская, а Азово-Черноморская. Вслед за В. И. Ламанским М. В. Левченко высказал мысль, что в Крыму не было значительных русских поселений, а проживавшие там готы, которых византийцы могли ошибочно принять за руссов, были настолько малочисленными, что не могли организовать столь масштабный поход. Христианизацию сопредельных империи народов он рассматривал как государственную линию Византии, направленную на превращение бывших противников в союзников и даже политических вассалов¹⁹. Такая политика проводилась правительствами как Михаила III, так и Василия I. Вполне доверяя сообщениям Константина Багрянородного относительно христианизации Руси, М. В. Левченко полагал, что новое правительство Василия I — Игнатия успешно продолжило линию, проводимую в этом вопросе Михаилом III — Фотием и проявившуюся в крещении Болгарии в 864—865 гг. и в начале крещения Руси. Признавая наличие межгосударственного договора Византии и Руси, М. В. Левченко не усматривал непосредственной связи между этим договором и крещением, которое датировал временем после 867 г.

В. Т. Пашуто считает, что после военных событий 860 г. “вскоре, видимо, был восстановлен мир и скреплен договором”. Затем “при императоре Василии I состоялся обмен посольствами между двумя государствами, был заключен договор “мира и дружбы” и крестилась какая-то часть руссов”. Однако эта правильная оценка событий не раскрывает смысла первого и второго договоров, связи договоров и крещения. Г. Г. Литаврин отметил, что определенное влияние на правящие круги Руси оказало принятие христианства Болга-^

рией: “Повышение международного авторитета новообращенной Болгарии, выгодные торговые отношения с Византией, усиление центральной власти — все это должно было привлечь внимание правителей Русского государства”²⁰. В этой характеристике заслуживает внимания стремление показать значение христианизации Руси для государственных интересов не только Византии, но и правящих слоев Руси.

В одной из последних работ на эту тему, принадлежащих перу А. Власто, крещение Руси отнесено ко времени после заключения мирного договора. Однако прямой связи между договором и крещением не установлено и в этом исследовании²¹.

Таким образом, сообщения византийских источников о двух крупнейших событиях в истории древней Руси — заключении мирного договора между Византией и Русью и крещении Руси в 60-х годах IX в. — в основном рассматривались изолированно друг от друга, что, на наш взгляд, неверно. Нет определенной ясности в отношении хронологии событий, что приводит к весьма различным толкованиям политических итогов русского похода 860 г. Нет единства относительно количества политических контактов Византии и Руси того времени: историки называют один и два договора, одно и два крещения; договор (или договоры) 60-х годов IX в. считают и отправной точкой дипломатических отношений двух государств, и продолжением таких отношений, открытых еще в 30-х годах IX в. Обращает на себя внимание информативный характер сообщений о событиях, последовавших за походом 860 г., что в известной мере объясняется противоречивостью источников. И лишь немногие историки попытались восстановить черты дипломатического акта 60-х годов IX в. Поэтому, несмотря на обширную историографию, вопрос о сущности упомянутых в источниках русско-византийских переговоров, последовавших спустя некоторое время после ухода русской рати из-под Константинополя, и сегодня остается на уровне незавершенной дискуссии. На наш взгляд, он может быть решен не только путем анализа сохранившихся по этой проблеме источников, но и посредством сопоставления сведений об этих переговорах, во-первых, с практикой заключения Византийской империей дипломатических соглашений с другими “варварскими” государствами и народами во второй половине I-го тысячелетия н. э. и, во-вторых, с русско-византийскими договорами X в., которые отразили весь ход развития русско-византийских отношений со времени выхода Руси на политическую арену, т. е. с конца VIII — первой половины IX в.

* * *

После ухода руссов из-под Константинополя внешнеполитическое положение империи отнюдь не улучшилось. Арабы продолжали теснить византийские войска. В том же 860 г.

они нанесли новое поражение войскам Михаила III в Малой Азии²².

Русь была замирена, но отношения двух стран оставались неустойчивыми. В аналогичных отношениях с другими “варварскими” государствами и народами Византия либо противопоставляла опасному противнику его собственных соседей, либо пыталась связать его договором “мира и любви”, откупиться ежегодной данью, либо использовала христианизацию как средство нейтрализации соперника.

Что касается первой тенденции, то она, по мнению как отечественных, так и зарубежных историков, применительно к Руси 60-х годов IX в. выразилась в миссии Константина-Кирилла и Мефодия в Хазарию (861 г.). Цель посольства заключалась не столько в миссионерских усилиях братьев, сколько в попытке возродить былой союз с Хазарией и направить его острие против Руси²³.

Что касается договора “мира и любви”, то прежде всего необходимо пояснить, какой смысл вкладывается в это понятие.

Со времени древнего Египта и до исследуемого нами IX в. н. э. он означал обычные мирные договорные отношения между государствами. Они могли быть оформлены устным соглашением и сопровождаться определенной процедурой и ритуалом, которые использовались государствами в тот период времени. Они могли быть оформлены и письменными договорами. При этом характер соглашения зависел, как правило, от многих моментов: от овладения письменностью участниками соглашения, от важности и масштабы заключения подобных соглашений обоими партнерами или одним из них и т. д. Эти мирные отношения могли оставаться мирно-нейтральными, но могли стать и союзными отношениями, т. е. могли дополняться определенными условиями союзного характера. Первый такой известный договор датируется 1296 г. до н. э., и заключен он был между египетским фараоном Рамзесом II и хеттским царем Хаттушилем III. В литературе отмечалось, что это было соглашение о союзе и взаимопомощи между Египетским государством и Хеттским царством⁹⁴.

Однако, подробно разбирая форму и содержание этого древнейшего межгосударственного соглашения, исследователи не обратили внимания на квинтэссенцию договора, которая сформулирована в его первых строках. Договор кроме союзных обязательств декларировал состояние “мира и братства на все времена” между обоими государствами, т. е. содержал определенную трактовку характера мирных отношений Египта и Хеттского царства. И, уже опираясь на существование этой мирной основы, государства формулировали другие, конкретные статьи соглашения. И не случайно речь “о мире и братстве” идет в начале договора, во введении, которое выполняло отнюдь не формальную роль, а торжественно про-

возглашало основные принципы отношения между двумя державами. Разумеется, ни о каком подлинном “мире”, “братстве” или “любви” в условиях антагонистических, эксплуататорских обществ не могло быть и речи. В этом смысле данные дипломатические понятия действительно носили чисто формальный характер, тем более что они, как правило, были связаны с такими пунктами соглашений, как уплата грабительских даней, территориальные захваты и т. п., но они отражали на какой-то период состояние мирных, дружественных отношений между государствами.

Значимость понятий “мир”, “братство”, “дружба”, “любовь” для межгосударственных взаимоотношений красной нитью проходит через все известные нам мирные соглашения древности и раннего средневековья. Следует заметить, что ни в исторической, ни в правовой литературе не уделялось должного внимания этой формуле мира, неизменно встречающейся как в первых известных нам договорах, так и в политических соглашениях более позднего времени. Она считалась только протокольной, общей, абстрактной. Буржуазный правовед Д. М. Мейчик, например, характеризовал ее как “общую отвлеченную мысль”. А. В. Лонгинов также считал “предисловия” с уверениями в дружбе и любви лишь “стилистическим приемом”, “обычной дипломатической формулой”²⁵. Не проявили интереса к этой формуле международных договоров и советские исследователи, между тем как весь международно-правовой мир древности и раннего средневековья держался именно на этом “ките”.

Практика заключения договоров “мира и любви” или “мира и дружбы”, т. е. мирных договорных отношений между странами, восходит к традициям древневосточного и греко-римского международного права. Многочисленные договоры Византии с Аварским каганатом, Персией, арабами, Болгарским царством, Хазарским каганатом, венграми показывают, что эта мысль сопутствовала всем мирным договорам, которые либо восстанавливали прерванные войной отношения, либо открывали заново мирный этап в отношениях Византии с соседями²⁶. Причем во многих известных случаях факт заключения Византией таких договоров с пограничными “варварами” означал политическое признание того или иного “варварского” государства, а дальнейшие отношения империи с ним строились уже на почве этого основного соглашения, которое и нарушалось военными конфликтами, и возобновлялось, и дополнялось конкретными торговыми и союзными статьями, династическими соглашениями.

Так, в 558 г., когда Византия заключила первый мир с аварами, их посольство было принято в Константинополе, а греки обязались ежегодно выплачивать каганату дань, т. е. Аварский каганат был признан империей. В 641 г. был заключен первый мир с Арабским халифатом, положивший начало дипломатическим отношениям между двумя государствами. По миру 678 г. Византия признала государство

лангобардов, а через несколько лет²⁷ Болгарское государство во главе с ханом Аспарухом и т. д.

В связи с сюжетом о крещении Руси особого внимания заслуживают условия мира с Болгарией в 864 г., по которому болгары не только получили некоторые территории, но и обязались принять от Византии епископа и миссионеров, что предопределило принятие Болгарским царством новой рели-

гии под эгидой империи²⁸.

Политическое признание вырвали у Византии по договорам 934 и 943 гг. угры. На наш взгляд, эти два договора представляют собой два типа соглашений, поэтому о них целесообразно сказать несколько подробнее. Согласно сообщению продолжателя Георгия Амартола, после разорения уграми Фракии в 934 г. и осады Константинополя в стан угров был послан патрикий Феофан для заключения мира, который блестяще справился с трудной задачей: "...се же дивно и разумно их подъиде, яко хотяше, тако и створи". В 943 г., в период нового нашествия угров на Византию, тот же Феофан вновь вел с ними переговоры и заключил

мирное соглашение: "...клятвы мирския створи с ними"²⁹. Эти два договора, по-видимому, не равнозначны. В 934 г. произошло первое нападение угров на Византию ("...первое приидоша угре на Царьград" — в ПВЛ; "...бысь же война пръваа угръскаа на грекы" — у продолжателя Георгия Амарта, закончившееся первым урегулированием — мирным договором между уграми и Византией. Мир с уграми 934 г. по аналогии с договорами, заключенными с аварами и болгарами, по всей вероятности, включал формулу мира и традиционные для такого рода соглашений Византии с "варварами" пункты о выплате дани, удовлетворении каких-то территориальных претензий и т. п. В 943 г. Феофан лишь сотворил с уграми "клятвы мирския", т. е. восстановил мирные отношения, прерванные войной. Основные же принципы этих отношений были определены в первоначальном договоре 934 г.

Далеко не все 24 договора, которые были заключены между Болгарией и Византией на протяжении VII—X вв. и о которых писал И. Свеньицкий³¹, были равнозначными соглашениями. Какая-то их часть действительно представляла собой договоры "мира и любви" и заключалась либо после крупных военных конфликтов, значительно менявших соотношение сил двух государств, либо в связи со сменой правителей, когда новый хан или император стремились подтвердить прежние соглашения. Но не раз в ходе многочисленных войн заключались и миры, подтверждавшие status quo и возвращавшие оба государства к тому состоянию "мира и любви", которое уже было зафиксировано прежде.

Знал мирные урегулирования такого рода и автор "Повести временных лет". Он упомянул под 858 г. о победоносном походе на болгар византийского императора Михаила III, который "миръ створи с болгары". Под 914 г. после

рассказа о нападении войск болгарского царя Симеона на Царьград следует запись: "...и сотворивъ миръ и прииде... во своаси". Под 929 г. (здесь хронология ошибочна: событие относится к 924 г.) вслед за известием об очередном нападении болгарских войск на Византию летописец опять написал: "...и створи миръ с Романомъ царемъ"³².

Продолжатель Георгия Амартола раскрывает содержание лаконичной летописной формулы "сотворивъ миръ" применительно к переговорам, проведенным сразу же после прекращения военных действий в 914 г. "...поручником же миро-любезно примшемъ, посла Симеона Феодора, магистра своего, беседовати о мире... Симеон же и оба сына его в свою страну обратишася без глашенных грамот о мире рази-дошася"³³. Таким образом, после прекращения военных действий в результате переговоров Симеонова посланца с греками был восстановлен мир между воюющими странами, который возвратил и Болгарию, и Византию к довоенному, мирному состоянию. Здесь не потребовалось каких-то дополнительных соглашений, закрепленных развернутым посольским ритуалом, соответствующей документацией. Все обстояло проще: прекращалась война и утверждался мир. Поэтому и не было "глашенных грамот" о мире: восстанавливалось хорошо известное обеим сторонам состояние нормальных, мирных отношений.

И во втором случае после долголетнего мира и нападения Симеоновых войск на Константинополь Роман I Лакапин, как пишет византийский хронист, послал к болгарам на переговоры патриарха Николая и видных вельмож, "яко да с ним беседу створити о мире", т. е. для того, чтобы провести с болгарским царем мирные переговоры. А далее хроника говорит о том, что Симеон явился на переговоры, "помяну мир да створита, целовашеся ибо друг друга, разидоста-ся"³⁴. Итак, вновь военные действия закончились устными переговорами, восстанавливавшими мирные отношения между двумя государствами. Представители сторон облобызали друг друга в знак мирного соглашения и разошлись. С тех пор в течение почти 40 лет до событий середины 60-х годов IX в., когда Византия разорвала мир с Болгарией, отношения между двумя странами были мирными. И основывались они на прежних соглашениях "мира и любви".

Во всех приведенных случаях договоры носили устный характер и вырабатывались в ходе посольских переговоров, в которых участвовали видные сановники и сами правители. О некоторых из них (с болгарскими, уграми) есть сведения, что их заключение сопровождалось определенной процедурой — клятвой, поцелуями заключающих договор правителей.

Так отличались друг от друга перемирия, завершавшие военные действия, от договоров "мира и любви", которые устанавливали мирные отношения между государствами.

Ценой выплаты "варварским" государствам ежегодной дани, регулярного закармливания их правителей, политических

и экономических уступок Византии удавалось не только сдерживать военный натиск сопредельных “варварских” государств, но и превращать их в союзников, ставить себе на службу их военные силы. Союзные отношения связывали империю, как уже говорилось, с Хазарским каганатом, а в отдельные периоды с государством аваров. Хотя Византии не удалось повести в фарватере своей политики гуннскую державу, а позднее и Болгарию, но договоры с гуннами и болгарами на определенные периоды все же обеспечивали империи спокойствие на ее северо-западных границах³⁵. Теперь настала очередь Руси.

При чтении византийских авторов обращают на себя внимание два факта, которые не были в полной мере отмечены предшествующей историографией. Во всех без исключения источниках сообщается, во-первых, о заключении в то время между Византией и Русью не нескольких, а одного дипломатического соглашения и, во-вторых, о крещении как неотъемлемом условии именно этого соглашения. Так, в “Окружном послании” Фотий говорит, что руссы “теперь” (следовательно, до 867 г., к которому относится “Окружное послание”) поменяли языческую веру на христианскую, “вошедши в число подданных нам³⁶ и друзей, хотя незадолго перед тем грабили нас и обнаруживали необузданную дерзость... они приняли пастыря и с великим тщанием исполняют христианские обряды”³⁷. Как видим, Фотий связал превращение руссов в друзей с их крещением, а сам акт превращения руссов в “подданных” и “друзей” описал лишь в нескольких словах, поскольку речь шла, очевидно, о типичном договоре о “мире” и “любви”, хорошо известном современникам. В церковном документе вовсе не обязательно было употребление официальной дипломатической терминологии, да и упомянул Фотий об изменении внешнеполитических отношений Византии и Руси лишь попутно, главное для него — это идея о крещении Руси, о благотворной силе христианства.

Таким образом, уже в этом древнейшем сообщении объединяются воедино два события, последовавшие вскоре после нападения русского войска на Константинополь: договор о “мире и любви” и крещение Руси. Очевидна и хронология этих событий — они произошли до 867 г., в период патриаршества Фотия, который в “Окружном послании” как бы подводит итог своим усилиям по христианизации окрестных народов: крещение приняли от Византии и болгары, и руссы. Фотий говорит о крещении Руси как о факте, который теперь (“в настоящее время”), т. е. в 867 г., уже стал достоянием истории. И еще раз Фотий упоминает о времени событий: руссы подняли руку на Ромейскую державу “незадолго” перед тем, как стали “друзьями” империи. Следовательно, заключение договора, крещение Руси, направление к руссам епископа произошли вскоре после ухода руссов из-под Константинополя. О каких руссах говорит Фотий — о тех ли, что

напали на Константинополь в 860 г., или о каких-то других? Мы полагаем, что речь идет все о том же нападении 860 г.: в “Окружном послании” повторяется лейтмотив проповедей Фотия — негодование по поводу грехопадения греков, допустивших руссов к стенам Константинополя. Упоминание о нападении руссов на Византию в “Окружном послании” — результат все того же резонанса событий 860 г., который ощущается в византийских источниках IX—X вв.

В сообщении продолжателя Феофана вопрос о переговорах между Византией и Русью вновь объединяется с идеей крещения Руси, но вводится и новый факт — появление русского посольства в Константинополе, последовавшее за окончанием военных действий. Указывается здесь и цель посольства — просьба о крещении, и его хронология — “немного времени спустя” после нападения Руси на Константинополь. Само описание этого нападения у продолжателя Феофана не оставляет сомнения, что речь идет именно о русской атаке в 860 г. О крещении Руси говорится лишь в общих чертах: оно “было исполнено”, а кем, когда — источник об этом умалчивает. Здесь впервые мы сталкиваемся с фактом, когда само крещение рассматривается в отрыве от посольства с просьбой о крещении, как акт совершенно иной, хотя и связанный с содержанием посольских переговоров, проведенных русской миссией в Константинополе.

Константин Багрянородный, сохраняя общую канву событий, ввел новые детали. Он совершенно определенно упоминает о заключении мирного договора между Византией и Русью; указывает на преподношение руссам дорогих подарков: золота, серебра, дорогих тканей, которыми Василий I Македонянин склонил их к миру; повторяет и старую версию о принятии Русью христианства как об одном из условий мирного договора: именно во время переговоров Василий I Македонянин убедил русское посольство согласиться на крещение Руси и принять архиепископа. Как видим, посольство, переговоры о крещении Руси идут в одном временном ключе, а крещение Руси, посылка на Русь архиепископа — в другом.

Скилица также объединил договор с соглашением о крещении руссов. Он записал, что руссы после ухода на родину отправили в Константинополь послов и просили о крещении³⁸.

Что касается хронологии событий, то византийские авторы XI—XII вв. датировали их по формальному признаку — упоминанию Василия I Македонянина — временем правления Василия I, хотя в самом тексте его биографии нет на этот счет прямых указаний, а лишь говорится, что Василий провел с руссами переговоры, в ходе которых склонил их к договору богатыми подарками и убедил “сделаться участниками божественного крещения”. Был ли он в это время императором или еще оставался соправителем Михаила III, рассчитавшим себе дорогу к единоличной власти, — вопрос далеко не ясный. Сам же акт крещения в биографии, так же как и в других источниках, отделен от факта переговоров по

поводу крещения, которое, согласно Константину Багрянородному, было проведено при патриархе Игнатии.

Позднейшая Никоновская летопись рассказывает о событиях 60-х годов IX в. лишь в общих чертах, но также упоминает о заключении Василием I Македонянином “мирного устроения” с руссами и склонении их к христианству.

Таким образом, все источники совершенно определенно и единодушно отмечают, что после ухода руссов из-под Константинополя между Византией и Русью был заключен мирный договор. Если суммировать сведения о нем у Фотия, продолжателя Феофана и Константина Багрянородного, то есть, на наш взгляд, все основания говорить о заключении типичного договора “мира и любви” с присущими ему атрибутами. В Константинополе появляется “варварское” — в данном случае русское — посольство; здесь же происходят переговоры между руссами и греками; заключение договора сопровождается обычным в таких случаях преподношением руссам дорогих подарков; в итоге недавние противники империи становятся ее друзьями. “Мир и любовь” — вот, по-видимому, та формула, на основе которой отныне будут строиться отношения между Русью и Византией. Спустя 50 с лишним лет отраженный свет этого договора “мира и любви” обнаруживается в договоре Олега с греками 911 г. В нем говорится, что русские послы были направлены Олегом в Константинополь к императорам Льву, Александру и Константину “на удержание и на извещение от многих лет меж христиан и Русью бывшею любовью...”. И далее: Олег собирался “удержати и известити такую любовь, бывшую меж христиан и Русью многожды”, т. е. в течение многих лет. Таким образом, в договоре 911 г. четко просматривается мысль о существовании до событий 907—911 гг. мирных отношений между Византией и Русью на уровне международной формулы “мира и любви”, которые восстанавливаются в 907 и 911 г.

Кроме этой общей формулы мира, лежащей в основе политического смысла договора, он определенно включал как одно из конкретных условий крещение Руси. Все византийские источники сохранили следы лишь этого договорного условия, и не только сохранили, но и известным образом его интерпретировали. Продолжатель Феофана пишет, что русское посольство само просило греков осуществить крещение Руси. Константин Багрянородный, напротив, сообщает, что Василий I Македонянин в ходе переговоров убедил руссов креститься. Патриарх Фотий говорит, что руссы сами, без принуждения сменили языческую веру на православную. Однако это сообщение Фотия касается не хода переговоров, а характера самого крещения, осуществленного в процессе общего внешнеполитического урегулирования отношений в более поздние, чем конкретные переговоры, сроки.

На первый взгляд может показаться, что источники предлагают исследователю на выбор две версии о переговорах по

поводу крещения, а именно: Константина Багрянородного о том, что византийцы навязали руссам крещение, и продолжателя Феофана о том, что руссы в ходе переговоров сами требовали от Византии крещения. Но, думается, на самом деле такой альтернативы не существовало. Принятие христианства “варварским” государством вовсе не являлось однозначным актом, который устраивал лишь одну сторону. Поэтому мы не разделяем точку зрения тех историков, которые считают, что крещение навязала Русь в результате ее неудачного похода на Константинополь Византия, которая стремилась таким путем привлечь новое государство к союзным отношениям, т. е. мы против односторонней оценки христианизации пограничных народов лишь как средства политического давления империи на эти народы. Д. Оболенский даже писал, что “дипломатическое окружение” Киева (сюда он относил и византийское посольство в Хазарию на исходе 860 г., которое расценивал как попытку организации союза Византии и Хазарии против Руси) было поддержано попытками обратить Русь в христианство. Мы полагаем, что ближе к истине стоят авторы “Истории Византии”, отметившие заинтересованность правящих кругов Руси в обращении своего государства в христианство в связи с закономерным ростом в результате крещения международного авторитета христианизирующейся стороны, выгод внешнеторгового и внутривнутриполитического порядка и т. п.

Обращает на себя внимание тот факт, что на протяжении почти полутора веков (IX—X вв.) во всех случаях частичной христианизации Руси (независимо от того, была ли она связана с победоносными русскими походами или достигалась древнерусскими политиками иным путем) она была связана с определенной инициативой и Руси, и Византии в период мирных переговоров с руссами относительно крещения.

И параллельно в каждом из этих случаев в византийских церковных кругах создавалась версия о христианизации Руси как акте для руссов вынужденном, как о проявлении политического влияния империи и всепобеждающей силы православия. Прослеживается она, как видим, и при описании событий 60-х годов IX в.

Византийские авторы, разумеется, старались скрыть истинную политическую подоплеку событий, затушевать государственные интересы Руси в деле христианизации древнерусского государства, скрыть, что для Руси получение крещения из рук видных византийских церковных иерархов было делом большого политического престижа. О том, что такой интерес присутствовал в 60-х годах IX в. и со стороны Византии, и со стороны Руси, говорят и слова Константина Багрянородного о намерении Византии убедить руссов креститься, и сообщение продолжателя Феофана о стремлении руссов принять крещение из рук империи, т. е. каждая из договаривавшихся сторон хотела добиться для

себя в данном вопросе наибольшей политической выгоды. Руссы, вероятно, учитывали и возможность языческой оппозиции в своей стране. Поэтому переговоры вокруг этих проблем могли быть напряженными, и хотя руссы в дальнейшем, согласно условию договора, приняли архиепископа, но это был лишь первый осторожный шаг, который каждая из сторон стремилась сделать с выгодой для себя.

Мы полагаем, что это условие русско-византийского мирного договора 60-х годов IX в. и дошло до нас в глухих фразах византийских авторов, которые, конечно, не раскрыли всей политической сложности проходивших тогда переговоров, хотя текст продолжателя Феофана позволяет судить об их напряженности.

Условие о христианизации Руси, видимо, не было единственным конкретным условием русско-византийского договора. Одним из важнейших условий договоров “мира и любви”, заключаемых Византией с “варварскими” государствами, была выплата им ежегодной дани. Такую дань греки платили гуннам, болгарам, аварам, хазарам, и всякий раз выплата дани вызывала очередной военный конфликт между “варварами” и империей. Хотя мы не располагаем прямыми свидетельствами включения статьи о дани в русско-византийский договор 60-х годов IX в., но косвенно следы этого условия можно усмотреть в сообщении Константина Багрянородного о том, что Василий I Македонянин склонил руссов к переговорам “щедрыми подарками” — золотом, серебром и шелковыми тканями. Разумеется, речь могла идти и об обычном подкупе иностранного посольства, с тем чтобы добиться для империи наиболее выгодных условий мира, и о посольских дарах, которые в византийской да и в мировой практике было принято преподносить зарубежным посольствам дружественных государств. Но это могла быть и дань, которую греки выплатили руссам за обещание сохранять мир. Как показал в своем исследовании Д. В. Айналов, золото, серебро, шелковые ткани неизменно входили в состав дани, уплачиваемой Византией “варварам” за мир и союзную помощь⁴⁰.

Следы двух других условий, как верно заметили А. В. Лонгинов, А. А. Васильев, А. Боак и другие историки, прослеживаются в позднейших договорах Руси с греками. Одно из них — договоренность о союзных действиях Руси и Византии.

Версия о наличии после 860 г. такой договоренности находит подтверждение в факте нападения русского войска на Абесгун между 864 и 884 гг. (годы правления Хасана ибн-Зайда, на владения которого напали руссы), как об этом сообщил Ибн-Исфендийар⁴¹. Ранняя дата этого нападения — 864 г., как видим, стоит в непосредственной близости с такими событиями, как заключение русско-византийского договора и начало миссионерской деятельности греческой церкви на Руси. Вряд ли руссы отправились бы в столь даль-

ний поход в 70—80-е годы IX в., когда на Руси, как известно по русским летописям, происходила династическая борьба за власть, шло подчинение восточнославянских племен Киеву. 60-е годы IX в. наиболее реальная дата этого похода. И если это так, то руссы ударили по закавказским владениям Арабского халифата, в то время как арабы вели наступление на империю со стороны Малой Азии.

Вполне вероятно, что в договоре 60-х годов IX в. нашли отражение условия о местопребывании русских купцов у монастыря св. Маманта и некоторые другие условия, повторенные впоследствии в договоре Олега с греками в 907 г. На основании сведений Ибн-Хордадбе о взимании с русских купцов десятины и “Повести временных лет” о существовании старинной русско-византийской торговли (имеется в виду сюжет легенды об убийстве Олегом Аскольда и Дира, когда Олег и его дружинники прикинулись русскими гостями, идущими в Царьград) некоторые историки считали, что договор 60-х годов IX в. восстановил нарушенную нападением 860 г. русско-византийскую торговлю и регламентировал ее⁴². Мы разделяем эту точку зрения, тем более что от внимания исследователей ускользнула одна, на наш взгляд, немаловажная фраза договора 911 г., которая несет в себе отголосок условий соглашения 60-х годов IX в.: “...егда ходим в Греки или с куплею, или въ солбу”⁴³. Она говорит о существовании между Византией и Русью наряду с “любовью” определенной системы торговых и дипломатических отношений. “Купля” (торговля) и “солба” (посольство) фигурируют в договоре 911 г. как традиционная практика отношений между двумя государствами, существовавшая задолго до начала X в. Она могла возникнуть в ходе старинных русско-византийских торговых и дипломатических контактов в течение IX в. По всей вероятности, “купля” и “солба” нашли отражение и в договоре 60-х годов IX в. как традиционные для раннего средневековья условия договора о “мире и любви”, который обычно включал свободную торговлю между дружественными государствами и обмен посольствами⁴⁴.

Итак, в результате напряженных переговоров состоялось заключение русско-византийского договора, который являлся договором “мира и любви” между двумя странами и открывал новую страницу в отношениях между ними. Локальные перемирия с византийскими властями в первой половине IX в., затем посольство рекогносцировочного характера 838—839 гг., перемирие под стенами Константинополя и, наконец, первый межгосударственный устный договор⁴⁵ — таковы этапы развития дипломатических отношений Руси и Византии в IX в.

Договор 60-х годов IX в. включал, на наш взгляд, как важное политическое положение “мир и любовь”, характерное для такого типа договоров, так и конкретные условия о крещении Руси, а возможно, и о выплате руссам ежегодной дани, разрешении им вступать в византийскую армию,

торговать на территории империи, посылать в Византию дипломатические миссии. Тот факт, что из всех возможных перечисленных условий этого договора в византийских источниках отложились лишь два — пункт о “мире и любви” с Русью, т. е. об установлении между двумя странами мирных отношений, и условие о крещении Руси, по-видимому, не случаен. Именно эти условия можно было трактовать с определенной пользой для византийской политики. Данные условия в тогдашней международной жизни действительно занимали видное место, и лишь одни они стояли на уровне крупных международных политических комбинаций своего времени. Остальные условия договора были ординарными для Византии. Она не раз и не два легко включала их в различного рода соглашения с “варварами”, а порой и нарушала, вызывая против себя гнев и новые походы со стороны “варварских” государств.

Однако совсем иное значение имели они для древнерусского государства. Если заключение договора “мира и любви” с империей, включавшего соглашение о крещении Руси, а точнее сказать, о готовности допустить на русскую территорию православную миссию, имело для Руси огромное политическое значение, небывало подняло престиж древнерусского государства и означало своеобразное “дипломатическое признание” древней Руси, то конкретные условия договора могли являть собой уже первые реальные плоды этого признания. Русь все более четко формулировала свои внешнеполитические и экономические интересы в отношении империи, вступала на тернистый путь тогдашней причерноморской политики. Поэтому вряд ли можно согласиться с оценкой событий Д. Оболенским, который, согласно своей концепции “византийского сообщества наций”, посчитал, что в результате этого мирного договора Русь вошла в круг византийского сообщества⁴⁶.

Когда был заключен русско-византийский договор? Кажется, что Фотий и продолжатель Феофана определенно отвели на этот вопрос — вскоре после нашествия 860 г., т. е. при Михаиле III и патриархе Фотии. Но в биографии Василия I именно он объявлен инициатором договора и крещения Руси. Соответственно этому разделились, как мы видели, и мнения исследователей: одни считали, что руссы вели переговоры с Михаилом III и Фотием и от них получили крещение; другие, напротив, относили события ко времени после 867 г., когда Василий I Македонянин, убив Михаила III, овладел византийским тронem и вскоре отстранил от патриаршества Фотия; третьи полагали, что дело было начато при Михаиле III — Фотии, а продолжено при Василии I — Игнатии.

Мы поддержали бы первую версию, хотя и понимаем известную гипотетичность аргументации. Во-первых, в данном случае выступает аргумент чисто логического свойства, основанный на изучении тогдашней международной практи-

ки. Налицо было опасное нашествие, поставившее Византию в трудное положение. После ухода руссов из-под Константинополя положение империи легче не стало: арабы теснили византийские войска в Малой Азии; показавшая свою силу Русь могла еще раз нанести удар по византийским владениям, так что ее замирение было крайне необходимо. В этих условиях византийское правительство вряд ли стало бы тянуть с переговорами до 867 г.

Во-вторых, договоры такого типа, как правило, заключались по горячим следам событий. Посольства направлялись либо сразу же после вступления в силу перемирия, либо спустя год-два после окончания военных действий. Так проходило заключение мирных договоров после крупных военных кампаний с болгарами и руссами в X в. Поэтому разрыв в семь и более лет представляется нам маловероятным.

Наконец, следует иметь в виду и характер государственной деятельности непосредственных участников событий. В центре событий 60-х годов IX в. стоит многоопытный и велеречивый Фотий, взявший на себя вместе с епархом Никитой Орифой защиту Константинополя от руссов и вдохновлявший его жителей на отпор врагу. Блестяще образованный, талантливый и честолюбивый патриарх ко времени нашествия руссов зарекомендовал себя не только как видный церковный деятель, но и как фигура поистине государственная. Дипломатия была той сферой, где Фотий неоднократно проявлял свои незаурядные способности⁴⁷. Не исключено, что Фотий либо участвовал в переговорах с русскими войсками под стенами Константинополя, либо направлял эти переговоры и играл активную роль в последовавшей вскоре за переговорами попытке христианизировать Русь. Во всяком случае, в “Окружном послании” восточным архиепископам Фотий связал со своей деятельностью два крупнейших события в истории внешнеполитических и миссионерских усилий Византии — крещение Руси и крещение Болгарии, которое произошло одновременно, а может быть и позднее. Вполне возможно, что определенное значение для христианизации Руси имела миссия Кирилла и Мефодия в Херсонес и их дальнейшая миссионерская деятельность в Причерноморье, но судьба крещения руссов решалась не их усилиями, а за “столом переговоров” во дворцах Константинополя. Именно здесь рассматривались все политические аспекты этого не столько церковного, сколько политического акта.

Но как соотносить с вышеизложенными фактами участие в этих переговорах Василия I Македонянина, который занял императорский престол в 867 г., и деятельность патриарха Игнатия по христианизации Руси? И с какой целью искал источник (если это так) смысл событий?⁴⁸

По нашему мнению, вовсе не значит, что все факты деятельности Василия I, которые описаны у продолжателя Феофана, относятся к периоду, когда основатель македонской династии уже стал императором. Еще Макарий заметил, что

при Михаиле III настоящим государем, управлявшим всеми делами империи, был Василий — фаворит, а позднее соправитель Михаила III. Василий уже в 860 г. был приближенным молодого Михаила. Никоновская летопись даже указывает, что в походе против арабов в 860 г., в ходе которого руссы и напали на столицу империи, участвовали одновременно и Михаил III, и Василий: "...царем же Михаилу и Василию, отшедшим на агаряны воевати и дошедшимъ Черныя реки..."⁴⁹. Знаменательно, что летописец назвал фаворита Василия царем, что было явной ошибкой. Но факт необычайного возвышения Василия в то время, по-видимому, не требует особых доказательств: он налицо. Василий вполне мог вместе с Фотием провести или даже возглавить переговоры с руссами и заключить с ними "устроение", тем более что Михаил III мало занимался в те дни делами государственными и искал утешения в развлечениях и пирах. В дальнейшем Василию уже в качестве императора пришлось осуществлять условия договора, и в частности вместе с Игнатием начать или продолжать христианизацию руссов, которая, конечно, была процессом не единовременным и не однозначным. Поэтому, по нашему мнению, нет никакого противоречия между хронологией переговоров и крещения в сообщениях Фотия и в группе продолжателя Феофана. И тот и другой имеют в виду одни и те же переговоры, один и тот же договор, одно и то же крещение, но проекция позднейшего источника ложится на деяния Василия I Македонянина, имевшие общегосударственный характер, тогда как Фотий осветил в основном лишь церковную сторону дела.

Русские летописи не донесли до нас ни единого следа об условиях договора русских князей с греками в 60-х годах IX в., и, по-видимому, не случайно. Счет дипломатическим победам руссов летописцы ведут начиная с Олега, сокрушившего греков в 907 г., а Аскольда и Дира, видимо совершенно продуманно, отодвигают в тень. Эта версия получила отражение и в историографии⁵⁰. Но, по нашему мнению, именно 860 год стал годом военного триумфа и первого в истории древней Руси перемирия у стен Константинополя, завершившегося принятием внешнеполитического соглашения о "мире и любви" с Византийской империей, которое включало ряд конкретных статей, и в их числе условие о крещении Руси, которое вступило в силу при Михаиле III — Фотии и продолжало действовать при Василии I — Игнатии. События 860 г. и последующее заключение русско-византийского договора означали признание Византией нового восточнославянского государства, свидетельствовали о несомненном успехе древнерусской дипломатии, которая в середине 60-х годов IX в. подняла древнюю Русь на уровень отношений с Византийской империей других "варварских" государств причерноморского и балканского мира.

Приведенные соображения могут быть использованы в старинном споре с норманистами, утверждавшими, что поход

860 г. был осуществлен варяжскими (или норманскими) на-ходниками, т. е. норманским государством на Днепре, и не имел никакого отношения к созданию восточнославянского государства на Руси.

В случае с походом 860 г. аргументация в основном сводилась к следующему: организация такого похода была не под силу слабому восточнославянскому Киевскому государству; оно было еще не известно Византии, а Фотий, говоря о Руси, имел в виду вовсе не Киевскую, а какую-то иную, скажем Азово-Черноморскую, Русь. “Руссы под Константинополем в 860 г., — писал А. Л. Шлецер, — не принадлежат к русской истории”. По его мнению, это был народ “неизвестный”, орда “варваров”, “вероятно, народ прибрежный, показавшийся на Западе и исчезнувший”. Летописец просто попал под влияние византийских хроник и, движимый патристическими чувствами, выдал руссов 860 г. за руссов киевских.

А. Л. Шлецер думал, что это были скорее всего понтийские руссы либо шведы конунга Олафа. О варягах, варяго-руссах, “грабительской шайке” и “толпах варягов-руси” 860 г. писали М. П. Погодин, С. М. Соловьев, Н. Полонская и др. Одним из вариантов норманистского подхода к событиям 860 г. является точка зрения Е. Е. Голубинского и В. А. Пархоменко о том, что нападение осуществила Русь готская, Азово-Черноморская. Е. Е. Голубинский полагал, что нет оснований говорить в данном случае о князьях киевских, так как в противном случае народное предание сохранило бы факт их крещения⁵¹.

В западной историографии о норманском характере похода! писал М. Таубе, который считал его делом варяго-руссов. А. Стендер-Петерсен полагал, что поход 860 г. вторично после 838—839 гг. продемонстрировал действия шведской Руси на территории славянских земель⁵².

Наиболее активным проводником норманистских взглядов применительно к толкованию событий 860 г. стал в зарубежной буржуазной историографии А. А. Васильев. Продолжая традиции западных исследователей истории норманнов, которые объявляли все русские рейды против Византии варяжскими (так они называли восточных норманнов), А. А. Васильев рассматривал нападение Руси на Константинополь в 860 г. как одно из норманских вторжений в районы Восточной Европы и Средиземноморья и отстаивал концепцию сильного норманского государственного образования на Днепре, которое подчинило себе окрестные народы и сумело организовать поход на Константинополь. Много можно было бы принять в конкретных построениях А. А. Васильева, но все, о чем он пишет, не имеет отношения к истории восточнославянского Киевского государства. Для Васильева это — варяжский Киев, сильное варяжское государство, ишкуншенные в воинском деле варяжские вожди .

О “скандинавской Руси” под стенами Константинополя в 860 г. пишут на Западе и в наши дни⁵⁴. Компромиссную позицию в этом вопросе заняли Г. Вернадский, Ф. Дворник, А. Власто. Так, они отмечали, что поход 860 г. был принят киевскими славянами, хотя и не отрицали, что Киевское государство было создано “норманнами”.

В защиту славянского характера Киевского государства, осуществившего нападение на Константинополь в 860 г., выступали в дореволюционной отечественной историографии Г. Эверс, Макарий, Д. И. Иловайский, С. А. Геденон, В. С. Иконников, А. А. Шахматов и др.

Дореволюционные историки обратили внимание на то, что Фотий во второй проповеди говорил о руссах как о народе “безвестном”, а в “Окружном послании” характеризовал их как народ, “о котором много и часто говорится”, и отмечал осуществленное руссами объединение окрестных племен (“... поработив со седние народы и чрез то чрезмерно возгордившись...”).

Патриарх более или менее точно определил местонахождение руссов: они вышли из “страны северной”, живут вдали от

греков, за многими странами, судоходными реками и лишенными пристанищ морями. Любопытно, что несколько десятилетий спустя

кремонский епископ Лиутпранд в своей “Истории” также отмечал, что руссов называют “норманнами”

“по месту их обитания”⁵⁷. Византийские источники именовали нападавших и русью, и скифами, и тавроскифами, т. е.

точно так же, как называли восточнославянское государство византийцы и позднее⁵⁸. Многие историки-антинорманисты

подчеркивали, что слова Фотия о “неизвестном”, “неимени

том” народе нельзя трактовать как конкретную оценку места Руси в тогдашней истории, поскольку они были вызваны

лишь стремлением внушить константинопольской пастве

мысль о падении престижа империи, которая была вынуждена

терпеть обиды со стороны народа, до той поры не признанного, “варварского” и т. п.

В разборе конкретно-исторических сюжетов событий 860 г. советские историки использовали как аргументы дореволюционной историографии, так и новые убедительные доказательства в поддержку идеи о славянском происхождении Руси 860 г. Б. Д. Греков отметил, что “Русь или скифы рисуются Фотием большим, всем известным народом, за последнее время усилившимся благодаря завоеванию соседних племен”. На это же обстоятельство обратил внимание и М. В. Левченко. По его мнению, “скифами византийцы в IX в. обычно называли славян”. Вслед за С. А. Геденовым он указывал, что Фотий, говоря о руссах как о народе, находившемся в подчинении другого народа (“поставляемом наравне с рабами”), вероятно, имел в виду зависимость Руси от хазар, которая была ликвидирована в первой половине IX в. в процессе создания древнерусского государства. М. В. Левченко полагал, что в Крыму при наличии греческих “обсервационных постов” и дружественных Византии

азар было невозможно подготовить столь масштабный по-

— он мог зародиться только в Поднепровье. В сторону

поднепровских славян указывает и местонахождение руссов, данное Фотием. В. Т. Пашуто отметил знание Фотием объединительных тенденций на Руси⁵⁹.

Почти все историки-антинорманисты отмечали, что Русь была хорошо известна в Византии благодаря военным конфликтам первой половины IX в., посольству 838—839 гг. и торговым контактам IX в. О них сообщил автор 60—70-х годов IX в. араб Ибн-Хордадбе, который писал, что “царь Рума” берет с русских купцов (“а они вид славян”) торговую пошлину — десятину⁶⁰. В антинорманистской историографии обращалось внимание на соответствие описания приема Русью христианского миссионера в 60-х годах IX в., которое приводится в сочинении продолжателя Феофана, “военно-демократическим” порядкам славянского общества. Когда представитель греческой церкви предложил руссам креститься, “князь этого народа, созвав собрание подданных и председательствуя окружавшими его старцами”, поставил вопрос на обсуждение. Для испытания силы православной религии в огонь полетело евангелие, но осталось целым и невредимым, и тогда руссы приняли архиепископа. Это очень напоминает зарисовку славянского “военно-демократического” общества⁶¹.

Отдавая должное ценным наблюдениям, собранным антинорманистской историографией относительно принадлежности похода 860 г. русской, славянской истории, мы позволим себе заметить, что некоторые весьма важные обстоятельства не нашли еще своего места в разрешении проблемы.

Так, ускользнула от внимания исследователей характеристика, данная Фотием войску руссов (“не обученное военному искусству и составленное из рабов”). Она также указывает на русское племенное ополчение и мало чем напоминает военную организацию норманнов. Нам не известно, что понимал Фотий под “рабами”, но эта необученность русской рати, ее необузданная стихия, простодушно-детское выражение руссами своего восторга пред стенами потрясенного Константинополя (“всплескали руками, неиствывая в надежде взять царственный град”)⁶² впечатляюще говорят о том, что Фотий имел в виду не многоопытных воинов-профессионалов, а народное ополчение, организующим ядром которого могла быть дружина, состоявшая частично из иноземных элементов.

Но наиболее важным аргументом в этом споре, на наш взгляд, является дипломатическая практика Руси IX в., которая свидетельствует о том, что под Сурожем и Амастри-Дой, и в 838 г. в Константинополе, и в 860 г. под его стенами, когда вождь нападавших (как позднее Олег и Святослав) добивался личного свидания с императором, и во время последующих мирных переговоров русского посольства в ви-

зантийской столице греки имели дело не с норманно-готскими “находниками”, не с варяжским государством, а с новым восточнославянским государством, вырабатывавшим свои внешнеполитические стереотипы. С каждым годом медленно, но неуклонно шло усложнение этой практики: от перемирий для обмена пленными к первому робкому малочисленному посольству с целью завязать мирные контакты с великой империей и другими государствами, затем дерзкий удар по Константинополю, перемирие у его стен, посольство в византийскую столицу, переговоры и заключение договора о “мире и любви” с Византией. В процессе дипломатических контактов с Византией Русь постигала сложный дипломатический арсенал соседних государств, и прежде всего самой империи, и каждому этапу сопутствовала своя практика обращения части руссов в христианство как очевидный признак созревания древнерусской государственности, нуждавшейся в монотеистической религии. И все это была одна и та же Русь — мужающее восточнославянское государство, явные следы которого в VIII—

IX вв. советская историография прослеживает по другим многочисленным признакам.

Глава третья
РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ
ДОГОВОР 907г.
ДОГОВОРЫ РУСИ
С ВАРЯГАМИ, УГРАМИ,
БОЛГАРИЕЙ в конце
IX- начале Xв.

1. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА О ДОГОВОРЕ 907 г.

907 год стал в истории русской дипломатии вехой не менее, если не более, значительной, чем год 860-й, когда Русь была признана Византией как государство и заключила с империей первый договор “мира и любви”.

Под 907 г. автор “Повести временных лет” помещает рассказ о новом походе русского войска на Константинополь и о заключении нового русско-византийского договора. На этот раз в летописи сохранилось сообщение и о заключении перемирия, и о ходе переговоров по поводу выработки мирного договора, и о его содержании¹.

В трудах историков XVIII в. версия “Повести временных лет” о договоре 907 г. была принята безоговорочно. В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, М. М. Щербатов, И. Н. Болтин не сомневались в достоверности этого договора. Многолетнюю дискуссию открыл А. Л. Шлецер, который поставил под сомнение летописное известие и о походе, и о договоре 907 г.² Он первым ввел в историографию для подтверждения своей позиции такой аргумент, как умолчание об этих событиях византийских источников.

На протяжении последующих 150 лет в дискуссии четко определились две линии: одни историки считали договор плодом вымысла автора “Повести временных лет”; другие полагали, что он является исторической реальностью, но по-разному оценивали его содержание, место в системе восточноевропейской дипломатии.

В течение XIX в. русская официальная и либеральная историография воспринимала договор традиционно: его содержание освещалось едва ли не во всех общих курсах по отечественной истории и в специальных исторических, исто-рико-правовых, историко-церковных работах. А в начале XX в., опираясь на мнение А. Л. Шлецера, новый удар по достоверности договора 907 г. нанес Г. М. Баранц. Он писал, что в договорах Руси с греками “ничего не поймешь”, что это просто “изодранные лоскуты”, случайно сцепленные между собой неумелой рукой плохого компилятора³.

Скептической линии по отношению к договору 907 г. придерживался В. И. Сергеевич. Он считал, что “причины, вызвавшие заключение нового мира (договора 911 г.—А. С), остаются... неясными”, да и само изложение договора 907 г., по Сергеевичу, выглядит отрывочно, он не имеет начала. Выступая против точки зрения ряда историков о том, что договор, возможно, носил прелиминарный (предварительный) характер и лишь предварял дальнейшее соглашение 911 г., В. И. Сергеевич писал, что эта концепция слишком искусственна по отношению к “таким примитивным деятелям, какими были руссы времен Олега”⁴.

Реальность договора 907 г. вызывала сомнения и у А. А. Шахматова. Он утверждал, что договор 907 г. — это

вымысел летописца, причем вымысел хорошо продуманный, преднамеренный. А. А. Шахматов объясняет и мотивы этой древней фальсификации. Летописец, ознакомившись с текстом договора 911 г., обнаружил в его заглавии указание на то, что ему предшествовал какой-то договор, тождественный с договором 911 г., — именно так понял А. А. Шахматов начальные слова договора 911 г.: “Равно другаго свещания, бывшаго при тех же царьхъ Лва и Александра”. Из заглавия летописец вывел, что первый мир относится ко времени Олегова похода на Царьград. Он высчитал и время похода — 907 г., просто-напросто взяв эту дату из народного предания, которое оказалось здесь же, в летописи, и говорило о смерти Олега через четыре года на пятый после его похода на Византию. Но в 907 г. еще не правил император Константин, венчанный на царство позднее. А он-то и упоминался в преамбуле соглашения 911 г. Тогда летописец вычеркнул из преамбулы имя Константина и оставил там имена царствовавших в 907 г. Льва и Александра, которые и заключили в 907 г. с Олегом какой-то договор, в чем-то “равный” договору 911 г. Но серия подделок на этом не кончается. Летописец изобретает и самый договор 907 г. К тому же замечает А. А. Шахматов, в договоре Игоря 944 г. есть ссылки на статьи “ветхого мира”, которые ведут к 911 г., но самих статей в договоре 911 г. нет. Значит, делает вывод А. А. Шахматов, их искусственно перенесли из 911 в 907 г. И вот итог: договора 907 г. не существовало, “Олег заключил с греками только один договор” — 911 г.

Сомнения А. А. Шахматова в дальнейшем разделяли А. Е. Пресняков, С. П. Обнорский, С. В. Бахрушин⁶. Отзвуки скептического подхода к договору 907 г. ощущались и в советской историографии. 7 ак, Д. С. Лихачев, с одной стороны, не сомневался в реалиях похода 907 г. и писал о четырех договорах (907, 911, 944 и 971 гг.) Руси с греками, включая в их состав и договор 907 г., а с другой — согласился с точкой зрения А. А. Шахматова, что договор 907 г. — это извлечение, “простая выборка некоторых статей из договора 911 г.”⁷. Б. А. Рыбаков в своих работах проходит мимо как даты похода (907 г.), так и самого договора 907 г., хотя признает исторически реальными факты похода. А. А. Зимин упоминает о договоре 907 г., но опирается при этом на мнение тех ученых, которые считали его литературной компиляцией, основанной на материале договоров 911 и 944 гг. Так, он отмечает, что “договор 907 г. появился только под пером составителя “Повести временных лет” из имевшихся в его распоряжении материалов”⁸. Еще раз версия об искусственном происхождении текста договора 907 г. прозвучала в работах А. Г. Кузьмина и О. В. Творогова⁹.

Другая группа ученых — как дореволюционных, так и советских — не отрицает достоверности летописных сведений о договоре 907 г., но считает его прелиминарным миром, который был перезаключен в 911 г.

М. С. Грушевский, отрицая историческую достоверность факта нападения Руси на Константинополь, тем не менее признал, что какие-то походы русских ратей на Византию предпринимались, результатом чего и явилось заключение выгодных для Руси договоров с империей, включавших условия о выплате греками контрибуции, дани и иные благоприятные для Руси пункты",

В советской историографии мнение о предварительном характере договора высказали Б. Д. Греков, М. В. Левченко, В. Т. Пашуто, а в юридической литературе — Ф. И. Кожевников. Б. Д. Греков, не указывая, правда, дату похода, полагал, что под стенами Константинополя византийцы пошли на невыгодный для них мир, "после чего был заключен письменный договор, определявший отношения между Киевским государством и Византией". Договор 907 г., надо полагать, такие отношения еще не регламентировал. Анализируя договор 911 г., Б. Д. Греков рассматривал в его составе и статьи, помещенные летописцем под 907 г., т. е. он опирался на ставшее к тому времени традиционным понимание статей договора 907 г. как извлечения из текста договора 911 г.¹² М. В. Левченко считал, что договор 907 г. не вполне соответствовал условиям развивавшихся русско-византийских отношений, чем и объяснялось направление в Византию посольства Олега и заключение нового соглашения 911 г.¹³ Эту точку зрения разделяет В. Т. Пашуто. "Кажется, правы те,— пишет он, имея в виду М. В. Левченко и польского историка С. Микуцкого,— кто считает его (договор 907 г.— А. С.) предварительным соглашением, судьбу которого и решил поход 911 г.". Договор 907 г. В. Т. Пашуто характеризует как "межгосударственный", "юридически зрелый". Он подчеркивает, что договор 907 г. "лишь зафиксировал и объединил нормы, уже бытовавшие в прежних соглашениях отдельных славянских земель с Византией"¹⁴.

Существует и третья версия, согласно которой договор 907 г. являлся основным, решающим в отношениях Руси и Византии в начале X в. и имел универсальное значение для последующих отношений двух государств в X—XI вв. Первым эту точку зрения высказал Н. А. Лавровский, а детально обосновал ее В. В. Сокольский в публичном выступлении в 1870 г. Он обратил внимание на то, что само оформление этого акта сопровождалось предварительным договором, что было свойственно лишь самостоятельным внешнеполитическим соглашениям. Договор же 911 г., по мнению Сокольского, был только дополнением к договору 907 г., которое стало необходимым в ходе торгового и политического сотрудничества Руси и Византии¹⁵.

С. М. Соловьев дал на этот счет почти бытовую зарисовку, которая в общем достаточно четко укладывается в концепцию самостоятельности и универсальности договора 907 г. Допустив русских в Византию, писал С. М. Соловьев, "греческий двор должен был урядиться с киевским князем, как

поступать при необходимых столкновениях русских с подданными империи”. Так появился договор 911 г., который был утвержден “на основании прежнего ряда, заключенного тотчас после похода”. Его точку зрения разделяли А. В. Лонгинов и Д. Я. Самоквасов. “Древний мир” стал основой для последующих соглашений — так определил Д. Я. Самоквасов значение договора 907 г. По его мнению, “договоры 911, 945 и 971 гг. представляли собой только подтверждения и дополнения договора 907 г.”¹⁶.

В защиту этой концепции выступил советский ученый В. М. Истрин. Он считал, что соглашение 907 г. отвечало всем современным ему дипломатическим канонам, но оказалось недостаточным для дальнейшего регулирования отношений между двумя странами. Поэтому в 911 г. Олег отправил “особых послов” в Константинополь для восполнения недостающих взаимных условий. Они и появились в договоре 911 г., но позднейший летописец сократил их как простое повторение норм договора 907 г.¹⁷

Наконец, некоторые историки — как дореволюционные, так и советские, признавая самостоятельность договора 907 г., придавали ему ограничительный, торговый характер¹⁸.

Советские историки — авторы коллективных обобщающих трудов, несомненно, учитывали отсутствие единого мнения по поводу данного исторического сюжета. Отсюда и осторожные оценки. Так, в многотомных “Очерках истории СССР” говорится: “О соотношении текстов этих договоров (90?-и 911 гг. — А. С.) в литературе существуют разногласия. Во всяком случае, факт заключения договора в 907 г. не подлежит сомнению и можно смело утверждать, что выгодный для Руси договор явился (М’дствием удачного похода русских “воев” на Царьград. Несколько лет спустя авторы многотомной “Истории СССР с древнейших времен до наших дней” обошли молчанием этот спорный вопрос. Авторы двухтомной “Краткой истории СССР”, напротив, признали как конкретно-исторический факт поход Олега 907 г., но считали, что условия мира 907 г. были оформлены позднее, в русско-византийском договоре 911 г., “весьма выгодном для Руси”. В “Истории дипломатии” не нашли отражения ни поход, ни договор 907 г. В “Истории Болгарии” договор 907 г. оценивается как чисто “торговый”. По-иному трактуются ход и итоги военной кампании 907 г. в “Истории Византии”. Автор главы “Византия и Русь в IX—X вв.” Г. Г. Литаврин не сомневается в достоверности похода и договора 907 г. По его мнению, в 907 г. у стен Константинополя было достигнуто соглашение, а в 911 г. был заключен еще один договор¹⁹.

В работах зарубежных историков отразилась острая полемика по этому вопросу в отечественной историографии. В XVIII—XIX вв. в обобщающих трудах по русской истории, выходящих за рубежом, история похода и договора 907 г. излагалась в соответствии с интерпретацией этого

вопроса в русской историографии XVIII в.²⁰ Но уже в первой трети XIX в. на Западе раздавались голоса скептиков, выразивших недоверие сообщению “Повести временных лет”. “Полностью мифической традицией” назвал события 907 г. немецкий историк Ш. Вилькен. Ему *вторил* англичанин С. Рэнсимэн. “Обычной сагой” считал историю Олега похода и договора 907 г. немецкий историк Г. Лэр²¹. Эти ученые расценивали умолчание греческих источников в качестве основного аргумента в пользу отрицания реалий 907 г.

Особенно активно против достоверности сведений русской летописи о походе и договоре 907 г. выступили в 30—50-х годах XX в. бельгийский византист А. Грегуар и английский историк Р. Доллей.

В. Грегуар в статье “Легенда об Олеге и экспедиции Игоря” писал, что князь Олег никогда не существовал, что летопись Нестора “содержит столь же много ошибок, сколь и слов”. В дальнейшем положения А. Грегуара о “неисторичности” похода развивал Р. Доллей, который аргументировал свою позицию опять-таки ссылками на умолчание греческих источников о походе и договоре 907 г. и последующие “заимствования” из истории болгаро-византийских отношений²².

В начале 60-х годов XX в. в Париже вышла в свет работа И. Сорлен “Договоры Византии с Русью в X в.”. Не определив четко своей позиции в подходе к договору 907 г., И. Сорлен, с одной стороны, допускает, что “достоверность договоров может быть взята под сомнение, если сам поход, который им предшествовал, является только легендой”, а с другой — отмечает, что если принять оба договора как реальные факты, то соглашение 907 г. “представляет собой документ, независимый от договора Ум г.”.

В 70-е годы XX в. против достоверности договора 907 г. выступили Д. Оболенский и его ученик Д. Шепард. Д. Оболенский в труде “Византийское сообщество. Восточная Европа. 500—1453” принял версию о том, что договор 907 г. был лишь частью соглашения 911 г., но прошел мимо таких сюжетов переговоров 907 г., как заключение мирных отношений между двумя странами или выплата Византией дани Руси. Д. Шепард в небольшой студенческой работе о проблемах русско-византийских отношений с 860 по 1050 г., не утруждая себя аргументами, вообще опустил дату 907 г.²⁴

Однако А. Грегуар был глубоко не прав, когда утверждал, что к концу 30-х годов XX в. не была слышна ни одного голоса в защиту достоверности русских летописных известий о событиях 907 г. В пользу правдоподобности похода и договора 907 г. выступил в 1938 г. американский историк Г. Рондал. В 1947 г. известный французский византист Л. Брейе не только отметил реальность похода Олега и поражения греков, но даже настаивал на достоверности факта встречи Льва VI и Олега для утверждения мирного договора. В 1948 г. летописную версию похода и договора 907 г. принял канадский ученый А. Боак. Как и историки прошлых

лет, он рассматривал переговоры 907 г. лишь как предварительное соглашение, которое было завершено “формальным договором” 911 г.²⁵

Но наиболее решительно в защиту достоверности летописных сведений о русско-византийских отношениях в 907 г. выступили Г. Острогорский и А. А. Васильев. В статье “Поход князя Олега против Константинополя в 907 г.” Г. Острогорский отметил, что русский летописный текст восходит к какому-то древнейшему источнику. Факт умолчания греческих хронистов о событиях 907 г. он объяснял тем, что все их сведения также восходят к общему корню — хронике Симеона Логофета, в которой действительно не упомянут поход 907 г. А. А. Васильев в книге “Второе русское нападение на Константинополь” подробно разбирает обстоятельства похода и договор 907 г. Правда, он считает Киевскую Русь нор-манским государством, а Олега — варяжским вождем, но ни минуты не сомневается в реальности самого Олега, его похода и договора 907 г. Как и Г. Острогорский, он не согласен с негативной оценкой договора 907 г. А. А. Шахматовым и попытался реконструировать его полный текст, утверждая, что в этом договоре имелась и статья о разрешении русским воинам служить в Византии. А. А. Васильев выступает против скептических оценок А. Грегуара. Такой взгляд на работы А. Грегуара разделяет и Г. Вернадский⁶.

Таким образом, на наш взгляд, объективное понимание событий 907 г. возможно лишь при ответе на два взаимосвязанных вопроса: был ли поход 907 г. исторически реальным фактом и достоверны ли сведения автора “Повести временных лет” о заключении Олегом договора в 907 г. Каждый из этих вопросов таит в себе самостоятельную исследовательскую тему.

2. ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ ВИЗАНТИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ И ДОГОВОРЫ РУСИ С ВАРЯГАМИ, УГРАМИ, ТИВЕРЦАМИ, БОЛГАРИЕЙ, ВИЗАНТИЕЙ В 907 г.

По нашему мнению, достоверность сведений “Повести временных лет” о русско-византийском договоре 907 г.¹ можно проверить методом их сравнительно-исторического анализа и сопоставления:

во-первых, с фактами заключения Византийской империей дипломатических соглашений с “варварскими” государствами и народами во второй половине I-го тысячелетия;

во-вторых, с практикой заключения дипломатических соглашений Руси с соседними государствами и народами в IX в.;

в-третьих, с летописными же фактами о заключении иных соглашений Руси с Византией для выяснения места договора

907 г. в общей цепи русско-византийских отношений IX—X вв.

До настоящего времени в историографии затрагивались отдельные аспекты такого подхода к теме, но не было принято комплексного рассмотрения проблемы по основным выделенным нами направлениям. Такой методологический подход оправдан, на наш взгляд, хронологической сопоставимостью процессов государственного развития у народов Восточной Европы и древней Руси именно во второй половине I-го тысячелетия и началом их дипломатических контактов с Византийской империей. В тот период на необозримых пространствах Восточной Европы — от Волги до Паннонии и Карпат, от Балтийского побережья до Северного Причерноморья — складывается ряд крупных государственных образований: Аварский каганат, государство хазар, Болгария и др.; одновременно на южных границах Византийской империи и в Передней Азии складывается новое мощное государство арабов — халифат, а на Западе мужает держава франков. Эти государственные образования со всех сторон охватывают Византию в VI—X вв., все чаще становятся их дипломатические контакты с империей. В это время продолжают развивать свои дипломатические отношения с Византией и такие древние государства, как Персия. Их взаимоотношения дают образцы уже разработанных дипломатических норм.

Древнерусское государство не только переживает те же стадии перехода от военной демократии к раннефеодальному государству, как и некоторые другие окружавшие Византию народы в I-м тысячелетии, но и ведет параллельно с последними войны против империи, осуществляет с ней дипломатические контакты, включаясь постепенно в общую систему международных отношений своего времени.

Подобная постановка вопроса определяет и корпус исследованных источников. В первую очередь это, конечно, спорный текст “Повести временных лет”, рассказывающий о заключении Олегом русско-византийского договора 907 г., и тексты русско-византийских соглашений 911, 944, 971 гг., историческая достоверность которых в основном не вызывала сомнений ни у русских, ни у зарубежных исследователей. Изучение договоров Византии с сопредельными государствами основывается на собранном немецким византинистом Ф. Дэльгером реестре всех упоминаний в византийских и западноевропейских хрониках, исторических, географических и прочих трудах арабских, персидских и иных восточных авторов о договорах, дипломатических переговорах, дипломатической переписке византийских императоров с монархами окружавших Византийскую империю государств с 565 по 1025 г. Эти сведения составили 1-й том его многотомного издания “Regesten der Kaiserurkunden des Ostromischen Reiches von 565—1453”. Ценность этой работы Ф. Дэльгера заключается в том, что сведения о том или ином договоре, переговорах,

посольстве, переписке приводятся на основании всех известных на этот счет сообщений различных авторов.

Для того чтобы выяснить реальность или ложность сведений “Повести временных лет” о соглашении 907 г., прежде всего следует установить, какие типы договоров заключала Византийская империя с окружающими ее “варварскими” государствами. В работе о византино-иностранных договорах и способах их заключения Д. Миллер отметил, что в дипломатических отношениях во второй половине 1-го тысячелетия империя в основном руководствовалась стремлением во что бы ни стало не допустить военной конфронтации с соседними государствами и урегулировать отношения с ними “через договоры, соглашения... которые обеспечивали мир и продлевали его. Мир... был первейшим желанием”².

Подобную же трактовку византийской дипломатии дает и Д. Оболенский, настаивавший на том, что Византийская империя, вынужденная оборонять свои границы на двух фронтах: на востоке — против Персии, арабов, турок и на севере — против “степных варваров” и балканских славян, неуклонно “предпочитала дипломатические урегулирования войнам”³. Византия действительно стремилась путем мирных урегулирований обеспечить безопасность своих границ, но в то же время она использовала любую благоприятную возможность для захвата новых территорий, возвращения ранее потерянных владений, а путем мирных установлений пыталась, как правильно заметил Д. Миллер, перевести народы из разряда тех, “кто получал приветствия”, в разряд тех, “кто получал приказ”, иначе говоря, превратить союзников в вассалов⁴.

В зависимости от терминологии Д. Миллер делит договоры на клятвенно подтвержденные оборонительные союзы и “миры”, связанные с уплатой дани одной из сторон. Необходимо отметить важное наблюдение историка, что “империя не заключала “торговых”, “политических”, “мирных” договоров или каких-то иных соглашений “in separate”; “инструмент договора пытался регулировать весь комплекс отношений между империей и иностранным государством”. Вместе с тем в соглашениях акцентировались те условия, которые более всего соответствовали отношению сторон в данный момент и вытекали из конкретной внешнеполитической ситуации. Из наиболее общих условий соглашений Д. Миллер выделяет пункты политического, военного, юридического, торгового, религиозного содержания. Мы бы добавили сюда и условия о династических браках, которые представляют собой самостоятельный сюжет в переговорах Византии с рядом государств (Хазарский каганат, империя франков, в X в. — Болгария, Русь). Особо выделяет он “неагрессивные” договоры “мира и союза” (с франками), а также статьи о ненападении (греко-персидский договор 562 г.). Группа условий, охватывающих вопросы об уплате дани, военной помощи, регулирующих имущественно-юридические отношения подданных

обоих государств, объединяется им в понятие “политические статьи”. Договоры Византии с Русью, по мнению Д. Миллера, дают “наиболее полное описание торговых отношений” между двумя странами⁵.

Используя некоторые наблюдения Д. Миллера, рассмотрим, какие основные условия входили в состав того или иного типа договоров. Заметим при этом, что договоры, о которых вел речь Д. Миллер и о которых мы будем говорить ниже, были как письменные, включающие ряд статей, так и устные. Наиболее распространенным древним типом соглашений являлись устные “миры”, которые назывались договорами “мира и дружбы” или “мира и любви”. Они либо устанавливали мирные отношения после военных действий, либо подтверждали прежний мир, либо впервые регулировали отношения Византии с новым соседом. Эта терминология в дальнейшем была воспринята и на Руси. Каковы их главные условия? Первое — ежегодная уплата дани. Платил один из контрагентов, а именно тот, кто больше был заинтересован в мирных отношениях или проиграл войну. Крупные суммы за соблюдение мира на византийских границах империя выплачивала еще антам в VI в., о чем договаривались византийские и ант-ские посольства. С тех пор как в 545 г. император Юстиниан I заключил такое соглашение с антами (оно включало и территориальные уступки), на дунайских границах империи воцарился мир и анты стали союзниками Византии⁶. Выплачивали византийцы дань и Аттиле в обмен за обязательство “не воевать пределов” империи. Византийский писатель и дипломат V в. Приск Панийский сообщал, что по мере возрастания своей мощи гунны требовали повышения размера дани⁷.

В 558 г. Аварский каганат обязался в ходе переговоров охранять дунайскую границу империи от посягательств со стороны “варваров” при условии получения ежегодной дани от Византии. Византийский историк Менаандр писал, что авары соглашались соблюдать мир, в случае если “будут получать... драгоценные подарки и деньги ежегодно”⁸. Отказ же Византии увеличить это ежегодное вознаграждение привел к аваро-византийской войне в 60-х годах VI в.⁹ В 562 г. посол персидского шаха Хосрова I соглашался заключить мирный договор с проигравшей военную кампанию Византией при условии, что “римляне ежегодно будут платить им определенное количество золота”. Этот пункт нашел отражение в особой утвердительной грамоте о мире, которая была составлена отдельно от статей конкретного договора¹⁰. По данным Менаандра, еще в VI в. отдельные арабские племена регулярно взимали платежи с Византии. Получив отказ в этих платежах при Юстиниане II и ничего не добившись путем дипломатических переговоров, они возобновили набеги на союзников Византии¹¹.

По данным Прокопия Кесарийского, в 550 г., когда истек пятилетний срок перемирия Византии и Персии, Юстиниан I

послал к шаху Хосрову I магистра Петра для заключения прочного мира на Востоке. Однако посол вернулся ни с чем. Правда, вскоре, несмотря на ожесточенные боевые действия, в Константинополе появился персидский посол Иездегусн и повел переговоры о новом пятилетнем перемирии, установлении системы взаимных посольских обменов и о согласии Византии в течение этих пяти лет выплатить Персии 20 кентинариев золота и еще 6 кентинариев за те 18 месяцев, что прошли после окончания срока первого перемирия до начала посольских обменов. Прокопий, комментируя этот договор, недаром отметил, что Хосров I “в сущности наложил на римлян ежегодную дань в 4 кентинария, чего он искони домогался”¹².

Вскоре после заключения в 562 г. мирного договора на 50 лет между Византией и Персией разгорелся новый конфликт из-за Армении. В 571 г. была сделана попытка заключить мир. О договоре просил Хосров I и вместе с тем требовал, чтобы империя вновь выплачивала Персии дань, как это было установлено в 562 г. Любопытен ответ византийского императора Юстиниана II на это предложение: “Тот, кто просит мира, должен заплатить дань”. В том же году император, потерпев поражение в войне с аварами, согласился на выплату ежегодной дани каганату в обмен на восстановление мирных отношений. Через несколько лет и с аварами, и с персами был проведен новый тур переговоров. В 574 г. мир с аварами был подтвержден, а Византия должна была ежегодно выплачивать каганату 80 тыс. золотых монет. Переговоры с персами вновь зашли в тупик из-за вопроса о выплате дани. Ни в 575, ни в 577 гг. не удалось достичь договоренности по этому поводу. В 582 г. по мирному договору с аварами Византия подтвердила свою обязанность платить им дань и даже обещала отдать деньги за те годы, когда дань не выплачивалась. Через два года после очередного военного конфликта договор был подтвержден, а ежегодная дань аварам возросла на 20 тыс. золотых монет. В 600 г. был заключен еще один мирный договор с аварами и дань им вновь была увеличена. Договоры мира с уплатой аварам дани были перезаключены в 603—604 и 617 гг.¹³

В VII в. после ряда военных столкновений Византия заключила аналогичные договоры с арабами. По миру 641 г. империя обязалась заплатить арабам дань. В 650 г. в Дамаске появилось императорское посольство для заключения с арабами мира и обязалось в течение трех лет выплачивать "дань. В 659 г. фортуна изменила арабам, и уже они должны были платить Византии денежную дань за мир. В 678 г. арабский халиф Моавия заключил с империей мир, по которому он согласился выплачивать Византии дань в течение 30 лет, а также выполнять другие обязательства. В 685 г. халиф Абдель-Малик подписал с Византией мир на три года на близких условиях: халифат продолжал выплачивать империи дань. Через три года эти условия были подтверждены.

После долгих и упорных войн в VIII в. византийское посольство Константина VI заключило в 781 г. мир на три года с халифом Гаруном аль-Рашидом, по которому империя обязалась уплачивать арабам денежную дань. В 798 г. мирный договор 781 г. был подтвержден, а затем император Никифор заключил мир заново. И вновь империя обязалась платить арабам дань. В 813 г. византийское посольство к халифу Мамуну предложило мир на пять лет, причем империя обязалась заплатить 100 тыс. золотых монет. В течение X в. Византия, подписывая мирные договоры с различными арабскими эмиратами (Египтом, эмирами Алеппо, Месопотамии), неизменно брала на себя обязательство выплачивать им ежегодные дани¹⁴.

Аналогичные мирные договоры с условием уплаты империей дани заключались с болгарами. В 680/81 г. ежегодной выплаты дани добился от империи хан Аспарух, согласившись на установление с Византией отношений мира. По миру с ханом Тервелем в 716 г. Византия платила болгарам ежегодную дань одеждой, дорогими красными кожами и другими товарами на сумму 30 литр золота. Но когда в 755 г. император Константин V отказался платить болгарам положенную дань, разразилась война. В 893 г. империя изъявила готовность выплачивать ежегодную дань Симеону¹⁵. Это обязательство было одним из условий мирного византино-болгарского договора. Болгаро-византийские войны 894—896, 913 и последующих годов заканчивались мирными договорами, включавшими пункт о выплате Византией ежегодной дани Болгарии. И конфликт 912 г. возник из-за того, что правительство императора Александра не смогло выплатить дань Симеону. В 927 г. затяжные болгаро-византийские войны закончились заключением мирного договора, по которому Византия вновь обязалась выплачивать Болгарии ежегодную дань¹⁶. Эту дань империя платила Болгарскому царству вплоть до 60-х годов X в. Новая болгаро-византийская война, вспыхнувшая в 966 г., началась, в частности, из-за того, как сообщает Лев Дьякон, что империя прекратила выплату Болгарии дани, а на требование болгарского посольства выполнять свои даннические обязательства император Никифор Фока ответил презрительным отказом и жестоко оскорбил послов¹⁷. То было время, когда Византийская империя значительно окрепла после военных потрясений начала века и располагала превосходной армией¹⁸.

Мирные отношения с франками также обеспечивались дорогими подарками: сначала королю Пипину Короткому (757 г.), с 798 г. — Карлу Великому, а затем Людовику Благочестивому¹⁹. Нельзя сказать, что это была дань, но связь денежных выплат с сохранением мира с сильной державой франков определенно прослеживается и в данном случае.

Установление мирных отношений как на короткие (три—пять лет), так и на длительные (30—50 лет) сроки обеспечивалось порой не только ежегодными денежными платежа-

ми, но и другими условиями: территориальными урегулированиями (с болгарями), обменом военнопленных (с арабами) и т. д. Несмотря на разные терминологические определения этих “миров”, вызванных конкретными историческими обстоятельствами, их содержание во многом оказывается сходным и обнимает все те же вопросы уплаты ежегодных даней, территориальных, торговых, династических договоренностей. Близки к ним по содержанию и договоры о мире и союзе. Их отличительной чертой явилось наличие в соглашениях условий о предоставлении Византии военной помощи, но выплата империей ежегодной дани своим союзникам представляла собой один из центральных пунктов и таких соглашений. Так, в 622—623 гг. Византия заключила договор о союзе и помощи с аварами. Как и в прежних мирных договорах с аварами, денежная ежегодная плата и в этом случае была главным условием соглашения. В 625—626 гг., во время войны с Персией, император Ираклий просил у Хазарии помощи в 40 тыс. всадников, обещая кагану отдать ему в жены свою дочь Евдокию и отправив ему богатые подарки. Союзная помощь за деньги покупалась империей в 893 г. у угров против Болгарии, в 917 г. — у печенегов против той же Болгарии²⁰. Неоднократно Византия старалась подкрепить такие союзы династическими браками. Заключение союза против конкретного врага (например, с аварами против склавинов в 578 г.)²¹ порой основывалось на прежних договорных мирных отношениях, поддерживаемых ежегодными даяниями со стороны Византии. Поэтому вряд ли можно провести резкую грань между “мирами” и “союзами”. Мирные отношения Византии с соседями, подкрепленные ежегодными платежами, в период войны вызывали к жизни соглашения о союзе и помощи²².

Подобного же рода договоры заключались и другими государствами. Так, после опустошительного набега на Германию венгры договорились с Генрихом I в течение девяти лет не нарушать мира, если он выдаст им взятого в плен вождя и будет выплачивать ежегодную дань. Эти условия были приняты, и мир был заключен. Но едва Генрих I отказался платить дань, как в 933 г. последовало новое вторжение венгров в Саксонию²³.

Таким образом, система ежегодных денежных платежей лежала в основе мирных урегулирований Византии и других государств со своими соседями. Д. Оболенский заметил по этому поводу: “Византийское правительство со времени Юстиниана I до Василия II выплачивало значительные суммы; для того, чтобы обеспечить лояльность народов — сателлитов империи. Во многих случаях эти деньги были несомненной данью, добытой варварами острием меча”²⁴.

Русь не оставалась в стороне от дипломатических традиций раннего средневековья, и договоры с Византией 60-х годов IX в. и 907 г. не были единственными в ее политической истории конца IX — начала X в. У нас есть свидетельства

о заключении Русью договоров “мира и любви” и с другими государственными объединениями. В первую очередь здесь следует сказать о варягах.

В “Повести временных лет” говорится о том, что Олег “устави варягомъ дань даяти от Новагорода гривен* 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославле даяше варягомъ”. Об этом же повествует и “Новгородская первая летопись”: “...на лето мира деля”²⁵. Историки по-разному оценили это событие²⁶. Мы полагаем, что в данном случае Русь получила мир на своих северо-западных границах за счет уплаты варягам ежегодной дани по образу и подобию многих византинско-иностранных соглашений второй половины 1-го тысячелетия. Это соглашение явилось итогом всей истории взаимоотношений Руси с варягами, как она представлена в “Повести временных лет” и других летописных сводах. Они донесли до нас сведения о давних и разнообразных отношениях варягов и северо-западных славяно-русских и других племен. Под 859 г. “Повесть временных лет” сообщает о том, что варяги “имаху” дань с чуди, словен, мери, кривичей. Здесь же летописец сравнивает взаимоотношения варягов и славянских племен (словен, кривичей) с отношениями между хазарами и другими славянскими племенами: хазары брали дань с полян, северян, вятичей. В этих условиях дань являлась признаком зависимости славянских племен как от варягов, так и от хазар. Затем следует известие о том, что варяги были изгнаны за море. Следствием этого явилось прекращение уплаты им дани: “...и не даша имъ дани”²⁷. И вот вновь появляются сведения об уплате варягам дани “мира деля”. Беспокойные соседи, видимо, наносили ощутимый вред северо-западным русским землям. И едва ли не первой акцией молодого древнерусского государства стала выплата варягам дани “мира деля” (ради соблюдения мира).

Овладев Киевом, подчинив себе окрестные славянские племена, Олег оградил себя от постоянных нападений со стороны варягов, откупившись от них ежегодной данью. В дальнейшем менялись князья на киевском престоле, бурно развивалось древнерусское государство, иным, видимо, становился и варяжско-прибалтийский мир, но 300 гривен в год в течение 150 лет Русь регулярно выплачивала варягам “мира деля”. Думается, то был обычный для тех времен договор “ми-а и дружбы”, который связывал тогда многие государства, рамках подобного же договора с варягами наряду с уплатой им дани осуществлялась, по-видимому, и регулярная военная помощь варягов киевским князьям. Действительно, варяги шли с Олегом и на Смоленск, и на Киев, позднее они приняли участие, согласно летописным данным, в походах на Константинополь Олега (907 г.) и Игоря (944 г.).

Аналогичный договор, правда, в иных, более тяжких для Руси обстоятельствах, был заключен Киевом с уграми. Под 898 г. “Повесть временных лет” сообщает: “Идоша угри мимо Киевъ горою еже ся зоветь ныне Угорьское, и пришедше къ

Днепру стаха вежами; беша бо ходяще аки се половци”²⁸. Обращает на себя внимание та настойчивость, с которой народное предание повторяет факт прихода угров к Киевским горам. В летописи частично отразилась и причина такого упорства: угры стали под Киевом вежами, как это делали позднее половцы. А это значит, что над русской столицей нависла смертельная опасность—враг грозил штурмом. Иных следов событий, разыгравшихся под Киевскими горами, летописи не сохранили. Уже одно это указывает на определенный информационный провал в истории взаимоотношений угров и древней Руси тех лет, имеющийся в летописях. Возможно, сам ход событий был таков, что его отражение в древнейших летописных сводах было политически невыгодно великокняжеской власти.

В какой-то мере восполняет этот пробел известие венгерского анонимного хрониста XII—XIII вв. об угро-русской войне на исходе IX в., восходящее к протографу XI в. Хронист рассказывает, как, двигаясь на запад, кочевья угров дошли до киевских земель и “захотели подчинить себе королевство Русов”. Киевский князь решил дать уграм бой и выступил им навстречу, но был разгромлен войсками венгерского вождя Альмоша. Воины Альмоша преследовали руссов вплоть до стен Киева, где те и заперлись. Далее хронист сообщает, что угры “подчинили себе землю Русов”, хотя из самого текста изложения видно, что речь идет не о подчинении, т. е. не о долговременном владении завоеванными землями, а о типичных действиях пришельцев-завоевателей в чужой стране, напоминавших аналогичные действия русских войск в Византии, Закавказье. Угры “забрали” “имения” руссов, иными словами, разграбили близлежащие местности, а затем пошли на приступ киевских стен. Руссы запросили мира, и их посольство появилось в лагере Альмоша. Угры потребовали заложников, уплаты ежегодной дани в 10 тыс. марок и предоставления им продовольствия, одежды и других необходимых вещей. Руссы согласились на эти требования, но в свою очередь предложили, чтобы угры покинули русские земли. Хронист пишет, что Альмош посоветовался со своими вельможами и угры “исполнили просьбу князей Русов и заключили с ними мир”²⁹. Таким образом, после неудачно проведенной войны руссы заключили с уграми стереотипный “мир”, в основе которого лежала взаимная договоренность по ряду пунктов, и в первую очередь об уплате руссами уграм ежегодной дани. Дальнейшие следы этого “мира” и русско-венгерских отношений в конце IX — начале X в. не сохранились.

Выплачивая за мир дань уграм, за мир и союзную помощь — ежегодную дань варягам, Русь, согласно договору с Византией 60-х годов IX в., вероятно, взимала дань с империи, состояла с ней в мирном согласии и, возможно, в союзе.

Какое же место в свете этих дипломатических соглашений занимал в раннесредневековой истории Восточной Европы русско-византийский договор 907 г.?

К началу X в. взаимоотношения Киевской Руси с Византией представляли собой урегулированное состояние “мира и любви”, установившееся после нападения руссов на Константинополь в 860 г. и заключения первого межгосударственного русско-византийского договора 60-х годов IX в. Этот договор являлся общеполитическим соглашением, которое прекращало состояние войны между двумя государствами, декларировало между ними “мир и любовь”, что во многих других аналогичных случаях имело в виду уплату Византией ежегодной дани недавнему противнику, регулярный допуск в империю посольств и купечества, т. е. предоставление обычных привилегий руссам.

Не отрицая торговых противоречий в качестве одной из возможных причин военного конфликта между Византией и Русью в начале X в., все же следует сказать, что, видимо, не они предопределили новое нападение Руси на Константинополь. Скорее всего, причина заключалась в отказе Византии соблюдать наиболее обременительное для нее условие договора 60-х годов IX в. — платить дань. Рухнула сама основа политического договора о “мире и дружбе”, и поход Олега мог явиться санкцией в ответ на нарушение греками этого кардинального условия прежнего договора. У нас нет сведений о нарушении греками своих обязательств в отношении уплаты дани Киеву. Но если допустить, что такие обязательства существовали, то греки вполне могли их нарушить, воспользовавшись междоусобицей на Руси, падением старой княжеской династии в Киеве, появлением на киевском престоле нового правителя, затяжными войнами Олега с окрестными племенами и хазарами. И не случайно вопрос о дани как основе общеполитического договора возник с первых же шагов византино-русских переговоров под стенами Константинополя в 907 г. по образу и подобию других византино-иностранных соглашений.

Готовясь к походу против Византии, Олег не только собирал под свою руку все наличные силы восточнославянских племен, подчиненных Киеву, но и привлек тех из них, которые еще не вошли в состав Киевского государства. В первую очередь здесь следует сказать о тиверцах. О них говорится в той части летописи, где речь идет о составе Олегова войска: “...поя же множество варяг, и словень, и чюдь, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и северо, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци, яже суть толковины: си вси звахуться от грекъ Великая скуфь”³⁰. Почти все названные в этом списке племена не раз до этого встречались на страницах летописи. В частности, они упоминаются в той ее части, где говорится о подчинении Олегом окрестных славянских племен³¹. Что касается тиверцев, то о них ранее было сказано следующее: “...а съ уличи и тиверци имяше рать”³². Это означало, что, подчинив древлян, северян, радимичей, Олег лишь начинал завоевание других славянских племен. Любопытно, что именно тиверцы, с кем

ел войну Олег ранее, выделены в этом списке особой характеристикой — названы “толковинами”.

Эта характеристика вызвала в историографии оживленные споры, в ходе которых выявились в основном три точки зрения. Г. М. Барац и французский историк Ж. Леписье полагали, что в данном случае имеет место ошибка переписчика. Так, французский автор считал, что здесь должно было стоять слово “толкованы” и смысл всей фразы в связи с этим должен был заключаться в том, что тиверцев надо было толковать как ту же “скуфь”³³.

М. Н. Тихомиров и Д. С. Лихачев вслед за А. А. Потебней, А. И. Соболевским, А. А. Шахматовым предположили, что “толковины” — это переводчики, толмачи и это слово относится не только к тиверцам, но и к улицам, племенам южным, владения которых граничили с владениями балканских славян и Византии³⁴.

Но существует и третья точка зрения. Еще в 1936 г. Д. Расовский высказал мысль, что слово “толковины” происходит от старославянского “толока” (помощь) и означает “помощники”, “подручники”. Ссылаясь при этом на такое же понимание этого слова П. П. Вяземским, И. И. Срезневским, М. С. Грушевским, он заметил, что было бы странным, если бы целое племя вдруг характеризовалось в качестве ПереВОД-чиков. По нашему мнению, такое возражение вряд ли состоятельно.

Русский летописец вполне мог дать подобную характеристику тиверцам по наиболее распространенному роду их занятий в византийском и болгарском приграничье. Однако, обратившись к “Слову о полку Игореве”, Д. Расовский справедливо, на наш взгляд, заметил, что там слово “толковины” связано с определением “поганые” — “поганые толковины”, т. е. в данном случае речь может идти о союзниках-кочевниках, которые помогали Руси в борьбе с врагами. К этому следует добавить, что такими же “толковинами” могли быть печенега — союзники Игоря, а позднее и Свято-³⁶слава

Вместе с тем ни Д. Расовский, ни позднее высказавший ту же мысль Б. Д. Греков не обратили внимания на то, что в составе Олегова войска шли, скажем, вятичи, которые в начале X в. еще не входили в состав Киевского государства. Во всяком случае, согласно летописи, они были подчинены Киеву, кажется, лишь Святославом. Однако этих очевидных союзников летописец не называет “толковинами”. Вполне вероятно, что сведения о вятичах могли быть позднейшей вставкой. И все же понимание тиверцев как союзников, помощников, “толковинов” представляется нам верным, но объяснять значение слова следует в аспекте не столько филологическом (в этом случае толкования могут быть весьма различными и каждое из них трудно доказуемо), сколько чисто историче-

ском. Несомненно, что упоминание племен, шедших с Олегом на Константинополь, было связано с их местом в системе древнерусского государства, как оно было отражено в летописи. Так, и древляне, и радимичи, и северяне были к тому времени подчинены Киеву; варяги были замиренны и стали союзниками Киева; словене входили вместе с Новгородом в состав возникшего государства; о кривичах, вятичах, хорватах, дулебах иных сведений от этого времени нет, а о тиверцах есть: с ними Олег воевал. Следовательно, из всех упоминавшихся в данном смысле племен лишь тиверцы отличались тем, что незадолго перед походом на Византию Олег вел с ними, как и с уличами (не упомянутыми в списке), войну. И появление в составе Олеговой рати тиверцев — недавних противников, так и не подчинившихся Киевскому государству, видимо, потребовало дополнительной характеристики летописца. Он назвал их союзниками, помощниками, потому что еще вчера они были противниками Олега. А это означает, что, готовясь к походу против Византии, русский князь стремился обеспечить союзную помощь со стороны сильного южнорусского племени.

Поистине Олег поднимал в поход всех своих данников, вассалов, союзников, среди которых были и недавние противники — тиверцы. Но этим дипломатическое обеспечение похода со стороны Руси не ограничилось. Олег, по всей видимости, постарался заручиться и поддержкой Болгарского царства, антивизантийски настроенного царя Симеона.

В “Повести временных лет” записано, что Олег двинулся против греков “на конех и на кораблех”. На первый взгляд это малозначительная деталь, однако сразу же возникает вопрос: если сообщение летописи о движении части русского войска на конях достоверно, то каким путем двигались руссы по суше к Константинополю?

Древние известия о знакомстве предков славяно-русов с конным войском содержатся в сочинении сирийского автора VI в. Псевдо-Захария Митиленского, который записал под 555 г.: “Соседний с ними (амазонками. — А. С.) народ hrus (hrus) мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей”³⁷. Разумеется, нельзя понимать данную фразу буквально: если кони не могут носить руссов, то и самих коней не было. ОНР говорит как раз об обратном: о трудностях, которые возникали у руссов с созданием конного войска, хорошо им известное. Ибн-Русте, арабский автор, писавший около 30-х годов X в., заметил: “Они высокого роста, статные и смелые при нападениях. Но на коне смелости не проявляют, и все свои набеги и походы совершают на кораблях”³⁸. Из контекста следует, что руссы знали конный строй, но предпочитали морские переходы. Под 593 г. Феофан сообщил, что во время противоборства с византийцами славянский вождь Ардагаст спасся, благодаря тому что “вскочил на неоседланного коня” и бежал³⁹. Более поздние сведения восточных ав-

торов об использовании славянами лошадей для военных походов на первый взгляд весьма противоречивы. Автор конца IX в. ал-Марвази писал, что “если бы у них были лошади и они были наездниками, то они были бы страшным бичом человечества”⁴⁰. А хорасанский автор X в. Гардизи, чей труд восходит к работам географа ал-Джайхани, писавшего около 922 г., отмечал, что “лошадей у них мало”⁴¹. И тем не менее эти сведения не противоречат основной мысли, высказанной Ибн-Русте, что, хотя конный способ передвижения и знаком руссам, они предпочитают походы по воде.

Данные о наличии у руссов конного войска в IX—X вв. подтверждают и дружинные (курганские) погребения с конями и богатой сбруей⁴².

Несколькими страницами ниже летописного известия о походе 907 г. отмечено, что, идя в 944 г. против Византии, Игорь включил в состав своей рати печенегов, которые, как известно, и передвигались, и сражались на лошадях. Да и сам Игорь, как и Олег, шел на греков, по свидетельству летописца, “въ лодьях и на конихъ”, а за три года до этого, во время похода на Византию, руссы туда “придоша” и “при-плуша”. А это значит, что летописец весьма настойчив в своем понимании пути следования русского войска к границам Византии и в 941, и в 944 г.— не только морем, но и сушей, на конях. Любопытно, что и в жизнеописание Олега включена легенда о гибели его от собственного коня. Таким образом, территория Болгарии — вот тот традиционный путь, которым шло конное войско Олега к границам Византии. Путь этот был хорошо известен с древности. Соображения некоторых историков⁴⁴ о том, что руссы до Святослава не знали конного войска, в связи с вышерассмотренными фактами представляются нам неоправданными, так как конные переходы по суше прочно вошли в практику военных действий Восточной Европы того времени, в том числе и Руси.

Неизменно при этом возникает вопрос, каким образом руссы сумели пройти к Константинополю по территории Болгарии, где правил в то время могущественный Симеон? На наш взгляд, ответ на этот вопрос содержится не только в анализе взаимоотношений Болгарии, Византии и древнерусского государства, но и в изучении общей обстановки на византийских границах в начале X в.

Это время ознаменовалось для Византийской империи серьезными внешнеполитическими трудностями. Активизировал свои действия арабский флот, установивший контроль над многими островами Эгейского моря. В 902 г. арабы разграбили город Димитриаду в Фессалии. В 904 г. Лев Трипо-лииский во главе арабского флота ворвался в Фессалонику и овладел колоссальной добычей. Победы греческих полководцев Андроника Дуки на суше и Имерия на море (904 и Ууб гг.) лишь на время приостановили арабское давление, пагануне нападения Олеговой рати значительная часть сил во главе с Имерием была отвлечена на борьбу с арабами⁴⁵.

Одновременно шла война и с могущественной Болгарией. Царь Симеон, вступив на престол в 893 г., уже через год направил свои войска к границам империи. После поражения при Болгарофиге в 896 г. греки запросили мира. Одновременно венгры по наущению Византии выступили против Болгарии, что ускорило заключение болгаро-византийского соглашения. Разгромив венгров при помощи печенегов, Симеон вновь обрушился на Византию и подошел к самым стенам Константинополя⁴⁶.

Шел 904 год. Арабы хозяйничали в Фессалонике. Симеон потребовал от Византии территориальных уступок, и болгаро-византийская граница была передвинута далеко на юг. Начало X в. ознаменовалось для империи и внутренними неурядицами. В 907 г., когда войска Имерия ушли из столицы, поднял мятеж Андроник Дука — глава провинциальной знати. Он вступил в сношения с арабами. Патриарх Николай Мистик тайно поддерживал честолюбивого полководца, которому уже виделся императорский трон. Эти беды пришились как раз на весну 907 г. А. А. Васильев, специально исследовавший этот вопрос, даже считал, что Имерий не смог вернуть активных действий против арабов именно в 907 г., так как нашествие русских войск значительно сковало византийские силы⁴⁷.

На фоне этих исторических событий яснее становится факт появления руссов под Константинополем в 907 г., определеннее выглядит и путь их следования по территории Болгарии “на конех” прямо под стены византийской столицы.

А теперь об отношениях Руси с Болгарией. Сам ход их противоборства с Византией делал два раннефеодальных славянских государства естественными союзниками. Болгария, так же как и древняя Русь, мечом утверждала на византийских границах свои политические, территориальные и торговые притязания, вырывала у империи право на получение ежегодной дани. Эти сюжеты со времен хана Аспаруха (конец VII в.) до царя Симеона (первая четверть X в.) были едва ли не основными во взаимоотношениях двух государств. Во всяком случае, они нашли отражение в известных нам болгаро-византийских договорах VII—X вв., заключенных до 913 г., и в сюжетах других болгаро-византийских переговоров. И последняя перед походом Олега болгаро-византийская война была вызвана нарушением Византией условий болгарско-русской торговли на территории империи.

В плоскости политических и экономических интересов находились и конфликты между древней Русью и Византией в IX—X вв.

Сближению двух стран способствовали их давние культурные связи, о чем подробно писали болгарские ученые В. Н. Златарский, П. Н. Денев, а также советские историки М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, Э. Г. Зыков и другие авторы⁴⁹.

На возможность русско-болгарского союза в начале X в. указал М. Н. Тихомиров. Г. Г. Литаврин также считал, что проход русских войск по территории Болгарии был невозможен без согласия Симеона. Необходимо обратить внимание и на содержащееся в письме византийского патриарха Николая Мистика известие о союзе болгар с “варварами”. “Впрочем, нельзя с уверенностью говорить, — осторожно замечает А. П. Каждан, — что эти “варвары” — русские; это могли быть и арабы”⁵⁰.

Болгарский ученый Х. Коларов аргументированно показал, что между Русью и Болгарией до первой половины IX в. существовала общая граница и имели место прямые политические контакты, о чем, кстати, свидетельствует памятник эпиграфики времен хана Омортага, в котором говорится о том, что земли Северной Болгарии граничили с русскими землями. Эта граница, полагает Х. Коларов, была восстановлена в X в., когда Руси удалось преодолеть путем ряда соглашений враждебность печенегов⁶¹.

В западной историографии вопрос о болгаро-русско-византийских отношениях того времени был поставлен в работах Р. Доллея и А. А. Васильева. Оба они считали, что болгаро-византийский договор 904 г., по которому Болгария и Византия прекратили военные действия и договорились о передвижении болгаро-византийской границы к югу, исключал возможность Нам эта точка болгаро-русского союза зрения представляется необоснованной.

Когда Симеон настойчиво пытался вернуть Болгарии утраченные торговые позиции на территории Византийской империи, Олег воевал со славянскими племенами. Когда же он подчинил власти Киева славяно-русские племена и, утвердив мирные отношения с варягами, был готов силой восстановить политические и экономические отношения между Византией и Русью, добытые в результате похода 860 г., Симеон действительно успел заключить мир с империей в 904 г. Но прошло лишь несколько лет, и правительство императора Александра оказалось не в состоянии выплачивать болгарам традиционную дань. В 913 г. началась очередная болгаро-византийская война⁵⁵. Таким образом, поход Олега, согласно “Повести временных лет”, приходится на период между окончанием одной болгаро-византийской войны и началом другой, что указывает на всеобъемлющий характер и долговременность болгаро-византийских противоречий того периода.

В условиях перманентной борьбы Болгарии против Византийской империи проход русских войск по болгарской территории был не только естественным, но и желанным для болгарского правительства. С одной стороны, болгары соблюдали недавно заключенный с Византией мирный договор, а с другой — помогали нанести удар своему давнему и исконному противнику. Кстати, тайные договоры с целью сокрушить противника практиковались и Византией, и Болгарией, и

уграми. Так, в 895 г. Симеон во время войны с Византией сумел направить печенегов против угров, выступавших на стороне Византии. В. Н. Златарский, анализируя сложившуюся ситуацию, писал о “тайных сношениях” болгар с печенегами⁵⁴. Болгары весьма умело пользовались своим правом разрешать войскам других государств проходить по болгарской территории к Константинополю. Во времена царя Петра (середина X в.) Болгария заключила с венграми соглашение, разрешавшее им проход по болгарской территории к границам Византии, о чем сообщил Скилица⁵⁵. Необходимо иметь в виду и то, что с середины 30-х годов X в., в период обострения отношений между Болгарией и Русью, болгарские правящие круги дважды — в 941 и 944 гг. — извещали Константинополь о движении войска Игоря в направлении имперских границ⁵⁶. В 907 г. не было ничего похожего.

В связи с вышеизложенным мы полагаем, что в 907 г. между Болгарией и Русью не было заключено открытого соглашения, так как оно противоречило бы духу болгаро-византийского договора 904 г. Однако тайное соглашение в данном случае вполне вероятно, поскольку болгары, по справедливому замечанию В. Н. Златарского, использовали любой благоприятный момент, чтобы ослабить политические и военные позиции своего давнего врага⁵⁷. Практика таких тайных соглашений была хорошо известна тогдашнему миру. И факт прохода русского войска по болгарской территории подтверждает ее жизненность, хотя необходимо отметить гипотетичность данного вывода.

3. РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ И УСЛОВИЯ МИРНОГО ДОГОВОРА 907 г.

Согласно “Повести временных лет”, переговоры руссов с греками начались с того, что последние послали к Олегу своих парламентеров и те заявили: “Не погубляй града, имемь ся по дань, яко же хочещи”¹. Олег остановил своих воинов.

Возможно, что греки говорили какие-то другие слова, что автор этого древнего летописного отрывка использовал какой-то образный стереотип. Но мы хотим обратить внимание на два момента, которые во всех вариантах, при всей эмоциональной окраске истории были классическими в подобного рода ситуациях. Во-первых, на сам момент переговоров и факт посылки к руссам греческих представителей, а во-вторых, на согласие греков выплачивать дань — именно выплачивать, а не выплатить одновременно. Греки остановили военные действия и перевели конфликт из сферы военной в сферу политическую. Здесь уже четко прослеживается идея дани как неременного условия дальнейших мирных отношений. Тут же, по горячим следам событий, Олег потребовал выплатить ему “дань” по 12 гривен на человека на 2 тыс. кораблей, “а в корабли по 40 мужь”. Греки, как сказано в летописи, согласи-

лись на это и просили начать мирные переговоры: “И яшася греци по се, и почаша греци мира просити, дабы не воевал Грецкые земли”².

Так закончился начальный этап переговоров между греками и руссами. Первые обещали удовлетворить требования Олега о выплате дани. Русский князь запросил огромную сумму единовременной контрибуции, что и явилось основной темой для развернутых переговоров о мирном договоре. Во всяком случае, это все, что русские летописи могут **нам сказать по данному поводу**³.

Как оценивалась в историографии эта ситуация? В. Н. Татищев, а позднее М. М. Щербатов и Г. Эверс заметили, что до заключения договора 907 г. под стенами Константинополя состоялись предварительные переговоры, результатом которых было прекращение военных действий, отход руссов от города и начало переговоров о мире⁴. Но в дальнейшем эта мысль затерялась. В последующих трудах история и похода, и договора была изрядно скомпрометирована. В ряде исследований советских историков эта немаловажная деталь событий вообще исчезла. В большинстве обобщающих работ данному сюжету вовсе не уделялось внимания, в некоторых из них он толкуется нечетко. Так, Г. Г. Литаврин полагает, что “под стенами Константинополя было достигнуто соглашение, важнейшие статьи которого сообщает русская летопись” .

Если говорить точно, то под стенами византийской столицы было достигнуто лишь соглашение, прекращавшее военные действия, а дальнейшие переговоры относительно договора были проведены в самом городе и отделялись по времени от предварительного соглашения. Причем, рассказывая о появлении греческих парламентаров в стане Олега, летописец не выдумал ничего сверхъестественного: он просто отразил весьма стереотипное положение, когда военные действия приостанавливались и заключалось перемирие. Вслед за первым этапом переговоров, в результате которых греки пообещали выплатить Олегу дань, какую он захочет, летопись сообщает о том, что начался второй этап переговоров: “Олеъ же, мало отступивъ от града, нача миръ творити со царьма грецкима, со Леономъ и Александромъ”⁶. В Константинополь отправилось Олегово посольство в составе пяти человек — Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида.

Историки давно обратили внимание и на второй этап переговоров, начавшийся после отхода русских дружин от Константинополя и связанный с посольством Олега, присланным в столицу империи⁷. Предшествующей историографией этот факт рассматривался изолированно, между тем он имел прямую связь с международной практикой. После военных столкновений Византии с персами, арабами, болгарами вслед за перемириями, как правило, проводились переговоры по пово-

будто бы получил 12 гривен “на ключь”, который В. Т. Па-шутто переводит как корабельный руль, хотя “первоначально он требовал эту сумму на каждого воина”¹⁵.

Обратим внимание еще на одно любопытное обстоятельство, которое было замечено И. Н. Болтиным, а затем подчеркнуто М. С. Грушевским и недавно — Г. Г. Литавриным и О. М. Раповым: речь идет о появлении в ходе переговоров условия о единовременной контрибуции русскому войску и о ежегодной дани, которую должна была выплачивать Руси Византия¹⁶.

В летописном тексте наряду с условием об уплате денег “на ключь”, которое как бы корректирует первое требование Олега (“по 12 гривень на человекъ”), в той его части, где речь идет о ходе переговоров руссов с греками, упоминается новое условие: “...даяти уклады на рускыа грады”. Среди этих городов — Киев, Чернигов, Переяславль¹⁷, Полоцк, Ростов, Аюбеч и “прочаа города”, где сидели русские князья — вассалы и данники киевского князя. В этом тексте можно усмотреть определенную дифференциацию дани. Сумма, которую греки должны были выплатить руссам “на ключь”, по-видимому, являлась единовременной денежной контрибуцией победителю. Свидетельством в пользу этой версии служит и параллельный текст в “Новгородской первой летописи”, где говорится: “И заповеда Олегъ дань даяти... сам же взя злато и поволоки, и возложи дань, юже дают и доселе княземъ рускымъ”. Олег, судя по этому тексту, запросил единовременную контрибуцию в свою пользу и в пользу своих воинов. Вполне соответствует этому факту “Новгородской первой летописи” и заключительный текст “Повести временных лет”: “И приде Олег к Киеву, неся злато, и поволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье”¹⁸. Русская рать вернулась на родину, отягощенная несметными богатствами, награбленными в пригородах Константинополя и взятыми в виде единовременной контрибуции. Соответствует подобное требование победителей в 907 г. и практике руссов 860 г. Тогда, по свидетельству патриарха Фотия, руссы также ушли неотомщенными и со времени нападения на Константинополь получили “несметные богатства”¹⁹.

Практика выплаты контрибуции победителям была хорошо известна в Византии и стала для империи столь же привычным делом, как и сами “варварские” нападения на ее протяженные границы. В VI в. Византия неоднократно откупалась с помощью контрибуции от вторжений славян. Факты уплаты византийцами единовременной контрибуции тканями, мехами, золотом встречаются в договорах Византии с Болгарией в VII—X вв. Получение контрибуции являлось, например, составной частью договоров с Византией болгарских ханов Тервеля (в 705—706 и в 716 гг.), Крума (811—813 гг.), которые были заключены после нападения болгарских войск на Византию²⁰. Позднее в это же русло вступила Русь 60-х

годов IX и начала X в. Да и в последующей истории русско-византийских отношений греки не раз платили единовременную денежную контрибуцию руссам, выполняя тем самым одно из основных условий прекращения ими военных действий. Так, во время второго похода Игоря на Византию греческие послы явились в русский лагерь и, пообещав Игорю уплатить все византийские долги по дани, установленной еще Олегом, тут же предложили руссам единовременную контрибуцию. Далее летопись отмечает, что Игорь взял у греков золото, паволоки “на вся воя” и повернул назад. Через 25 лет, во время переговоров со Святославом, который, опустошив Фракию, вел свое войско на византийскую столицу, греки снова воспользовались знакомой формулой: “Возми дань на насъ и на дружину свою”. И еще раз греки пытались откупиться единовременной данью от русского наступления — император Иоанн Цимисхий передал через своих послов Святославу: “Не ходи къ граду, возми дань, еже хо-щеши”. Святослав приостановил наступление на Константинополь, взял дань на живых воинов и на убитых, заявив грекам: “Род его возьметь”²¹, и вернулся с “дары многы” в Переяславец на Дунае. Вот эту-то единовременную контрибуцию и требовал Олег с греков в 907 г. в полном согласии с тогдашней практикой войны и мира “варварских” государств в Византийской империи.

Иное дело — “уклады”. Это регулярная ежегодная дань, которую Византия, как правило, выплачивала либо своим союзникам, либо тем победителям, которые “за мир и дружбу”, т. е. за соблюдение мирных отношений, вырывали у империи это обременительное для нее обязательство.

В дореволюционной и советской историографии (за исключением, пожалуй, А. А. Шлецера и В. И. Ламанско-го²²), а также в работах зарубежных историков не высказывалось сомнений по поводу факта уплаты Византией дани Руси. Правда, в последнее время появилась еще одна точка зрения на “уклады”. В. Т. Пашуто высказал мнение, что “уклады” — это и есть то самое шестимесячное довольствие в виде хлеба, вина, мяса, рыбы, фруктов, которое получали в Византии по договору 907 г. приезжавшие туда для торговли русские купцы

23

Вопрос об “укладах”, на наш взгляд, также следует решать не изолированно, лишь в плане русско-византийских отношений, а на основе традиционных дипломатических сношений Византии со всем окружавшим ее “варварским” миром, и в первую очередь с государствами, сопредельными с Русью.

Как было сказано выше, Византия на протяжении долгих столетий ежегодно выплачивала значительные денежные суммы различным государствам. В одном случае это была дань побежденного победителю (Персии — VI в.), в другом — пла-

та за соблюдение мирных отношений и союзную помощь, также вырванная военной силой (Аварскому каганату — VI—VII вв., Руси—IX—X вв.), но при всех обстоятельствах мирные отношения (к которым и Византия, и окружавшие ее государства приходили разными путями) подкреплялись ежегодными денежными взносами-данями, которые империя выплачивала своим соседям. Во второй половине I-го тысячелетия эта практика была настолько широко распространена и общепринята при заключении мирных соглашений, следовавших за военными конфликтами, что не приходится сомневаться в доскональном знакомстве с нею и на Руси, тем более что сама Русь выплачивала за мир и союзную помощь ежегодную дань варягам и согласилась на ежегодную выплату ее уграм.

Таким образом, выплата Византией ежегодной дани Руси имеет прочную и древнюю историческую аналогию. Да и сам этот факт стал традицией в византино-русских отношениях. В 944 г., во время второго похода Игоря против Византии, послы греков пытались остановить русское войско на Дунае и избавить Константинополь от новых военных испытаний. Они передали русскому князю слова императора Романа I Лакапина: “Не ходи, но возьми дань, юже ималь Олег, при-дамь и еще к той дани”. Святослав, по свидетельству “Повести временных лет”, также получал дань до начала своего похода на Византию: “Седе княжа ту въ Переяславци, емля дань на гръцех”. Во время переговоров летом 970 г. со Святославом греки заявили русскому князю: “Возми дань на насъ, и на дружину свою”. И здесь мы вновь видим раздельное понимание летописцем дани и единовременной контрибуции. В этом же направлении ведет нас летописная речь Святослава к дружине, произнесенная им в трудный для русских час в осажденном Доростоле. Святослав уговаривал дружину заключить мир с Цимисхием и взять с греков дань: “Аще ли почнетъ не управляти дани, да изнова из Руси, сов-купивши вой множайша, поидемъ Царюгороду”²⁴. В данном случае нас интересует не столько достоверность самого факта Святославовой речи (мы вполне допускаем, что русский князь мог этого и не говорить), сколько логика умозаключений летописца, привыкшего к тому, что Византия в течение долгих лет платила дань Руси и ее неуплата могла послужить причиной новой русско-византийской войны. Пункт договора Олега об “укладах”, взятых на русские города, как раз и говорит об этой регулярной дани.

Таким образом, по договору 907 г. древнерусское государство установило с Византией отношения, которые уже стали нормой для окружавших империю государств. Разрыв этих отношений приводил к межгосударственным осложнениям и к войне. Так было с Болгарией в начале X в. или в 60-х годах при Никифоре Фоке. Византия могла прекратить регулярную уплату руссам дани после убийства Аскольда и Дира и захвата Киева Олегом и определенно перестала платить ее на_

каком-то этапе правления князя Игоря, что и вызвало, по мнению В. Н. Татищева, поход руссов на Константинополь в 941 г.²⁵ Вместе с тем Византия поддерживала “данныческие отношения”, когда нуждалась в союзной помощи со стороны своего соседа или вассала. Кстати, периодичность такой дани подчеркивается и словом “даяти”. Если бы речь шла об “укладе” как единовременной контрибуции, то, конечно, летописец должен был бы употребить слово “дать”. Слова “даяти уклады”, т. е. давать уклады, ясно указывают на долговременность действия этого пункта договора²⁶.

Регулярная плата Византией дани древнерусскому государству²⁷ ради обеспечения от нападений с севера — а возможно, и ради оплаты союзнических услуг — отныне становится нормой политических взаимоотношений двух стран. И это нашло четкое отражение в заключительной части договора 907 г., где говорится, что “царь же Леонъ со Олек-сандромъ миръ сотвориста со Олгом, имшеся по дань”²⁸.

Закономерным развитием этих переговоров и положения договора 907 г. об обязательстве империи выплачивать “уклады” Руси явилось согласие Византии возобновить выплату дани, положенной Руси, при Игоре, в 944 г. Последующие переговоры о выплате греками дани Игорю, Святославу неизменно возвращают нас к переговорам, помеченным 907 г., и к самому условию договора 907 г. о дани. Вот неизбежный вывод, вытекающий из анализа источников.

Итак, в ходе переговоров 907 г. выделяются три условия договора: восстановление “мира и дружбы” между Русью и Византией, выплата Византией единовременной контрибуции в виде денег, золотых вещей, тканей и т. п., а также периодической дани Руси. Но это далеко не все. В разделе, который идет после слов: “И заповеда Олег...”, говорится и об иных условиях русско-византийского договора, выраженных в требованиях русской стороны²⁹. После требования выплаты контрибуции и “укладов” следует фраза: “Да прихо-дяти Русь слюбное емлют, елико хотячи”³⁰.

По поводу этого пункта договора в историографии нет разногласий. Историки отмечали, что “слюбное”, или “слеб-ное”, — это содержание русских послов в соответствии с посольскими традициями, утвердившимися в империи. Но все писавшие по этому поводу говорили лишь о том, что “слюбное” — это корм. Между тем послы иностранных держав, пересекавшие византийскую границу, брались империей на полное бесплатное содержание. Послам предоставлялись транспорт, продовольствие, кров; они обеспечивались провожатыми как на пути в Константинополь, так и обратно, до границ империи.

В связи с этим мы не исключаем, что под “слюбным” имелось в виду посольское содержание в широком смысле слова. Более того, греческая сторона обязывалась предоставлять послам “мовь, елико хотят”, т. е. возможность пользоваться банями. А когда они соберутся в обратную до-

рогу, которая, как известно, шла морем, то получают и “браш-но”, и “якори”, и “ужища”, и “парусы” — опять же “елико имъ надобе”³¹. Этот текст, правда, помещен в договоре после слов о предоставлении месячного содержания русским гостям, т. е. купцам, ведущим за рубежом торговлю. Однако слова: “...и да творят им мовь, елико хотят. Поидучи же домовь в Русь, да емлют у царя вашего на путь брашно...” — согласно контексту могут быть отнесены как к гостям, так и к послам. Обратим внимание на слова “елико хотячи” (“сколько хотят”). Они указывают на то, что время пребывания русских послов в Константинополе и их содержание за счет империи практически не ограничивались.

Как отмечалось, традиция обмена посольскими миссиями между Византией и Русью, имевшая длительную историю, нашла отражение и в одной из статей русско-византийского договора 911 г., где говорится: “Да егда ходим в Греки или с куплею, или въ солбу ко цареви вашему”³². Эта запись свидетельствует о прочной и длительной традиции как посольских обменов, так и русско-византийской торговли. Мы рискнули предположить, что первое соглашение о выработке статуса русских миссий в Византии, уравниении их в правах с посольствами других дружественных империи стран восходит еще к 60-м годам IX в. Теперь же, в 907 г., это соглашение из гипотетического становится историческим фактом.

Данный пункт русско-византийского договора 907 г., как и предшествующие условия — о восстановлении “мира и дружбы”, о контрибуции и о дани—“укладах”, носит чисто политический характер и указывает на то, что дипломатические отношения между Византией и Русью прочно входят в русло международных традиций, в русло внешнеполитических связей Византийской империи с другими признанными ею государствами.

Следующий сюжет договора касается торговых отношений Руси и Византии, а точнее, статуса русских купцов в империи: “А иже придуть гости да емлют месячину на 6 месяцев, хлебъ, вино, мясо, и рыбы, и овощь”³³, а далее говорится о предоставлении руссам возможности пользоваться баней, снаряжением на обратную дорогу. В этом условии отражены, несомненно, требования русского купечества о предоставлении ему в Византии определенного статуса. Месячина — это месячное содержание русских гостей, состоявшее, как указано в тексте, из хлеба, вина, мяса, рыбы, овощей³⁴.

Весь этот текст является, по-видимому, своеобразным проектом договора, или, говоря языком XV—XVII вв., посольским “наказом”, где формулировались требования русской стороны на предстоящих переговорах. В пользу подобного предположения говорит, во-первых, общая “шапка” к тексту: условия договора и о дани, и об “укладах”, и о “слюбном”, и о гостевой месячине определяются “наказом” Олега (“запо-веда Олегъ”), Во-вторых, на предварительный характер русских предложений указывает следующая за ними фраза, кон-

статирующая, что греки согласились на это (“и яшася гре-пи”), а затем императоры и византийские высшие чиновники', принимавшие участие в переговорах, предъявили руссам свои встречные условия договора.)

На это первыми обратили внимание Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев, который писал: “Император и вельможи его приняли условие только со следующими изменениями...” А далее С. М. Соловьев приводит факты об ограничениях, налагаемых на русских гостей, прибывавших в Константинополь³⁵.

Краткая запись летописца о том, что греки согласились на те требования, которые Олег наказал отстаивать послам, и что византийская сторона выдвинула свои требования, вводит нас в обстановку самих переговоров. Составитель летописи изложил их в определенной последовательности: сначала Олег “заповеда”, потом греки “яшася”, т. е. согласились, а потом сами они “реста”, т. е. сказали. По существу, эти лаконичные слова отражают типичную картину переговоров по серьезной, основополагающей проблеме. Русские войска стояли неподалеку от Константинополя, поэтому византийцы сразу же пошли на уплату контрибуции, но снизили ее сумму, согласившись на уплату ежегодной дани; признали они и определенный статус русских послов и купечества в Византийской империи.

При анализе условий договора 907 г., как они изложены русской и греческой сторонами, нельзя не обратить внимание на то, что “русские” пункты договора в основном содержат требования общеполитического порядка: о мире, контрибуции, дани, посольском и торговом статусе для русских в Византии. “Греческие” же условия касаются главным образом порядка пребывания русских купцов на территории империи, который ставил их под контроль императорской администрации. Оговоренными условиями греки как бы вводят русскую торговую стихию в Византии в русло строгой законности, традиционных устоев, и дело здесь не только в том, что греческие власти боялись конфликтов, которые могли вызвать руссы в империи, как полагал М. А. Шангин³⁶. “Аще приидуть Русь бес купли, да не взимают месячины”, — говорит первый пункт “греческих” условий, посвященных проблемам русско-византийской торговли. Таким образом, одно из ограничений для руссов в Византии состояло в том, что получали купеческую месячину только те из них, кто прибывал в империю для “купли”, торговых операций. Как это устанавливалось? В данной связи мы хотим обратить внимание на следующий текст в договоре, идущий от греков: “И да испишут имена их, и тогда возмутъ месячное свое, — первое от города Киева, и паки ис Чернигова, и ис Переаславля, и прочий гради”³⁷.

Относительно параллельного места в русско-византийском договоре 944 г. В. О. Ключевский писал: “Это была предосторожность, чтобы под видом агентов киевского князя не прокрались в Царьград русские пираты”. Позднее Д. В. Айналов, анализируя условия договора 907 г., также заметил, что “перепись совершалась из предосторожности”. Но существовало и другое мнение. А. В. Лонгинов связал требование о переписи с получением месячного корма русскими торговцами

38

Мы полагаем, что при анализе данной части летописного текста следует учитывать оба этих момента. Византийский автор XI в. Кекавмен в своем “Стратегиконе” неоднократно говорит о случаях захвата в IX—X вв. крупных городов на Балканах, в Италии болгарами, франками, турецкими пиратами при помощи военной хитрости³⁹. Понятно, что и греки впускали руссов в город лишь невооруженными и небольшими партиями. Однако условие о переписи византийскими властями русских караванов связано не с этой предосторожностью (трудно себе представить, каким образом перепись могла гарантировать город от нападения), а с общим порядком определения цели и состава торговой миссии, выяснения потребного количества корма, жилья и т. д. Кстати, о том же свидетельствует и устанавливаемый по этому договору порядок выдачи русским гостям месячины. Сначала ее получали представители Киева, затем Чернигова и Переяславля, а далее шли уже “прочие гради”. Определить такой порядок можно было лишь при помощи переписи, о которой говорится в предложениях греческой стороны. Позднее эта практика стала обычной для средневековых государств.

С условием “конституирования” русских купеческих караванов по прибытии их в Византию связано и условие их прохода в город через одни ворота, без оружия, партиями по 50 человек и непременно в сопровождении “царева мужа”: “И да входят в град одними вороты со царевым мужем, без оружья, мужь 50”. Кто же такой “царев муж”? Да не кто иной, как чиновник, приставленный для сопровождения иностранных миссий и торговых караванов. О существовании института такого рода чиновников сообщается в “Книге эпарха” — византийском источнике X в. Так, в главе “О легатарии” говорится, что этому видному государственному чиновнику, заместителю и первому помощнику эпарха Константинополя, вменяется в обязанность докладывать эпарху о всех, кто прибывает в столицу империи “из какой бы то ни было местности и с какими бы то ни было товарами”, устанавливать сроки продажи товаров и т. д.⁴⁰ Естественно, что сам легатарий не мог осуществить всю эту многообразную работу и в своей деятельности должен был опираться на непосредственных исполнителей. Именно поэтому мы и утверждаем, что речь в данной главе “Книги эпарха” идет не столько о самом легатарии, сколько о ведомстве, им возглавляемом.

Спустя четыре года, когда был заключен русско-византийский договор 911 г., специальные императорские “мужи” сопровождали русских послов в их знакомстве с достопримечательностями Константинополя (“Царь... пристави к ним мужи”). “Царев муж”, упоминаемый в договоре 907 г., должен был ввести русский караван в город и проследить, чтобы русские купцы входили в город без оружия. Он осуществлял и охрану прибывших к Константинополю русских посольских и купеческих караванов. Косвенно об этом говорит упоминание в договоре 944 г. о том, что вошедших в город руссов “мужь царства нашего да хранить”⁴¹. Возможно, в ведомство “царева мужа”, чиновника легатария, входили и другие обязанности, связанные с размещением русских торговцев в пригороде Константинополя — у монастыря св. Ма-манта.

Уже при выработке договора 907 г. ярко проявились мотивы озабоченности греков по поводу поведения русских миссий на территории Византии. “Да запретить князь ело-вомъ своимъ приходящимъ Руси зде, да не творять пакости в селех в стране нашей”, — говорится в тексте, идущем от греческой стороны. По нашему мнению, предостережения греков против возможных “пакостей” касались не только купеческих караванов, но и посольств, так как в тексте речь идет о указании “приходящимъ Руси”, т. е. всем, приходящим из Руси.

В “Троицкой летописи” вместо слов: “Да запретить князь словомъ своим...” — стоит фраза: “Да запретить князь послом своим...”⁴² Видимо, составитель “Троицкой летописи” посчитал, что “пакости”, творимые руссами на территории им-пеии, совершали не гости, а послы. Думается, что летописец гдальк от истины и ограничение подобного рода в равной мере могло относиться как к гостям, так и к послам, которые отнюдь не заботились о благопристойном поведении своей свиты на чужой территории. Любопытно, что идентичный текст договора 944 г. в аналогичном случае имеет в виду послов и остальную Русь, а не княжеское слово, и, пожалуй, это лучше всего свидетельствует об ошибке здесь автора “Повести временных лет”. Вот как читается эта фраза в русско-византийском договоре 944 г.: “Да запретить князь сломъ своимъ и приходящимъ Руси еде, да не творять бещинья в селехъ, ни въ стране нашей”⁴³.

Не случайно в этой части говорится лишь о порядке, устанавливаемом для русских посланцев в “селех”. Путь к Константинополю русские посольские миссии и торговые караваны - доделывали порой по суше от болгарской границы. Они ^Рили через населенные пункты мимо богатых, расположенных на старинном торговом пути поселений и известных монастырей. Немало, видимо, самоуправств и насилий допускали хорошо вооруженные и многочисленные русские караваны на пути к византийской столице. Отражением этого и явилось упомянутое условие договора 907 г. В дальнейшем

та же мысль нашла развитие и в порядке размещения русских близ монастыря св. Маманта и их прохода в город. Одновременно условие о статусе русского купечества в Византии совершенно очевидно проникнуто и мотивом озабоченности русской стороны по поводу порядка появления русских купцов в империи. Здесь говорится, что руссы, приехавшие “бес купли”, не имеют права на месячину. Из договора 944 г. известно, что торговцы до нового порядка, установленного договором 944 г. (предъявление послами и купцами грамот), должны были иметь при себе серебряные печати в качестве знака, удостоверяющего их личность и род деятельности. В этом факте мы усматриваем отражение не только заинтересованности Византии в определенном порядке предоставления ряда прав и льгот купцам, пришедшим из Руси, но и стремления складывающегося древнерусского государства поставить русскую торговлю с Византией под свой контроль. И договор 907 г. указывает на первые шаги в этом направлении, которые имеют аналогию в отношениях Византии с другими странами. Так, по болгаро-византийскому договору 716 г. купцы обеих сторон должны были по прибытии на территорию страны партнера предъявлять грамоты⁴⁴. Этот уровень отношений для Руси был достигнут к 944 г.

Таким образом, в тексте договора 907 г., идущего от греческой стороны, поднимаются вопросы поведения русских посольских и торговых миссий на территории Византии, регламентируется порядок их продвижения по стране, определяются условия их пребывания под Константинополем и в самой столице. В нем заложены мысли, которые в дальнейшем были развиты и конкретизированы в русско-византийском договоре 911 г. Пока же они были выражены в общей форме, что соответствовало всему стилю договора 907 г., который решал узловые вопросы политических и торговых отношений между двумя странами. Главным, определяющим основы взаимных торговых соглашений Византии и Руси следует считать и положение об освобождении русских торговцев от “мыта” — пошлины с продаваемых товаров: “И да творят куплю, яко же имъ надобе, не платяче мыта ни в чем же”⁴⁵.

Это условие, видимо, явилось отражением военного давления Руси и лежит в русле тех же льгот, вырванных у Византии Олегом, что и контрибуция, и уплата империей ежегодной дани древнерусскому государству.

В. И. Сергеевич полагал, что в летописи нигде не сказано о принятии Олегом этих греческих условий⁴⁶. Однако в летописном тексте отразились не только порядок выработки в русском лагере предварительных условий договора и сам ход переговоров — своеобразная дипломатическая дискуссия, но и условия согласованного договора. Несмотря на очевидную многослойность летописного текста, вероятно говорившего и о следах окончательного договора, мы четко прослеживаем основные черты договора как единого целого.

4. О ФОРМЕ ДОГОВОРА 907 г.

А. В. Лонгинов высказал интересную гипотезу, что как “заповедь” Олега, так и греческие контрпредложения, т. е. весь ход переговоров, были оформлены в виде письменных документов, но каких-либо подтверждений в пользу этого положения не привел. Конечно, характер изложения хода переговоров в летописи, особенно в тех случаях, когда дело касается русских предложений о контрибуции и дани, напоминает древнюю традицию устных “речей”, которые послы от имени своего правителя передавали правителю другой страны. В этой дипломатической практике, наполненной духом живой разговорной речи, не ощущается четкости письменного документа. Историки обращали внимание на своеобразие языка, которым излагаются условия договора 907 г.: он почти свободен от книжных славянизмов, от не свойственного русскому языку расположения слов в предложении, что имеет место в русско-византийских договорах 911 и 944 гг.² Скорее всего, это в значительной степени разговорный язык, не стиснутый рамками письменного текста, а тем более перевода, живой речевой диалог, какой обычно и использовался в древности во время посольских переговоров. Так, в договоре 911 г. говорится, что Олеговы послы, возвратившись в Киев, передали великому князю “вся речи обою царю, како сотвориша миръ, и урядъ положиша межю Грецкою землею и Рускою и клятвы не преступити ни греком, ни руси”³.

Однако не исключено, что речи послов могли фиксироваться и письменно. И здесь следует вспомнить аналогичные случаи из практики дипломатических отношений VI—X вв. Еще от времени выработки известного греко-персидского договора 562 г. Менандр донес до нас записанные речи обоих послов — греческого и персидского⁴. Эту практику использовали греки и в дипломатических контактах с руссами. Во время переговоров в Константинополе в 944 г. по поводу нового русско-византийского договора русских послов принял император Роман I Лакапин и повелел “глаголати и писати обоихъ речи на харатье”, т. е. речи-предложения были зафиксированы после обсуждения в виде “харатьи” — документа. В дальнейшем Романовы речи были переданы русскими послами Игорю, а Игоревы — византийскими послами, побывавшими в Киеве, Роману. Посредством посольских речей вел переговоры в 971 г. с Иоанном Цимисхием Святослав. Речи Святослава, переданные Иоанну через русских послов, император повелел записать “на харатью”. То, что говорили руссы, вылилось в договор-обязательство 971 г.⁵ Эта практика напоминает ту, что имела место во время переговоров Романа I Лакапина с болгарским царем Симеоном после окончания болгаро-византийской войны (в начале 20-х годов X в.). Речи Романа к Симеону были записаны писцами⁶ и явились основой для заключения мира. Однако у нас нет прямых свидетельств в пользу подобной практики и в 907 г. Поэтому мы хотим

обратить внимание на высказанное Д. С. Лихачевым положение о том, что на Руси задолго до зарождения письменности появилась практика дипломатических переговоров\ “через устные передачи послов”⁷. Думается, что содержание и форма переговоров послов Олега в Константинополе прекрасно отражают эту практику, которую Русь получила из седой древности, черпала в старинных дипломатических обычаях. В древней Греции и Риме и в сопредельных с ними странах в течение долгих столетий широко использовался порядок устных посольских “речей”, при помощи которых дипломатические представители точно передавали поручения своих монархов или правительств, о чем сообщали в своих сочинениях Геродот, Тацит, Саллюстий и другие древние авторы. Позднее в Риме и Византии (в дальнейшем в Русском централизованном государстве, Речи Посполитой, Германской империи и других государствах средневековья) подобная практика уступила место письменным инструкциям, а также официальным письменным обращениям монархов и правительств друг к другу. Но наряду с этим в раннем средневековье, и в частности на Руси, как показал Д. С. Лихачев, долго еще сохранялся древний дипломатический обычай передачи устных посольских речей.

К тому времени, когда русские послы явились в Константинополь, византийская дипломатия уже детально разработала систему ведения посольских переговоров, оформления письменных договоров⁸, записывания посольских речей. Поэтому в данном случае греки, видимо, согласились на ту форму переговоров и самого договора, сформулированного в посольских речах, которой владели руссы. И не случайно позднее, в русско-византийском договоре 911 г., было подчеркнуто, что “любовь”, существовавшую в течение долгих лет между Русью и “хрестьяны”, решено было закрепить “писанием и клятвою твердою”, “не точью просто слове-семь”.

Сопоставление приведенных фактов о переговорах 907 г. с этой фразой договора 911 г., на наш взгляд, весьма недвусмысленно подтверждает в основном “речевой” характер переговоров 907 г., что и нашло отражение в стиле самой летописной записи и в характере изложения условий договора. То были требования руссов и встречные предложения греческой стороны, как они отложились в ходе обсуждения условий мирного договора.

В то же время нельзя не обратить внимание на одну существенную деталь: предложения русской и греческой сторон отложились также в форме статей письменного договора. Действительно, текст летописи от слов: “Аще придуть Русь бес купли...” — и далее до конца текста договора является не речевым, а письменным, статейным отражением заключенного соглашения. Этот кусок текста выпадает из общего ряда живой разговорной речи. Он является частью какого-то документа. Но какого?

д Д. Шахматов и другие ученые полагали, что именно эта часть текста, отнесенного к 907 г., представляет собой отрывок договора 911 г. И. И. Срезневский, задолго до д Д Шахматова обративший внимание на необычность стиля этой части изложения и ее сходство с документальной основой, высказал мысль, что в данном случае мы имеем дело с отрывком “особенной грамоты” и что договор 907 г., так же как и соглашения 911, 944, 971 гг., был письменным документом. Он полагал, что и заключительная часть договора 907 г. имела такое же окончание, как и в других договорах, о чем говорит указание на “роту” — клятву сторон; и начинался договор 907 г. теми же словами, что и другие договоры: “Равно другаго свещания...” и т. п.⁹

В связи с этим спором мы хотим обратить внимание на почти полную идентичность этой части договора 907 г. и одной из статей договора 944 г., посвященной статусу русских послов и гостей в Византии:

Договор 907 г.

“Аще приидуть Русь без купли, да не взимают месячины: да запретить князь словомъ своимъ приходящимъ Руси зде, да не творять пакости в селех в стране нашей. Приходяще Русь да витают у святого Мамы, и послеть царство наше, и да испишут имена их, и тогда возмутъ месячное свое,— первое от города Киева, и паки ис Чернигова и ис Переяславля, и прочий гради. И да входят в град одними вороты со царевымъ мужемъ, без оружья, мужь 50, и да творять куплю, яко же имъ надобе, не платяче мыта ни в чем же”¹⁰

Договор 944 г.

“Аще придуть Русь без купли, да не взимають месячна. Да запретить князь сломъ своимъ и приходящимъ Руси еде, да не творять бещинья в селехъ, ни въ стране нашей. И приходящимъ имъ, да ви-тають у святаго Мамы, да послеть царство наше, да ис-пишеть имяна ваша, тогда возмутъ месячное свое, съли слобное, а гостье месячное, первое от города Киева, паки изъ Чернигова и ис Переяславля и ис прочих городовъ. Да входятъ в городъ одиними вороты со царевымъ мужемъ безъ оружья, мужь 50, и да творять куплю, яко же имъ надобе, и паки да исхо-дять”¹¹.

Как видим, статья договора 944 г. в данной части почти дословно повторяет текст соглашения 907 г. Но возможно ли, чтобы в течение почти 40 лет устная традиция почти без изменений сохранила текст этой важнейшей части соглашения 907 г., с тем чтобы включить его при возникшей необходимости в новый договор? Думается, что это исключено. ■ тому же воспроизведен не только смысл статьи, но и ее

“бюрократический”, документальный стиль, отличный от повествовательного, летописного. Несомненно, создатели договора 944 г. имели перед собой письменный текст более ранней статьи, которая в основной части, утратив пункт о праве Руси на беспошлинную торговлю, вошла в состав договора 944 г.

Но аналогичным образом в качестве документального текста можно воспринять и еще один летописный отрывок, помеченный 907 г., а именно статью, идущую от русской стороны: “Да приходяче Русь слюбное емлют, елико хотячи...” И далее по тексту до слов “и яшася греци”, на что до сих пор не обращалось внимания. По своему стилю и эта статья также выпадает из общего речевого повествовательного склада всей записи; она, так же как и предложения, идущие от греков, напоминает статьи письменного договора 911 г. Интересно, что в договоре 944 г. сохранился след и этой статьи, но не в столь чистом виде, как в случае, только что рассмотренном. В договоре 944 г. говорится: “А великий князь руский и боляре его да посылають въ Греки къ великими царемъ гречьским корабли, елико хотять, со слы и с гостьми, яко же имъ уставлено есть”¹². Прямая ссылка на текст, содержащий “русские предложения”! Тот же смысл, тот же речевой оборот “Да посылають... елико хотять”, а по поводу остального просто сказано: “...яко же имъ уставлено есть”. Таким образом, складывается удивительная, но закономерная картина: все общеполитические положения — о мире, контрибуции, дани — переданы в пересказе, все условия конкретного характера, как политические, так и экономические, напоминают документальные отрывки. И именно они нашли прямое отражение в последующем договоре 944 г.

Любопытно, что и в первом, идущем от Руси предположительно документальном отрывке допущена та же путаница с местоимениями, что и в договоре 911 г. В тексте 907 г. говорится: “И да творят им (русским.— А. С.) мовь, елико хотят”, а далее: “...да емлют у царя вашего на путь браш-но...” Итак, в одном случае Русь говорит о себе “им” вместо “нам”, а в другом, напротив, точно говорит об императоре: “...царя вашего”. В отрывке, идущем от греков, такой путаницы нет. Уже одно это наблюдение, во-первых, может убедить в том, что мы имеем дело с какой-то письменной статьей, занесенной в летопись; во-вторых, способно заметно поколебать версию о самостоятельности договора 907 г. и подтвердить версию А. А. Шахматова о переносе в договор 907 г. статей из договора 911 г.

Однако если взглянуть на эти тексты с точки зрения именно переговоров, речей, когда стороны излагали свои соображения по тому или иному вопросу, а писцы записывали их выступления, с тем чтобы позднее на основе этих письменных документов составить единый проект договора, то они вполне могут быть отрывками таких записанных речей, оказавшихся под рукой летописца. В пользу такого пред-

положения говорит и то, что в тексты документального характера вошли пункты, определявшие конкретные обязательства сторон: время уплаты месячины, ее содержание, перечень предметов, которыми греки должны снабжать руссов на обратную дорогу, порядок пребывания руссов в Константинополе. В этих двух отрывках, как в диалоге, отражены предложения сначала русской, а затем греческой сторон. Переговоры оказались как бы перенесенными на пергамент. И если бы перед нами был искусственный перенос статей 911 г. в договор 907 г., то как объяснить, что летописец выбрал именно эти отрывки, представляющие собой своеобразный диалог: в ответ на предложения руссов о посольском и купеческом статусе греки выдвинули встречные требования.

Следует иметь в виду и еще один возможный вариант появления этих отрывков в летописном тексте: не исключено, что перед нами след императорского хрисовула, т. е. указа византийских императоров, подтверждавшего от их имени те привилегии, на которые греческая сторона согласилась в ходе переговоров¹³. На это, в частности, указывает и текст договора 944 г., где трижды повторяется фраза: “Яко же имъ установлено есть”. Но и в этом случае хрисовул в конечном счете отражал ход переговоров, закрепленных в данном императорском документе¹⁴. В пользу того, что перед нами след хрисовула, говорит и наличие в сохранившихся текстах, идущих как от Руси, так и от Византии, лишь обязательств империи, как это и было принято в подобных греческих документах. Именно так в Византии оформляли дипломатические соглашения с государствами и правителями.

Традиционная путаница с притяжательными местоимениями в дошедших до нас письменных отрывках договора 907 г. может служить косвенным подтверждением не только практики записывания речек во время посольских переговоров, но и перевода хрисовула на русский язык, что также соответствовало правилам императорской канцелярии. Правда, допуская такую возможность, следует выяснить, имелись ли в начале X в. прецеденты подобного рода в отношениях Византии с другими государствами. Исследователи отвечают на этот вопрос совершенно определенно: первый договор в виде хрисовула был выдан византийским императором Веницием лишь в 992 г.¹⁵ Следовательно, согласившись с фактом заключения в 907 г. русско-византийского договора в форме хрисовула, мы вынуждены будем признать, что задолго до этого времени на такой путь в отношениях с Византией вступило древнерусское государство. И в любом случае — след ли это хрисовула, посольских речей, “заповеди” — мы имеем дело с дипломатическими переговорами по широкому кругу межгосударственных проблем, завершившимися заключением общеполитического русско-византийского соглашения

Можно высказать и еще одно предположение: договор 907 г. мог быть комбинированным. С одной стороны, он мог

быть “варварским”, устным, клятвенным соглашением относительно “мира и любви”, уплаты контрибуции, дани, т. е. таких подверженных изменениям пунктов, как контрибуция, дань, которые греки избегали заносить в развернутые дипломатические документы, а с другой — он мог быть дополнен императорским хрисовулом относительно конкретных привилегий, дарованных русским, как это было принято в византийской дипломатии в течение долгих веков¹⁷.

В соответствии с тогдашними международными традициями переговоры завершились встречей Олега с византийскими императорами Львом и Александром. Императоры, “роте заходивше межы собою, целовавше сами крестъ”. А Олег “и мужи его” “по Рускому закону” клялись своим оружием и своими богами — Перуном, Волосом. Это и было утверждение мира. Переговоры нашли в этой традиционной дипломатической процедуре свое логическое завершение. Они закончились так же, как кончались нередко и мирные переговоры правителей других государств с Византией в VI—IX и X вв. Прямые аналоги такому окончанию переговоров есть в трудах Прокопия Кесарийского, Феофана, Георгия

Амартола, повествующих о войнах с готами и славянами, о болгаро-византийских войнах, о переговорах Крума с императором Михаилом I и позднее — послов Симеона Болгарского да и самого болгарского царя с византийскими вельможами

и императорами. Так, во время переговоров греков с гепидами в 550 г. был заключен военный союз против склавинов. Император подтвердил договор клятвой, дали клятву и послы. О клятвенных мирных договорах империи с персами, аварами, арабами сообщают Георгий Амартол и Феофан.

Во время болгаро-византийской войны в начале 20-х годов

X в. император Роман I Лакапин сам явился на встречу с Симеоном, который его “искаше видети”, и, “целовав же друг друга”, они “о мире словеса подвигоста”¹⁸.

Достигнутые соглашения скреплялись клятвами сторон. Болгары, как и руссы, обычно клялись на оружии¹⁹. Этот старинный обычай, распространенный у славян, давно отмечен в историографии. Так же утверждался с русской стороны русско-византийский договор 911 г., а позднее и договор 944 г. Таким образом, договор 907 г. явился первым известным в истории русской внешней политики межгосударственным соглашением, утвержденным по всем дипломатическим канонам своего времени.

В связи со всем сказанным перед нами четко выявляется вполне сложившийся, цельный общеполитический договор между Русью и Византией, который по своим принципиальным направлениям напоминает общеполитические соглашения “мира и дружбы” или “мира и любви”, нередко заключаемые Византийской империей с окружавшими ее “варварскими” государствами, в том числе и договор, который Русь впервые заключила с Византией после похода 860 г. Договор 907 г. отразил основные проблемы соглашений такого рода

между Византией и другими “варварскими” государствами: о восстановлении мирных отношений между Русью и Византией (эти вопросы решались во время предварительных переговоров в стане Олега); о контрибуции; об уплате Византией ежегодной дани; о регулировании между двумя странами политических отношений, подразумевавшим периодические посольские обмены, статус русских послов в Византии; о торговых отношениях между странами, включавших статус торговых русских миссий на территории империи и непосредственно в Константинополе и условие о беспошлинной русской торговле в Византии (переговоры по этим вопросам проходили уже в Константинополе). Не исключено, что в этом же договоре присутствовал и пункт о союзных обязательствах Руси по отношению к Византии, который обычно тесно увязывался с вопросом об уплате Византией дани “варварам” и который и Византия, и Русь не желали, видимо, широко оглашать.

Так через 47 лет после нападения 860 г. Русь вторично вырвала у Византии общеполитическое соглашение — типичный договор “мира и дружбы” с империей. И если в 60-х годах IX в. такой договор явился своеобразным дипломатическим признанием древней Руси тогдашней мировой державой, то 40 с лишним лет спустя древняя Русь не только заставила Византию вернуться к исходным позициям 60-х годов IX в., но и вынудила ее к более серьезным уступкам.

С этих позиций можно адресовать сторонникам точки зрения об искусственно разорванном единстве договоров 907 и 911 гг., полагавшим, что статьи договора 907 г. составляли лишь часть договора 911 г., по крайней мере два вопроса. Как могло случиться, что древний автор так тонко и умело выделил из договора 911 г. лишь статьи общеполитического порядка, которые являют собой содержание стереотипного “варварского” договора о мире с Византией; что он сумел обозначить именно те конкретные статьи (шедшие от русской и греческой сторон), которые также находились в русле этого общеполитического соглашения и испокон веков были предметом притязаний других “варварских” государств? А ведь если встать на точку зрения скептиков, то придется признать, что некий опытный фальсификатор, изучив огромный предшествующий материал, типичные договоры других стран с Византией и требования самой Руси в 860 г., на основании договора 911 г. создал новый цельный документ — русско-византийский общеполитический договор 907 г. Но при этом он почему-то не заимствовал из договора 911 г. готовых, сформулированных статей по принципиальнейшим вопросам, а преподнес сведения о соглашении 907 г. в довольно странной манере — в виде диалога отрывочных проектов русской и греческой сторон относительно условий о политическом и торговом статусе русских купцов в Византии.

Нам представляется, что подлинный талант летописца состоял в том, что на основе имевшихся у него скудных ма-

териалов о походе Руси на Константинополь в 907 г., дошедших до него преданий, переложений речей русских и византийских послов, каких-то неведомых нам письменных документов, он сумел воссоздать живую картину переговоров и донес до нас сами сюжеты второго русско-византийского межгосударственного договора.

5. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДОГОВОРА 907 г.

Прежде всего несколько замечаний по поводу того, что из договора 911 г. были изъяты все те фрагменты, которые отразились в договоре 907 г. и которых нет в договоре 911 г. Этот главный аргумент некоторых историков в пользу недоверности договора 907 г., на наш взгляд, несостоятелен.

Договор 911 г. отразил центральную идею “мира и дружбы”, которая лежит в основе и договора 907 г. В 907 г. “по-чаша греци мира просити, дабы не воевал (Олег.— А. С.) Грецкые земли”. “Миръ сотвориста”, “утвердиша миръ”;— говорится и в заключении текста о ходе переговоров в 907 г. В 911 г. эта идея была повторена: “удержание” и “извещение” бывшей “любви” декларируются в преамбуле договора 911 г. “Суть, яко понеже мы ся имали о божьи вере и о любви, главы таковыа”,— читаем в тексте, идущим за преамбулой. Это означает, что весь последующий текст договора 911 г. его авторы рассматривают сквозь призму “мира и любви”. “Да умиримся с вами, грекы, да любим друг друга от всеа душа и изволения”,— извещает первая статья договора 911 г. Таким образом, идея “мира и дружбы”, лежавшая в основе всех крупных общеполитических соглашений, нашла яркое и четко сформулированное отражение уже в первых строках договора 911 г. И в рассказе “Повести временных лет” о событиях 911 г., о возвращении русских послов из Константинополя в Киев уже после заключения договора 911 г. говорится: “И поведаша вся речи обою царю, како сотвориша миръ, и урядъ положиша”¹. Здесь вновь на передний план выступает идея общеполитического соглашения, “мира”, которая пронизывала договоры и 907, и 911 г.

В договоре 911 г. нашла отражение и другая кардинальная идея договора 907 г.— о регламентации поведения руссов в Византии. В договоре 907 г. говорится о том, что руссы не должны творить “пакости в селех”. Договор 911 г. эту идею развивает и конкретизирует в разделе “Аже ся ключит проказа, урядимъ ся сице”, т. е. если случится какое-либо злодеяние, то стороны договорятся по этому поводу следующим образом, а далее идет серия конкретных статей относительно возможных “проказ”. В договоре 907 г. эта идея носит общеполитический характер, а в договоре 911 г. она получает конкретное развитие, хотя исходная точка и в том и в другом случае одинакова. Слова договора 911 г.: “Да

егда ходим в Греки или с куплею, или въ солбу ко цареви вашему” — ясно указывают на то, что и сюжет о посольских и торговых обменах знаком авторам договора 911 г. Однако они говорят и о том, что в договоре 911 г. ранее не было речи ни о посольских, ни о торговых миссиях. Данная статья договора 911 г. как бы заново раскрывает сюжет, который столь подробно изложен в договоре 907 г. Наконец, обе статьи о пленниках договора 911 г. являются определенным дополнением к рассказу о событиях 907 г., когда вопрос о пленных, которые были лишь объектом действия воюющих сторон, и прежде всего, конечно, напавшей Руси, не попал еще в сферу правового межгосударственного регулирования.

Не исключено, что в испорченном тексте договора 911 г., открывающемся разделом “О взимающих куплю Руси”, могли быть представлены какие-то конкретные статьи, касающиеся порядка русской торговли в Византии. Однако не представляется возможным считать, как это сделали А. А. Шахматов и ряд других поддержавших его в этом вопросе ученых, что текст следует читать по-иному: “О взимающих месячину и творящих куплю Руси” — и что именно в этом месте должен был находиться текст, идущий в договоре 907 г. от греческой стороны². Во-первых, следует обратить внимание на некоторую терминологическую неточность реконструкции А. А. Шахматова: руссы не взимали в Византии месячину — им ее предоставляли. Во-вторых, — и это, на наш взгляд, главное — суть договора 907 г., в том числе и данной статьи, не столько торговая, сколько политическая. Да и указания “Троицкой летописи” и позднейшие цитирования данной статьи в договоре 944 г. свидетельствуют о том, что речь идет как о купцах, так и о послах, т. е. об общеполитическом характере этой статьи. Упоминание о послах под рубрикой “О взимающих куплю Руси” представляется маловероятным. Данная статья договора 907 г. по существу лишь одна из сторон общеполитического соглашения древней Руси с Византией, и ее присутствие среди конкретных статей договора 911 г. представляется неправомерным.

Об общности двух договоров говорит и заключительная часть договора 911 г. Здесь трижды проводится узловая идея “мира и любви”, лежавшая в основе договоров как 907 г., так и 911 г. Об этом свидетельствуют и слова об утверждении “бывшего мира”, и клятва не преступить “устав-ленных главъ мира и любви” и утвердить “бывающаго мира”. Конечно, можно предположить, что во всех этих случаях договор 911 г. лишь содержал те прокламации “мира и любви”, которые в дальнейшем летописец вынес “за скобки” и на основании которых создал свою версию договора 907 г. Однако версия “мира и любви” в договоре 907 г. имеет свою закономерность: она тесно связана с решением других общегосударственных вопросов — с обязанностью Византии выплачивать дань руссам, с вопросом о посольских и купеческих обменах. В договоре же 911 г. эта идея связана с конк-

ретьми статьями. Поэтому не ясно, какой текст мог быть изъят из договора 911 г., поскольку все его части тесно связаны друг с другом, как и части договора 907 г. А если уж говорить об искусственном воссоздании договора 907 г., то так же подробно, видимо, следует сказать и о полной переработке договора 911 г., после которой он приобрел столь законченный вид. Наконец, оба договора завершаются их утверждением и русской, и греческой сторонами.

Ученые, писавшие о переносе летописцем ряда статей из договора 911 г., подчеркивали, что ссылки соглашения 944 г. приходятся на эти вынесенные статьи. Наиболее четко эту мысль выразил А. А. Шахматов³. Собственно, этот факт и являлся одним из основных аргументов неисторичности договора 907 г. Но А. А. Шахматов и другие исследователи упустили из вида, что договор 944 г. не только благосклонно дарит своим вниманием договор 907 г., но и ссылается на соглашение 911 г. Это относится к статье договора 944 г. “Аще ускочит челядинъ от Руси”. В договоре 911 г. в особой статье было записано, что если будет украден русский челядин, или он убежит, или будет насильно продан, а затем русские пожалуются по этому поводу, то он должен быть возвращен на Русь; потерянного челядина также следует возвращать через суд. Об этом же говорит и статья договора 944 г.: русские могут вернуть бежавшего челядина; если же он не будет обнаружен, то по заявлению русской стороны греки за него будут обязаны отдать “цену свою”, “яко же уставлено есть преже, 2 паволоце за челядинъ”⁴. Слова “яко же уставлено есть преже” непосредственно относятся к соответствующей статье договора 911 г. и к сложившейся на ее основе практике. И оказывается, что некоторые статьи составитель “Повести временных лет” вынес за рамки договора 911 г. и сотворил на их основе соглашение 907 г., а с другими это сделать “позабыл”. Авторы же договора 944 г. не обратили внимания на эту “забывчивость” и сослались на статьи как одного, так и другого договора. Этот факт, думается, может говорить только об одном — о реальности договоров 907 и 911 гг. и о внимательном изучении авторами договора 944 г. предшествующих русско-византийских соглашений, о чем свидетельствуют ссылки на оба этих соглашения.

Не выдерживает критики и точка зрения, что судьбу договора 907 г. определил поход 911 г. Судьбу договора 907 г. определил в действительности поход ему предшествовавший. Договор 907 г. политически вырос из событий, разыгравшихся под стенами Константинополя. Он — детище успехов русского оружия. О походе же 911 г. в источниках вообще нет никаких сведений. Кроме того, весьма сомнительно, чтобы руссы организовали второй поход, после того как добились общеполитического соглашения, которое дало им все, на что могло претендовать в отношении Византии “варварское” государство, — мир, контрибуцию, дань, выгодный статус для посольских и торговых миссий, беспопышную торговлю.

Не правы и те историки, которые полагали, что, поскольку есть два договора, должны быть и два похода; а если поход был один, то и договор должен быть один (А. А. Шахматов, А. Е. Пресняков, С. В. Бахрушин, С. П. Обнорский, И. Сорлен). Подсказать именно такое решение может формальный подход к проблеме, но суть как раз и заключается в том, что такое мнение опровергается всем ходом исторических событий. Разрыв в три-четыре года между полевым перемирием и окончательным миром или между двумя мирными договорами (при отсутствии военных действий), когда более позднее соглашение либо дополняло, либо подтверждало ранний договор, неоднократно встречается в истории дипломатических отношений Византии с соседними странами.

Напомним события VI в. — длительную войну Византии с Персией. В 558 г. военные действия были приостановлены, состоялось перемирие “до точнейшего рассмотрения спора”, а поскольку мир был, как пишет византийский историк Менандр, “половинчатым”, в Персию в 561 г. было направлено посольство магистра Петра, для того чтобы заключить полный мир и “прийти к совершенному покою”. Никаких крупных военных действий между договором 558 г. и договором 562 г. не последовало. Мир 562 г. в деталях определил политические и экономические отношения между двумя государствами⁵.

В 574 г. греки направили в Персию посольство, которое заключило мир на три года. Было решено, что в течение этих лет стороны окончательно договорятся по спорным вопросам и выработают долгосрочное соглашение. Переговоры состоялись, но не дали желаемого результата. В 617 г. Византия заключила мирный договор с Аварским каганатом, но авары предложили провести позднее переговоры лично между каганом и императором Ираклием по поводу взаимоотношений двух государств. Мирные переговоры с арабами также должны были начаться по истечении 11 месяцев после заключения предварительного мира 641 г. В 762 г. аварскому кагану Байану было послано письмо из Константинополя с согласием на встречу с ним императора Константина V для переговоров о подтверждении мира, хотя состояние мира между двумя странами было установлено ранее. И позднее в отношениях с болгарами, арабами, уграми не сразу достигались необходимые дипломатические результаты, велись длительные переговоры, после одних мирных соглашений заключались другие. В VIII—IX вв. попытки заключить договоры о мире с державой франков византийские императоры предпринимали неоднократно при отсутствии каких-либо военных действий между Франкским королевством (позднее империей) и Византией⁶.

И в случае русско-византийского конфликта начала X в. события в известной мере повторились: поход был один, а договоров было два — один общеполитический, регулировавший принципиальные вопросы отношений между двумя госу-

дарствами, а другой также межгосударственный, но более конкретный, основывавшийся на положениях первого соглашения.

Не можем мы согласиться и с теми, кто определял договор 907 г. как прелиминарный мир. Во-первых, ему самому предшествовала предварительная договоренность под стенами Константинополя о прекращении военных действий и отходе русской рати от города, что указывает на его вполне самостоятельный характер. Во-вторых, и это главное, содержание договора 907 г. говорит отнюдь не о прелиминарном соглашении, а о развернутом, самостоятельном, законченном политическом документе.

Трудно квалифицировать договор и лишь как торговое соглашение. Конечно, и договор 907 г., и последующие соглашения Руси с греками содержали статьи, регулировавшие торговые отношения двух стран. Но сами эти статьи не имели чисто торгового характера, и договор 907 г. ясно это показывает.

В соответствии с этим соглашением статус русских купцов в Византии являл собой определенное политическое достижение древнерусской дипломатии: ведь трудно защищать тезис о том, что право русских гостей на беспопытную торговлю в Византии представляет собой лишь экономическую уступку. Но главное не в этом. Торговые статьи договора 907 г. (о других русско-византийских договорах мы пока не говорим)—это лишь небольшая и не самая важная часть соглашения. Основной пафос договора лежит в чисто политической сфере — восстановление мирных отношений, проблема ежегодной дани, статус русских посольских и торговых миссий.

А теперь с этих позиций рассмотрим вопрос об “умолчании” источников о договоре 907 г. Если византийские источники действительно не упоминают об этом заурядном в византийской истории событии — очередном приходе русской рати под стены Константинополя, возобновлении с Русью мирных отношений, ряде уступок Руси, являвшихся весьма традиционными в отношениях Византии с “варварским” миром, то русская летопись не только не умалчивает об этом, но буквально заполнена сообщениями о договоре 907 г. Красной нитью проходит мысль о нем через последующие соглашения и тексты, повествующие о новых военных конфликтах и мирных переговорах с империей.

На эту черту русской летописи исследователи давно обратили внимание и, как это случилось с оценкой похода и договора 907 г., сразу же разошлись во мнениях. Одни (А. Дмитриу, В. И. Сергеевич, А. А. Шахматов, М. Д. Приселков) считали, что в этих случаях летописец имел в виду любой иной договор, кроме соглашения 907 г.⁷; другие (А. В. Лонгинов, Д. Я. Самоквасов) полагали, что речь могла идти только о договоре 907 г.⁸

Нам хочется поддержать позицию второй группы ученых, но при этом отметить одну существенную слабость в их аргументации: они ищут в позднейших документах упоминания о договоре 907 г., отдельные схожие статьи. Между тем следует рассмотреть, как в источниках отразилась вся концепция русско-византийского договора 907 г. в качестве основополагающего внешнеполитического документа, который определял отношения между двумя государствами. Такой подход раскрывает некоторые дополнительные возможности. И в этой связи обратимся прежде всего к идее “мира и дружбы”, являвшейся основополагающим принципом договора 907 г. Во все последующие времена (и в период выработки позднейших русско-византийских договоров, и в моменты конфликтов, заканчивавшихся предварительными переговорами) эта идея, сформулированная в договоре 907 г. в качестве основы иных договорных статей, оставалась главной.

А. А. Шахматов и другие исследователи не обратили внимания на то, что ссылки чаще всего делаются на “первый мир”, “ветхий мир”, т. е. прежде всего именно на мир как общеполитическое соглашение, каким являлся договор 907 г., а не на “мир-ряд”, как неоднократно назывался договор 911 г. Так, идея “мира и любви” возникает после военного конфликта Руси с Византией 941 г. В 944 г., согласно летописи, послы византийских императоров явились в Киев “по-строить мира первого”. Это “построение” начинается с политической преамбулы договора 944 г., где говорится, что сторонами было “заповедано обновити ветхий миръ” и князь Игорь с князьями и боярами решили “створити любовь с самими цари, со всемь болярствомъ и со всеми людьми гречьскими на вся лета”⁹. А далее идут конкретные статьи договора, опирающиеся на это восстановление “первого мира”, “ветхого мира”, договора “мира и любви”.

Судя по данным конкретным статьям, первые из которых повторяют принципиальные положения договора 907 г., мы видим, что понятия “мир и любовь” договора 944 г. и договора 907 г. соотносятся с одними и теми же конкретными политическими условиями обоих соглашений. Это посольские и купеческие обмены, посольский и купеческий статусы. Более того, именно в этой общеполитической части 944 соглашения

г. есть прямые отсылки к тому самому “ветхому миру”. Так, в первой же статье говорится о том, что руссы могут снаряжать в Византию корабли с послами и купцами “елико хотять”, “яко же имъ установлено есть”, т. е. как об этом было договорено прежде. Далее следует, что руссы, приходящие в Константинополь “без купли”, т. е. не имея торговых интересов, “да не взимають месячна”¹⁰. Данная статья подразумевает, что обе стороны хорошо знали содержание этого понятия. И оно им действительно было известно из Договора 907 г. И следующая статья, где сказано об обитании руссов близ монастыря св. Маманта, упоминает о “слеб-ном” и “месячном” без расшифровки того и другого поня-

9 А. Н. Сахаров

тия, как о хорошо знакомой практике. Таким образом, данный текст представляет собой еще одну косвенную отсылку к “ветхому миру” прошлых лет.

В этой же связи следует рассматривать и упоминание в договоре 911 г. о системе посольских и торговых обменов, установленной договором 907 г.: “...егда ходим в Греки или с куплею, или въ солбу”. “Мир и любовь” договоров 911 и 944 гг. соотносятся с общеполитическими условиями отношений двух государств, утвержденными в договоре 907 г. Точно такую же отсылку к “ветхому миру” содержит и статья договора 944 г. о предоставлении русским послам и гостям снаряжения на обратную дорогу: “...яко же уставлено есть преже” “. И вновь эта отсылка касается прежней статьи, свидетельствующей об общем порядке посольских и торговых обменов и отраженной в договоре 907 г. Тем самым практически все основные положения договора 907 г. получили развитие, подтверждение, прямые и косвенные ссылки в соглашении 944 г., и все это связано с понятием “мира и любви” в трактовке договора 907 г.

В заключительных словах договора 944 г. мы вновь встречаемся с отсылкой к соглашению 907 г., на что до сих пор не обращалось внимания. Там говорится: “Да аще будеть добре устроишь миръ Игорьъ великий князь, да хранить си любовь правую”, т. е. если Игорь утвердит мир, то пусть “сохраняет так любовь первую”. Б. А. Романов в данном случае перевел слово “правую” без изменения — “любовь эту правую”. Между тем то же самое слово в другом случае — в грамоте 911 г. (“да схранимъ правая свещанья”) — он перевел иначе — “прежний договор”¹². Думается, что в обоих случаях следует переводить слово “правый” одинаково — либо “прежний”, либо “первый”. И здесь, как и в других случаях, речь идет о “любви”, т. е. о договоре “мира и любви”, каким являлось соглашение 907 г.

Наконец, ссылку на “первый” мир делает и договор 911 г., на что также ранее не обращалось внимания. В заключительной его части говорится: “На утверженье же и неподвижение быти меже вами, хрестьяны, и Русью, бывший миръ сотворихом Ивановым написанием на двою харатью”. Что имели в виду авторы договора 911 г. под “бывшим миром”, который заключен ими на “утверженье” и “неподвижение” отношений между Русью и Византией и написан “на двою харатью”? Все, кто занимался этим сюжетом, сочли, что здесь речь идет об изложенном выше договоре 911 г. Однако это не так. В тексте четко сказано, что записан не договор-ряд, каким являлся в основной своей части акт 911 г., а договор-мир; подчеркнута также, что он заключен не заново, а лишь на “утверженье”. Но самое главное состоит в том, что это понятие “бывший мир” в заключительной части договора 911 г. точно корреспондирует с преамбулой этого же соглашения, где отмечается, что Олег послал русских послов в Византию “на удержание” “бывшую любовь”, для

того чтобы “удержати” “такую любовь, бывшую меж хрестьяны и Русью многожды”. Эту “любовь” решено было оформить “писанием и клятвою твердою”. В заключительной части акта 911 г. речь также идет о том, что “бывший мирь сотворихом... написанием”. Совершенно очевидно, что в данном случае мы имеем дело с письменным оформлением договора “мира и любви”, каким являлся договор 907 г. и какой вошел составной частью в “мир-ряд” 911 г. Это прямая и непосредственная ссылка на договор 907 г.

Но как быть с данью? Ведь уплата Византией дани являлась одним из основных условий договора “мира и любви” между Русью и Византией 907 г. Упоминаний о ней нет в договоре 944 г., и кажется, что сам этот факт катастрофически подрывает всю схему связи договоров 907—911—944 гг. Однако при внимательном чтении летописи оказывается, что и в период событий 941—944 гг. вопрос о дани выносится на передний план. Его обсуждение являлось ключевым в ходе мирных переговоров Игоря с греками во время его второго похода на Византию в 944 г. Византийские послы, встретив в пути корабли князя Игоря, передали ему речи императора Романа I Лакапина: “Не ходи, но возьми дань, юже ималь Олегъ, придамъ и еще к той дани”. Игорь посоветовался с дружиной, и руссы решили не искушать судьбу: “Се бо не по земли ходимъ, но по глубине морьстей: обьча смерть всемъ”, тем более что за три года до этого руссы именно на “глубине морской” потерпели сокрушительное поражение от греческого флота. Вопрос о дани решил исход всего предприятия. Греки согласились ее выплачивать с надбавкой против прежних платежей. Руссы повернули свои корабли обратно. Начались мирные переговоры, закончившиеся новым русско-византийским договором 944 г. Кстати, Игорь вновь взял с греков и единовременную контрибуцию: “А самъ вземъ у грекъ злато и паволоки и на вся воя”¹³.

Таким образом, подтверждение греками одного из решающих условий договора 907 г.— об уплате дани Руси — явилось прологом нового русско-византийского мирного соглашения. В этом факте мы видим не только решающее значение вопроса о дани в судьбах русско-византийских отношений того времени, не только одну из возможных причин самого военного конфликта Руси с Византией в 941 г. по образу и подобию войны 907 г., но и прямую отсылку русской летописи к договору 907 г.

Миновали события 941—944 гг., но политическое влияние договора 907 г. продолжалось. Вновь оно сказалось в период конфликта Руси с Византией в 60—70-х годах X в., когда вопрос об уплате Византией дани Руси неоднократно возникал во время балканской кампании Святослава. Да и на переговоры о мире в 971 г. Святослав пошел, согласно тексту летописи, лишь после того, как греки обязались по-прежнему выплачивать Руси дань¹⁴.

Характеристика договора 907 г. будет неполной, если не обратить внимание на последующие союзные действия Руси и Византии.

Константин Багрянородный упомянул о факте совместных действий руссов и византийцев в 911/12 г., когда в составе войск Имерия, отправленных против критских арабов, шел русский отряд в 700 человек¹⁵. А. А. Васильев, основываясь на этом сообщении, полагал, что статья договора 911 г. о разрешении русским воинам служить в императорских войсках была вторично, после 60-х годов IX в., возобновлена именно в договоре 907 г. и лишь затем письменно оформлена в договоре 911 г.¹⁶ В этой связи следует обратить внимание и на факты, приводимые А. П. Новосельцевым относительно русского похода в Прикаспий в 909—910 гг., направленного против Юсуфа ибн-Абу с-Саджа, наместника багдадского халифа в Южном и Юго-Западном Прикаспий, и против Саманидов — владетелей Мавераннахра, Хорасана и Табари-стана, бывших вассалами халифа. По владениям этих врагов Византийской империи и направили свой удар руссы. Одновременно происходило сближение древнерусского государства с Хазарией, с которой оно заключило соглашение¹⁷.

Здесь же можно было бы сказать и об ударе руссов по Закавказью в 912/13 г., о последующих союзных действиях Руси и Византии против арабов в 30-х годах X в. и, наконец, о знаменитой фразе константинопольского патриарха Николая Мистика в письме к болгарскому царю Симеону (начало 20-х годов X в.) о том, что если болгары не прекратят своих действий против Византии, то их ждет нашествие “скифских племен”, среди которых патриарх упомянул и рус-

¹⁸ сов

Совершенно очевидно, что после событий 907—911 гг. Русь вошла в союзные отношения с Византией, которые продолжались вплоть до конфликта между этими государствами где-то в середине 30-х годов X в. В историографии эти союзные отношения возводились, как правило, к известной статье русско-византийского договора 911 г., где сказано следующее: “Егда же требует на войну ити, и сии хотять почтити царя вашего, да аще въ кое время елико их приидеть и хотять остатися у царя вашего своею волею, да будуть”¹⁹.

Однако анализ статьи показывает, что она имеет как бы два сюжета. Первый говорит о разрешении руссам наниматься на службу в византийскую армию. Конечно, это разрешение ни в коей мере не являлось основой для тех союзных действий, которые предпринимали Русь и Византия в течение почти 40 лет. Однако второй сюжет раскрывает такую основу русско-византийских отношений. В статье говорится, что руссы могут остаться “своею волею” на службе у византийского императора, после того как они отвоевались вместе с греками против какого-либо противника. Слова “своею волею” лишь подчеркивают, что помощь империи со стороны Руси (“егда же требует на войну ити”) имеет не личный,

добровольный характер, а все черты государственной союзной акции. В договоре 911 г. факт такой государственной союзной помощи признается само собой разумеющимся и просто дополняется новым условием — разрешением руссам оставаться на службе в империи. А это значит, что сама договоренность о союзной помощи восходит к более раннему времени, вероятнее всего к 907 г., когда Византия обязалась платить Руси дань, которая нередко являлась платой за такую союзную помощь.

Все это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что во время заключения договора 907 г. было достигнуто соглашение о военном союзе между Русью и Византией, отраженное в договоре 911 г. и в дальнейшем развитое в договоре 944 г.

С точки зрения византийской дипломатической практики договор 907 г. был типичным “глубоким”, как его называли в Византии, миром, какие греки прежде заключали с Персией в 562 г. на 50 лет, с Болгарией в 814 (815) г. и 864 г. на 30 лет. На эту особенность византино-иностранных договоров второй половины 1-го тысячелетия н. э. указал болгарский исследователь И. Дуйчев²⁰. Думается, что такими же “глубокими”, “прочными” мирами были и другие общеполитические соглашения Руси и Византии — договоры 60-х годов IX в. и 944 г. Об этом говорит не только их содержание, отражающее решение принципиальных политических вопросов в отношениях между двумя государствами, но и сам срок их действия. Русско-византийский конфликт начала X в. произошел спустя почти пять десятилетий после 860 г. (конечно, 907 год является для нас лишь решающей хронологической гранью конфликта и это вовсе не означает, что действие договора 860 г. греки не прекратили ранее).

Очередной конфликт между Русью и Византией произошел через 30 с лишним лет после договора 907 г., т. е. в середине 30-х годов X в., и вылился в войну 941—944 гг.

Затем еще 30 лет русско-византийские отношения были мирными. Новое их осложнение относится уже к середине 60-х годов X в. и заканчивается русско-византийской войной 970—971 гг.

Таким образом, русско-византийский договор 907 г. стал действительно важным политическим соглашением, которое определило на десятилетия вперед нормы отношений между Византией и Русью. В последующих русско-византийских соглашениях они лишь развивались, углублялись, восстанавливались, корректировались. Дальнейшая история русско-византийских дипломатических отношений проходит под знаком идей, заложенных в договоре 907 г. И, повторяем, русский источник не только не умалчивает об этом договоре, но напоминает о нем на каждом шагу, едва заходит речь о русско-византийских отношениях. Да и греческий хронист Лев Дьякон, нам кажется, совершенно определенно сослался на этот “ветхий мир” в следующих переданных им “речах” Иоанна Цимисхия, обращенных через византийских пос-

лов к Святославу: “Мы не должны сами разрывать мира, непоколебимо до нас дошедшего от предков наших... вы разорвете союз наш, а не мы... Я думаю, что ты, Святослав, еще не забыл поражения отца своего Игоря, который, презревши клятву, с великим ополчением на десяти тысячах судов подступил к царствующему граду Византии и едва только успел с десятью ладьями убежать”. Игорь нарушил клятвенный мир прошлого. Святослав также разорвал его, но потом вновь вернулся к изначальному миру. Согласно данным византийских хронистов Скилицы и Зонары, русские должны были по мирному договору, заключенному под стенами Доростола, считаться по-прежнему “друзьями” и “союзниками” Византийской империи²¹. Такая характеристика договора 971 г. вновь напоминает нам об условиях соглашения 907 г.

С этими сведениями византийских авторов корреспондирует и обязательство Святослава Игоревича соблюдать “правая съвещанья”, т. е. прежние (или первые) договоры, которое он дал в своей грамоте 971 г.²² Что в данном случае имеется в виду под прежними договорами? Мы думаем, что все три предшествующих русско-византийских соглашения, и прежде всего договоры 907 и 944 гг., затрагивающие принципиальные вопросы взаимоотношений двух стран; а договор 907 г.— это та самая клятва, которую нарушил в свое время Игорь, так как именно это соглашение имело основополагающую силу в вопросе дани. На него-то, очевидно, и ссылался в первую очередь Святослав. В этом аспекте по-иному звучат слова византийского императора Константина Багрянородного о том, что мир с печенегами гарантирует Византию от нападений угров и Руси, которые тогда не смогут “требовать от ромеев чрезвычайно больших денег и вещей в уплату за мир”²³, каким мог быть и договор 60-х годов IX в., и договор 907 г.

6. “РАВНО ДРУГАГО СВЕЩАНИЯ” И ПОЯВЛЕНИЕ НА РУСИ СИСТЕМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

Прежде всего ряд соображений по поводу сомнений А. А. Шахматова и целой группы ученых относительно достоверности договора 907 г. в связи с фразой договора 911 г.: “Равно другаго свещания...”

Высказывая свою точку зрения, А. А. Шахматов не обратился к предшествующей историографии. Между тем уже в течение полутора столетий на страницах русских исторических трудов шла полемика по поводу первой фразы договора 911 г. Собственно полемики, как таковой, не было, просто каждый из историков, касавшихся этого вопроса, перевел данный текст по-своему. Эти переводы свелись к двум основным позициям: одни переводили фразу как “копия (список)

с ДРУГОГО договора”, т. е. с самого договора 911 г., и рассматривали ее в качестве удостоверения, определяющего соответствие этого документа его первооснове — византийскому хрисовулу или русскому переводу с греческой грамоты, написанной от имени русского великого князя; другие считали, что в этой фразе говорится о предшествующей договоренности, или договоре; в соответствии с этим перевод выглядел так: “Согласно другому договору, бывшему при...” Первым точку зрения о копии-списке высказал в 1852 г. И. И. Срезневский. Он полагал, что слово “равно” означает копию, противень другого договора. Затем данная версия была поддержана Н. А. Лавровским, С. А. Геденовым, Н. П. Ламбиным, а на исходе XIX в. А. Димитриу¹.

Вариант подобного подхода к вопросу дали польский историк С. Микуцкий и С. М. Каштанов. Микуцкий считал, что начало спорной фразы следует переводить как “копия договора”. Однако он признает недостаточность точных обоснований на этот счет и обращает внимание на то, что во всех трех известных нам письменных договорах (помеченных в летописи под 911, 945, 971 гг.) все три заголовка, содержащие эту фразу, отличаются один от другого и непосредственно связаны с содержанием описываемых событий. А это значит, что мы имеем дело не с официальными копиями, а с переводами обязательств русской стороны и т. д.² Каштанов по этому поводу заметил: “Слова “Равно другого свещания...” в грамотах 911 и 944 гг. выражали равносильность грамоты соответствующему хрисовулу”³, т. е. императорскому указу, выданному другой стороне в качестве своеобразного “удостоверения” правомерности заключенного договора.

Первым представителем иной точки зрения был В. Н. Татищев. Вот его трактовка первых слов договора 911 г.: “Противо прежде учиненного им самим (Олегом. — А. С.) со цари Львом и Александром”. Затем Г. Эверс посчитал начало договора 911 г. относящимся к предварительному соглашению, на основании которого был заключен сам договор 911 г. С. М. Соловьев представлял дело довольно просто: “На основании прежнего ряда, заключенного тотчас после похода”, Олег направил своих послов в Константинополь для заключения мира и “ряда”. Тем самым он определенно связал начальную фразу договора 911 г. с предшествующей на этот счет договоренностью. В. В. Сокольский заметил, что в грамоте 911 г. совершенно ясно говорится о предварительных переговорах и соглашениях, предшествовавших заключению договора 911 г. Д. Я. Самоквасов также считал, что в начале договора 911 г. идут высказывания послов по тем положениям, которые были согласованы на другом совещании, состоявшемся при императорах Льве и Александре. Он не согласен с версией о копии, поскольку сама глагольная форма “бывшаго” указывает на действие, происшедшее прежде. Да и пропуск имени Константина он не считал случай-

ным — просто тот еще не был венчан на царство к моменту переговоров. Так же трактует Самоквасов и спорную формулу, имеющуюся в начале договора 971 г., — “согласно с предварительным соглашением...”. Она же, по мысли и Д. М. Мейчика, доказывает лишь одно — существование договоренности и до 911 г.⁴

Развернутую защиту тезиса о понимании первых слов договора 911 г. как ссылки на состоявшуюся ранее договоренность, являвшуюся юридическим основанием для выработки договора 911 г., дал А. В. Лонгинов. Он также обратил внимание на глагольную форму “бывшаго”, аналога которой находит в договорах польского короля Болеслава II с Изяславом Ярославичем в 1070 г., византийского императора Исаака Ангела с Венецией в 1187 г. Автор приводит и факты из практики Русского централизованного государства, когда посольские обмены и заключение дипломатических соглашений определялись ранее достигнутыми на этот счет соглашениями. Лонгинов не согласен с узким пониманием Н. А. Лавровским слова “свещание” лишь как “договор” и толкует его более широко — в качестве и “переговоров”, “совещания”. Вовсе не связывая эту фразу с событиями 907 г., он пишет о тождестве упомянутого в начальных словах договора 911 г. совещания “с предварительным, изложенным на письме соглашением, достигнутым взаимным обсуждением державами через своих послов условий того же договора, в коем делается ссылка на совещание”, т. е. договора 911 г. Это соглашение о заключении мира 911 г. состоялось при императорах Льве и Александре, которые провели, как полагает Лонгинов, переговоры через своих послов, аналогично тому как это было при заключении договоров 944 и 971 гг.⁵

В 941 г. сомнение в правомерности шахматовского анализа высказал М. А. Шангин, а при подготовке к изданию “Повести временных лет” Д. С. Лихачев и Б. А. Романов вновь отдали предпочтение версии Шахматова⁶. Правда, Лихачев склонился к мнению Срезневского, переведившего слово “другый” не как “другой”, а как “дружественный”. Но, приняв термин “дружественный”, мы должны отказаться от понятия “список”, “копия”, так как дружественной копия быть не может, дружественным может быть только договор, соглашение. В то же время и Лихачев, и Романов согласились с гипотезой Лавровского и его последователей относительно перевода слова “равно” как “список”, “копия”, хотя все построение Шахматова основывалось на ином понимании летописцем этого текста — как говорящего о ранее заключенном соглашении.

И. Сорлен заметила, что упоминание в договоре 911 г. сначала двух императоров, а потом трех могло означать, что переговоры по поводу заключения договора 911 г. начались при Льве VI и Александре⁷, а завершились, когда на троне было уже три соправителя⁷.

Рассматривая спорный текст, мы должны иметь в виду следующие направления исследования: во-первых, учитывая возможность перевода договора с греческого языка, выяснить соответствие русского слова “равьно” греческому оригиналу; во-вторых, определить значение самого этого русского слова; в-третьих, подойти к вопросу с точки зрения не только филологической, но и сравнительно-исторической, прочитать начальную фразу договора как 911 г., так и 944 и 971 гг. в историческом контексте.

Что касается проблем перевода, то мы не располагаем возможностями филологического анализа и отдаем себе отчет в ограниченности и гипотетичности в связи с этим своего общего вывода. Тем не менее исследование спорного вопроса по двум другим направлениям может помочь, на наш взгляд, в его относительном прояснении, тем более что и поиск греческого оригинала слова “равьно” сам по себе, без сравнительно-исторического анализа, также является весьма альтернативной и непрочной основой для решения данного вопроса.

Что касается трактовки слова “равьно”, то ее дал И. И. Срезневский⁸. Он переводил это слово как “наравне”, “вровень”, “поровну”, “ровно”, “одинаково”, “столько же”, “тем не менее”, “список”, “копия”, а слово “равный” — как “ровный”, “одинаковый”, “сходный”, “подобный”, “равный по значению”, “достаточный”. Сам И. И. Срезневский из этого обилия понятий выбрал “копию”, “противень”, хотя можно было бы воспользоваться и другими понятиями, которые говорили бы о том, что речь идет о соответствии данного договора другой договоренности.

Но посмотрим, к каким выводам приведет нас сравнительно-исторический анализ.

Такую попытку в свое время предпринял А. В. Лонгинов. Он исследовал случаи употребления в X в. слова “свеща-ние”, проявил интерес к реальности исторических фигур, упоминаемых в начальных словах русско-византийских договоров 911, 944 и 971 гг., и пытался выявить хронологическую и как следствие этого политическую обусловленность их упоминаний в этих документах, а также стремился выяснить вопрос, существовала ли в X в., в том числе и в других русско-византийских договорах, практика ссылки на заранее достигнутую обеими сторонами договоренность. Однако, на наш взгляд, аргументы Лонгинова ограничены, а источник может дать значительно больше.

Действительно, Н. А. Лавровский и его последователи, в основном филологи, довольно узко понимали слово “свеща-ние” и переводили его лишь как “договор”. Отсюда и их перевод: “другой договор”, т. е. документ, а слово “равьно” подсказывало, что этим другим документом могли быть только копия, список и т. д.

Проанализируем, в каком контексте употребляется это слово в летописи. В этом же договоре 911 г. слово “свещание” встречается еще раз в заключительной части: “И таковое написание дахом царства вашего на утверждение обоему пребывати таковому свещанию, на утвержение и на изве-щание межи вами бывающаго мира”⁹. Здесь действительно слово “свещание” можно перевести как “договор”, что и отражено в тексте перевода “Повести временных лет”. Причем очевидно, что эти заключительные слова говорят об итоговом моменте выработки документа: процесс его создания закончен и теперь он подлежит утверждению и византийскими императорами, и русскими послами.

Далее мы сталкиваемся с этим понятием при описании похода Игоря на Византию в 941 г. Когда domestik Памфир и патрикий Фока выступили навстречу руссам, “свещаша” Русь и решила дать бой грекам¹⁰. Здесь слово “свещаша” явно обозначает совещание, военный совет. В заключительной части договора 944 г. говорится: “Мы же свещание се написахомъ на двою харатью...” М В этом случае слово “свещание” можно понять и как договор-документ, и как ход переговоров, обмен мнениями. Вторая версия предпочтительнее, так как, во-первых, документ здесь обозначен словом “харатья”, на которую занесено “свещание”, и, во-вторых, буквально несколькими строками ниже глагол “свещахомъ” расшифровывает характер переговоров: “А отходяче послом царства нашего до допроводять къ великому князю рускому Игореву и къ людемъ его; и ти приимающе харатью, на роту идуть хранити истину, яко мы свещахомъ, напсахомъ на харатью сию...”¹² Здесь говорится о том, что по приезде в Киев императорские послы должны принять присягу в верности договору со стороны руссов, о чем состоялась договоренность при выработке соглашения в Константинополе и что зафиксировано “на харатью сию”. В данном случае понятие “свещание”, “свещахомъ” мы обязаны понимать как предварительную договоренность по интересующему нас вопросу.

В договоре 971 г. говорится, что Святослав клялся соблюдать вновь заключенный мир и утвердил эту клятву “на свещанье семь”. Здесь слово “свещанье” обозначает ход переговоров, совещание, встречу дипломатических представителей. В этом же документе Святослав клянется сохранить “правая съвещанья”, т. е. первые договоры, первые договоренности¹³.

Таким образом, мы не видим четкости в употреблении древним летописцем и переводчиком слова “свещание”. Оно означает и договор, и переговоры, записанные на “харатьи”, и просто сам ход переговоров. Думается, что это не случайно. По-видимому, в то время грани между “речами”, письменными документами, ходом совещания и его фиксацией в виде договора в сознании русских дипломатов, переводчиков, летописцев были весьма расплывчатыми. Отсюда и употреб-

ление в разных, но, подчеркиваем, весьма близких значениях слова “свещание”.

Посмотрим теперь, в какие исторические условия поставлена спорная формула в каждом из трех (911, 944, 971 г.) русско-византийских договоров и как ее появление соотносится со средневековой дипломатической практикой. Этот вопрос полезно рассмотреть в связи с определением политической роли тех или иных лиц, упоминаемых в начальных словах всех трех договоров.

Итак, договор 911 г. Сразу же обратим внимание на одну немаловажную деталь, которую упустили спорящие стороны: Олег послал своих “мужей” в Византию “и посла глаголя”, т. е. наказал им говорить, а далее следует знакомый текст: “Равно другаго свещания...” и т. д. Закономерен вопрос: как может быть увязана конструкция “глаголя” с переводом “список” (или копия) с “другой грамоты”? Разве можно “глаголить” копию, да и для чего? Послам наказывается говорить или вручить написанные речи оригинального и суверенного происхождения. Конструкция “и посла глаголя” непосредственно подсказывает и смысл перевода следующей фразы: “Согласно другой договоренности” или “Согласно другому совещанию, бывшему при тех же царях Льве и Александре. Мы от рода русского...” и т. д. Об этом же говорит и глагольная конструкция “бывшаго”. Следовательно, речь идет о предварительной договоренности по поводу заключения данного договора 911 г., как на это совершенно справедливо указывали Самоквасов и Лонгинов. Смысл фразы представляется нам ясным и точным.

В таком же сочетании с формулой “Равно другаго свещанья...” встречается слово “глаголати” и при изложении летописцем договора 971 г.: “Нача глаголати соль вся речи, и нача писець писати. Глагола сице...”¹⁴. А далее следует известная нам формула. Как видим, и в этом случае оборот “глагола” связан с последующим текстом, открывающимся формулой “Равно другаго свещанья...”. А это значит, что и здесь трудно понять смысл слова “глагола”, если переводить формулу как “Список с договора...”¹⁵. Однако предлагаемый нами перевод этой формулы и в этом случае соответствует слову “глагола”: “Говорил же он так”: “Согласно договоренности, состоявшейся...” или “Согласно переговорам...” и т. д.

Шахматов считал слова “тех же” в договоре 911 г., сказанные об императорах, совершенно лишними. Нам, напротив, думается, что их употребление там вполне закономерно. Вспомним летописное изложение событий 907 г.: Олег, “мало отступивъ от града”, начал “миръ творити со царьма грец-кима, со Леономъ и Александромъ”. Именно с этими двумя императорами начали мирные переговоры в византийской столице Олеговы послы Карл, Фарлоф и др. Выслушав предложение русских послов, “реста царя и боярьство все”, т. е. сказали цари и все бояре. И снова мы видим здесь “ца-

рей”. Еще раз с императорами Львом VI и его братом Александром мы встречаемся в заключительной части изложения, где сообщается, что Олег с ними “сотвориста” мир. И все это точно соответствует указанию начальных слов договора 911 г. о том, что предварительное соглашение по поводу заключения будущего договора 911 г. было достигнуто при участии императоров Льва VI и Александра. И было бы нелепо, если бы здесь оказался еще и Константин, венчанный на царство, как известно, 9 июня 911 г. в шестилетнем возрасте. Его имя летописцу и не требовалось исключать из текста договора 911 г. Его там просто не было, да и не могло быть. Все дипломатические переговоры послы Олега вели с представителями двух византийских императоров. Если же согласиться с версией Шахматова, то придется признать, что летописец не только выдумал договор, но и в ходе изложения событий тонко обошел имя Константина и во всех случаях ограничился именами лишь двух императоров.

И еще один аргумент, не приведенный ранее. Как известно, договор 911 г. официально был заключен Олегом с тремя византийскими императорами — Львом, Александром и Константином 2 сентября 911 г., т. е. уже после венчания на царство малолетнего Константина, будущего Константина VII (“Мы от рода рускаго... иже послани от Олга, великого князя рускаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих боярь, к вам Лвови и Александру и Костянтину, великим о бозе самодержцем царемъ греческим...”). Однако в рассказе летописца уже после изложения договора 911 г. говорится, что русские послы, возвратившись в Киев, “поведаша вся речи обою царю, како сотвориша мирь, и урядь положиша межю Грецкою землею и Рускою...”, т. е. они передали русскому великому князю речи обоих византийских императоров. Не трех, а именно двух, “обою”. Может быть, летописец слукавил и здесь и тоже что-то заменил, сознательно перепутал? Нет. В документе точно зафиксирован исторический факт: договор 911 г. выработывался русскими послами с представителями двух византийских императоров — Льва VI и Александра, и ход переговоров и речи обоих императоров в процессе этих переговоров были доложены Олегу. Переговоры, вероятно, происходили до венчания на царство Константина. Но предположим, что они протекали уже после 9 июня 911 г., когда византийских императоров было трое (Лев и его соправители Александр и Константин), и все равно шестилетний Константин практически не мог принимать участия в переговорах, и сообщение летописца о “речах” обоих царей точно соответствует реальному положению дел. Этот факт, по нашему мнению, определеннее, чем все остальные, вместе взятые, решает спор в пользу правомерности упоминания в преамбуле договора 911 г. именно двух императоров; подписан же договор был в сентябре греческой стороной от имени

трех официально являвшихся правителями Византии императоров — Льва, Александра и Константина.

Д. Г. Кузьмина удивило то обстоятельство, что договор был заключен от имени трех царей, в тексте под 907 г. упоминаются два царя, а красоты и святыни византийской столицы русским послам показывал лишь “один Леон”¹⁶. Но как раз это обстоятельство и является наиболее веским аргументом в пользу достоверности фактов, изложенных в летописи. Что касается ознакомления с городом, то им действительно руководил правящий император — Лев VI, который и упоминается в летописном тексте, рассказывающем о событиях, которые последовали за заключением русско-византийского договора 911 г.

Но сказанное вполне определенно указывает, что именно с двумя императорами велись предварительные переговоры относительно заключения соглашения 911 г. И уже это свидетельствует в пользу того, что в преамбуле договора 911 г. речь идет не о копии (ее и не могло быть в момент предварительной договоренности об условиях договора), а о совещании, договоренности относительно грамоты 911 г.

А. А. Шахматов обратил внимание на несогласование падежей в спорной формуле. По его мнению, правильнее было бы написать: “...при тою же цесарю Льве и Александре”¹⁷. Однако еще за 60 с лишним лет до этого Н. А. Лавровский высказывал предположение о том, что эта ошибка могла быть вызвана неточностями перевода договора с греческого языка, а летописец скрупулезно скопировал русский текст договора¹⁸. Нельзя с уверенностью ни принять, ни отвергнуть версию Лавровского. Ошибка в согласовании падежей несомненна. Можно лишь высказать два соображения. Во-первых, представляется совершенно нелогичным, что летописец, создав искусственно текст договора 907 г. и исключив из грамоты 911 г. имя императора Константина VII, тем не менее повторил ошибку в согласовании падежей. Если уж следовать логике А. А. Шахматова, то сочинитель в первую очередь должен был исправить ошибку древнего текста. Он этого не сделал. Почему? Аргументы А. А. Шахматова теряют в своей доказательности из-за невозможности ответить на этот вопрос. А во-вторых, напрашивается чисто житейское соображение: в каком количестве не только древних, но и современных трудов порой допускаются ошибки, опечатки? Здесь же, в случае едва ли не с первым в отечественной истории переводом с иностранного языка на русский, мы требуем от переводчика работы идеальной.

Многие исследователи обнаруживают в летописном рассказе об Олеге под 907 и 912 гг. повторы, которые, по их мнению, являются признаком искусственной сшивки разных текстов. Наиболее четко эту версию вслед за А. А. Шахматовым высказал А. Г. Кузьмин. Он обратил внимание на то, что после рассказа под 907 г. о возвращении Олега в Киев

летопись уже под 912 г. вновь как бы подводит итог деятельности Олега. А в самом тексте под 912 г. А. Г. Кузьмин обнаружил “перебивку текста”: “рассказ о предсказании волхвов дан после слов “И приспе осень, и помяну Олегъ конь свой...””. Естественнее было бы, полагает Кузьмин, дать сначала рассказ о встрече Олега с волхвами, а потом уже изложить историю его смерти. Выход из положения летописец, по мысли Кузьмина, находит еще в одном повторе: “И пришедшу ему Киеву и пребывъшу 4 лета, на пятое лето помяну конь”. А далее уже идет рассказ о смерти Олега от укуса змеи. Уточнение летописца “4 лета, на пятое лето”, считает Кузьмин, должно было объяснить, почему завершение рассказа об Олеге перенесено с 907 под 912 г. Старый текст летописец разорвал надвое договором 911 г., который оказался в его руках. “Так и получилось два договора и хронологическое расхождение в 4—5 лет”¹⁹, — заключает автор. А. Г. Кузьмин тем самым приходит к тому же выводу, что и А. А. Шахматов на основании трактовки первой фразы договора 907 г.

Конечно, мы не располагаем прочной системой аргументации против подобного подхода, однако некоторые основания, подрывающие эту схему, летопись все же дает. Единственный шанс здесь, пожалуй, — это обращение к с^т“;^ю мысли самого летописца, к тексту самих повторов.

Описание похода 907 г. заключается словами: “И приде Олегъ к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорчье. И производаша Олга — вещей: бяху бо людие погани и невеигласи”²⁰. Совершенно очевидно, что летописец не подводит итог правлению Олега вообще, как утверждает А. Г. Кузьмин, а завершает рассказ именно о событиях 907 г. Он рассказывает о возвращении Олега в Киев с богатой добычей и о том, что с этого времени Олега прозвали вещим, — разве несколькими строками до этого он не передал восхищение греков мудростью русского князя, которого они сравнивали со святым Дмитрием Солунским?

Совсем иное дело текст, следующий за договором 911 г. Кстати, заметим, что все историки, писавшие на эту тему, почему-то обходят молчанием тот факт, что вслед за договором 911 г. идет не текст, который цитирует А. Г. Кузьмин: “И живяще Олегъ миръ имеа ко всем странамъ, княжа в Киеве...”, а другой текст, рассказывающий о пребывании Олеговых послов в столице империи, их возвращении на родину и докладе Олегу о ходе переговоров в Константинополе: “Послании же Олгом поели приидоша ко Олгови, и по-ведаша вся речи обою царю...” и т. д. И лишь после этого рассказа летописец пишет о том, как Олег стал жить в мире со всеми странами и княжить в Киеве. Этот текст не имеет никакого отношения к рассказу о возвращении Олега в Киев в 907 г. Он несет совсем иную смысловую нагрузку и как бы завершает весь цикл внешнеполитических усилий Олега: пос-

военных событий и оживленной дипломатической деятельности Олега наступает период “мира и дружбы”, урегулированных отношений со всеми странами и народами. Это и отмечает летописец. И уже затем идет рассказ о смерти Олега. Вот его начало: “И приспе осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бе поставил кормити и не вседати на нь. Бе бо въпрашал волхвовъ и кудесник*: “От чего ми есть ум-рети?””²¹ и т. д. И здесь не ощущается перебивки текста, хотя он изложен довольно неуклюже: Олег вспомнил о своем коне, потому что поставил его кормить и не садился более на него, так как в свое время он спросил волхвов о своей судьбе и те связали ее с судьбой коня. Фразу можно построить и по-другому, начав с волхвов, но тогда будет непонятно, почему после эпического начала о мирном княжении в Киеве идет рассказ о встрече Олега с волхвами. С чего-то летописец должен был начинать историю гибели Олега! Он начал ее с основного — с воспоминания князя о своем коне, а потом уже объяснил этот княжеский интерес. Повторяем, на наш взгляд, здесь нет никакой перебивки текста, он прочно спаян в смысловом отношении.

Е. А. Рыдзевская рассмотрела вопрос о летописном тексте о смерти Олега и показала, что, несмотря на существование параллельной версии в исландской саге об Орваре-Одде, летописное предание является оригинальным, а не производным сюжетом (на чем настаивал, в частности, А. Стендер-Петерсен²²); что “как художественное произведение небольшой рассказ летописи заслуживает высокой оценки”. Она также обратила внимание на то, что историю с пророчеством о смерти Олега от коня летописец “начинает с конца”, но, по ее мнению, “это лишь деталь композицион-ного характера” .

После рассказа о встрече Олега с волхвами летописец говорит о том, что Олег оставил коня и, “не виде его, дон-деже на грекы иде”. И далее идет текст, который А. Г. Кузьмин объявил повтором: “И пришедшу ему Киеву и пребывъ-шю 4 лета, на пятое лето помяну конь...” Но и в данном случае мы не видим повтора: летописец логично развивает тему расставания Олега с любимым конем на долгий срок и встречи князя со своим боевым соратником лишь после похода “на грекы”. Хронология — “4 лета, на пятое лето...” — лишь подтверждает мысль летописца о том, что интерес Олега к коню возник после похода на Византию.

Сравнивая хронологический перечень правлений киевских князей от Олега до Ярослава, приведенный летописцем в том месте, где он рассказывает, как при византийском императоре Михаиле III “нача ся прозывати Руска земля”, с последующим летописным погодным изложением их правлений, А. Г. Кузьмин отметил, что за полтора ста с лишним лет

разница между перечнем и последующей хронологией летописи достигла четырех лет. Их-то, делает вывод автор, и ликвидировал составитель летописи вставкой о смерти Олега не в 907 г., а в 912 г.,* созданной на основе каких-то народных преданий

24

Нам же представляется, что расхождение хронологии перечня и последующего изложения объясняется совсем иными причинами. Во-первых, и в перечне, и в летописи нет четкого представления о первом и последнем годах правления того или иного князя. Какой год считать начальным в правлении Игоря: 912 г. (год смерти Олега) или 913 г. (год начала самостоятельного правления Игоря)? В перечне стоит дата 912 г., а в последующем летописном изложении — 913 г. (“Поча княжити Игорь по Олзе”). Та же ситуация повторяется и с некоторыми другими датами. Во-вторых, оказывается, что применительно к годам правления Олега, Игоря, Святослава, Ярополка между перечнем и летописью либо вообще нет расхождений, либо они равняются одному году, так как, видимо, трудно было определить, когда в действительности начал править тот или иной князь. Расхождение начинается с правления Владимира: его хронология в перечне определяется с 981 по 1018 г., а в тексте летописи — по 1015 г. За исключением даты правления Владимира, мы не видим иных расхождений с погодным летописным летоисчислением, как не видим и повода для исправления летописцем так называемых хронологических ошибок за счет искусственного удлинения времени правления Олега.

И еще одна деталь в данном летописном тексте привлекает внимание. “И приспе осень...” — рассказывает летописец. Договор 911 г. был заключен 2 сентября. Процедура его подписания состоялась в Константинополе. Затем послов знакомили с городом, “церковной красотой”. Далее был долгий путь в Киев, на который, по самым скромным подсчетам, требовалось не менее месяца²⁵ Умер же Олег, как отмечает “Повесть временных лет”, осенью, когда поехал смотреть на останки своего коня. Допустим даже, что послы добрались в Киев в октябре — ноябре 911 г., и все равно весьма сомнительно, чтобы Олег “успел” при этом умереть осенью 911 г. Его смерть, как на это указал Д. С. Лихачев²⁶, случилась, всего вернее, осенью 912 г., а уже в 913 г. на Киевском престоле, как об этом также говорится в “Повести временных лет”, был новый великий князь — Игорь.

Так обстоит, на наш взгляд, дело с “перебивкой текста”, искусственными его “разрывами”, “вставками” и т. п.²⁷

Теперь посмотрим, в каком контексте стоит спорная формула в преамбуле договора 944 г. Там также присутствует знакомый текст: “Равно другаго свещанья, бывшаго при цари Рамане, и Костянтине и Стефане...” Однако повтор этот не носит механического характера. В договоре 944 г. говорится, что “другое свещанье” состоялось при царях Романе, Кон-

стантине и Стефане. Все трое — наряду с будущим Константином VII — действительно занимали во время выработки договора императорский престол.

Рассказывая о порядке выработки договора 944 г., летописец непосредственно сообщает об этой предварительной договоренности: “Приела Романъ, и Костянтинъ, и Степааслы к Игореву построити мира первого. Игорь же главола с ними о мире”. Затем русские послы направляются в Византию, где ведут переговоры с “боляре” и “сановники”. В ходе этой константинопольской встречи и вырабатывается договор 944 г. Таким образом, летопись говорит о том, что предварительные переговоры по поводу договора состоялись в Киеве. Имеет ли их в виду начальная фраза договора 944 г., или здесь речь идет о каком-то другом совещании, — точно сказать невозможно. Но несомненно одно: трое императоров — реальных политических деятелей — упомянуты в этой фразе* вполне правомерно.

Есть еще одно отличие и одновременно общая черта в ходе переговоров о договорах в 911 и 944 гг. Если, в 911 г. переговорами руководили оба императора, то в 944* г. назван один Роман I Лакапин, и это естественно, так как именно он был императором-“автократом”. Роман принимает Иверевых послов в Константинополе, а послы, вернувшись к Игорю, “поведоша” ему “вся речи царя Рамана”²⁸. Исходя из формальной логики А. А. Шахматова, можно предположить, что и здесь составитель “Повести временных лет” совершил “грех”: вычеркнул по каким-то соображениям имена трех других Романовых соправителей. Однако историческая обстановка, сложившаяся в тот период в Византии, свидетельствует в пользу автора русской летописи и в этих сказанных мимоходом фразах: правящим императором в то время был действительно Роман I Лакапин²⁹, который, видимо, и руководил всеми переговорами с руссами. Сам же этот факт подтверждает правильность сообщения летописца о том, что переговоры 907—911 гг. были проведены именно двумя “царями” — Львом и Александром, как об этом говорит и преамбула соглашения 911 г. Специфика выработки соглашений 911 и 944 гг., отраженная в летописи, лишь подчеркивает прочное историческое сепление и внутреннюю взаимосвязь текстов сообщений о русско-византийских договорах этих лет и убеждает в правомерности предложенной в историографии трактовки спорной формулы как предварительной договоренности или заранее согласованных, в ходе предварительных переговоров того или другого договоров”.

Еще раз эта формула встречается в начале договора Святослава Игоревича с византийским императором Иоанном Цимисхием в 971 г.: “Равно другаго свещанья, бывшаса при Святославе, велицемъ князи русемъ и при Свенальде...”³⁰ И здесь, как и в 911 и 944 гг., начальные слова акта указывают, при каких обстоятельствах он был выработан, какая договоренность явилась его государственно-юридическим

основанием. Речь идет о переговорах, где были выработаны условия данного соглашения. Проходили они под руководством Святослава. Упоминание имени Свенельда, ближайшего Святослава соратника, может указывать на его особую роль в этих переговорах. Возможно, он возглавлял на них русскую делегацию. Упоминаются в начальной формуле и греки—“Фефел синкел” и император Иоанн Цимисхий, и здесь мы вновь сталкиваемся с тем кругом лиц, которые были связаны с выработкой именно этого соглашения.

Кроме того, необходимо принять во внимание и аргументы, приводимые А. В. Лонгиновым относительно фактов использования той же формулы в позднейших документах XI—XVI вв. Во многих межгосударственных договорах этого времени говорится, что они были заключены на основании достигнутой между обеими сторонами договоренности.

Таким образом, формула “Равно другого свещанья...”, находящаяся в преамбуле трех русско-византийских договоров X в., является первым в отечественной истории упоминанием о государственно-юридической основе заключаемых договоров, раскрывает длительный характер выработки этих договоров, проводимой под руководством государственных деятелей двух стран. Данная формула не имеет никакого отношения к искусственному воссозданию договора 907 г., как полагали некоторые историки. Напротив, она указывает, что межгосударственные русско-византийские переговоры между 907 и 911 гг., закончившиеся заключением нового русско-византийского договора 911 г., состоялись на международно-правовой основе русско-византийского соглашения 907 г.

Глава четвертая
РУССКО-ВИЗАНТ
ИЙСКИЙ
ДОГОВОР 971г.

1. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

После военных потрясений 907 г. и заключения между Русью и Византией общеполитического межгосударственного соглашения в отношениях между двумя государствами наступила пауза в четыре года, во всяком случае так это выглядит, согласно “Повести временных лет”. Да и историки, писавшие на эту тему, дружно согласились с тем, что между событиями 907 г. и последующим летописным упоминанием об отношениях между Русью и Византией никаких примечательных явлений не произошло. Годы 908, 909, 910-й летописец оставил пустыми; под 911 г. сообщил о появлении на западе звезды “копейным образом”, а под 912 г. неожиданно изложил текст нового русско-византийского договора. Его дата, обозначенная в заключительной части договора, указывает, однако, не на 912 г., а на 911 г. В летописи совершенно определенно сказано, что договор заключен “месяца сентебря 2, индикта 15, в лето создания мира 6420”¹, что соответствует 2 сентября 911 г.

Таким образом, после неоднократных русско-византийских конфликтов в IX—X вв., после заключения локальных полевых мирных соглашений, следы которых сохранились в агиографической литературе, после межгосударственных посольских переговоров в 60-х годах IX в. и в начале X в. русская летопись впервые представляет читателю цельный дипломатический документ, реальность которого не брались отрицать даже самые отчаянные скептики (за исключением А. Л. Шлецера, пораженного стройностью и масштабностью этого памятника).

В летописной записи, предшествующей договору, говорится, что Олег послал своих мужей “построити мира и положи-ти ряд” между Русью и Византией. А далее излагается сам текст соглашения².

Вслед за изложением договора слово вновь берет летописец, который рассказывает, как после заключения соглашения Лев VI почтил русских послов, одарил их богатыми дарами, “пристави к ним мужи” и показал русским представителям храмы и палаты, а затем отпустил на родину с “честью великою”.

Послы, придя в Киев, поведали “речи” императоров Олегу и рассказали, как они “сотвориша миръ и урядъ положиша” между Русью и Византией.

Договор 911 г. не дает оснований и для малой доли тех сомнений, которые вызвали в свой адрес, скажем, договоры 60-х годов IX в. или 907 г. Однако теперь для ученых трудность оказалась в другом — определить, насколько это соглашение соответствовало международным дипломатическим традициям своего времени и как в связи с этим следовало оценивать уровень русской дипломатии по отношению к другим развивающимся государственным образованиям раннего средневековья.

Первые отечественные историки — В. Н. Татищев, Ю. В. Ломоносов, М. М. Щербатов — без каких бы то ни было комментариев изложили в своих “историях” договор 911 г.

Критический же анализ документа начинается все с того же шлецеровского “Нестора”, где автор написал удивительные для его общей скептической концепции слова: “Если договор этот был действительно, то он составляет одну из величайших достопамятностей всего среднего века, что-то единственное во всем историческом мире”. А далее начинаются сомнения: введение слишком похоже на новейшее, византийские архивы хранят полное молчание об этом договоре, как и о походе 907 г.³ Тень подделки, фальсификации отныне падает и на этот древнейший памятник международного права. Но ненадолго.

Сначала Н. М. Карамзин, а следом за ним Г. Эверс поставили договор 911 г. в русло изучения международных дипломатических актов раннего средневековья. Н. М. Карамзин, пожалуй, первым сравнил это соглашение с византино-персидским договором 562 г. между императором Юстинианом I и шахом Хосровом I, как он описан у греческого историка второй половины VI в. Менандра Протиктора⁴, и заметил, что договор 911 г., как и греко-персидское соглашение, был написан на двух языках и имел все черты международного договора. Однако сравнительного анализа двух документов Н. М. Карамзин не провел⁵. М. П. Погодин считал, что договоры 911 и 944 гг. вышли из византийской канцелярии, а в дальнейшем были переведены на русский язык⁶.

В 1853 г. Н. А. Лавровский вновь обращается к идее сравнительного анализа соглашения 911 г. и других международных соглашений раннего средневековья, в частности Менандрова греко-персидского договора. Он отметил, что вначале был изготовлен один экземпляр грамоты, который позднее был переведен на русский язык. В связи с этим изменилась и внешняя форма договора: переведенная грамота составлена уже от имени Олега. С этих двух экземпляров, как и в случае с греко-персидским договором, затем были сняты копии, которые стороны вручили друг другу, что также имело место в случае, описанном Менандром. Внимательно анализирует Н. А. Лавровский и форму договора, отмечая, что он, как и позднейший русско-византийский договор 944 г., состоит из трех частей: вступления, характерного и для других международных договоров, собственно статей и заключения. Причем вступление и заключение, по его мнению, содержат в основном “периодическую речь” и отражают чужеземное происхождение документа, а статьи отличаются краткостью, простотой и естественностью речи, “какая господствует в чисто своеземных древнейших наших памятниках”. Те же общедипломатические принципы несет в себе и заключение. В договоре 911 г. много грецизмов, что

говорит как о греческом происхождении оригинала, так и об относительной неопытности переводчика. Эти наблюдения привели Н. А. Лавровского к ответственному выводу о том, что договор 911 г. был соглашением “основным”, “полным”, “составленным с строжайшей формальностью”⁷.

Одновременно с Н. А. Лавровским к схожим выводам пришел видный русский филолог И. И. Срезневский. Он также полагал, что договоры 911 и 944 гг. являются стереотипными дипломатическими документами и сначала были написаны на греческом языке, а затем переведены на русский⁸.

Идеи Н. А. Лавровского и И. И. Срезневского во многом определили последующее изучение русско-византийских договоров 911 и 944 гг. Так, С. А. Гедеонов поддержал сравнительно-исторический метод изучения договоров, предложенный Н. А. Лавровским, и указал на то, что договор между Персией и Византией вырабатывался в ходе особой конференции, проект договора составлялся каждой стороной на своем языке, причем они употребляли собственные канцелярские и дипломатические формы. “Греки, — писал С. А. Гедеонов, — договариваются с персами на равной ноге... ничего подобного у нас не было и быть не могло... Перевод очевиден...” “Языческая Русь, — заключает С. А. Гедеонов, — изъясняется чуждыми ей христианскими формулами...” Но тем не менее договор 911 г., по его мнению, — это совершенно полный документ, созданный по образу и подобию других схожих дипломатических соглашений своего времени⁹.

С. М. Соловьев и В. О. Ключевский также рассматривали договор 911 г. в русле международных дипломатических соглашений¹⁰.

Коснулся договора 911 г. и М. С. Грушевский. Он отметил, что это соглашение дополнило прежнее, родившееся после походов Руси против Византии в начале X в. "

Новый этап в изучении русско-византийских договоров 911 и 944 г. связан с выходом в свет в 1895 г. статьи А. Димитриу “К вопросу о договорах русских с греками” и в 1904 г. книги А. В. Лонгинова “Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке”. В этих работах линия сравнительно-исторического анализа русско-византийских договоров с другими дипломатическими соглашениями раннего средневековья получила яркое раскрытие, хотя в позициях обоих авторов есть существенное отличие.

А. Димитриу впервые в отечественной историографии высказал мысль о том, что русско-византийский договор 911 г., по всей вероятности, был просто-напросто типичным хрисовулом византийского императора.

Он пришел к такому выводу на основании изысканий немецкого византиста К. Неймана, который проанализировал договоры, позднее заключенные Византией с итальянскими государствами — Венецией и Пизой. Именно К. Нейман первым заметил, что в X—XII вв. в византино-иностранных соглашениях перечислялись обязательства лишь одного госу-

дарства — Византии. Эти документы, идущие со стороны империи, получили форму хрисовула. Об обязательствах же другой стороны в этих соглашениях упоминалось лишь в общих чертах.

Другим источником для размышлений А. Димитриу явилось уже упоминаемое нами греко-персидское соглаше-
2

Вот эти-то документы А. Димитриу и называет “типическими” для византийской дипломатии. С этих позиций он оценивает и русско-византийские договоры. Они, по его мнению, были следствием “византийской дипломатической рутины”, являлись типичными переводами с греческого и представляли собой “вполне надежный текст второй руки”, т. е. копии со вторых экземпляров договоров, тех самых экземпляров, которые подписывались греческой стороной, переводились и передавались русским. В связи с этим А. Димитриу характеризует договор 911 г. как развернутый формальный межгосударственный договор, ради заключения которого послы Олега отправились в Константинополь. Однако он полагал, что этот договор никогда не вступал в действие, так как его оформление, если исходить из сравнения с другими подобными же соглашениями, не было завершено. Византийские послы не появились в Киеве. Олег умер до ратификации договора. Хрисовул, где были изложены обязательства Византии по отношению к Руси, так и не был вручен, и грамота 911 г. осталась лишь как след промежуточных переговоров, которые так и не дошли до стадии межгосударственного оформления¹³.

А. В. Лонгинов также считал, что договор 911 г. лежит в русле международных принципов • создания дипломатических документов. Но ни о каком промежуточном характере документа, ни о каком сходстве с хрисовулом у него нет и речи. По Лонгинову, договорная грамота 911 г. (как и 944 г.) представляет собой окончательную редакцию документа, который изготовлен в Византии. Начало договора — это “пре” дисловие русских уполномоченных”, а далее “идут выработанные совокупными силами дипломатов русских и греческих двусторонние условия”. А. В. Лонгинов полагал, что в киевском архиве отложился подлинник русского экземпляра договора 911 г., того самого экземпляра, который шел от имени русской стороны, содержал имена русских послов, остался на руках у посольства, хотя и допускал, что это мог быть и один из его списков. По мнению А. В. Лонгинова, проект договорных статей грамоты 911 г. был обсужден и выработан в Киеве, а окончательная редакция договора была принята в Константинополе после встречи “греческих и русских уполномоченных”. В предисловии и заключении договора использованы обычные для того времени византийские дипломатические каноны, заметны следы “буквального заимствования”, да и в статьях проявилось влияние византийцев, обладавших большим опытом и знаниями в правовой

14 сфере, хотя ощущается и переработка статей русскими пос-

лами

Однако в дальнейшем линия исследования А. В. Лонгинова не нашла развития и поддержки в работах филологов, которые в дореволюционные годы и в первые годы Советской власти взяли разработку проблемы в основном в свои руки. Историческая постановка вопроса отошла на второй план. В ходе филологических изысканий наряду с интересными наблюдениями чисто лингвистического характера была поколеблена, казалось, уже устоявшаяся точка зрения об отражении в договоре 911 г. международных правовых норм. Внимание стало сосредоточиваться на языковых, переводческих проблемах, на неясных и темных местах документа, заколебалась сама историческая почва, это соглашение породившая.

В 1910 г. ощутимый удар по историческим реалиям договора 911 г. нанес Г. М. Барац. “В эпоху договоров, — писал он, — руссы далеко не были новичками в деле... формулировки трактатов и не вынуждены были писать, как школьники, под диктовку греков”. Этот обнадеживающий для русской дипломатии вывод он подкрепил, однако, рассуждениями прямо противоположного свойства: значит, текст договора 911 г. принадлежит не грекам, а Руси, отсюда его неясность, запутанность, перестановки, заимствования из древних, в том числе библейских, источников и т. п.¹⁵

Шаг назад от концепции А. В. Лонгинова сделал и Д. М. Мейчик. Акцентируя внимание на “невыразительных”, “порченных” местах договора 911 г., он задал вопрос: “Разве русс или истый славянин, думая на своем родном языке и излагая на нем свои мысли, в состоянии был написать предложения в роде только что приведенных?” Он считал, что руководящая роль в создании этого договора принадлежала византийским дипломатам, что ни о каком сравнении с равноправным греко-персидским договором здесь не могло быть и речи¹⁶.

А. А. Шахматов отметил, что договоры 911 и 944 гг. “не рабский перевод с греческого оригинала, а сознательная его переделка в определенных целях”. А вот аргумент А. А. Шахматова: греческие оригиналы не могли иметь такого начала, какое представлено в договоре 911 г.; в тексте налицо недопустимая путаница с притяжательными местоимениями. Это не перевод, а “переделка и перевод”. Международная форма договора тем самым нарушена, изменена. Практически это означает лишь одно: договор 911 г. не может рассматриваться как стереотипный
17 международный

акт

В. М. Истрин, так же как и А. А. Шахматов, считал, что нормы греко-персидского договора совершенно неприменимы к соглашениям между Византией и “варварской, не имевшей своей письменности Русью”. Они переведены с греческого оригинала, писал В. М. Истрин, но не в X в., а значительно

позже. Плохой перевод, все та же путаница с местоимениями, отдельные ошибки свидетельствуют, по его мнению, о том, что тексты соглашений переводились не современниками, а в XI в., возможно в кружке переводчиков, существовавшем при дворе Ярослава Владимировича. Договоры привезли в Киев греки. Они представляли интерес лишь для Византии, а русские князья не придавали им значения¹⁸. Так, В. М. Истрин фактически зачеркнул смысл русско-византийских соглашений в X в. как международных дипломатических актов.

Полемизируя с В. М. Истриным, видный филолог С. П. Обнорский доказывал, что словарные и синтаксические особенности договоров указывают не только на их переводной характер, но и на совпадение по времени переводов с составлением и заключением договоров, что переводчиком был болгарин, а выправил текст русский редактор¹⁹.

Советские историки, плодотворно разрабатывая проблемы раннефеодальной государственности на Руси, неоднократно обращались к анализу договора 911 г. и использовали при этом многие позитивные наблюдения отечественной историографии.

Б. Д. Греков признал факт заключения выгодного для Руси русско-византийского договора в 911 г., хотя, как мы уже отмечали, и включил в его состав все положения договора 907 г.²⁰ Ученый поддержал точку зрения С. П. Обнорского.

Д. С. Лихачев, опираясь на исследования Н. А. Лавровского и С. П. Обнорского, также рассматривал договор 911 г. как документ, созданный и переведенный в X в. с греческого языка на русский, как соглашение, имеющее аналоги в виде других письменных договоров Византии с окрестными государствами. В частности, Д. С. Лихачев в своих комментариях к договору 911 г. возвращает нас к греко-персидскому соглашению, подчеркивая общность процедуры заключения обоих договоров²¹.

В. Т. Пашуто на основании изучения большого историографического наследия, а также текста самого договора пришел к выводу о том, что соглашение 911 г. — это “договор о мире и дружбе”, т. е. развернутое политическое соглашение; что он основан на нормах русского и византийского права, “которые возвышены в нормы права международного, пригодного и обязательного для обеих сторон”²². Таким образом, В. Т. Пашуто вернул советской историографии концепцию договора 911 г. как равноправного политического русско-византийского соглашения.

Последним по времени научным выступлением по поводу соглашения 911 г. явились интересные статьи С. М. Каштанова. Он совершенно верно заметил, что вопрос о порядке заключения русско-византийских договоров изучался двумя методами — лингвистического и конкретно-исторического анализа, что оба эти направления неотделимы друг от друга и

в этой неразрывности представляют хорошую перспективу для дальнейшего исследования проблемы. Поскольку метод конкретно-исторического, или сравнительно-исторического, анализа в последние годы был в известной мере заслонен лингвистическими исследованиями, то именно к этому второму направлению и привлекает внимание С. М. Каштанов, а также к исследованиям А. Димитриу и польского историка С. Микуцкого, осуществивших подход к договорам именно с позиции сравнительно-исторического метода.

Изучая порядок заключения русско-византийских договоров, С. М. Каштанов, кроме того, использовал наблюдения зарубежных византистов Ф. Дэльгера и И. Караяннопулоса, которые в своей работе привели схемы формуляров визан-тино-иностранных договоров с конца X до середины XV в.²⁴ На основании анализа данных формуляров и сравнения их с формуляром договора 911 г. С. М. Каштанов пришел к выводу, что этот договор весьма близок по своей структуре к императорскому хрисовулу, который вручался иностранному посольству после заключения договора в Константинополе без предварительных переговоров в чужой стране, хотя, подчеркивает автор, летописный текст и не является непосредственным переводом такого хрисовула.

Отвечая на поставленный рядом исследователей вопрос, почему Олег в отличие от Игоря в 944 г. лично не утвердил договор 911 г., С. М. Каштанов обращает внимание на то, что содержание в клятвенной грамоте 911 г. условий договора, сформулированных от лица Руси, исключало необходимость скрепления договора князем.²⁵

Договор 911 г. нашел отражение в советских обобщающих работах. «Очерки истории СССР» оценивают его как письменный договор, «определявший отношения между Русским государством и Византией». В многотомной «Истории СССР» о договоре 911 г. лишь вскользь сказано, что он, как и договор 944 г., опирался на «покон русский». В «Истории Византии» памятник характеризуется как «еще один договор» между Русью и Византией, устанавливавший порядок регулирования конфликтов, обмена и выкупа пленных и т. п.²⁶

В зарубежной историографии договору 911 г. уделили специальное внимание польский историк С. Микуцкий и французская И. Сорлен, но их мнения относительно памятника разошлись.

С. Микуцкий считал, что, поскольку договор 911 г. включает в основном обязательства русской стороны, он не может напоминать по своему характеру императорский хрисовул. Что касается сравнения с процедурой заключения других византино-иностранных договоров, то он не видит здесь аналога договору 911 г. в связи с тем, что русский текст представляет собой, по его мнению, копию договора с греческого оригинала, но копию не официальную, как в греко-персидском договоре, а рабочую. Эта копия, полагает С. Микуцкий, была оформлена по инициативе русской стороны и сделана

специально для русских, как и в случае с договорами 944 и 971 гг. Он обращает внимание на то, что из двух хартий договора, упоминаемых в заключительной части текста, одна имеет подпись императора, а вторая, по всей вероятности, идет от русской стороны, причем летописец донес до нас текст этой второй хартии. С. Микуцкий допускает, что русские составили текст грамоты вне императорской канцелярии и не согласились на императорский хрисовул, и в подтверждение приводит факты, указывающие, что протокол договора написан в русском стиле, а диспозитив, т. е. основная часть текста, напротив, носит следы греческого влияния²⁷. В целом же, по его мнению, договор 911 г. в основном регулировал экономические отношения между странами²⁸.

И. Сорлен не видит оснований для сравнительно-исторического анализа договора 911 г. Она согласна с С. Микуцким, что в договоре 911 г. есть обязательства только русской стороны, но в отличие от польского историка утверждает, что как раз протокол говорит о константинопольском происхождении документа, а преамбула и диспозитив составлены русской стороной — там берет слово Олег. По ее мнению, греки придали русскому проекту законченный вид. Грамота не перевод с греческого, утверждает И. Сорлен, греки просто

29

продиктовали статьи русским .

В 1948 г. канадский историк А. Боак высказал точку зрения о том, что договор 911 г. подтвердил для Руси “важные торговые привилегии” и признал за русскими право вступать в качестве “наемников” в императорскую армию³⁰.

Наконец, в 70-х годах вопрос о характере русско-византийского договора 911 г. вновь привлек внимание ряда зарубежных ученых в связи с исследованиями по истории византийской внешней политики и дипломатии. Д. Оболенский оценил договор 911 г. как “первый из нескольких торговых и политических соглашений, заключенных между Византией и Русью в X в.”. Соглашение это, по мнению Д. Оболенского, показывает, как “варяжские хозяева Руси и их славянские подданные благодаря торговле, дипломатии и человеческим контактам были втянуты более прочно в экономическую и политическую орбиту Византии” . Таким образом, он отводит Руси пассивную роль объекта византийской дипломатии.

Д. Миллер, исследуя практику заключения дипломатических соглашений Византии с другими государствами и типы таких соглашений, отметил, что договоры Руси с греками 911 и 944 гг. стоят в одном ряду с византино-арабскими и византино-болгарскими соглашениями и являют собой образцы “торгово-политических договоров” с тщательно разработанными торговыми правами³².

Итак, до настоящего времени в историографии, в том числе и в советской, отсутствует единая концепция этого первого в русской истории бесспорного письменного внешне-

политического соглашения. Многие вопросы до сих пор остались дискуссионными. Что перед нами — стереотипное международное двустороннее соглашение или неравный договор высокоразвитого государства с делающими первые шаги на дипломатическом поприще “варварами”? Чьи обязательства отражены в этом документе — русские или византийские? А может быть, это императорский хрисовул? Где договор был создан? Кто был его автором и переводчиком? Каково значение этого соглашения в системе русско-византийских отношений? Ограничивается ли этот договор лишь экономическими проблемами или затрагивает и область политических взаимоотношений между двумя государствами? Все эти и другие более частные вопросы были поставлены в исторических трудах. Ответы на них, как видим, были самые различные.

По нашему мнению, заслуживает рассмотрения и вопрос, в каком соотношении находится данный русско-византийский договор с другими русско-византийскими соглашениями IX—X вв., какое место он занимает в развитии древнерусской дипломатии, которая прошла долгий путь от первых локальных пограничных соглашений до политических договоров 60-х годов IX и начала X в.

2. ПРОЦЕДУРА ВЫРАБОТКИ ДОГОВОРА 911 г. СОСТАВ РУССКОГО ПОСОЛЬСТВА. ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Для того чтобы ответить на интересующие нас вопросы, необходимо не только вновь обратиться к источнику и, опираясь на богатое историографическое наследие по этой проблеме, выяснить, какие дополнительные возможности для исследования он таит, не только использовать наблюдения, сделанные лингвистами и историками — сторонниками сравнительно-исторического подхода к вопросу, но и провести исследование темы в тесной связи с анализом непосредственно предшествовавших договору 911 г. русско-византийских отношений, считая, что договор 911 г. лишь эпизод на долгом пути складывания древнерусской дипломатии.

Прежде всего несколько слов о методике исследования данного договора. Источники в данном случае ограничены: текст договора, сохранившийся в “Повести временных лет”, а также летописные известия о заключении договора, пребывании послов Олега в Константинополе и их возвращении в Киев. Поэтому здесь кроме обращения к самому тексту договора и сопровождающих его записей использование сравнительно-исторического метода является наиболее благоприятной возможностью для прояснения некоторых спорных вопросов как происхождения самого документа, так и его содержания. В связи с этим мы предполагаем продолжить те

илия, которые отечественные и зарубежные ученые пред-инял'и относительно сравнительного анализа договора 911 г. и греко-персидского соглашения 562 г. На наш взгляд, целесообразно прислушаться к замечанию Д. Миллера (который, кстати, свою работу по изучению типов византино-иностранных договоров 500—1025 гг. построил в значительной части на их сравнении с договором 562 г.) о том, что, “несмотря на частоту, с которой Византия заключала договоры всех видов, греческие источники недостаточно щедры насчет выяснения как содержания этих соглашений, так и процедуры, которая сопровождала переговоры, ратификацию договоров и их соблюдение... Мы имеем только единственный договор — персидско-византийское соглашение 562 г., приведенное Менандром Протиктором, где вся процедура выработки договора, его содержание, ратификация представлены с начала до конца”¹. Но сравнения договора 911 г. лишь с греко-персидским соглашением явно недостаточно для исследования интересующих нас вопросов, поэтому придется обратиться не только к иным русско-византийским соглашениям, но и к договорам Византии с Болгарией и другими государствами первой половины I-го тысячелетия, которые в своем историческом развитии, как уже подчеркивалось, проходили те же этапы развития раннефеодальной государственности, что и древняя Русь.

Анализ содержания договора следует, по нашему мнению, предварить исследованием вопроса о том, существовал ли какой-то подготовительный этап выработки договора 911 г. по аналогии с практикой византино-иностранных переговоров. Некоторые данные “Повести временных лет” указывают, что, как и в других случаях выработки международных соглашений, здесь также имел место определенный подготовительный процесс.

Об этом говорят уже начальные слова договора 911 г.: “Равно другаго свещания...” Выше мы попытались доказать, что они имеют в виду достигнутую заранее договоренность относительно заключения данного договора. Впервые в отечественной истории русский документ зафиксировал обычное для того времени дипломатическое процедурное правило, согласно которому вопрос о заключении межгосударственного соглашения, а может быть, и его проект обговариваются заранее компетентными представителями обеих сторон. Эта договоренность является той международной правовой основой, на которую опираются обе стороны при последующей выработке того или иного конкретного соглашения.

Специальная встреча русских и греческих представителей по поводу выработки будущего договора могла состояться в любое время после 907 г., скажем и в 908-м, и в 909 г., при “тех же” правящих “царях” Льве и Александре, которые согласились и на договор 907 г.

Если мы обратимся к истории выработки греко-персидского договора 562 г., который является классическим при-

мером межгосударственного дипломатического соглашения VI—X вв., то и там обнаружим, что после греко-персидского перемирия 558 г. стороны договорились рассмотреть вопрос о заключении окончательного договора и урегулировать все спорные вопросы на последующем посольском совещании².

Не вдруг заключались и договоры Византии с Венецией, Генуей, Пизой, о которых писали в свое время К. Нейман, А. Димитриу, А. В. Лонгинов, а совсем недавно Ф. Дэльгер, И. Караяннопулос, С. М. Каштанов. Выработка договоров Византии с итальянскими государствами начиналась с посылки туда греческих послов, имевших при себе верительные грамоты на проведение переговоров и наказ-инструкцию. Это был первый этап. Затем начинались сами предварительные переговоры, которые, прежде чем складывался договор, могли быть продолжены в столице другого государства. Ф. Дэльгер и И. Караяннопулос даже делят все византино-иностранные договоры на две категории: те, которые вырабатывались в ходе предварительных переговоров в другой стране, и те, которые такой практики не имели и заключались в Константинополе³.

Предварительное соглашение о договоре 911 г., состоявшееся до этого года, приводит нас к выводу, что схема Ф. Дэльгера, И. Караяннопулоса, поддержанная С. М. Каштановым, нуждается в данном конкретном случае в некотором уточнении. Мы не можем сказать, что перед нами случай, когда договор был заключен без предварительных переговоров “в другой стране”, как не можем согласиться с тем, что имеем дело с предварительной договоренностью, достигнутой “в другой стране”, т. е. у нас нет никаких оснований считать, будто греческие представители путешествовали по поводу договора в Киев. Напротив, судя по упоминанию императоров Льва VI и Александра, переговоры проходили в Константинополе, т. е. предварительная договоренность состоялась, но не в другой, а в “этой” стране, в Византии. Само это обстоятельство в значительной мере подрывает возможность полностью применить схему Дэльгера — Караяннопулоса к договору 911 г.

Затем была организована посольская встреча, непосредственно посвященная выработке договора 911 г. Ее следы явственно прослеживаются в тексте соглашения, где говорится: “А о главах, аже ся ключит проказа, урядимъ ся сице”. А. В. Лонгинов не без основания считал, что в этой фразе отразился факт редактирования статей договора на посольском совещании. След еще одного известия о ходе выработки договора имеется в заключительной части договора об “устав-ленных” главах, т. е. установленных, выработанных. И наконец, совершенно очевидное свидетельство о посольской встрече обнаруживается в летописном тексте о беседе послов с Олегом после их возвращения в Киев. Они поведали Олегу “вся речи обою царю, како сотвориша миръ, и урядъ поло-жиша... и клятвы не преступити ни греком, ни руси”

Какое время продолжались такие переговоры?

Сообщение летописца о “речах”, пересказанных послами П гч по возвращении из Константинополя, указывает на наличие посольских прений. Анализируя договор 907 г., мы тмечали, что и во время его выработки стороны вели дипломатические прения, которые отразились в самом характере летописных известий. В соглашении 911 г. есть уже совершенно определенные указания на этот счет.

На примере греко-персидского договора видно, что и тогда посольское совещание заключалось в том, что слово брал то византийский представитель магистр Петр, то персидский ^{посол} — постельничий (Зих) Исдегусн. Переводчики, представленные с обеих сторон, переводили речи послов. В основном и Петр, и Зих выступали по принципиальным вопросам взаимоотношений государств: о сроке действия мирного договора, о сумме и порядке выплаты византийцами ежегодной дани персам, по спорным территориальным вопросам. Одновременно, надо полагать, помощники послов, среди которых упомянут с греческой стороны Евсевий, готовили постатейный договор, который согласовывался, как теперь принято говорить, “в рабочем порядке”. Об этом можно судить по тому, что к моменту достижения договоренности по основным вопросам постатейный договор был уже налицо, хотя Менандр и сообщает, что были споры “об этом и о других предметах”⁵.

Та же процедура выработки договора имела место в период болгаро-византийских переговоров об условиях мирного договора в 773 г. и византино-венецианских переговоров⁶.

Несомненно, что во всех этих случаях прослеживаются два складывавшихся веками фактора создания подобных дипломатических документов: наличие предварительной договоренности о заключении договора и наличие посольской встречи, на которой обсуждались как принципиальные общеполитические проблемы будущего договора, так и его конкретные статьи.

Перед нами по существу традиционная картина дипломатических переговоров, в которых с русской стороны участвовало посольство, состоявшее из 15 человек. Среди них пятеро (Карл, Фарлоф, Вельмуд, Рулав и Стемид) упомянуты летописцем в составе посольства, посланного Олегом из своего военного стана в Константинополь для проведения переговоров и заключения договора “мира и дружбы” еще в 907 г.

А. А. Шахматов полагал, что имена этих пятерых летописец просто взял из договора 911 г. и перенес в воссозданный им текст о переговорах 907 г., а ограничился он пятью именами просто для “сбережения места и времени”. В последующей историографии, как поддержавшей концепцию А. А. Шахматова об искусственности договора 907 г., так и оспорившей ее, этот сконструированный им факт не нашел

опровержения. Однако с подобной трактовкой трудно согласиться.

Прежде всего обращает на себя внимание упоминание в обоих случаях на первом месте среди посольского ряда некоего Карла. Его имя открывает список посольских имен во время переговоров 907 г., он же стоит первым среди 15 Олеговых послов, которые “от рода рускаго” были посланы для заключения договора 911 г. На переговорах 907 г. вторым идет Фарлоф. В договоре 911 г. он стоит третьим (пропустив впереди себя Инегельда), третьим под 907 г. упоминается Вельмуд. Он же идет четвертым в списке послов договора 911 г. Четвертым в 907 г. отмечен Рулав. И в договоре 911 г. он идет в начале списка, пятым. Практически лишь уже упомянутый Инегельд вторгся в эту первую четверку 907 г., которая и в 907, и в 911 г. приведена в одинаковой последовательности. Пятым, т. е. последним, в 907 г. шел Стемид. Последним, на этот раз уже пятнадцатым, в договоре 911 г. стоит тот же Стемид. Что сделал, по мысли А. А. Шахматова, летописец? Он выбрал “для сбережения места и времени” из договора 911 г. первого, третьего, четвертого, пятого и пятнадцатого послов, опустив второго — Инегельда и всех последующих — с шестого по четырнадцатого.

Причину этого, на наш взгляд, следует искать не в редакторских ухищрениях летописца, а в складывании системы посольской службы древнерусского государства, соответствовавшей дипломатическим традициям древности и средневековья. И одной из таких традиций являлась строгая иерархия членов посольства, направляемых из какой-либо страны в чужеземные государства. В рассказах греческих и римских авторов (Геродота и др.) о многочисленных переговорах древних греков с персами, римлян с сопредельными государствами и т. д. нередко упоминаются главные послы, ведущие переговоры: от их имени записаны посольские речи, к ним обращены слова монархов, принимающих посольство. Погибший под аварскими мечами в 558 г. Мезамир возглавлял антское посольство к аварскому кагану. Петр и Зих были первыми послами на посольской встрече во время выработки греко-персидского договора 562 г. Вторым в греческом представительстве упомянут некий Евсевий; кроме того, вместе с Петром и Евсвием на греко-персидскую границу явилось шесть переводчиков⁷.

Впервые такое упоминание о посольской иерархии в русской истории встречается в летописи под 907 г. Карл, безусловно, являлся первым послом, возглавлявшим от имени Руси переговоры в Константинополе. Карл и четверо его соратников получили наказ от Олега о ведении переговоров, они же согласовали с греческими “царями” и “боярьством” статьи договора 907 г. Спустя некоторое время в Константинополь отправляется новое русское посольство. И вновь первым в списке послов стоит Карл.

После переговоров в 907 г. хорошо знакомый грекам и ломленный в приемах и методах греческих дипломатов, он Карл провел новые переговоры в византийской столице относительно договора 911 г. Вполне вероятно, что он возглавлял русскую миссию на предварительных переговорах..., где обговаривались сюжеты будущих переговоров и было решено заключить договор (будущий договор 911 г.). Очевидно, и четырех соратников Карла по переговорам 907 г. не потому упомянул летописец в договоре 911 г., что они просто первыми попались ему под руку, а потому, что, пройдя “школу” переговоров 907 г., они являлись людьми наиболее пригодными для новых сложных переговоров с греками и действительно возглавили эти переговоры с русской стороны.

Трое из этой четверки стоят первыми в списке русских послов договора 911 г. Стемид, как отмечалось, в обоих случаях замыкает списки. По всей вероятности, он был одним из младших чинов посольства — либо “секретарем”, либо переводчиком, либо выполнял какую-то иную вспомогательную работу, т. е. не случайно занимал в обоих случаях последнюю строку в составе посольства. Это тоже не описка составителя “Повести временных лет”, а точное отражение становления системы посольской иерархии в результате складывания государственной иерархии на Руси.

В подтверждение этого можно обратиться и к последующему русско-византийскому договору — 944 г., где первым среди русских послов стоит некий Ивор, именуемый послом великого князя Игоря, а послы делились на первого, Игоря-ва “ела” и на остальных, “общих” послов. И среди этих “общих”, как перевел Б. А. Романов, а точнее, обычных, рядовых послов не все были равны. Их ранг определялся тем, кого они представляли.

Второй посол именуется “слом” Игоря сына Святослава, хотя наследнику, согласно летописи, в то время было всего два года; третий посол представляет княгиню Ольгу, остальные — иных родственников великого князя и государственных Деятелей⁸.

Интересно сопоставить функции уже знакомых нам дипломатов древности — грека Петра, перса Зиха и русского Карла.

Магистр Петр возглавлял греческое посольство в Персию еще в 550 г., затем в 552 г. вел переговоры с папой Вергилием и, наконец, в 562 г. отправился для заключения мира к шаху Хосрову I⁹. Для истории византийской дипломатии характерны случаи, когда видные государственные и военные деятели, духовные особы, включая патриархов (как это было в X в. во время переговоров с болгарским царем Симеоном), регулярно подвизались на дипломатическом поприще, выступая в качестве руководителей посольских миссий в различные страны. Такая практика стала со временем международной.

Из “Истории” Менаандра известно, что Зих неоднократно вел переговоры с византийским правительством по поводу спорных проблем¹⁰.

Карла на дипломатическом поприще мы встречаем дважды— в 907 и 911 г. Вероятно, уже в X в. руссы не остались в стороне от международной дипломатической практики, согласно которой посольскую службу несли люди, искусные в области международных дел. Карл по существу первый известный нам “кадровый”, если можно так выразиться, русский дипломат. Да и другие четыре посла, включая и Стемида, уже встали на путь выполнения постоянных дипломатических поручений. Но уже в период переговоров 907 г. и в договоре 911 г. встречаются первые следы посольских рангов, которые получили столь яркое отражение во время выработки русско-византийского договора 944 г. Достоинство послов определялось не только их дипломатической искусностью, но и их местом в системе складывавшейся феодальной иерархии. Очевидно, и появление Инегельда на втором после Карла месте среди первой четверки прежних послов указывает на определенное положение, занимаемое им то ли в великокняжеской дружине, то ли в какой-либо иной правительственной сфере.

Кого же представляли эти 15 послов? В договоре 911 г. записано, что послы рекомендуют себя следующим образом: “Мы от рода рускаго... иже послани от Олга, великого князя рускаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих боярь...” И далее в договоре еще не раз проводится эта же мысль. Ниже говорится, что послы уполномочены “на удержание и на извещение” “любви” между Византией и Русью “похотеньем наших великих князь и по повелению от всех, иже суть под рукою его сущих Руси”, что греки должны хранить “также же любовь ко княземь нашим светлым руским и ко всем, иже суть под рукою светлаго князя нашего...” .

Эту характеристику русского посольства отечественная историография в основном рассматривала как факт, подтверждающий отсутствие на Руси единого государства и его раздробленность на отдельные политически независимые земли, что и отразилось якобы в титулатуре послов, представлявших не только великого князя Олега, но и других русских светлых и великих князей. Еще в 1847 г. В. Лешков писал: в X в. “посол не был представителем государства, потому что оно еще не состоялось”. “Элемент народный” усмотрел здесь и А. В. Лонгинов. В. И. Сергеевич также подчеркнул, что греки обязались хранить “любовь” не только к одному Олегу, но и к светлым русским князьям. Д. М. Мейчик увидел в посольском титуле элемент широкого представительства. Реальными историческими фигурами, от имени которых действуют послы, считал “светлых князей” М. К. Любавский^{1а}.

С. В. Бахрушин также отметил, что “светлые князья” посылали в Константинополь для заключения договора самостоятельных послов наравне с великокняжескими, а их исчезновение из договора 971 г. Святослава Игоревича с Иоанном Цимисхием указывает на установление единства Руси¹³. В 1938—1945 гг. эту точку зрения поддержал Б. Д. Греков. Он полагал, что договоры Руси с греками заключались в первую очередь в интересах “светлых князей” и бояр, которые принимали в этом процессе через своих “уполномоченных активное участие”, что русские женщины Ольга, Предслава направляли в Византию своих послов и т. д.¹⁴

По-иному подошел к вопросу С. А. Геденов. Он рассматривал слова “мы от рода рускаго” как “техническую формулу”, как “формулу византийской дипломатии”, соответствующую “обычным формулам договорных актов”¹⁵.

Третью точку зрения высказал В. Т. Пашуто. “Договор заключен,— пишет он,— от имени “великого князя рускаго и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих боярь”, т. е. от имени главы государства и его вассалов (подручников)”¹⁶.

Мы считаем, что ни о каком “народном представительстве”, ни о каком представительстве “светлых князей” и бояр, “вассалов” великого князя, русскими послами в Константинополе не может быть и речи. Они представляли единое древнерусское государство, и само уже их появление в Константинополе являлось фактом единой древнерусской государственности, хотя можно, видимо, спорить о степени этого единства, о путях его дальнейшей эволюции. По данным епископа Пруденция, еще посольство 838—839 гг. представляло не какую-либо группу раннефеодальных правителей, а “народ” по имени “рос”; именно как представители народа, страны, государства послы были приняты в Константинополе при дворе императора Феофила, а затем препровождены вместе с византийским посольством в Ингельгейм, к королю франков. Общегосударственный характер посольства подтверждается не только тем, что и в 911 г. послы говорили “от рода рускаго”, т. е. вновь представляли народ, государство, но и тем, как расшифровывается само это понятие “от рода рускаго” (потому что дальнейшее перечисление лиц, от имени которых послано посольство, нельзя понять иначе, как именно раскрытие данного понятия). Итак, на первом месте стоит великий князь Олег, а далее идут те самые “светлые и великие князья”, которые дали повод к отрицанию общегосударственного, общерусского характера посольства. Важно отметить, что они упомянуты не просто через запятую после Олега — о них четко сказано: все они “суть под рукою его”. Во втором случае снова подчеркнуто, что послы появились при константинопольском дворе “похотеньем наших великих князь”, т. е. великого, князя Олега, “и по повелению от всех,

иже суть под рукою его, суших Руси”. И в третьем случае говорится, что греки должны хранить любовь ко всем светлым русским князьям, которые “суть под рукою светлого князя нашего”. Таким образом, понимание “рода рускаго” в документе вполне определено: послы представляют всю русскую землю, ее верховную власть — великого князя Олега и всех подчиненных ему князей. Эта формула точно корреспондирует с процессами объединения русских племен под властью Киева, о которых летопись поведала несколькими страницами выше. Олег продолжил объединение восточнославянских племен под властью Киева, обложил их данью, повел с собой в поход на Византию. Это и есть видимое отражение той вассальной зависимости “светлых князей” от главы государства, о которой писал В. Т. Пашуто, наглядное свидетельство создания единого древнерусского государства. Представительство же русского посольства в договоре 911 г. отразило не одну из ступеней этого единства, а возникновение государства как такового. Подчеркиваем, что это было общерусское, общегосударственное представительство. Посольство, возглавляемое Карлом и его помощниками, действовало от имени Руси в целом. При этом под “Русской землей”, Русью мы понимаем государство, включающее как территорию бывших восточнославянских племен, перешедших под власть Киева, так и зависимую от него “многоязычную сферу”¹⁷.

Если мы посмотрим, как в ходе переговоров 907 г. и в договоре 911 г. отражено представительство греческой стороны, то подивимся немалому сходству с тем же “народным элементом”, подмеченным А. В. Лонгиновым относительно Руси, и с той же “феодалной децентрализацией”, отмеченной С. В. Бахрушиным. О переговорах 907 г. говорится: “И яшася греци, и реста царя и боярьство все”. В договоре 911 г. неоднократно подчеркивается, что он заключен между Русью и “христианы”, т. е. всеми греками. “...Да умиримся с вами, грекы”, — говорит первая статья договора 911 г. и т. д. Договор 944 г. Игорь “створил” “съ самеми цари, со всемь болярствомъ”¹⁸.

Если мы обратимся к греко-персидскому договору 562 г., то и там обнаружим аналогичную формулу: Петр, магистр, согласно сакре (утвержденной грамоте о мире), идущей от лица персидского шаха Хосрова I, был уполномочен на переговоры “братством Цезаря”. А. В. Лонгинов приводит позднейшие аналогичные формулы из грамоты смоленского князя Ивана Александровича, который заключил “докончанье” с Ригой, с “Ризьскимъ и с пискупомъ... и со всеми рижаны, што под его рукою”. Такая же формула, отражающая общегосударственное представительство, имела место в документах Галицко-Волынской Руси¹⁹.

Впервые же идея общегосударственного, общерусского представительства дипломатической миссии была сформулирована в 911 г.

3. “МИР” И “РЯД” 911 г. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДОГОВОРА

Последующий анализ соглашения 911 г. подтверждает мысль о том, что перед нами обычный межгосударственный договор. Во-первых, об этом говорит характеристика участвующих в переговорах партнеров: с одной стороны, это “Русь”, с другой — “Греки” (или “Русь” и “христианы”). Эти понятия, идентичные в данном контексте понятию страны, государства, проходят через весь договор, начиная с преамбулы и кончая заключительной его частью. Во-вторых, об общеполитическом, межгосударственном характере договора 911 г. свидетельствует и то, что он является типичным договором “мира и любви”: его общеполитическая часть повторяет соглашения 860 и 907 гг.

Летописец отметил, что Олег послал своих послов в Константинополь “построити мира и положити ряд” между Русью и Византией. В этих словах четко определен характер соглашения 911 г.: с одной стороны, это “мир”, а с другой — “ряд”. Понятия эти для летописца не равнозначные. Судя по тексту договора, под “миром” подразумевается именно общеполитическая его часть. И это не просто “стилистика”, “нравственная сентенция”, формальный протокол, как об этом писали Д. М. Мейчик и А. В. Лонгинов¹, а отражение существующих исторических реалий, которые действительно отложились в стереотипные протокольные фразы, взятые уже давно на вооружение государственно-дипломатическими службами многих стран раннего средневековья.

Договор 911 г. говорит об “удержании” и “извещении” “бывшей любви” между двумя государствами. Первая статья договора, идущая после протокольной части, непосредственно посвящена этому общеполитическому сюжету: “Суть, яко понеже мы ся имали о божьи вере и о любви, главы таковыа: по первому убо слову да умиримся с вами, греки, да любим друг друга от всеа души и изволения...”, а далее идет текст, который говорит, что обе стороны клянутся “на сохранение прочих и всегда лет”, “непреложну всегда и во вся лета” соблюдать “любовь непревратну и непостыжну”. Данное политическое обязательство сформулировано именно в виде отдельных глав, одна из которых говорит об обещании Руси хранить этот мир, а другая отражает то же обязательство со стороны греков: “Тако же и вы, греки, да храните тако же любовь ко князем нашим светлым руским...”²

Эта общеполитическая часть совершенно определенно отделена в договоре от последующих статей, посвященных конкретным сюжетам взаимоотношений двух государств, так как далее говорится: “А о главах, аже ся ключит проказа, урядимь ся сице”. Это означает, что ниже излагаются “главы”, касающиеся “проказы”, злодеяний, спорных вопросов¹ и т. п. После изложения этих “глав” о “проказе” договор

911 г. вновь возвращается к той же идее, что выражена в протоколе и первых статьях соглашения, — к идее мира между двумя государствами: “бывший мир сотворихом...”, “кля-хомся... не преступити... уставленных главъ мира и любви”, “такое написание дахом... на утвержение и на извещение межи вами бывающаго мира”³. Здесь понятие “мира и любви”, сформулированное уже в обобщенном виде, относится ко всему договору, ко всем “уставленным” в нем статьям независимо от того, являются ли они непосредственно связанными с вопросом об “удержании” мира или посвящены более частным вопросам. Но как бы там ни было, эта линия “мира и любви” проходит через весь договор, связана и с общеполитической его частью, и с конкретными сюжетами⁴.

Закономерно возникает вопрос: для чего и Руси, и Византии потребовалось через четыре года вновь возвращаться к этой общеполитической идее, выраженной еще в договоре 907 г.?

Ответ на него содержится в самом договоре 911 г. Там нигде не говорится, что “любовь и мир” заключаются между государствами заново, — после мира 907 г. это было бы бессмысленным. В договоре лишь отмечается, что послы направлены “на удержание и на извещение” “мира и любви”, т. е. на закрепление уже достигнутого. Вспомним, что после военных конфликтов 941 и 970—971 гг. “мир и любовь” заключались заново и рассматривались как возврат к “ветхому”, “первому” миру, под которым мы, как отмечалось выше, понимаем договор 907 г. Здесь такого возврата нет: военного конфликта между странами за эти годы не было.

В соглашении 911 г. точно указывается, для чего потребовалось возвратиться к этому “удержанию”: мир 911 г. заключается “не точью просто словесемь, и писанием и клятвою твердою”, т. е. является, с точки зрения создателей договора 911 г., каким-то новым этапом в договорных отношениях между Византией и древнерусским государством. Возможно, речь идет о первом письменно сформулированном общеполитическом договоре “мира и любви”, повторившем в принципе прежние “словесные” (или в основном словесные) подобные соглашения — договоры 860 и 907 гг. Интересно отметить, что вопрос о необходимости письменно, а не словесно оформить соглашение относится именно к этому общеполитическому сюжету — “миру и любви”, а не к последующим за ним главам о “проказе”, что еще раз может навести на мысль, что и в 907 г. могли быть обговорены и закреплены в письменном виде, возможно в виде хрисовула, какие-то конкретные условия, о чем говорят следы документальных отрывков, прослеживаемых в “Повести временных лет” и помеченных 907 г.

Вместе с тем, если в 907 г. договор был оформлен в виде хрисовула, т. е. императорского пожалования, то в 911 г. русские могли настоять на иной форме договора — на равноправном двустороннем соглашении, ПОСКОЛЬКУ, как отмеча-

ли Ф. Дэльгер и И. Караяннопулос, “согласно политической теории византийцев, договор был привилегией, оказанием милости: византийский император снисходил до того, чтобы оказать такую милость иностранным правителям. Именно поэтому византийские императоры в качестве договорных грамот использовали грамоты-привилегии, такие, например, как хрисовулы” . Не исключено, что руссы настаивали на устранении этого “снисхождения”, что также могло быть причиной заключения нового развернутого общеполитического договора. В связи с этим мы хотим обратить внимание на перевод данной части договора А. А. Зиминым. Он подчеркнул, что Олег хотел “подтвердить и укрепить дружбу”, что руссы и до этого “многократно действительно стремились не только на словах, но и в письменной форме и нерушимую присягою, клянясь своим оружием, подтвердить и укрепить эту дружбу...”⁶. А это значит, что письменные соглашения существовали и прежде, как и словесные, как и клятва на оружии, что находит отражение в источнике.

С другой стороны, соглашение 911 г. явилось не только договором “мира и любви”, но и “рядом”. Этот “ряд” относится к конкретным сюжетам взаимоотношений двух государств (или их подданных) в сфере и экономической, и политической⁷.

Первая статья говорит о способах рассмотрения различных злодеяний и мерах наказания за них; вторая — об ответственности за убийство, и в частности об имущественной ответственности; третья — об ответственности за умышленные побины; четвертая — об ответственности за воровство и о соответствующих за это наказаниях; пятая — об ответственности за грабеж; шестая — о порядке помощи купцам обеих стран во время их плавания с товарами, помощи потерпевшим кораблекрушение; седьмая — о порядке выкупа пленников — русских и греков; восьмая — о союзной помощи грекам со стороны Руси и о порядке службы руссов в императорской армии; девятая — о практике выкупа любых других пленников; десятая — о порядке возвращения бежавшей или похищенной челяди; одиннадцатая — о практике наследования имущества умерших в Византии руссов; двенадцатая — о порядке русской торговли в Византии (статья утеряна); тринадцатая — об ответственности за взятый долг и о наказаниях за неуплату долга.

Таким образом, широкий круг проблем, регулирующих взаимоотношения между двумя государствами и их подданными в наиболее для них жизненных и ставших традиционными сферах, охвачен и регулируется этими тринадцатью конкретными статьями, которые и составляют содержание слова “ряд”.

Отечественные историки, как мы уже видели, много писали о сравнении договора 911 г. и греко-персидского соглашения 562 г., но не рассмотрели эти два документа с точки зрения составных частей стереотипных договоров

“мира и любви” и постатейного их анализа. Между тем он дает результаты весьма примечательные⁸.

В договоре 562 г. соглашение о мире на 50 лет и об уплате Византией дани персам было оформлено в виде отдельного документа — сакры, или утвержденной грамоты о мире. В этой грамоте, составленной на греческом и персидском языках и соответственно идущей от имени византийского императора и персидского шаха, говорилось: стороны “имели переговоры между собой о мире, и трактовали его, и утвердили мир на 50 лет, и все к писаному приложили печати. И мы утверждаем мир на тех условиях, на которых Зих, римский магистр и Евсевий согласились между собой, и на том остаемся”⁹.

Затем, сообщает Менандр, последовало еще одно посольское заседание, в ходе которого “после многих споров” был выработан непосредственно сам договор, состоящий из 13 статей конкретного характера. В первой статье греки и персы договорились не использовать в военных целях Дербентский проход; во второй — запретить своим союзникам вести войны против обеих сторон¹⁰; в третьей — вести торговлю “по существующему обычаю через определенные таможи”; в четвертой — способствовать посольским обменам и предоставлять им “должное обеспечение”, причем дипломатическим представителям разрешалось везти с собой товары и беспошлинно торговать ими”; в пятой — соблюдать порядок торговли и со стороны купцов “варварских” народов, зависимых от каждой стороны; в шестой — разрешить переход подданных из одной страны в другую лишь в военное время, а в мирный период выдавать перебежчиков друг другу; в седьмой — определить порядок рассмотрения жалоб подданных обоих государств друг на друга; в восьмой — не строить пограничных укреплений и не давать тем самым повода к новой войне; в девятой — не нападать на территории другого государства; в десятой — не держать грекам в пограничной крепости Дары военных сил сверх необходимых для охраны крепости и не использовать ее для набегов на персидские владения; в одиннадцатой — определить практику судебных разборов спорных имущественных вопросов, разного рода обид, возникавших между подданными обоих государств.

В двенадцатой статье содержится обращение к богу, который должен поддерживать “хранящих мир” и быть врагом тем, кто этот мир нарушит; в последней статье записано, что мир заключается на 50 лет, и определен порядок утверждения государями обеих стран документа, согласованного пос-

19

лами .

Особое соглашение было заключено относительно свободы вероисповедания христиан в Персии.

Таким образом, в греко-персидском договоре видна та же структура, что и в позднейшем русско-византийском договоре 911 г. Разница лишь в том, что клятвенно-верительная часть и общеполитическое соглашение Менандрова дого-

вора вынесены в отдельную грамоту, а в договоре 911 г. они входят составным элементом в протокол документа и в его первые две статьи; что касается уверения в верности договору и обращения к богам, а также порядка их оформления в договоре 562 г., то они вынесены в отдельные последние две статьи. И в договоре 911 г. эти мотивы точно так же представлены в заключительной части документа. Конкретные статьи греко-персидского договора представляют собой своеобразный “ряд”. По содержанию многие из них весьма близки пунктам договора 911 г., как, впрочем, и другим соглашениям раннего средневековья, посвященным вопросам регулирования торговых и посольских контактов, рассмотрению имущественных споров, улаживанию территориальных, в том числе пограничных, конфликтов и т. п.¹³ В этом смысле “ряд” 562 г. и “ряд” 911 г. лишь отразили конкретно-историческую специфику отношений государств, заключивших договор.

В то же время нельзя не обратить внимание на то, что соглашение 911 г. является более развитым дипломатическим документом, чем договор 562 г. В нем четко прослеживаются три составные части, ставшие со временем классическими¹⁴: I. Введение, в котором названы послы, заключившие договор, лицо и государство, интересы которых они представляют, а также государство и лицо, с которыми заключено данное соглашение. Здесь же сформулирована общеполитическая цель заключаемого договора; II. Непосредственное содержание самого договора, его статьи, порядок его утверждения, клятвы сторон; III. Заключительная часть, содержащая дату подписания договора.

В договоре 562 г. лишь намечены линии, которые впоследствии отлились в четкие статьи средневековых дипломатических документов. И это понятно, так как в VI в. и в самой империи, и в окружающих ее странах едва зарождались будущие дипломатические традиции, сложившиеся в Византии только к концу X в.

Для того чтобы определить политический характер соглашения 911 г. — равноправный ли это договор или императорский хрисовул, обязательство ли Руси или Византии и т. д., необходимо проанализировать договор с позиции того, как в нем отражены и в какой степени интересы этих двух государств¹⁵.

Уже во вводной части договора, там, где берет слово русская сторона и послы заявляют, что они “от рода руска-го” посланы Олегом к византийским императорам, мы видим первый признак двусторонности соглашения. Действительно, две стороны — греки и Русь, Олег и императорское трио — являются здесь контрагентами в переговорах. Главы “мира и любви” также носят характер двустороннего обязательства при полном равенстве партнеров.

Сначала сформулировано обязательство русской стороны: в договоре от имени руссов идет текст “Да умиримся с вами,

греки...”; руссы обязуются не нарушать мира никаким “соблазном” или “виной”. А далее текст хотя и продолжает идти от русской стороны, но содержит на этот счет уже обязательство Византии: “Также и вы, греки, да храните такую же любовь ко князем нашим светлым русским...” Руссы должны были соблюдать “мир и любовь” навечно (“всегда лет”), и греки обязывались хранить мир “во вся лета”.

В первой же из глав о “проказе” читаем, что в случае если будет совершено какое-либо преступление и оно не будет доказано, то следует прибегнуть к клятве и каждый, кого заподозрят в преступлении, должен клясться согласно своей вере (“...да егда кленеться по вере своей”). А это значит, что греки клянутся согласно обычаям христианской веры, руссы — языческой. Современный переводчик почему-то упустил этот важный аспект статьи и следующим образом перевел данный текст: “...и когда поклянется сторона та...” Нет, речь идет о том, что заподозренная сторона должна поклясться именно “по вере своей”, что подразумевает и в этом случае двусторонность соглашения и равноправие партнеров.

Точнее перевел этот текст А. А. Зимин: “...и когда присягнет, согласно своей вере...”¹⁶

Вторая статья эту идею двусторонности и равноправности договора проводит еще ярче. Там говорится, что в случае если русс убьет грека или грек русса, то убийство будет караться смертью. В случае бегства убийцы последний (т. е. и грек, и русс) должен понести следующее наказание: имущество его передается ближним убитого; если же убийца “неимовит”, т. е. неимуш, то на нем так и останется “тяжа”, и он будет убит, если его найдут.

В третьей статье сформулированы санкции за удар мечом или каким-либо другим предметом. Провинившийся должен заплатить 5 литр серебра “по закону рускому”; если же у него нет этих денег, то он дает сколько может, а в уплату остального отдает все, вплоть до одежды. Эта статья также имеет в виду обе стороны и их равную ответственность за преступление. Что касается слов “по закону рускому”, то они свидетельствуют лишь о применении в данном случае нормы русского права; сама же эта норма, как видно из текста, относится к провинившимся и грекам, и руссам.

В четвертой статье — об ответственности за воровство — снова читаем: “...аще украдет что любо русин у хрестянина, или паки хрестянинъ у русина...”, или вор приготовится красть и будет убит на месте преступления, то его смерть не взыщется “ни от хрестьянь, ни от Руси”. И вновь обе договаривающиеся стороны выступают здесь равноправными партнерами.

В пятой статье говорится о том, что и греки, и руссы, покушавшиеся на грабеж, платят за это в тройном размере: “...аще кто от хрестьянь или от Руси мученья образом искусь творит и \л вьспятить троиче”.

В шестой статье эта линия продолжается: в случае если русская или греческая ладья терпит кораблекрушение, то обе стороны несут равную ответственность за спасение судна другой стороны. Русь должна при этом, снабдив ладью “рух-лом своим”, отослать ее “на землю хрестьянскую”. Если же катастрофа произойдет с русской ладьей близ греческого берега, греки должны проводить ее в “Рускую землю”¹⁷.

В седьмой статье — о пленных — также подчеркнуто: “...аще полоняникъ обою страны держим есть или от Руси, или от грекъ, проданъ въ ону страну, аще обрящеться ли русинъ ли греченинъ, да искупать и възрять искунное лице въ свою сторону...”, т. е. речь идет о судьбе пленных русских и греков и обязательствах и Руси, и Византии относительно выкупа пленных и возвращения их в свои страны.

Двусторонность и равноправность обязательств видны в статье тринадцатой, посвященной установлению ответственности за взятый долг. Там говорится, что если русс сделает долг у себя на родине и затем не возвратится на Русь, то заимодавец имеет право пожаловаться на него византийскому правительству, и провинившийся будет схвачен и возвращен насильно на Русь. Но и руссы должны сделать то же самое в отношении бежавших от долгов греков. “Си же вся да створять Русь грекомъ, идеже аще ключиться таково”.

Некоторые статьи содержат обязательства только греческой стороны¹⁸. Это относится к статье о разрешении руссам служить в греческой армии. Вместе с тем данное разрешение является производным от первой части этой статьи, смысл которой состоит в том, что в случае войны Византии с каким-либо противником Русь может оказать империи военную помощь: “Егда же требует на войну ити, и сии хотять поч-тити царя вашего...” А уж если пришедшие русские воины захотят остаться на византийской службе “своею волею”, они получают настоящим договором такое право. Кажется, что союзная помощь со стороны Руси — это ее добровольное дело (“хотять почтити”), но это дело вовсе не является добровольным для самих воинов: они обязаны идти на войну в качестве союзников Византии и уже затем “своею волею” могут остаться на службе в империи. Таким образом, в приведенном случае мы имеем дело с первым известным нам сформулированным письменно союзным соглашением Руси с Византией, причем союзные обязательства несет на себе лишь Русь по отношению к империи. Мы полагаем, что устно такое соглашение между Русью и Византией стороны заключили как в 860, так и в 907 г.; союзные обязательства Руси были оплачены византийским золотом в виде дани и другими тор-гово-политическими льготами, зафиксированными, в частности, в договоре 907 г. В свете этих договоренностей, подкрепленных статьей о союзной помощи соглашения 911 г., становятся особенно очевидными удары русской рати по Закавказью в 909—910 и 912/13 гг., угроза константинопольского патриарха Николая Мистика в адрес болгарского

царя Симеона наслатъ на него “скифские племена”, и среди них Русь^{III}, последующие совместные действия руссов и греков против арабов. Эти союзные отношения были нарушены лишь где-то в середине 30-х годов X в.

Греческие обязательства прослеживаются и там, где идет речь о непременном возвращении украденного или убежавшего русского челядина. Греки обязались также возвращать на Русь имущество умерших в Византии русских подданных, в случае если на этот счет не было сделано перед смертью каких-либо распоряжений. Вместе с тем в одном случае мы прослеживаем обязательство только русской стороны: оно касается возвращения руссами захваченных в плен греков за выкуп по установленной цене.

Как греческие, так и русские обязательства связаны с непосредственными интересами сторон и продиктованы реальной исторической обстановкой. Греки нуждались в военной помощи Руси в своих военных предприятиях против арабов — и вот появляется пункт о разрешении руссам служить в византийском войске, что, видимо, отразило издавна складывавшуюся практику. Русская феодализирующаяся верхушка была заинтересована в укреплении своих прав на челядь, рабов, — и вот греки обязуются возвращать на Русь спасавшихся от неволи челядинов. Византия в свою очередь добилась от русских принятия на себя обязательств по возвращению греческих пленных, что, вероятнее всего, явилось отзвуком недавнего русского похода на Константинополь. Таким образом, эти статьи не только не нарушают общего двустороннего и равноправного характера всего соглашения, но и подчеркивают его взаимовыгодный характер.

Двусторонний и равноправный характер договора подтверждает и его окончание. Там говорится, что “бывший миръ” записан на “двою харатью”, т. е. на две грамоты. Одна из грамот удостоверена византийским императором и передана русским послам (“бывший миръ сотворихом Ивановым написанием на двою харатью, царя вашего и своею рукою, предлежащим честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единого истинаго бога вашего, извести и дасть нашим послом”). На другой “харатье” клялись русские послы. Эта грамота была передана византийским императорам (“Мы же кляхомся ко царю вашему, иже от бога суца, яко божие здание, по закону и по покону языка нашего... И таковое

\ 20

написание дахом царства вашего на утвержение...”;

Таким образом, и вводная часть договора, где берет слово русская сторона и декларирует об удержании и письменном оформлении договора “мира и любви”, и “ряд” договора с его конкретными статьями, и заключительная часть документа, вновь возвращающая нас к общеполитическим вопросам, основаны на двусторонних и равноправных обязательствах и Руси, и Византии.

Русско-византийский договор 911 г. и в этом отношении повторяет греко-персидский договор 562 г. Там также на

двусторонней и равноправной основе в утвержденной грамоте о мире были сформулированы “главы” “мира и любви”. Точно так же греко-персидский “ряд” имел двусторонние равноправные обязательства. Правда, были и отступления: отдельный документ о свободе вероисповедания христиан в Персии содержал лишь обязательства персидской стороны. Но в этом случае, как и в случае с разрешением византийского правительства служить руссам в греческой армии, мы имеем дело с исторически складывавшимися отношениями двух стран, когда эти обязательства носили не общий, а абсолютно конкретный и неповторимый характер.

Какова система заключения данного договора? Документ был написан в двух вариантах: один, как уже отмечалось в историографии, шел от греческой стороны, был передан греками русскому посольству и, видимо, был написан по-гречески. Именно этот греческий оригинал и подписал “своею рукою” византийский император. Другой экземпляр шел от русской стороны и был, по-видимому, написан по-русски. Этот русский оригинал, на котором клялись русские послы, и был передан византийским императорам.

Аналогичным образом оформлялся договор и точно такой же была процедура его заключения между греками и персами в 562 г. Тогда же были подготовлены две аутентичные грамоты на персидском и греческом языках. Аутентичность обоих текстов была тщательно сверена, причем стороны выверили не только все слова и понятия, но и “силу каждого слова”. С этих двух оригиналов сделали точные списки. Затем персидский посол Зих передал византийскому послу Петру экземпляр, написанный по-персидски; Петр передал Зиху экземпляр, написанный по-гречески, т. е. каждое посольство получило в свои руки оригинал, написанный на языке другой стороны и имеющий соответствующие подпись и печать. Но Зих взял для памяти написанный на персидском языке список, идентичный греческому и не имевший на себе печатей. Петр сделал то же самое²¹.

В 911 г. греки и руссы также обменялись текстами аутентичных грамот, как это было в случае с заключением греко-персидского договора: греки отдали экземпляр, подписанный императором, русским послам, а в обмен получили русский текст .

Были ли и в этом случае сняты копии с обоих оригиналов, как в 562 г.? Об этом летопись умалчивает. Но анализ договора 911 г., его сравнение с единственным известным развернутым соглашением раннего средневековья — договором 562 г. убеждает в том, что такие копии вполне могли быть сняты. В пользу этого говорит и то, что тексты сакры о мире (562 г.), идущие от той стороны, на языке которой был написан оригинал, открывались титулами правителей данной страны и именами послов, заключивших от имени данной страны дипломатический акт, а оригинал, принадлежащий другой стороне, в свою очередь открывался титулами

правителей, именами послов этой другой страны. В данном случае аутентичность соблюдалась лишь в форме представительства; имена же правителей, их титулы, имена послов и их титулы были естественно в каждой грамоте разными²³. Точно так же обстоит дело и с договором 911 г. Читаем тот экземпляр, который отложился в летописи и идет от русской стороны: “Мы от рода рускаго... иже послани от Олга...” Далее излагается русская точка зрения на цель договора. Текст идет от имени Олега: “наша светлость”, — говорится о нем в документе.

Судя по аналогии с договором 562 г., должен был существовать аутентичный текст, идущий от греков; на это указывает и заключительная часть договора 911 г., где говорится о том, что существовал экземпляр греческой “харатьи”, подписанный императором. Но Лев VI не мог подписать текст договора, идущий от русской стороны. Он подписал текст, идущий от греческой стороны, текст, аутентичный русскому оригиналу.

С этих позиций можно определеннее, чем это делалось прежде, утверждать, что летописец располагал именно копией русского текста, оригинал которого был отдан грекам во время заключительной церемонии²⁴. А это значит, что вся процедура оформления договора 911 г. была схожей с той, которая сопровождала заключение договора 562 г. и византино-иностранных соглашений в X—XV вв.

Несомненно, что в киевском великокняжеском архиве должен был находиться и греческий оригинал, который, как и копия русского оригинала, в дальнейшем был безвозвратно утрачен.

К. Нейман показал, что включение в договор обязательств партнера, т. е. превращение хрисовула в двусторонний равноправный договор, начинается с конца XII в., когда Византия теряет свою былую силу. Однако, рассмотрев точку зрения ряда историков о том, что включение в договорные тексты двусторонних обязательств могло явиться византийской платой за военную помощь со стороны того государства, с которым заключено соглашение, К. Нейман отклонил такую возможность на том основании, что и до конца XII в., например в византино-венецианских отношениях, могли иметь место договоры, включавшие двусторонние обязательства, но не сохранившиеся.

Вместе с тем и К. Нейман, и Ф. Дэльгер и И. Караянно-пулос доказали, что оформление договоров в виде хрисовулов-пожалований начинается практиковаться византийской дипломатической службой лишь с 992 г.²⁶

Таким образом, договор 911 г. не укладывается ни по времени, ни по существу ни в одну из отмеченных выше схем. А это значит, что договор 911 г. как тип документа занимает в системе византийской дипломатии свое особое

место, даже если признать, что он по типу близок к императорскому хрисовулу. Но это не так. От хрисовула данное соглашение отличается рядом черт. Процедура его оформления определенно говорит за то, что перед нами совершенно равноправное, двустороннее межгосударственное соглашение. Оно было составлено в соответствии с международными дипломатическими традициями, дошедшими от более ранних времен, и сравнивать его надо не с поздними договорами-привилегиями, а с равноправными соглашениями 1-го тысячелетия типа греко-персидского договора 562 г.

В связи с этим трудно согласиться с мнением С. М. Каштанова о том, что перед нами грамота, приближающаяся к типу хрисовула, выданного без предварительных переговоров в другой стране. На первом месте в этом виде хрисовула идет клятвенная грамота иностранных послов. Такую клятвенную грамоту С. М. Каштанов усмотрел в той части текста, которая открывается словами: “Мы от рода рускаго...” — и далее до слов: “А о главах, иже ся ключит проказа, урядимся сице”. Однако С. М. Каштанов не обратил внимания на то, что в составе этой клятвенной грамоты идет двусторонний текст о соблюдении и руссами, и греками договора “мира и любви”. Идентичный текст находился и в греческом оригинале. Слова о писании “на двою харатью” он рассматривает как составление двух документов: одной “харатьи”—“дополненного варианта клятвенной грамоты” и другой “харатьи”—императорского хрисовула²⁸. Как мы попытались показать, речь в этой части грамоты идет о составлении двух аутентичных ее текстов на греческом и русском языках, утвержденных обеими сторонами. Сравнение окончаний грамот-хрисовулов (где, собственно, и говорится, что данный документ является императорским хрисовулом) с заключительной частью договора 911 г. также убеждает в их отличии друг от друга. В хрисовуле, выданном Генуе от имени императора в 1192 г., речь идет о том, что благодаря этому документу Генуя получила права, сформулированные в нем как обязательства Византии. Здесь же приводится и клятва императора соблюдать данный договор²⁹. Ничего подобного нет в договоре 911 г., который, как уже отмечалось, оканчивается двусторонними клятвами и обязательствами.

Текст хрисовула переводился на язык той страны, с которой заключалось соглашение; если это была западноевропейская страна, то хрисовул переводился на латинский язык. В этом случае он сохранял свою форму. Совсем иной характер носит перевод грамоты 911 г., являвшийся копией текста, идущего от русской стороны к грекам.

Рассуждения А. Димитриу и других авторов о том, что договор 911 г. не был окончательно утвержден, так как Олег не ратифицировал его перед лицом византийского посольства в Киеве, представляются нам несостоятельными, поскольку такая ратификация была проведена русским посольством в Константинополе. От лица Олега русские послы клялись на

грамоте “по закону и по покону языка нашего”, т. е. исполнили весь тот обряд клятвы на договорной грамоте, который был принят на Руси и который был продемонстрирован еще Олегом в 907 г. и Игорем в 945 г.

Русско-византийский договор 911 г. не являлся ни дополнением соглашения 907 г., ни формальным писанным актом по сравнению с прежним устным соглашением, ни “новым” миром по отношению к миру 907 г. Это был совершенно самостоятельный межгосударственный равноправный “мир-ряд”, не только включавший основные положения “мира и любви”, провозглашенные в 907 г., но и дополнивший их конкретными статьями “ряда”. Оформление этого соглашения происходило по всем канонам тогдашней дипломатической практики относительно заключения договора между двумя равноправными суверенными государствами. Этот договор стал еще одним шагом вперед в развитии древнерусской дипломатии и явился ступенью на пути от устного клятвенного договора 860 г. и, возможно, договора-хрисовула 907 г. к развернутым письменным дипломатическим документам, вершинам раннефеодальной дипломатической документации.

В связи с этим основным значением русско-византийского договора 911 г. многие острые споры прошлого представляются нам не столь актуальными. К ним относятся, в частности, разногласия о том, на каком языке первоначально был создан этот акт: являлся ли текст, помещенный в летописи, переводом, или же он сразу был написан по-русски, а если и являлся переводом, то кто был переводчиком — грек, русский или болгарин? Где первоначально был создан договор — в Киеве или в Константинополе? И т. д. Прежде всего относительно языка документа. Ученые неоднократно отмечали наличие грецизмов в языке договора; обращали внимание на то, что в его тексте немало чуждых языческой Руси христианских понятий; усматривали след перевода с греческого в тяжелом, вычурном стиле акта (Г. Эверс, Н. А. Лавровский, И. И. Срезневский, С. А. Гедеонов, А. Димитриу, Д. М. Мей-чик, А. Е. Пресняков, С. П. Обнорский, В. М. Истрин, С. Микуцкий и др.); указывали на стиливые отличия вступительной части, на особенности текстов заключения и статей. Сегодня невозможно точно доказать, какова была лингвистическая основа текста, помыленного в летописи. Судя по процедуре выработки договора, проходившей в Константинополе, можно предположить, что первоначально текст русской грамоты мог быть написан по-гречески, а потом уже переводился на русский язык, причем соответственно менялись вступление и заключение договора, в связи с тем что слово брала русская сторона³⁰. При этом переводчиком мог быть и русский, и болгарин (В. М. Истрин, С. П. Обнорский), и грек. Думается все же, что если документ является переводом, то осуществлял его представитель русской стороны, так как конкретные статьи соглашения имеют русскую языковую основу (Н. А. Лавровский), близкую к языку

Русской Правды, а вступление и заключение несут в себе византийские дипломатические языковые и понятийные стереотипы.

В связи с этим правомерно, на наш взгляд, предположение А. В. Лонгинова о том, что проект договора, во всяком случае его “ряд”, мог быть разработан в Киеве или в каком-то другом месте во время предварительных переговоров с греками.

Но можно высказать и еще одно предположение. Известная тяжеловесность изложения договора, путаница с притяжательными местоимениями “наш” и “ваш” могли быть связаны не только с переводом грамоты с греческого оригинала и соответственным изменением местоимений, поскольку текст шел уже не от греков, а от руссов, но и с “речевым” характером переговоров и “речевым” их изложением, как уже говорилось выше. Это в известной мере подтверждает и текст документа: во введении и заключении (кроме одного случая), идущих от русской стороны и выработанных не в “речевых” спорах, а взятых из формуляров, хранившихся в императорской канцелярии, такой путаницы нет: все местоимения расставлены правильно; путаница начинается при изложении конкретных статей, когда слово брали поочередно русские и византийские послы. Так, в статье о взаимной помощи потерпевшим кораблекрушение говорится, что руссы обязаны в этом случае оказать всяческую помощь греческой ладье. Текст идет здесь от первого, русского лица — “нас”, “мы”. А далее формулируются такие же обязанности греков: если несчастье случится с русской ладьей, то греки должны проводить ее на Русь, но текст звучит опять от первого лица: “...да проводимь Ю в Рускую землю”. В данном случае мы сталкиваемся либо со следами греческих “речей”, либо с ошибкой писца, переводчика, либо с традицией, на которую указал еще К. Нейман.

Он заметил, что с изменением формы византино-венцианских договоров от хрисовулов к грамотам с двусторонними обязательствами (после 1187 г.) и здесь появляется путаница с притяжательными местоимениями: один и тот же субъект выступает то от первого, то от третьего лица. К. Нейман анализирует первую такую известную грамоту от 1187 г. и отмечает, что во вступлении текст идет от первого лица, а в основной части договора обе стороны представляют себя в третьем лице. И еще одну важную деталь подметил К. Нейман: в ходе переговоров с византийцами были случаи, когда другая сторона настаивала из престижных соображений на том, чтобы отдельные пункты договора формулировались византийцами от первого лица, хотя это и противоречило правилам грамматики. Так, в 1198 г. венецианские послы требовали, чтобы клятвенную часть договора Алексей III Комнин изложил от первого лица, что и было сделано. Путаница (подобная той, что имела место в русско-

византийском договоре 911 г.) могла возникнуть, как указывает К. Нейман, и в связи с тем, что императорская канцелярия порой не справлялась со стилистикой, особенно в тех случаях, когда традиционная форма хрисовула “оказалась взорванной” двусторонними обязательствами .

Переговоры по поводу выработки договора, как известно, проводились в Константинополе, там же они закончились и завершились “подписанием” самого акта. Византийские послы не появились в Киеве, Олег не ратифицировал самолично договор. Думается, что такую практику нельзя считать случайной. Русь того времени еще не являлась для Византии государством, которое могло претендовать на полное дипломатическое равенство с мировой империей, и факт проведения процедуры выработки договора в Константинополе это подтверждает. В этом смысле равенство еще не было достигнуто и в титулатуре великого князя киевского. В тексте соглашения Олег неоднократно называется “нашей светлостью”, “светлым князем нашим”.

Этот титул не вызвал интереса среди ученых. Н. А. Лавровский посчитал его простым заимствованием из византийского лексикона, восходящим к римскому *illustis*. Об этом же писал позднее и С. А. Гедеонов. Равнодушно проходит мимо этого титула А. В. Лонгинов, считая, что понятием “светлость” греки обнимали весь состав русских князей, представленных в договоре .

Между тем вопрос о титуле главы государства в том или ином дипломатическом соглашении древности и средневековья играл принципиальное значение. Этот вопрос был связан с престижем государства, нередко с его территориальными притязаниями. Нам представляется, что титул “светлость” в применении к великому князю киевскому — это не случайный перевод с греческого, а точное определение византийской дипломатической службой значения, государственного престижа молодой еще русской державы. В Византии, которая поддерживала дипломатические отношения со многими государствами тогдашнего мира, были точно определены значимость и в соответствии с этим титулатура правителей этих государств. В своем труде “О церемониях” Константин VII Багрянородный писал, что в документах, адресуемых правителям древней Руси, императоры Византии обращались к ним следующим образом: “Грамота Константина и Романа, христолюбивых императоров римских, к архонту Руси”. Определенный титул был, как видим, закреплён и за правителем древнерусского государства. Точно так же рекомендовал обращаться Константин VII и к болгарскому царю, но там в добавление к титулу архонта фигурировал эпитет “любезный”. К франкскому владыке Константин VII рекомендовал обращаться как к “светлому царю франков”³³.

Думается, что понятие “светлый” соответствовало месту, т.е. византийской “дипломатической рутине” и русским правителям.

Ряд дипломатических стереотипов обнаруживается и в других понятиях акта 911 г., особенно в его вступительной и заключительной частях. Здесь и старинные понятия “мира и любви”, “утвержения” и “неподвижения” договора, и формула о сохранении договора “во вся лета”, и т. д.

Включение Руси в стереотипные дипломатические отношения с Византийской империей видно не только в процедуре выработки договора и его содержании, но и в порядке пребывания русского посольства в Константинополе. Летописец рассказывает, как император Лев VI “почтил” русских послов дарами — “златомъ, и паволоками и фюфудами”, “пристави” к ним “мужи”, которые показали им “церковную красоту, и полаты златыя, и в них сущаа богатество, злата много и паволоки и камъне драгое, и страсти господня и венець, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святых...”. Затем он “отпусти” их на Русь “с честию великою”³⁴.

Относительно этого летописного текста в дореволюционной историографии не было особых разногласий. Ученые оценили его как свидетельство о применении к русскому посольству обычной дипломатической практики приема иностранных миссий в Константинополе. Так принимали арабов, венецианцев. Лишь Г. М. Барац, верный себе, скептически заметил: неясно, почему послы, заключившие договор, не поторопились домой, чтобы ратифицировать его, почему они ходят по палатам в сопровождении каких-то мужей, почему смотрят церкви, но не торопятся обратиться в христианство и т. д.³⁵

В советской историографии этому сюжету вообще не уделялось внимания. Правда, комментатор вышеприведенного текста “Повести временных лет” заметил, что эти сведения, которых нет в начальном своде (отраженном в “Новгородской первой летописи”), летописец почерпнул из позднейшего повествования (от 988 г.) о посылке Владимиром Святославичем своих послов в Константинополь³⁶.

Лишь в 1968 г. данный вопрос рассмотрел В. Т. Пашуто. Он отметил, что “специальные придворные познакомили их (послов. — А. С.) с церковными достопримечательностями Константинополя”³⁷.

И в дальнейшем А. Г. Кузьмин вновь возродил недоверие к этому летописному тексту. Он посчитал, что в данном случае мы имеем дело с “оборванным продолжением рассказа” о событиях 907 г.³⁸

А это значит, что посольство 907 г. было принято по всем канонам тогдашней византийской дипломатической традиции; посольство же, заключившее договор 911 г., достоверность которого А. Г. Кузьмин отнюдь не подвергает сомне-

нию, было лишено такого приема. Совершенно немотивированным представляется тогда и текст о том, что послов отпустили с честью “во свою землю”, что они пришли к Олегу и рассказали ему о ходе переговоров, заключении “мира” и “уряда”. Ставится под сомнение вообще наличие посольства по случаю заключения договора 911 г. Реальная дипломатическая традиция зачеркивается.

Думается, что данный летописный текст, как и многое в практике заключения договора 911 г., отражает весьма стереотипную ситуацию. Сам набор этих даров, как видим, тот же, что и в 860 г.; другие иностранные посольства получали то же самое — золото, дорогие ткани, драгоценные сосуды. Законы дипломатического гостеприимства, широко отмеченные в практике средневековых посольских отношений, указывают, что в данном случае мы просто имеем первое в истории свидетельство о такого рода приеме русского посольства в Византии. Оно было ознакомлено с достопримечательностями города, послы увидели гордость Византии — ее великолепные храмы, ее христианские святыни. Затем был “отпуск”, т. е. официальный прощальный прием посольства, на котором император “отпускал” посольство восвояси. Традиции первого приема и последнего — “отпуска” прослеживаются в посольской службе многих европейских стран и народов средневековья. Именно так следует понимать слова летописца о том, что царь “отпусти” послов “с честью великою”.

Послов сопровождали, как отмечал В. Т. Пашуто, специальные чиновники, “мужи”, которые еще в 907 г. обязаны были ввести русскую, как и любую другую, миссию в город, разместить ее, переписать и т. д. В данном случае мы вторично встречаемся с дипломатической функцией “царева мужа”, обращенной непосредственно к русскому посольству. Наконец, об этой же вырабатываемой стереотипной дипломатической практике свидетельствует и прием Олегом послов в Киеве по возвращении их на родину, они поведали ему “вся речи обою царю” и рассказали, как проходило заключение “мира” и выработка “ряда” (“како сотвориша миръ. и урядъ положиша...”).

Таким образом, описание времяпрепровождения русского посольства в Константинополе также указывает

на включение древней Руси в орбиту международной дипломатической практики, а договор 911 г. знаменовал собой качественно новую ступень во всех отношениях: хода выработки соглашения, его содержания, процедуры заключения, практики приема и “отпуска” русского посольства в Византии

Глава пятая

*.ВОСТОЧНЫЙ ФАКТОР"
И ДРЕВНЕРУССКАЯ
ДИПЛОМАТИЯ.*

IX- первая половина XV.

1. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Развитие древнерусской дипломатии в IX — первой половине X в. не может быть правильно понято без учета длительных внешних контактов древнерусского государства с Хазарским каганатом, народами Северного Кавказа, Закавказья, Ирана. Конечно, в этой области исследования наши возможности ограничены по сравнению, скажем, с изучением русско-византийских отношений: здесь нет ни сохранившихся письменных договоров, ни известий о пышных посольствах. И тем не менее ряд верных признаков указывает на определенную дипломатическую активность древних руссов на Востоке, которая может быть рассмотрена в общем комплексе их дипломатических усилий в IX—X вв.

Отечественные ученые давно уже обратили внимание на странную последовательность в истории военных предприятий древней Руси, в истории ее внешней политики IX — первой половины X в.: после мирных договоров с Византией руссы направляли свои дружины на Восток, в Закавказье и Иран, против тамошних мусульманских владетелей — вассалов Багдадского халифата. И всякий раз при этом русские рати проходили либо по территории Хазарского каганата, либо вблизи его границ, по путям, которые контролировались хазарами. Таким образом, Русь уже в IX — первой половине X в. оказалась вовлеченной в политические отношения огромного региона, который охватывал Балканы, Северное Причерноморье, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, Закавказье, иранские области Юго-Западного и Южного Прикаспия.

Персидские и арабские авторы оставили сведения о нескольких походах руссов на Восток в IX—X вв. Персидский автор XIII в. Ибн-Исфендкйар в своей “Истории Табари-стана” сообщил о походе руссов на город Абесгун, расположенный на юго-восточном побережье Прикаспия, между 864 и 884 гг.

Руссы, как и позднее, в начале X в., прошли вдоль Каспийского побережья, “произвели опустошения и грабежи”. Против них было выслано войско местного правителя Хасана ибн-Зайда, которое и разбило руссов¹.

По данным того же автора, в 909 г. состоялся, “как во времена Хасана”, новый прикаспийский поход руссов. И опять он был направлен на Абесгун. Руссы также пришли морем на 16 судах. На другой год, т. е. в 910 г., “русские прибыли в большом количестве”, сожгли в юго-восточной части Прикаспия город Сари, забрали пленных, но на обратном пути были истреблены отрядами гиляншаха и ширван-шаха. Б. А. Дорн, опубликовавший отрывки из “Истории Табаристана”, заметил, что ал-Мас’уди, описавший подробно нападение руссов на Закавказье после 912/13 г., не знал о походе 909—910 гг. Вместе с тем Б. А. Дорн высказал убеждение, что в персидском и арабских источниках отложились

ения о двух русских походах в Закавказье в начале X в. Основной аргумент Б. А. Дорна — количество нападавших: Ибн-Исфендийар сообщает о 16 кораблях, а ал-Мас'уди — о 500 судах, т. е. в первом случае речь идет о сравнительно небольшом набеге, во втором — о солидном военном предприятии². Вслед за Б. А. Дорном версию о двух русских нападениях на берега Южного Каспия изложили в своих работах многие дореволюционные и советские историки, нашла она отзвук и в общих трудах³. Однако в 20-х годах В. В. Бартольд высказал сомнение в реальности походов

864—884 гг. и 909—910 гг., так как, кроме Ибн-Исфендийара, о них никто более не сообщает⁴.

В последнее время подробнее обосновал эту точку зрения А. П. Новосельцев. Он считал, что и Ибн-Исфендийар, и ал-Мас'уди писали об одном и том же событии. Во-первых, отметил А. П. Новосельцев, ал-Мас'уди и сам не уверен в своей датировке, так как дает ее приблизительно (после 300 г. хиджры); во-вторых, будучи весьма осведомленным автором, он ничего не знает о походе 909—910 гг. и подчеркивает, что нападение руссов с моря было неожиданным, ничего подобного не случалось в прежние времена, а это значит, делает вывод А. П. Новосельцев, что “до похода, описанного ал-Мас'уди, других экспедиций руссов в эти места не было”. Эту же точку зрения с некоторыми коррективами отразила в своей диссертации Т. М. Калинина. Она считает, что руссы прибыли в прикаспийские области Ирана в 910 г., в 910—911 гг. разграбили Табаристан, а затем, вернувшись назад, расположились на островах близ Баку. Свои действия они активизировали в 911—912 гг. и удалились на родину в 913 г. Таким образом, поход длился в общей сложности три с лишним года⁵, что противоречит русской военной традиции IX — первой половины X в., согласно которой руссы стремились закончить свои нападения в течение одного навигационного сезона, без трудных и долгих зимовок.

Мы не будем вдаваться в этот спор, требующий специальных изысканий, заметим лишь, что датировка ал-Мас'уди относительно ранней хронологической границы этого похода является точной (912 г.). Что касается неведения ал-Мас'уди о предыдущем походе, то точно так же он, видимо, не знал и об упомянутом Ибн-Исфендийаром походе между 864 и 884 гг.

Поход (будем называть его условно 912/13 г.) ал-Мас'уди описал весьма обстоятельно в своем труде “Мурудж ад-Дза-хаб” (“Россыпи золота”), написанном между 943 и 956 гг. Он сообщил, что 500 русских кораблей двинулись в поход через землю хазар. Их путь проходил по Днепру, Черному и Азовскому морям. Оттуда они вышли в устье Дона. Подойдя к хазарским заставам, руссы “снесли с хазарским царем” и просили о пропуске своей флотилии. Хазары согласились, но при условии, что половину захваченной добычи руссы отда-

дут им. Русские суда поднялись вверх по Дону, затем были перетянуты волоком в Волгу и через устье Волги вышли в Каспийское море. Их удар по каспийским берегам был страшен. Сначала они обрушились на Табаристан, опять, как и в конце IX—начале X в., нанесли удар по Абесгуну, затем, повернув на Восток, опустошили берега Гиляна и появились в “нефтеносной области” — на Апшероне. Как и под Константинополем, руссы брали пленных, грабили имущество, жестоко подавляли всякие попытки сопротивления⁶.

Руссы пробыли в походе “много месяцев”, сражались с “гилянцами” и “дейлемитами” и зазимовали на острове близ Баку. На следующий год они двинулись в обратный путь. С дороги они “снеслись с хазарским царем, которому послали денег и добычу, как это было договорено между ними”. Однако хазарские мусульмане, по данным ал-Мас'уди, желая отомстить за кровь своих братьев, решили наказать руссов. Хазарский каган тем не менее послал своих людей к руссам предупредить их о возможном нападении, но это не спасло положения. 30 тыс. руссов пали под хазарскими мечами, 5 тыс. человек погибли под ударами волжских булгар и бур-тасов, и лишь часть войска вернулась на родину⁷.

Под 943 г. -перс Ибн-Мискавейх, писавший в X—XI вв.⁸, рассказал о новом походе русского войска в Закавказье. Дата этого похода, приведенная Ибн-Мискавейхом и принятая в течение долгого времени в исторической науке, была пересмотрена персидским историком А. Кесрави. Его точку зрения поддержал А. П. Новосельцев. На основании упоминания Ибн-Мискавейхом факта о смерти в Багдаде эмира Ту-зуна (август — сентябрь 945 г.), которая случилась во время похода руссов⁹, оба историка датировали поход 945 г.⁹, что совершенно по-иному заставляет взглянуть на весь комплекс проблем, связанных с взаимоотношениями Византии, Руси, Хазарии в середине 40-х годов X в., и позволяет перейти из области предположений о связи Игоревых походов 943 г., русско-византийского договора 944 г. и похода на Бердаа 945 г. к определенным историческим выводам.

Ибн-Мискавейх рассказал, как “отправилось войско народа, известного под именем русов, к Азербайджану. Устремились они к Бердаа, овладели им и полонили жителей его”. Руссы прошли из Черного моря к устью Куры и поднялись по реке до столицы Албании — города Партава (Бердаа). Захватив город, руссы повели себя иначе, чем во время других подобных же предприятий: они “сделали объявление, успокаивали жителей его (города.—А. С.) и говорили им так: “Нет между нами и вами разногласия в вере. Единственное, чего мы желаем, — это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас — хорошо повиноваться нам””. Однако мирные отношения с жителями продолжались недолго. Против руссов вспыхнуло восстание, и они учинили разгром города. Жители были ограблены: каждый из них должен был выкупить свою жизнь; взамен при-

нных ценностей руссы вручали жителям “кусоч глины Печатью, которая была... гарантией от других”.

Затем среди руссов начались болезни. Под натиском му-льманских войск после тяжелых боев они ночью ушли к Куре, где стояли их суда, и отправились на родину. Их пребывание в Закавказье затянулось на несколько месяцев. Об этом походе руссов сообщили и другие восточные авторы.

Албанский историк X в. Мовсес Каланкатваци в своей “Истории агван” рассказал, что руссы “подобно вихрю распространились по всему Каспийскому морю до столицы аг-ванской Партава”. В отличие от Ибн-Мискавейха Каланкатваци ничего не говорит о мирных усилиях руссов и сразу повествует о том, что они “предали город лезвию меча и завладели всем имуществом жителей”. Попытка дейлемит-ского войска отбить город не удалась, как не удалась и попытка женщин Бердаа отравить руссов. (Этот факт, кстати, находит подтверждение и в сообщении Ибн-Мискавейха о начавшихся среди руссов болезнях.) В отместку руссы “безжалостно истребили женщин и детей их”, опустошили город и, забрав несметную добычу, после пребывания в Бердаа в течение шести месяцев отбыли “в страну свою”¹². Дополнительные сведения дает созданный около 982—983 гг. персидский анонимный источник “Худуд ал-алам”, который сообщает, что, завладев областью Бердаа, руссы даже расположились не в самом городе, а в соседнем селении Мубараки¹³.

Таким образом, восточные источники упоминают о четырех (или трех, если принять точку зрения А. П. Новосельцева) каспийских походах древнерусских войск: первый в 60—80-х годах IX в., второй в 909—910 гг., третий после 912/13 г. и четвертый — в 945 г.

История этих походов и внешнеполитические обстоятельства, им сопутствовавшие, давно уже оказались в поле зрения отечественных историков. Нашла она отражение и в общих работах, и в специальных исследованиях.

В XIX — начале XX в. сведения о походах руссов на Восток использовали в своих трудах Н. М. Карамзин, М. П. Погодин, С. М. Соловьев, Д. И. Иловайский, М. С. Грушевский и другие создатели общих курсов русской истории. В основном упомянутые сведения использовались информативно¹⁴, лишь некоторые авторы попытались концепционно оценить появление русских войск на Востоке.

М. П. Погодин считал походы делом рук норманнов, но тем не менее заметил, что указание ал-Мас'уди на беспрецедентный характер нападения 912/13 г. убеждает в том, что “этот поход принадлежал новому, только что пришлому народу”. С. М. Соловьев усматривал в походах проявление активности Азово-Черноморской Руси, которая действовала сепаратно от древнерусского государства и была в дальнейшем подчинена киевским князьям¹⁵. М. П. Погодин, *.- М. Соловьев, Д. И. Иловайский, М. С. Грушевский рас-

сма­три­ва­ли эти экс­пе­ди­ции как гра­би­тель­ские на­бе­ги на бо­га­тые му­суль­ман­ские стра­ны, как “пи­ра­т­ство в чу­жом кра­ю” (М. С. Гру­шев­ский).

Но уже в то время появились специальные исследования о походах руссов на Восток.

В 1870 г. вышел в свет сборник документов А. Я. Гаркави, содержащий сведения арабских писателей о Руси, среди которых были собраны все известные тогда факты о каспийских походах руссов.

Б. А. Дорн в своей работе “Каспий. О походах древних русских в Табаристан...” не только привел известные в то время свидетельства восточных авторов о каспийских походах Руси (между 864 и 884 гг., 909—910 гг., 912/13 г., 945 г.), но и попытался выявить некоторые тенденции этого военного натиска на Восток, а также рассмотрел спорные вопросы.

Он заметил, что первые два похода были проведены сравнительно малыми силами (возможно, поэтому они и не стали так известны, как позднейшие); в 912/13 г. руссы, напротив, “явились в огромной массе”. Цель этого похода Б. А. Дорн определил просто: руссы хотели “взглянуть” на места, куда они еще не заходили. Он высказал предположение, что последующий перерыв в каспийских походах объясняется страшным разгромом, который учинили руссам хазары, булгары и буртасы во время” их возвращения из каспийского похода. Этой же неудачей объясняет Б. А. Дорн и выбор в 945 г. нового пути к Каспийскому морю — через Северный Кавказ. Подробно обосновывал он версию о трех походах в X в. ”

Через год В. В. Григорьев посвятил русским походам на Восток раздел своего труда “Россия и Азия”¹⁷, где подробно изложил историю нападений 912/13 и 945 гг.

И Б. А. Дорн, и В. В. Григорьев, как и другие историки XIX — начала XX в., были убеждены, что русские экспедиции диктовались лишь одним мотивом — грабительскими целями, жаждой наживы. “Разбоем на Каспийском море” назвал походы Б. А. Дорн, “грабительскими набегами” — В./ В. Григорьев¹⁸. Такие оценки были связаны с норманистскими взглядами авторов, рассматривавших походы в плане общего норманского натиска на юг Европы и Переднюю Азию.

В советской историографии история русских походов в Закавказье разрабатывалась в трудах А. Ю. Якубовского, В. В. Бартольда, Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, Б. Н. Заходера, М. В. Левченко, Н. Я. Полового, В. М. Бейлиса, М. И. Артамонова, А. П. Новосельцева, В. Т. Пашуто, Т. М. Калининой и других исследователей¹⁹.

А. Ю. Якубовский ввел в научный оборот на русском языке подробное сообщение о походе 945 г. на Бердаа Ибн-Мискавейха и других арабских авторов и отметил, что “разбойничьи дружины руссов не были новаторами и шли по

хорошо известной дороге, где исстари совершался оживленный товарообмен между странами Восточной Европы, Кавказа и Персии”. Он поставил в прямую связь политику Хазарского каганата и каспийские походы руссов. Дорога в Закавказье и Персию шла по территории Хазарии, и ослабевший в X в. под натиском печенегов и давлением Руси каганат выбирал из двух зол меньшее: так в 912/13 г. хазары пропустили руссов на Восток, чтобы предотвратить их выступление против Саркела. А. Ю. Якубовский внес новую струю в исследование проблемы, отметив, что поход 945 г. отличался от прежних грабительских предприятий тем, что в ходе его руссы попытались не столько грабить, сколько подчинить себе захваченную территорию. Он поддержал, как уже отмечалось, идею о связи русско-византийских отношениях и походов руссов на Восток, но механизм этой связи не раскрыл. Целью восточных походов древней Руси, по его мнению, была борьба с Хазарским каганатом за овладение волжским торговым путем. Таким образом, на первый план в истории походов А. Ю. Якубовский вынес не “утилитарно-грабительские” начала, а политические и экономические мотивы.

В. В. Бартольд также считал, что движение руссов на юг было враждебно хазарам, и обратил внимание на синхронность последнего каспийского похода Руси и примирения с греками²¹, но развивать эту тему не стал.

Б. Д. Греков подошел к сведениям арабских авторов чисто информативно. Рассказывая об образовании древнерусского государства, он привел факты нападения руссов на берега Каспия в 912/13 и 945 гг.²²

В своих работах о взаимоотношениях древней Руси и Хазарии Б. А. Рыбаков подчеркнул, что с IX в. Русь и каганат выступают уже как две равноправные величины, что с IX в. славяно-руссы настойчиво проникали “в глубь” каганата, подготавливая его падение²³.

Эти оценки помогают уяснить роль государства хазар в восточной политике древней Руси, и в частности в истории каспийских походов.

В “Очерках истории СССР” прослеживается зависимость между политикой каганата, который “препятствовал установлению связей Руси с народами Кавказа”, перекрывал торговые пути, и восточными походами руссов. Здесь также отмечается, что поход 945 г. на Бердаа говорит “не о грабительском набеге... Руси на Кавказ, а о более серьезных ее намерениях”²⁴. Но каких? Об этом — ни слова.

Б. Н. Заходер вслед за историками XIX в., а также А. Ю. Якубовским и В. В. Бартольдом выявил традиционность торговых связей Руси со странами Востока, знакомства русских мореходов со старинным водным путем по Волге через земли болгар на Каспий. И не случайно, писал он, на Абесгун были направлены походы руссов в конце IX — начале X в. Именно отсюда лежал дальнейший путь в Хорезм.

Б. Н. Заходер разделял точку зрения о “грабительском характере” этих походов²⁵.

М. В. Левченко вслед за Б. А. Дорном, В. В. Бартольдом обратил внимание на связь между русско-византийскими договорами и каспийскими походами руссов, и особенно незавершенным походом Игоря в 944 г. и нападением на Бердаа. Он подчеркнул синхронную обусловленность этих походов успехами Руси в русско-византийских отношениях и отметил, что активность Руси на Востоке проявлялась в основном после мирных урегулирований с Византией²⁶. Однако М. В. Левченко не конкретизировал эти идеи.

В работах Н. Я. Полового поставлен вопрос о взаимоотношениях Руси, Византии и Хазарии в период организации русского похода на Бердаа. Он не согласен с А. Н. Насоновым в том, что нападение было организовано в результате соглашения с Византией и при противодействии Хазарии²⁷. Вопреки сложившемуся мнению Н. Я. Половой утверждал, что руссы шли на Бердаа не через Северный Кавказ, а тем же путем, что и в 912/13 г., т. е. по территории каганата, при благожелательном отношении к ним хазар. По его мнению, в это время вырисовывается русско-хазарско-аланский союз в результате борьбы Хазарии против мусульманских государств на берегах Каспия. Русский поход укрепил южные границы каганата, и только потом, когда руссы попытались укрепиться в Бердаа, хазары выступили против них. Н. Я. Половой полагал, что русское войско возглавлял Све-нельд, дружина которого и вернулась из каспийского похода с несметным добром. Потому-то он и не упомянут в договоре 944 г.²⁸

Важное значение для изучения проблемы имеет книга М. И. Артамонова “История хазар”. В ней анализируется сложный узел политических взаимоотношений Византии, Хазарии, Руси, выявляются глубокие политические противоречия между вассалами Арабского халифата в Закавказье, Прикаспии и каганатом, которые постоянно подогревались Византией. В дальнейшем, в связи с ростом древнерусского государства, появлением в Причерноморье печенегов и постепенной утратой Хазарией своего бывшего значения, Византия теряет интерес к прежнему союзнику, ищет новых друзей. Отношения империи и каганата с начала X в. начинают обостряться. Хазария опасается и растущей мощи Руси. Отсюда и согласие хазар пропустить значительное русское войско в Каспийское море для грабительского набега на прибрежные области²⁹.

Первое такое “разбойничье выступление”, по мнению М. И. Артамонова, произошло в 864—884 гг., затем походы состоялись в 909—910 и 912/13 гг. Последний поход также характеризуется как разбойничий, но проведенный “крупными высокоорганизованными и хорошо вооруженными силами”. Именно в это время, предполагает М. И. Артамонов, хазары отбивались от организованной Византией коалиции

печенегов, гузов, асиев и поэтому согласились пропустить руссов через свои границы. Он полагает, что этот поход “не был официальным предприятием Русского государства, а был организован на свой страх и риск варяжско-русской дружиной”.

Возникший в 30—40-х годах X в. затяжной конфликт между Византией и Хазарией усилил позиции Руси, которая “могла вмешаться в борьбу... и могла, в зависимости от обстоятельств, выступать то на той, то на другой стороне”. С этих позиций М. И. Артамонов рассматривает и поход Игоря на Константинополь в 941 г.: он был организован с ведома и при сочувствии хазар, что подтверждает пропуск ими несколько позднее русской рати на Бердаа, чтобы отвести русскую угрозу от своих границ. -Как и Н. Я. Половой, М. И. Артамонов убежден, что это была та часть русского войска, которая дошла до Дуная во время второго похода на Византию³⁰.

Несомненной заслугой М. И. Артамонова является комплексный политический анализ и широкий хронологический охват проблемы, однако ее решение несколько противоречиво. По Артамонову, оказывается, что во всех проводимых Русью политических комбинациях, выразившихся в ее восточных походах, действовало не государство, а ватаги варяжско-русских разбойников.

Новый этап в развитии изучения восточной политики древнерусского государства в IX—X вв. связан с работами А. П. Новосельцева. Систематизация и современный перевод текстов восточных авторов, упоминавших Русь в своих трудах, широкое привлечение к анализу проблемы отечественной и зарубежной историографии позволили А. П. Новосельцеву выявить истоки первых контактов (VII в.) славян с восточными странами и народами; определить направление политики хазар по отношению к кавказским народам и государствам; выяснить взаимосвязь этой политики с внешнеполитическими действиями древней Руси и направление кавказской и византийской политики древнерусского государства. А. П. Новосельцев обратил внимание на то, что на время военно-дипломатической активности Олега по отношению к Византии — 909—910 гг. — падает прикаспийский поход руссов, который был направлен против закавказских и прикаспийских вассалов халифата и “соответствовал политическому курсу Олега на сближение с Византией”. “Походу предшествовало соглашение с Хазарией”, — писал А. П. Новосельцев. Однако следующий закавказский поход он связывает с антивизантийским выступлением Руси в 944 г., так как Игорь, по его мнению, “действовал против Византии вдоль обоих берегов Черного моря”, руссы “собирались двинуться на Византию и рассчитывали по крайней мере на нейтралитет арранцев”. А. П. Новосельцев допускает, что в дальнейшем, после возникших трудностей в Бердаа и заключения мира с Византией, русское войско было отозвано Игорем на родину³¹.

На совпадение событий 907—911 гг. и русского похода на Каспий, а также событий 941—944 гг. и наступления на Бердаа указывает и В. Т. Пашуто, который в этом вопросе ссылается на позицию А. П. Новосельцева³².

Т. М. Калинина, плодотворно работающая в области изучения арабо-персидских источников о Руси, отметила совпадение нападения руссов в начале X в. на Закавказье с экспедицией Византии против Крита, в которой участвовал отряд русских воинов. Она считает, что налицо действие “предварительного византийско-русского договора 907 г.”. Поход руссов на Восток был вызван просьбой империи о помощи, с тем чтобы сковать силы вассалов халифата в их борьбе с союзником Византии — царем Армении. И не случайно византийское войско двинулось на помощь Смбагу I в 912 г.; лишь в результате смерти Льва VI и, добавим, угрозы новой войны с Симеоном Болгарским руссы остались без поддержки, что и предопределило их неудачу³³.

Затрагивает Т. М. Калинина и связь походов Игоря в 941 и 944 гг. с восточной политикой Руси. При этом Т. М. Калинина говорит не об антивизантийском походе руссов в 941 г., отмеченном как в византийских хрониках, так и в русской летописи, а о походе руссов в Причерноморье согласно сообщению “Кембриджского” документа, из которого, кстати, определено вовсе не следует, что поход X-лгу был направлен поначалу в Причерноморье. Этот последний поход, считает Т. М. Калинина, явился результатом “негласного соглашения Византии и Руси против Хазарин”, хотя весь ход событий того времени говорит о глубоком обострении русско-византийских отношений, вылившихся в войну 941—944 гг. Неудача руссов в Причерноморье, полагает Т. М. Калинина, обострила русско-византийские отношения, и Русь повернула свое оружие против “Византии, вступив в союз с Хазарией”³⁴.

Поход на Бердаа, - по мнению Т. М. Калининой, как и другие походы руссов в Закавказье, был связан с “византийской политикой Руси”. Руссы ударили по владениям правителя дейлемитов Марзубана и сорвали план его совместного выступления с ширваншахом против Византии; хазары же вновь пропустили руссов через свою территорию. Она поддерживает мнение ряда историков о том, что руссы установили в Бердаа “твердый порядок”, и делает интересное наблюдение: русское нападение не затронуло селений, недавно сопротивлявшихся Марз'убану, который воевал здесь против хамданидов; когда же жители встали на сторону дейлемитов, Бердаа был разорен. Т. М. Калинина указывает на прямую зависимость русского похода от интересов Византии и не выделяет здесь непосредственных интересов Руси³⁵.

Итак, при весьма основательной разработке данной проблемы в отечественной историографии отдельные ее аспекты остаются спорными, противоречивыми, невыясненными. Хотя

в историографии последних десятилетий отражена точка зрения о том, что походы Руси в Закавказье и на Каспий диктовались не только грабительскими мотивами, но и определенными социально-экономическими и политическими целями древнерусского государства, до сих пор советские историки не дали ответа на вопрос о том, когда и почему изменился характер этих походов.

Спорными, как мы видели, остаются и вопросы: против кого в конечном счете направлены были военные экспедиции руссов — против Хазарского каганата, Византии? Кто являлся союзником Руси в этих предприятиях, кто врагом? Наконец, совершенно не ясен в силу скудости источников механизм действия правильно отмеченной связи между русско-византийскими мирными урегулированиями и походами руссов на Восток: была ли эта связь однотипной после каждого такого урегулирования, или каждый поход имел свою специфику?

2. РУССКАЯ ПОЛИТИКА НА ВОСТОКЕ И ЕЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА IX — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА X в.

Разумеется, мы не ставим перед собой цель ответить на все вопросы, закономерно возникающие в ходе знакомства с историографией проблемы. Тем не менее их усиленное прояснение должно помочь в решении основного поставленного нами вопроса: как “восточный фактор” во внешней политике древней Руси способствовал генезису ее дипломатической службы и как, в свою очередь, древнерусская дипломатия содействовала осуществлению внешнеполитических задач древней Руси, в том числе на Востоке.

Согласно данным арабского историка ат-Табари, а также других восточных авторов, чьи труды восходят к его своду, славяне были известны в Передней Азии уже в VI в. В частности, Ибн-Исфендийар упоминает, что брат персидского шаха Хосрова I Ануширвана бежал через Дербент к хазарам и славянам. О славянах в этой же связи упоминает и прикаспийский историк XIV в. Моулена Аулия улла-Амолли¹. Уже это упоминание, как видим, было связано с определенными политическими событиями того времени.

А. П. Новосельцев замечает, что славянские племена ан-тов, занимавшие в тот период восточную часть славянского мира до Дона и Азовского моря, могли быть известны персам и арабам, но с большой осторожностью подходит к упоминанию восточными авторами термина “русс” применительно к VI в. Он указывает на два таких упоминания — историком XI в. ас-Са'алиби и хронистом XV в. Захир эд-Дином. Первый связал сведения о турках, хазарах и руссах с по-

стройкой Хосровом I Дербентской стены; в районе севернее Кавказа поместил руссов VI в. и Захир эд-Дин. А. П. Новосельцев считает, что упоминание о руссах, которые тогда были хорошо известным народом, нужно было ас-Са'алиби, националистически настроенному представителю иранской историографии XI в., для того, чтобы подчеркнуть значимость северокавказской политики шаха. А если это так, то Персия, одна из крупнейших держав Передней Азии, уже в то время не только рассматривала руссов с точки зрения чисто информативно-познавательной, но и в какой-то связи принимала их в политический расчет. В этом же плане А. П. Новосельцев рассматривает и сообщение Бал'ами (взятое, как предполагает исследователь, из не дошедшей до нас полной редакции труда ат-Табари) о событиях 643 г., когда арабы, сокрушив державу Сасанидов, вышли к Дербенту и вступили в соприкосновение с его правителем Шах-рийаром. Тот признал себя вассалом халифата на условиях обороны северного рубежа арабской державы, в том числе от соседей, среди которых названы хазары, аланы и руссы *. А. Я. Гаркави указывает Бал'ами на VII в. считал ретроспекцией, связанной с традицией древних восточных авторов переносить современные им географические и этнографические понятия на времена, весьма отдаленные. Приведенный А. Я. Гаркави текст располагает к такому наблюдению. Шах-рийар якобы сказал арабскому полководцу во время мирных переговоров: “Я нахожусь между двумя врагами: один — хазары, а другой — руссы, которые суть враги целому миру, в особенности же арабам, а воевать с ними, кроме здешних людей, никто не умеет. Вместо того чтобы платить дань (арабам.—А. С), будем воевать с руссами сами и собственным оружием и будем их удерживать, чтобы они не вышли из своей страны”³.

Характеристика руссов как врагов целого мира, и в особенности арабов, которые только-только появились на Кавказе, явно модернизирована позднейшим автором. В то же время упоминание среди врагов Дербента хазар и руссов, обязательство удерживать их, чтобы “они не вышли из своей страны”, могли быть навеяны автору как известным нам походом руссов на Каспий в 60—80-х годах IX в., так и более ранними их нападениями на этот район, в результате которых и сложилось у восточных авторов понятие о выходе руссов из своей страны. Это подтверждает мысль А. П. Новосельцева о том, что славяне в VI в. “в союзе или в какой-либо иной форме контакта с ирано-аланскими племенами и тюркскими народами Восточной Европы двигались и в юго-восточном направлении”⁴. Однако термин “двигались”, употребляемый А. П. Новосельцевым, представляется недостаточно исчерпывающим. На наш взгляд, правильнее было бы говорить о руссах не только в плане их движения на юго-восток, а более определенно — об их периодических нападе-

ниях на районы Закавказья и Ирана. Да и относительно юго-запада, по-видимому, следует также отмечать не только “движение” славян в направлении границ Византии в VI—VII вв., но и нападения, походы, перемирия, долговременные союзы с империей складывающихся государственных образований восточных славян.

Необходимо заметить, что уже применительно к этому времени восточные авторы начинают политически объединять хазар и руссов как народы одинаково соотносящиеся с государствами Передней Азии. Так, в тексте Балами проходит мысль, что и хазары, и руссы “суть враги целому миру”, т.е. тому миру, который был близок арабскому автору, — мусульманским государствам.

Исследования отечественных ученых показывают, как начиная с VI—VII вв. постоянно нарастало политическое и военное противоборство хазар с халифатом, как упорно шла между ними борьба за обладание Кавказом. С середины

VII в. хазары втягивают в эту борьбу северокавказские народы, и в частности алан⁵. Мы можем с некоторой долей вероятности предположить, что упоминание восточными авторами славян было связано с их участием в этой борьбе на стороне каганата, поскольку какая-то их часть была зависима от хазар, платила им дань и, возможно, была обязана, как вассальная сторона, принимать участие в хазарских военных походах против арабов.

Одновременно со второй половины VII в. арабская опасность нависает и над византийскими владениями⁶. В борьбе с арабами Византия стремится использовать своего старого союзника — Хазарию. Этому способствовало и то, что в данном случае интересы греков и хазар совпадали. Начиная с 627 г., когда император Ираклий заключил союз с Хазарией против Персии, и в течение последующих двух веков империя неизменно рассматривала союз с хазарами в качестве существенного фактора своей внешней политики на северных границах, в районе Причерноморья и Кавказа. Д. Оболенский отмечал, что империя в том или ином регионе опиралась на реальную политическую силу и такой силой в течение VII—IX вв. являлась Хазария. Еще в 60-х годах IX в. Михаил III предпринимал усилия, чтобы привлечь хазар к борьбе с опасными северными соседями — руссами.

В течение всего VIII в., несмотря на отдельные колебания во внешней политике каганата и империи, их традиционным врагом остается Арабский халифат. В первые годы

VIII в. арабы теснят Византию на Западе⁸.

Одновременно перед Константинополем вырастает новая угроза в лице Болгарии.

Активное вмешательство арабов в дела Северного Кавказа началось с первых лет VIII в. И это привело их в 707—708 гг. к войне с хазарами в Арране и Южном Дагестане. В начале 30-х годов VIII в. хазары нанесли ответный удар по Закавказью⁹. Арабо-хазарский конфликт, кажется, до-

стиг апогея в 737 г., когда арабы во главе с полководцем Марваном организовали большой поход в глубь владений каганата. Сведения об этом походе имеются, в частности, в сочинении арабского историка X в. Ибн-А'сама ал-Куфи, отрывок из которого в немецком переводе был опубликован в 1939 г. А. З. Валиди Тоганом. Ал-Куфи сообщил, что арабы взяли Самендер и двинулись в глубь хазарских владений. Каган бежал из столицы, которая была занята арабами, и укрылся за Славянской рекой (Нахр ас-Сакалиба).

Преследуя его, арабы дошли до Славянской в плен 20 реки, где взяли 10 тыс. семей славян

Вопрос об упоминании ал-Куфи Славянской реки вызвал среди историков споры. Тоган считал, что арабский автор имел в виду Волгу, а говоря о пленении тамошних жителей, подразумевал под ними болгар, бургасов и другие угро-финские народы, проживавшие по ее берегам. Об этом же писали Т. Левицкий и М. И. Артамонов. Однако группа историков полагала, что под Славянской рекой ал-Куфи и другие восточные авторы имели в виду Дон. Данной точки зрения придерживались Д. Маркварт, Б. А. Рыбаков, В. Ф. Минорский, А. П. Новосельцев и др. Так, Б. А. Рыбаков отмечал, что многие восточные авторы называли Дон “Славянской рекой” или “Русской рекой”. В. Ф. Минорский, публикуя отрывок из труда ал-Мас'уди, перевел постоянно употребляемое восточными авторами слово “сакалиба” как “славяне”. А. П. Новосельцев на основании обобщения данных археологических исследований пришел к выводу, что славяне жили не на Средней Волге, а на Верхнем Дону (или Донце) ”.

Заметим, что ал-Мас'уди писал о том, что и “сакалиба”, и “руссы” входили в состав Хазарского государства, что они жили “на одной стороне” города Итиль, т. е. вместе, рядом. И не раз еще ал-Мас'уди упоминал в своем тексте рядом “сакалиба” и “руссов”. Обряды народа “сакалиба”, описанные Ибн-Русте, Гардизи, Бакри, ал-Марвази, также указывают на древних славян. Да и известные слова автора IX в. Ибн-Хордадбе: “Что касается до русских купцов — а они вид славян,— то они вывозят бобровый мех, и мех черной лисицы, и мечи из самых отдаленных (частей) страны Славян к Рум-скому морю...” — указывают на общность руссов и славян. Для Ибн-Хордадбе руссы — это разновидность славян, но они выступают у него в качестве неких посредников между славянскими глубинными территориями и Византией. Поэтому мы должны прислушаться к замечанию Б. А. Рыбакова о том, что и арабские авторы, и позднее Константин VII Багрянородный отличали руссов от славян, но “не в этническом, а в государственном смысле”. Так, для Константина VII Русь — это и ядро Киевской державы, и области, подвластные Руси¹². Думается, что под руссами в восточных

источниках мы должны понимать именно киевских славян, а под славянами (“сакалиба”) — иные славянские племена, как подвластные Киеву, так и независимые от него. Поэтому не приходится сомневаться в том, что славяне, входившие в состав Хазарского каганата, стали участниками крупного противоборства своего сюзерена с халифатом, которое в VII—VIII вв. являлось постоянно действующим фактором в Передней Азии, причем, как писал М. И. Артамонов, “усиленный натиск хазар на Закавказье в первую треть VIII в. был вызван не только их собственными интересами, но и подстрекательством Византии, над которой в это время нависла смертельная угроза со стороны арабов”¹³.

Таким образом, помимо союзнических отношений Хазарского каганата и Византии, утвержденных в серии договоров, скрепленных династическими браками и т. д., оба государства в VII—VIII вв. естественно объединялись в борьбе с общим могущественным противником.

В IX в. арабская опасность по-прежнему остается одним из основных факторов, определяющих в известной мере внешнюю политику как Византии, так и Хазарского каганата, но уже с конца VIII—первой трети IX в. и тому и другому государству приходится учитывать растущую мощь Руси. Мы уже отмечали выше, что нападение русских войск на крымские владения Византии в начале IX в., а также удар руссов по малоазиатским владениям империи в 30-х годах IX в., появление русского посольства в Византии и Ин-гельгейме в 838—839 гг. определенно говорят о становлении древнерусского государства, о его развивающемся суверенитете и освобождении ядра будущей древней Руси из-под власти хазар. Об этом, в частности, свидетельствует и принятие русским князем титула “каган”, под которым с IX в. его знают и западные и восточные авторы.

Освобождение Руси от власти хазар сопровождалось первыми военными предприятиями, направленными против Византии и осуществленными вблизи хазарских границ. И дореволюционные ученые, занимавшиеся этим вопросом, и советские специалисты М. И. Артамонов, В. Т. Пашуто и другие полагали, что Русь уже серьезно угрожала Хазарии в это время. Д. Л. Талис даже считает, что острие похода руссов в Таврику было направлено не столько против Византии, сколько против хазар, что империя выступала за “сохранение русско-хазарского антагонизма”. Именно этим и было вызвано строительство Саркела при помощи византийских специалистов в 30-х годах IX в. В дальнейшем, однако, считает Д. Л. Талис, каганат все чаще стал угрожать Херсо-несу, к концу IX в. отношения между Византией и Хазарией становятся крайне враждебными и империя пытается повернуть руссов против каганата¹⁴.

О выходе восточных славян на политическую арену в качестве самостоятельной силы говорит и относящееся к

853—854 гг. свидетельство арабского автора ал-Йа'куби о направлении санарийцами — народом, жившим на территории Северной Кахетии,— посольства к властителям Восточной Европы, среди которых упомянут сахиб ас-сака-либа, т. е. властитель славян. Он стоит в тексте рядом с императором Византии (сахиб ар-Рум) и другими владетелями.

Посольство было вызвано стремлением санарийцев заручиться помощью сильных соседей в борьбе с арабами. К их числу отнесен и правитель славян, владения которого находились где-то поблизости от Кавказских гор. Д. Марк-варт в свое время считал, что в сообщении арабского автора речь идет о киевском князе. Эту гипотезу поддержал А. П. Новосельцев, отметивший, что к сообщению ал-Йа'куби следует отнестись с большим доверием, так как эти сведения современны автору, который долго жил в Закавказье и был хорошо осведомлен о положении дел в этой части халифата. К этим наблюдениям, к археологическим данным, свидетельствующим о наличии в IX в. славянского княжества в Поднепровье и указывающим на адрес санарийского посольства, следует также добавить и сведения внешнеполитического и дипломатического характера. Именно к первой трети IX в. относятся походы руссов вдоль побережья Крыма и Южного берега Черного моря, именно в конце 30-х годов IX в. русское посольство появляется в Константинополе и в землях франков, причем вместе с византийским посольством, направленным императором для заключения антиарабского союза с франками. В 860 г. руссы наносят удар по столице империи. Таким образом, санарийское посольство падает на период очевидной внешнеполитической и дипломатической активности древней Руси и должно рассматриваться в контексте всех упомянутых выше событий.

Учитывая все эти обстоятельства, свидетельствующие об усилении политического влияния Руси, возрастании ее роли в тогдашнем причерноморском мире, мы не можем не обратить внимание и на то, что противоречия между Хазарией и мусульманскими государствами Закавказья и Ирана — вассалами халифата к концу IX — началу X в. — продолжали оставаться весьма ощутимыми. Должны мы учитывать и то обстоятельство, что и закавказские и прикаспийские мусульманские владетели были и прямыми и потенциальными противниками Византии, ведущей изнурительную борьбу с арабами от Италии до армянских границ¹⁶. В этой связи, принимая в расчет охлаждение отношений между Византией и Хазарией из-за противоречий в Причерноморье, мы не можем не согласиться с тем, что эти отношения регулировались и закавказской политикой обоих государств, традиционно выступавших здесь против общего врага — халифата. Думается, что учет этого обстоятельства поможет понять и место Руси в сложных перипетиях “восточной” политики IX — первой половины X в.

Если в применении к VI—VIII вв. сведения о славянах и руссах, как мы видели, воспринимаются в трудах восточных авторов сквозь призму политики либо хазар, либо других народов Передней Азии, то в применении к концу VIII—IX вв. сведения о Руси приобретают совершенно самостоятельный политический характер. Русь заявляет о себе самостоятельными военными предприятиями. И первым таким известием, конечно, является сообщение о походе руссов вдоль северных берегов Черного моря.

Ученые, занимавшиеся “восточной” политикой древней Руси, как уже говорилось, обращали внимание на связь заключения русско-византийских договоров 907—911 и 944 гг. с последующими или одновременными появлениями русских дружин на Востоке. По нашему мнению, эта связь прослеживается гораздо раньше. Мы хотим обратить внимание на то, что посольство Руси появилось в Византии в 838 г. — после нападения руссов на малоазиатские владения Византии и несколько ранее этого — на византийские владения в районе Северного Причерноморья, в ходе которого могли быть задеты и интересы Хазарии. Таким образом, уже в то время намечаются контуры военного давления Руси как в юго-западном, так и в юго-восточном направлении, которое в дальнейшем вылилось, с одной стороны, в громкие походы против Византии, в балканскую политику Святослава, а с другой — в не менее известные походы на Восток, в четко очерченную политическую линию в отношении Хазарии, народов Северного Кавказа, государственных образований Закавказья и Ирана.

Следующим этапом этой видимой связи, несомненно, являются события 60—80-х годов IX в. На это время приходится нападение Руси на Константинополь в 860 г. и заключение русско-византийского договора “мира и любви”.

Историки расценивали появление русского отряда в рядах византийского войска, действовавшего против арабов в начале X в., как очевидное свидетельство того, что соглашение 60-х годов IX в. включало по аналогии с другими подобными соглашениями Византии с “варварами” и договоренность о союзной помощи. С этим можно согласиться, хотя разрыв в 30 с лишним лет поначалу может показаться нереальным для действия такого соглашения. Кроме того, оно могло быть заключено и в 907 г. Однако версия о военно-союзном соглашении Византии и Руси именно в 60-х годах IX в. находит убедительное подтверждение в факте удара русских войск по Абесгуну между 864 и 884 гг.

Посольство Руси в Константинополь можно отнести к началу 60-х годов IX в. Самая ранняя датировка похода руссов в районы Южного Прикаспия относится также к 864 г. На основании дальнейших совпадений по времени русско-византийских соглашений 907—911 и 944 гг. с походами руссов на Восток можно предположить, что и эти события носили тот же характер: русско-византийское соглашение

60-х годов IX в. предопределило активность Руси на Востоке. Вполне вероятной представляется мысль о том, что русский набег на Абесгун был не только грабительским предприятием, но и определенным политическим действием Руси, обязавшейся по договору 60-х годов IX в. нанести удар по владениям халифата — врага Византии в Прикаспии, в то время когда арабы вели наступление на империю в Малой Азии. И не исключено, что рейд руссов на Абесгун состоялся именно в середине 60-х годов IX в., когда положение Византии на Востоке было весьма трудным.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что руссы направили свое оружие не в сторону Малой Азии, а на южное побережье Каспийского моря, следуя по древнему торговому пути, проходившему по Волге, южному побережью Каспия на Абесгун и далее в богатый торговый Хорезм и другие районы Средней Азии. В этом мы усматриваем не только стремление руссов взять богатую добычу, одновременно выполнить свои союзнические обязательства по отношению к империи, но и желание проложить торговую дорогу в богатые районы Передней и Средней Азии.

Разумеется, неверным было бы как закрывать глаза на действительно грабительский характер этого похода, так и считать, что Русь была направлена на Восток лишь опытной политической рукой Византии. Давнишние экономические и политические связи восточных славян со странами Востока подготовили это военное предприятие. Не случайно объектом нападения был выбран именно Абесгун — знаменитая торговая гавань на юго-восточном берегу Каспийского моря, которую Б. А. Дорн в свое время образно назвал «складочным местом» целого края¹⁷.

Уже в связи с этим первым известным нам походом Руси в Прикаспии следует поставить вопрос о роли Хазарии в указанных событиях.

К Каспийскому побережью русский отряд мог пройти только по территории Хазарии. А это значит, что уже в то время руссы или сами, или при посредничестве Византии заручились политической поддержкой каганата. Таким образом, Византия, Русь, Хазария, преследуя собственные, несовпадающие экономические и политические цели в Северном Причерноморье, могли выступить единым фронтом по отношению к мусульманским владетелям Закавказья и Ирана, где их интересы (в данном случае грабительские и торговые интересы руссов) совпадали.

Признав это, мы должны будем склониться к выводу о том, что подобные совместные действия трех государств предполагают и определенные дипломатические усилия. Мы можем с большой долей вероятности утверждать как о существовании дипломатической договоренности Руси и Византии по поводу нападения руссов на районы Южного Прикаспия, так и о дипломатическом обеспечении прохода русского отряда по территории Хазарского каганата.

Следующий этап оживления русской политики на Востоке падает на начало X в. Под 909—910 и 912/13 гг. восточные авторы сообщают о вторичном нападении руссов на Абесгун и об атаках на город Сари (909—910 гг.) и районы Южного и Юго-Западного Прикаспия (912/13 г.). Выше уже отмечалось, что аргументы Б. А. Дорна в пользу того, что имели место два похода, а не один, заслуживают внимания. Попробуем подойти к спорной проблеме с несколько иной стороны — с точки зрения вырабатывающейся совместной русско-византийской политики на Востоке и ее обеспечения дипломатической практикой древней Руси и Византии.

В 907 г. состоялся новый поход Руси на Константинополь, закончившийся заключением нового — после 60-х годов IX в. — договора между империей и Русью о “мире и любви”, развернутого межгосударственного соглашения. Несколько ранее — в 904 г. был заключен мир с Болгарией. Таким образом, Византия получила свободу рук в борьбе с арабами. И уже в 911 (912) г. отряд русских воинов в 700 человек отправляется в составе греческой армии во главе с Имерием на борьбу против критских арабов. На это же время приходится и прикаспийский поход руссов 909—910 гг.

Итак, вслед за русско-византийским соглашением 907 г. руссы принимают участие в двух военных предприятиях, направленных против арабов, — на Западе и на Востоке. Случайно ли это? Нам представляются закономерными и подобное совпадение событий, и подобная их повторяемость. Во многие договоры “мира и дружбы”, которые заключала империя с “варварскими” государствами, включался пункт о союзной помощи со стороны “варваров”. И последние выполняли свои обязательства, оплаченные золотом, дорогими подарками, торговыми льготами и другими привилегиями, которые даровала империя своим союзникам — антам, аварам, хазарам, позднее печенегам, уграм. В этот же ряд со второй половины IX в. империя безуспешно пыталась поставить и руссов. Если в 60-х годах IX в. между Византией и Русью предположительно был предпринят первый известный нам опыт такого военного сотрудничества, опиравшегося на договор 60-х годов IX в., то в начале X в., после соглашения 907 г., этот опыт был продолжен и развит. Во всяком случае, повторяемость событий, их обусловленность коренными интересами антиарабской политики Византии ведут именно в этом направлении.

Удар руссов по Каспийскому побережью в 909—910 гг., по мнению А. П. Новосельцева, был связан с активизацией византийской политики в Закавказье. Арабский халифат в начале X в. не представлял собой столь грозной силы, как прежде. В Закавказье и на южных берегах Каспия он опирался на своих вассалов — владельцев Мавераннахра и Хорасана (Саманиды), а также Южного и Юго-Западного Прикаспия (Юсуф ибн-Абу с-Садж). Именно в эти годы Армении пыталась сбросить власть арабов и царь Смбат I

(892—914 гг.) искал сближения с Византией. Поход руссов, считает А. П. Новосельцев, был направлен и против Сама-нидов, и против Юсуфа¹⁸.

Таким образом, вполне реально предположение, хотя на этот счет у нас нет прямых свидетельств, что в результате русско-византийских переговоров и соглашения 907 г. русская сторона обязалась в обмен на ряд экономических и политических уступок со стороны Византии принять участие в борьбе против арабов на Западе и на Востоке и выполнила свои обязательства в 909—910 гг. Но и в данном случае руссы сдвинули свой поход в юго-восточном, а не в юго-западном направлении, что подкрепляет гипотезу о соблюдении ими в этом районе как союзнических обязательств по отношению к Византии, так и собственных торговых интересов.

В 911 г. в русско-византийском договоре появляется статья о союзных действиях руссов по отношению к Византии: “Егда же требует на войну ити, и сии хотят почтити царя вашего, да аще въ кое время елико их приидеть, и хотять остатися у царя вашего своею волею, да будуть”. Б. А. Романов перевел эту статью так: “Если же будет набор в войско и эти [русские] захотят почтить вашего царя, и сколько бы ни пришло их в какое время, и захотят остаться у вашего царя по своей воле, то пусть будет исполнено их желание”¹⁹.

Такой перевод в основном акцентирует желание русских воинов почтить “царя” и остаться по своей доброй воле служить в императорской армии в св-язи с набором русских на греческую службу. Между тем, на наш взгляд, пафос статьи совсем в ином. Она отражает союзнические обязательства Руси по отношению к Византии и говорит не о наборе в войско, а о том случае, когда руссам придется выступить в поддержку империи, выполняя свои союзнические обязательства, когда они должны будут идти на войну, — “егда же требует на войну ити...”²⁰. Но это вовсе не значит, что именно этим “почтут” руссы императора, — они обязаны так действовать: “почтити” же “царя” они могут, если, “въ кое время елико их приидеть”, захотят остаться на службе в империи.

Причем в статье оговаривается, что в этом случае они могут действовать “своею волею” в отличие от случая, когда им предстоит выполнять союзные обязательства. Тем самым в договоре 911 г. отражен факт как военной помощи Византии со стороны Руси, так и разрешения русским воинам после выполнения ими своих обязательств служить в императорской армии. Византия, как видим, продолжает последовательно осуществлять курс на сближение с Русью. Со своей стороны Русь, также заинтересованная экономически и политически в этом сближении, постепенно поворачивается от традиционной “варварской” воинственности по отношению к Византии к не менее традиционным для ряда сопредель-

ных с империей “варварских” государств отношениям “мира и любви”, одним из проявлений которых является установление военного союза.

После 911 г. в отношениях между Византией и Русью наступает мирная полоса — 30-летний период реального действия условий общеполитического соглашения 907 г., включавшего пункт о выплате империей ежегодной дани Руси, и условий другого развернутого политического соглашения — “мира-ряда” 911 г., обнимавшего комплекс проблем в отношениях между двумя государствами. Именно в это время Византии, видимо, удается оторвать древнерусское государство от союза с Болгарией. И в 913—914 гг., в период новой войны Симеона Болгарского с Византией, и в период их следующего противоборства в 20-х годах X в., уже при императоре Романе I Лакапине, Русь сохраняет нейтралитет. И хотя патриарх Николай Мистик в конце 922 г. грозил Симеону нашествием руссов (равно как и венгров, печенегов, алан и других “скифских племен”), если болгары не прекратят военного давления на империю²¹, угроза эта не осуществилась: связанные с болгарами узами давнишней дружбы, общностью культуры, недавними совместными действиями против империи, руссы не выступили против Болгарии.

Однако на время после заключения договора 911 г. приходится новый поход руссов в Закавказье.

По сообщению ал-Мас'уди, это было крупное военное предприятие, в котором участвовало 500 судов. Плавание проходило по территории Хазарского каганата, с которым Русь договорилась о пропуске своего войска на условиях отдачи хазарам половины захваченной на Востоке добычи. М. И. Артамонов отмечает, что в то время Хазария сама отбивалась от наседавшей на нее коалиции печенегов, гузов и асиев, организованной Византией. Хазары при поддержке алан одолели своих врагов²².

Таким образом, поход 912/13 г., во-первых, приходится на период, последовавший за заключением русско-византийского договора 911 г.; во-вторых, своим острием был направлен в Прикаспий и непосредственно против вассалов Багдада; в-третьих, дипломатически был обеспечен договором с Хазарией, которая, как и Болгария в 907 г., пропустила русское войско по своей территории вверх по Дону и на Волгу. Возможно, что нейтралитет каганата в этом вопросе определялся и давлением Византии.

Нападению руссов вновь подверглись знакомые им места — Табаристан, Абесгун, Гилян.

Тем самым события 912/13 г. укладываются в общее русло русско-византийско-хазарских отношений, когда Византия, осуществляя свою политику в Причерноморье, в Закавказье все чаще стала ориентироваться не на слабеющий Хазарский каганат, а на Русь, способную организовать дерзкие дальние походы в самое сердце мусульманского закавказского и прикаспийского мира.

Нам представляется, что правы те ученые, которые писали об определенном охлаждении отношений между Ха-зарией и Византией с начала X в. Хазария уже не могла выполнять прежние военные обязательства перед Византией против арабов и угрожала ее крымским владениям²³.

Отмечалась в литературе и роль, которую сыграли в ослаблении Хазарского каганата печенеги, установившие с конца IX в. контроль над причерноморскими степями. После первого нападения печенегов на русскую землю в 915 г. Игорь заключил с ними мир. С этого момента печенежский фактор стал играть заметную роль во внешней политике древней Руси. По словам Константина VII Багрянородного, его постоянно учитывала в своих внешнеполитических расчетах и Византия. Греки использовали печенегов в борьбе с Симеоном Болгарским, настойчиво раскалывали русско-печенежскую коалицию, созданную Игорем против Византии в 944 г.²⁴

В этой связи мы не можем пройти мимо не только анти-русских, но и антихазарских настроений Византии, которые, на наш взгляд, нашли отражение в сочинении Константина VII Багрянородного “Об управлении государством”, тем более что в нем по существу обобщена политика Византии по отношению к своим соседям за определенный период времени. Если о печенегах Константин VII пишет неизменно как о потенциальных союзниках империи, то о хазарах — как о ее возможных противниках, против которых следует на-травливать узов, алан .

Д. Оболенский считал, что с момента появления печенегов в Причерноморье и принятия Хазарией иудаизма отношения Византии и Хазарии стали холоднее, что “Византия больше не доверяла хазарам”, их роль по обороне Северного Кавказа была передана аланам, а в районе Причерноморья — печенегам²⁶. Если в отношении печенегов с этой оценкой можно согласиться, поскольку Русь в Причерноморье и в районе Дуная представляла для империи существенную опасность и кочевники могли стать ее противовесом, то в отношении алан такой подход представляется не совсем точным. Аланы являлись союзниками Византии, но не основными. Думается, что главную ставку в районе Кавказа империя в то время делала на Русь, и неоднократные походы русских дружин к берегам Каспия убедительно это подтверждают.

Появление печенегов резко изменило политическую обстановку сил в Северном Причерноморье, и, как отмечал М. И. Артамонов, “хазары утратили свое прежнее значение для Византии”. Все чаще и чаще Византия организует против своего бывшего союзника народы Северного Кавказа. Вслед за созданием антихазарской коалиции 912 г. Византия в 932 г. поднимает против каганата алан. Антихазарская политика Византии приобретает все более четкие очертания в период правления Романа I Лакапина, когда в империи началось преследование иудеев. В те годы хазары, исповедо-

авшие иудаизм, испытали на себе всю силу византийской внешнеполитической интриги²⁷.

Противоречия между Хазарией и Византией этого периода нашли отражение в еврейско-хазарской переписке X в. и так называемом Кембриджском документе. Даже если согласиться с П. К. Коковцовым, что сам этот документ не являлся оригинальным памятником X в., а лишь вобрал в себя ранние сведения какого-то утраченного византийского литературного произведения X в., то и в этом случае как в том, так и в другом источнике ясно проглядывает мысль о нарастании противоречий между империей и каганатом и между Хазарией и Русью. Так, обращает на себя внимание, что испанский корреспондент хазарского царя Иосифа, как это явствует из его письма (переписка), никак не мог доставить письмо адресату и сделал это лишь через Венгрию, Русь, Волжскую Булгарию, но не непосредственно через Русь или Византию с выходом на Хазарию. Мы согласны с замечаниями П. К. Коковцова, что для такого маршрута существовали какие-то политические причины. В “Кембриджском” же документе говорится о подстрекательстве Романом I Лакапином Руси к выступлению против Хазарии, о войне руссов с хазарами, о нападении в отместку за это хазарского войска “на города Романа” (под которыми мы вполне можем понимать крымские владения Византии), о последующем походе хазар на руссов, поражении последних и о нападении руссов по наущению хазар на империю. Несколько ранее этого текста документ сообщает, что “во дни царя Вениамина (хазарского царя середины второй четверти X в. — А. С.) поднялись все народы на [хазар] и стеснили их (по совету) царя Македонии (т. е. Византии.—А. С.)”²⁸. Среди этих народов анонимный автор называет асиев, турок, печенегов и др. Таким образом, линия хазарско-византийско-го противоборства проходит практически через весь документ.

В 30—40-х годах X в., исключая период русско-византийской войны 941—944 гг., завершившейся новым мирным договором между двумя государствами, мирные и союзные отношения между Русью и Византией остаются на прежнем уровне. Так, в 934 г. семь русских кораблей с 415 воинами находились в составе византийской эскадры, направленной к берегам Лангобардии. В 935 г. в составе другой эскадры руссы ходили к берегам Южной Франции²⁹.

Историки, как правило, не комментировали факт военных действий Руси против печенегов в 920 г., после того как она заключила с кочевниками мир 915 г., но не исключено, что и эта война не была изолированной военной схваткой печенегов с Русью, а отражала более широкие международные противоречия в тогдашнем мире.

Заметим, что и в древнем мире, и позднее, в раннем средневековье, военные союзы, разного рода политические комбинации были обычным явлением в отношениях между госу-

дарствами. В этой связи участие древней Руси в различного рода политических комбинациях начала X в. представляется делом вполне естественным. Кстати, историки неоднократно цитировали слова Константина VII Багрянородного о стремлении Византии опереться на печенегов в борьбе против Руси и “турков”, под которыми он имел в виду угров. Однако реже обращалось внимание на то, что этот же автор сообщил о стремлении Руси жить в мире с печенегами и заручиться их военной поддержкой.

Таким образом, после событий 907—911 гг. Русь на протяжении 30 лет находилась с Византией в мирных и союзных отношениях, которые в одном случае предполагали воздержание древнерусского государства от поддержки Симеона Болгарского, в другом — помощь Византии в действиях против мусульманских государств Закавказья и Прикаспия, в третьем — участие в экспедициях греческой армии на Запад.

В 945 г. русское войско вновь появляется в Закавказье и захватывает город Бердаа. Лишь за год до этого был заключен русско-византийский договор 944 г., который содер­жал более развернутую и определенную, чем в договоре 911 г., статью о военном союзе между странами: “Аще ли хотети начнеть царство от васъ вой на противящаяся намъ, да пи-шемъ къ великому князю вашему, и послеть къ намъ, елико же хотимъ: и оттоле уведяты ины страны, каку любовь имеютъ гръци съ русью”. Эта статья обязывала Русь направлять по просьбе Византии своих воинов, сколько потребуется, против того противника, которого определит империя. В связи с этой статьей следует рассматривать и статью “О Кор-сунстей стране”, где говорится, что русские обязуются “не имать волости” в этой стране. В то же время если русский князь где-либо будет вести войну и попросит у Византии помощи, то получит столько греческой подмоги, сколько потребуется: “...да воюеть на техъ странахъ, и та страна не по-каряется вамъ, и тогда, аще просить вой у насъ князь руский да воюеть, да дамъ ему, елико ему будетъ требе”. Одна из статей договора непосредственно направлена против врагов “Корсунской страны” — черных болгар. Русский князь должен был вступать в противоборство с ними по просьбе империи. Как видим, эти статьи договора 944 г. охватывают широкий круг союзных двусторонних обязательств двух государств.

Ученые давно уже обратили внимание на то обстоятельство, что данные статьи договора 944 г. очень быстро были реализованы. В 949 г. руссы в количестве 629 человек участвовали в экспедиции против Крита, затем, в 954 г., — на этот раз вместе с болгарами и армянами — сражались против сирийского эмира³². Таким образом, реализация статей о союзе непосредственно была направлена против арабов на Крите и в Сирии.

Уточнение даты похода руссов на Бердаа (945 г.) таит в себе дополнительные возможности для исследования пробле-

мы. Если русское войско начало свой поход в 945 г., то, следовательно, в это время уже вступил в действие заключенный в 944 г. русско-византийский договор с упомянутыми статьями. А это значит, в свою очередь, что русское нападение на Закавказье точно соответствовало усилиям Византии в ее борьбе с арабами на разных фронтах.

Поддержав точку зрения о новой дате похода, А. П. Новосельцев допустил в дальнейшем, на наш взгляд, неточность, заметив, что “Игорь действовал против Византии вдоль обоих берегов Черного моря”. В 945 г. Игорь не действовал против Византии вообще — ни на одном, ни на Другом берегу Черного моря. В свете этой даты неправомерной является и версия Н. Я. Полового о том, что поход руссов на Бердаа был возможен лишь в союзе с Хазарией, при активном противодействии Византии. Вероятно, ближе к истине был А. Н. Насонов, полагавший, что поход состоялся в результате соглашения Руси с Византией, при противодействии Хазарского каганата, на что указывает и выбор руссами иного пути на Кавказ, чем в несчастливом для них 912/13 г., — с восточного побережья Черного моря сухопутным через Северный Кавказ к Каспию, а оттуда в устье Куры, т. е. в обход хазарских владений, где 30 с лишним лет назад руссов истребили на обратном пути³³.

945 год указывает на то, что в развитие возобновленного русско-византийского союза, в основе которого, как мы показывали, лежала уплата империей ежегодной дани Руси, древнерусское государство оказало Византии активную помощь в ее борьбе с арабами и на Западе, и на Востоке. Во всяком случае, трудно по-иному вскрыть внутреннюю связь событий 944—945 гг., которые ведут нас от русско-византийского договора 944 г. к русской экспедиции против мусульманских владетелей Закавказья в 945 г.

А. Ю. Якубовский и М. И. Артамонов, анализируя данные о походе руссов на Бердаа в 945 г., обратили внимание на то, что они стремились не просто пограбить здешний край, но и подчинить его своей власти³⁴. Это замечание представляется чрезвычайно важным.

Город Бердаа был в IX—X вв. богатейшим торговым центром, древние источники называли его “Багдадом Кавказа”. Руссы вопреки прежней практике IX — начала X в., захватив Бердаа, не предали его огню и мечу, а повели себя иначе: заверили жителей, что их не интересуют вопросы вероисповедания, что они хотят лишь одного — “власти” и будут хорошо относиться к горожанам, если те будут “хорошо повиноваться”.

После возникшего конфликта между завоевателями и побежденными руссы ограбили горожан, но само ограбление приняло своеобразную “легальную” форму: у мусульман в

виде выкупа изымали все ценности — золото, серебро, ковры, а взамен вручали “кусочек глины с печатью” как гарантию от других поборов, т. е. руссы пытались ввести военные реквизиции в рамки “законного” управления. В этом же направлении ведут нас и данные персидского анонимного источника “Худуд ал-алам”, согласно которому руссы поначалу даже не вошли в Бердаа, а остановились неподалеку, в селении Мубараки. Албанский же историк М. Каланкатваци пишет о том периоде, когда руссы уже “предали 'город лезвию меча”. Время мирных отношений руссов с местными жителями осталось ему неизвестным. Так, он сообщил, что руссы боролись здесь с дейлемитами, с которыми прежде, по словам Ибн-Мискавейха, поддерживали мирные отношения³⁶. А это значит, что, явившись в этот край, руссы довольно точно определили своих противников — это те, кто воевал с главой дейлемитов Марзубаном — союзником Византии. Необходимо заметить, что обстановка здесь была крайне сложной. Марзубан лишь незадолго перед приходом руссов утвердился в Аране, изгнав оттуда вассалов халифата. И именно с дейлемитами поначалу и поддерживали руссы мирные отношения. Конфликт возник лишь позднее. Поэтому вывод А. П. Новосельцева о том, что руссы овладели Бердаа, “изгнав наместника Марзубана и его дейлемитский гарнизон”, на наш взгляд, несколько прямолинейно. Руссы действительно так поступили, но после мирной паузы, которая свидетельствует об их первоначальном стремлении установить добрые отношения с союзником Византии — Марзубаном. А. П. Новосельцев считает, что “действия руссов понятны: они собирались двинуться на Византию и рассчитывали по крайней мере на нейтралитет аранцев”³⁷, но, по нашему мнению, логика была иной. Руссы сохраняли нейтралитет, потому что иначе им пришлось бы столкнуться с союзниками Византии, но, выполняя свои союзнические обязательства, они стремились одновременно прочно утвердиться в Аране, хотя безусловно вынуждены были считаться с политикой империи.

Руссы пробыли в Бердаа несколько месяцев, и лишь тяжелые болезни и неустанные бои вынудили их однажды ночью оставить город и уйти к Куре. Погрузившись на стоявшие там лодки, руссы отбыли на родину.

Осуществляя намерение подчинить определенные районы Закавказья своему постоянному влиянию, руссы позаботились о дипломатическом обеспечении похода.

Н. Я. Половой говорит о возникновении в это время русско-хазарско-аланского союза и об укреплении в ходе русского похода южных границ Хазарского каганата. **А. Ю. Якубовский, М. В. Левченко** и другие авторы обращали внимание на то, что в одной из позднейших (рубеж XI—XII вв.) редакций так называемой еврейско-хазарской переписки, принадлежащей перу Иехуды бен Барзиллая, говорится именно об этом походе, совершенном руссами в

союзе с народами Северного Кавказа: "...вышли разные народы: аланы, славяне и лезги и дошли до Азербайджана, взяли город Бердаа". Это сообщение подтверждается и свидетельством Ибн-Мискавейха, как и других восточных авторов, о том, что руссы "проехали морем, которое соприкасается со страной их, пересекли его до большой реки, известной под именем Кура" . Ученые по-разному трактовали это сообщение. Н. Я. Половой и М. И. Артамонов считали, что руссы прошли на Бердаа тем же путем, что в 912/13 г. Б. А. Дорн, А. Ю. Якубовский и другие полагали, что руссы пересекли территорию Северного Кавказа.

Нам представляется более правильной последняя точка зрения, так как она отражает политические реалии того периода, сложившиеся в районе Причерноморья, Северного Кавказа и Закавказья. В 30—40-х годах X в. налицо было охлаждение отношений между Византией и Хазарией, в основе которого лежали неспособность каганата выполнять по отношению к империи прежние союзнические функции в Причерноморье и Закавказье, религиозная рознь, обострившаяся при Романе I Лакапине, и возрастание мощи древней Руси как новый политический фактор в Восточной Европе и Передней Азии. В этих условиях Хазария вряд ли могла поддержать русскую инициативу на Востоке. Удар руссов по Бердаа, их намерение создать там постоянный опорный пункт не укрепляли, а, напротив, ослабляли южные границы каганата, так как позволяли Руси осуществлять давление на Ха-зарию и с севера, и с юга и способствовали переходу под контроль древнерусского государства старинных торговых путей в Причерноморье и Прикаспии, что в течение долгих лет было привилегией каганата .

Преследуя свои экономические и политические цели, Русь вместе с тем выполняла союзнические обязательства по отношению к Византии, помогая ей в борьбе с арабами. Об этом недвусмысленно говорят и русско-византийский договор 944 г., вслед за заключением которого был организован поход в Закавказье, и последующие военные союзные русско-византийские действия на Западе. Организуя поход в Закавказье, Русь не только получила поддержку Византии, но и заключила союз с аланами и другими народами Северного Кавказа. Поэтому трудно допустить, чтобы Хазария помогала руссам. Теснимая новой растущей державой, она в крайнем случае могла соблюсти нейтралитет. Наличие в то время алано-византийских противоречий вовсе не исключало участия алан в выгодном для них русском походе, наносившем удар вассалам халифата.

Таким образом, поход 945 г. состоялся после переговоров с правителями северокавказских народов, возможно Хазарии, и явился выражением военно-политического русско-византийского союза. Конкретные события похода определялись изменявшимися местными условиями.

Возвращаясь к истории русских походов на Восток, необходимо отметить, что их масштабы увеличивались от похода к походу. Если в 60-х годах (предположительно) IX в. нападение на Абесгун было осуществлено ограниченными силами, то в начале X в. учащается периодичность таких военных предприятий (если признать наличие походов и 909—910 гг., и 912/13 г.), растет количество русских сил, отправлявшихся на Восток. Экспедиция 912/13 г. была уже крупным военным предприятием сильного государства. В 945 г. поход также был предпринят солидными военными силами, о чем говорят его длительность и упорная борьба за контроль над захваченным районом.

Менялось и качественное, политическое содержание походов. Если нападения 60-х годов IX в. и 909—910 гг. являлись довольно ограниченной по своим задачам реализацией союзнических обязательств Руси, рекогносцировкой на волжско-каспийском торговом пути и одновременно типичной грабительской экспедицией, то походы 912/13 и 945 гг. решали задачи серьезного и длительного противоборства с вассалами халифата в Закавказье, а поход 945 г. даже имел в виду попытку закрепиться в Бердаа.

Наконец, следует отметить и возрастание дипломатической активности руссов в связи с походами на Восток: нападение 912/13 г. сопровождалось договоренностью с Византией, соглашением с Хазарией; судьба похода 945 г. зависела от событий на Дунае, переговоров в Киеве и Константинополе, соглашения с народами Северного Кавказа и, возможно, с хазарами.

Разумеется, восточные военные экспедиции руссов во всех случаях носили захватнический, грабительский характер, как и другие подобные предприятия раннего средневековья, и не случайно были направлены на богатые города, расположенные вдоль старинных торговых путей. Захват добычи являлся при этом естественной целью. Но уже в то время подобные экспедиции решали и такие политические задачи, как выполнение союзнических обязательств, сокращение или ослабление своих традиционных внешнеполитических соперников, намерение закрепиться на важных торговых путях. Решение этих задач на Востоке отражало экономические и политические потребности развивающегося феодального древнерусского государства, поэтому вполне закономерными были дипломатические усилия, которые предпринимала древняя Русь для осуществления своей политики на Востоке, тесно связанной с другими внешнеполитическими задачами в Причерноморье и на Балканах.

Глава шестая
РУССКО-ВИЗАН
ТИЙСКИЙ
ДОГОВОР
944 г.

1. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

В 941 г., согласно греческим источникам — “Житию Василия Нового”, хронике продолжателя Георгия Амартола, сообщению кременского епископа Лиутпранда, а также русским летописям¹, последовавшим за греческими сообщениями², новая русско-византийская распря надолго нарушила ход мирных отношений между двумя странами. Новый мир был заключен лишь в 944 г.

В “Житии Василия Нового” говорится, что болгары и стратиг Херсонеса сообщили в Константинополь о движении русской рати, Руссы вошли в пределы империи, повоевали ее земли вплоть до Пафлагонии (Малая Азия), жестоко разоряя все на своем пути. Подошедшее с востока 40-тысячное войско доместика Памфира, армии патрикия Фоки из Македонии и стратига Феодора из Фракии потеснили руссов, и те, погрузившись в ладьи, “отбегоша”. Затем последовало морское сражение, в котором греки пожгли русские суда “греческим огнем”. Часть руссов сгорела, часть утонула в море, оставшиеся в живых двинулись обратно, но по дороге многие из них заболели “от страшного расслабления желудка” и умерли. Добравшиеся до Руси поведали сородичам о тяжелых испытаниях, выпавших на их долю³.

Продолжатель Георгия Амартола повествует, что руссы в середине июня прибыли к греческим берегам на 10 тыс. судов и что в составе русского флота были и “скеди, глаголем, от рода варяжска”, т. е. суда варяжского происхождения. Руссы вошли в Босфор и здесь, на ближних подступах к византийской столице, у местечка Иерон, были встречены греческими кораблями, применившими “огнь”. Флот Игоря потерпел поражение, после чего оставшиеся русские корабли отошли в сторону Малой Азии. Лишь в сентябре греческим полководцам удалось вытеснить руссов из Малой Азии, и они были разбиты во втором морском сражении, когда пытались уйти от преследовавших их греков⁴.

Лиутпранд весьма краток в своем сообщении, но и он отмечает тяжелое положение Византии и огромные усилия, которые пришлось предпринять империи по отражению русского нападения. Византийский флот в это время ушел на борьбу с арабами, и грекам пришлось практически формировать флот заново, возродив к жизни уже заброшенные суда. Все решила морская битва, где греки применили огонь⁵.

“Повесть временных лет” также сообщает, что в 941 г. на 10 тыс. судов “иде Игорь на Греки”. Болгары подали весть в Константинополь о движении русской рати. Пока Византия собирала силы, руссы повоевали “Вифиньские страны”, опустошили и пленили земли по “Понту” вплоть до Пафлагонии, учинили разгром пригородов Константинополя, расположенных на берегах Босфора, жестоко расправились с полоненным населением. В ожесточенных боях на суше и на море руссы

были разбиты подошедшими из провинции войсками и “възвратишася въ свояси”⁶.

Русская летопись, смягчая рассказ о поражении Игорева войска, передает его весьма близко к тексту жития. Однако и “Повесть временных лет”, и “Новгородская первая летопись” не сообщили о факте разгрома русских у Иерона сразу же по прибытии их к Константинополю, обошли молчанием историю последующей длительной и упорной борьбы части русской рати против греков в Малой Азии вплоть до сентября и представили всю кампанию таким образом, что поражение Игорева флота от “греческого огня” якобы явилось завершением похода.

Н. Я. Половой и особенно Я. Н. Щапов убедительно показали смысл упорного отстаивания русскими летописцами иной, отличной от данных греческих хроник версии похода. Они включили в летописи официальную, княжескую концепцию похода (Я. Н. Щапов), которая была, вероятно, создана еще в X в. и в рамки которой не укладывался факт бегства Игоря на родину с частью войск, в то время как значительная часть русских сил продолжала воевать в Малой Азии⁷.

Последующее изложение событий — рассказ о втором походе Игоря против Византии — и текст русско-византийского договора 944 г. сохранились лишь в составе “Повести временных лет”⁸, хотя отзвуки двух походов Игоря на греков, как мы об этом писали выше, имеются и в “Новгородской первой летописи”. Договор 944 г., не вызвав в историографии столь бурных и бескомпромиссных споров, как прежние дипломатические соглашения Руси с Византией, тем не менее породил в исторической науке немало спорных проблем, гипотез, домыслов.

В отечественных исторических трудах XVIII — первой половины XIX в. история двух походов Игоря против Византии и заключения русско-византийского договора 944 г. излагалась в основном информативно, в полном согласии с летописными данными⁹. Но уже в то время в некоторых работах наблюдается стремление исследовательски подойти к решению неясных аспектов событий 941—944 гг. Так, В. Н. Татищев попытался обосновать причину новой русско-византийской распри, отметив, что Игорь двинулся на греков потому, что те “не хотели положенного со Ольгом платить”. М. М. Щербатов высказал мысль, что инициатива переговоров в 944 г. исходила от Игоря, о чем говорит посылка русского посольства в Константинополь; статьи же договора 944 г. лишь подтверждали “прежние, учиненные при Олеге с прибавлениями”. И. Н. Болтин не согласился с подобной трактовкой договора 944 г. и заметил, что он представляет собой фактически иное соглашение, в нем много новых статей .

В начале XIX в. А. А. Шлецер, верный своей “скептической” концепции русско-византийских договоров X в., попытался бросить тень фальсификации и на договор 944 г. Аргументы Шлецера и здесь не новы: молчание о договоре иных источников, кроме “Повести временных лет”, и в первую очередь византийских хроник; странный беспорядок, который он обнаружил в статьях соглашения; “темный текст”, которым мы обязаны “глупости и небрежности писцов”¹¹.

Однако сомнения Шлецера не нашли поддержки у отечественных историков XIX в. Н. М. Карамзин поверил летописи и заметил, что отношения между Византией и Русью нарушились лишь после 935 г., так как в этом году русские воины еще участвовали в экспедиции греческого флота на Запад¹².

Г. Эверс рассматривал договор 944 г. (как и 911 г.) в плане общего развития дипломатических норм X в. Он отметил, что обоим договорам предшествовали предварительные на их счет соглашения. Такие переговоры с Игорем в Киеве провели греческие послы, отправленные на Русь Романом I Лакапином, а уже в Константинополе был заключен “формальный мирный договор”, оформление которого проходило по той же международной схеме, что и оформление соглашения 911 г. Однако в 944 г. “вводятся говорящими и предлагающими условия одни только греки”, именно они, как победители, предписывают условия, и соглашение 944 г. отражает лишь интересы Византии; оно было дополнением к “главному договору” — 911 г. Повторяющиеся статьи, которые остались в силе, не вошли в соглашение 944 г.¹³

Н. А. Лавровский, как и Г. Эверс, считал, что договор 944 г. явился отражением развития международной дипломатической практики того времени, но обратил внимание на некоторые особенности этой грамоты. Она не отличается такой точностью, как акт 911 г.: во вступлении и заключении говорит русская сторона, а весь постатейный текст идет от имени греков.

Лавровский отметил и меньшее число грецизмов в тексте соглашения, и — в отличие от Шлецера — больший порядок слов в предложениях, что, по его мнению, свидетельствует либо о более богатом опыте составителей и переводчиков договора, либо о том, что он являлся дополнением к акту 911 г., который был составлен наспех. Именно поэтому в нем нет жестких формальностей строгого перевода, язык его прост и естествен¹⁴.

С Г. Эверсом не согласился В. В. Сокольский, отметивший, что соглашение 944 г. нельзя считать дополнением к акту 911 г., что оно носит совершенно самостоятельный характер, так как в его состав целиком вошли статьи прежних договоров, статьи же, не включенные в договор 944 г., следует, по его мнению, считать не сохранившими силу и отмененными¹⁵.

И. И. Срезневский также оценивал договор 944 г. как стереотипное международное соглашение. Он был первоначально писан по-гречески, а затем переведен на русский язык, что в известной степени ограничивало проявление русского языкового элемента в тексте договора. Многие термины договоров И. И. Срезневский считал переводными, а к чисто русским относил лишь те, которые повторялись в других русских памятниках¹⁶.

Большое внимание уделит документу С. А. Гедеонов. Вслед за Г. Эверсом и Н. А. Лавровским он рассматривал его с точки зрения международной дипломатической системы, но выявил и некоторые особенности памятника. Отразившийся в летописи текст, полагал С. А. Гедеонов, представляет собой греческую копию с экземпляра, идущего от Руси к грекам, и болгарский перевод экземпляра, идущего от греков к Руси. Объединение летописцем двух разных грамот и составило, по его мнению, соглашение 944 г.; об этом говорит тот факт, что в начале и конце договора говорит Русь, а вся конкретная часть акта излагается от имени Византии¹⁷.

Д. И. Иловайский попытался определить причину русско-византийского конфликта 941 г., предположив, что она заключалась в начавшейся борьбе Руси и Византии за Болгарию, где в это время происходили междоусобия. Он полагал, что причина столкновения могла возникнуть и из-за противоречий в Крыму. Что касается договора 944 г., то, по мнению Д. И. Иловайского, “подтверждение Олеговых договоров” сочеталось в нем с рядом новых условий, в частности о “Корсунской стране”. “Очевидно, предприимчивый Игорь, — замечает историк, — успел распространить русское господство в этом крае...”¹⁸

С. М. Соловьев считал, что договор лишь подтвердил краткие, может быть изустные, условия, заключенные на Дунае тотчас после окончания похода. Он был не так выгоден для Руси, как договор 911 г.: “...ясно виден перевес на стороне греков; в нем больше стеснений, ограничений для русских”¹⁹.

В. И. Сергеевич согласился с тем, что договор 944 г. был создан по образцу других международных дипломатических документов раннего средневековья. Используя сравнительно-исторический метод, он сопоставляет русско-византийские договоры 911, 944, 971 гг. с крестоцеловальными грамотами русских князей более позднего времени, а также с сакрой греко-персидского договора 562 г. Грамоту 944 г. он считает

20

первым таким русским документом.

Принципиальная позиция А. Димитриу о русско-византийских договорах изложена выше. Соглашение 944 г. он рассматривал как вид императорского хрисовула, однако полагал, что сам хрисовул не сохранился, а до нас дошла лишь отдельная хартия, идущая от русской стороны к грекам. Договор 944 г. А. Димитриу трактовал как выгодный для империи. Он подчеркивал, что текст этого документа проще

и понятнее, чем текст соглашения 911 г., и объяснил это более высоким уровнем перевода²¹.

Д. Я. Самоквасов первым высказал мнение о договоре 944 г. как о равноправном и взаимовыгодном, подтвердившем и обновившем соглашение 907 г., Это обновление он усматривал в ряде дополнительных — по сравнению с договорами 907 и 911 гг. — статей; те же их статьи, которые в документе 944 г. были опущены, продолжали, по его мнению, действовать без изменения. Одним из основных аргументов в пользу такого предположения Д. Я. Самоквасов считал молчание источника о возобновлении уплаты Византией ежегодной дани — “укладов” Руси, как это явствует из летописного текста под 941 г.: если продолжает действовать Статья об уплате дани — “укладов”, не обозначенная в договоре 944 г., то это указывает на возможное действие иных опущенных статей²².

А. В. Лонгинов считал, что соглашение 944 г. построено на тех же принципах, что и договор 911 г.: ему предшествовали предварительные переговоры, как и при заключении соглашения 911 г.; были выработаны две аутентичные хартии, идущие от греческой и русской стороны; наличие совпадение вступительной и заключительной части документов, где слово берет русская сторона; окончательная редакция договора, как и в 911 г., проведена в Византии, которая являлась инициатором заключения соглашения; одинаково и оформление договоров: в Киев для ратификации был доставлен дубликат хартии, идущей от греков, с переводом его на русский язык, а подлинник остался в Константинополе. Русские присягали на идущем от русской стороны тексте, который и сохранился в княжеском архиве. Сам же договор 944 г., по мысли А. В. Лонгинова, является подтверждением соглашения 907 г. Это двусторонний, равноправный договор. Как и Д. Я. Самоквасов, А. В. Лонгинов считал статьи прежних договоров, не включенные в это соглашение, действующими. Сравнивая договор 944 г. с дипломатическими актами XII—XIII вв., он отметил, что в нем прослеживаются некоторые международные стереотипы, указывающие на общность этого документа с памятниками восточноевропейской дипломатии раннего средневековья².

Д. М. Мейчик, разбирая правовые основы договоров 911 и 944 гг., признал, что они выразили синтез русского и византийского права при руководящей роли греческого элемента, отразили в основном направляющее значение византийской дипломатии и круг ее “нравственных чувств и юридических понятий”. В договорах 911 и 944 гг. он увидел неумелую попытку руссов овладеть неизвестными им дипломатическими понятиями и категориями²⁴.

А. А. Шахматов рассматривал договоры 911 и 944 гг. как результат компиляторской работы летописца. И на грамоту 944 г. он перенес свой метод анализа в связи с исследованием формулы “Равно другаго свещанья...”, идущей в нача-

ле документа. А. А. Шахматов считал, что на основании этих слов летописец и создал искусственно версию о появлении византийских послов в Киеве и отправке русского посольства в Константинополь. “Сознательная переделка” текста о событиях 944 г. и самого договора — таков вывод А. А. Шахматова. Темные места документа, имеющаяся в тексте путаница с притяжательными местоимениями, по его мнению, говорят о том, что “переводчики с трудом справлялись с лежавшею перед ними редакционной) задачей — изменить форму договоров”. А. А. Шахматов полагал также, что второй поход Игоря на греков летописец выдумал, для того чтобы объяснить появление в дальнейшем русско-византийского договора, а сам второй поход — это заимствование из “Жития Василия Нового”²⁵.

Оценку договору 944 г. дали в общих курсах русской истории М. К. Любавский (1916 г.) и А. Е. Пресняков (1918 г.). М. К. Любавский считал грамоту 944 г. торговым соглашением, которое с “некоторыми незначительными изменениями” повторило Олегов договор. Эту же мысль по существу выразил и А. Е. Пресняков²⁶.

Советская историография в известной степени отразила различные точки зрения на договор 944 г., существовавшие в XIX — начале XX в. Так, В. М. Истрин в 1924 г. повторил мысль о том, что нормы греко-римского международного права неприменимы к древней Руси: договор 944 г., как и 911 г., переведен с греческого гораздо позже — уже в XI в., а в X в. он не имел никакой практической ценности для киевских князей и нужен был лишь грекам. Грамоту 944 г. В. М. Истрин считал экземпляром, идущим от Руси к грекам; греческий оригинал, по его мнению, был безвозвратно утрачен, что также объясняется отсутствием у руссов интереса к данным документам²⁷.

С. П. Обнорский, изучив лингвистическую основу договоров 911 и 944 г., убедительно опроверг точку зрения В. М. Истрина о позднейшем переводе этих документов и доказал, что переводы появились одновременно с составлением самих актов. При этом он показал, как изменился уровень перевода за 30 с лишним лет: договор 944 г. переведен относительно хорошо, руссы того времени уже овладели многими стереотипными международными понятиями и терминами и последние уже не переводились с греческого языка; менее ощутим здесь болгарский языковый элемент, “зато заметно дает в нем себя знать русская языковая стихия”. М. А. Шангин, анализируя отдельные статьи документа, пришел к выводу, что “едва ли не каждая статья греко-русских договоров находит обоснование в византийском праве”. Он показал, как в статьях, посвященных херсонским рыбачкам, вопросам помощи при кораблекрушениях, отразились международные правовые нормы²⁸.

Б. Д. Греков в своей книге “Киевская Русь” изложил летописную версию двух походов Руси против Византии в

941 и 944 гг. и анализируя соглашение 944 г., пришел к выводу, что оно выразило “новое соотношение сил между договаривающимися сторонами”. Русь, по его мнению, вынуждена была отказаться от прежних своих преимуществ, должна была отныне платить торговые пошлины и взяла на себя ряд обязательств по отношению к грекам: защита Византии от врагов, и в частности оборона Крыма²⁹. Таким образом, Б. Д. Греков посчитал соглашение 944 г. дипломатическим актом, выгодным лишь Византии, документом, отражающим преимущества лишь одной стороны.

Через год в комментариях к академическому изданию “Повести временных лет” Д. С. Лихачев подошел к вопросу иначе. Возражая А. А. Шахматову в связи с его предположением, будто второй поход Игоря на Византию был выдуман летописцем, Д. С. Лихачев указал на то, что договор 944 г. как раз свидетельствует в пользу реальности второго похода, так как он “выгоден для русской стороны”. Что касается совпадения отдельных фраз в “Житии Василия Нового” и летописном тексте о событиях 944 г., на что указывал А. А. Шахматов, то оно, по мнению Д. С. Лихачева, “ни о чем не свидетельствует”³⁰.

Через два года А. А. Зимин вновь поддержал версию о том, что договор 944 г. отразил неудачу русского похода 941 г.³¹

Ряд историков (А. Ю. Якубовский, В. В. Бартольд, Б. Н. Заходер, Н. Я. Половой, М. И. Артамонов, А. П. Новосельцев и некоторые другие), как отмечалось выше, рассматривали события 941—944 гг. в тесной связи с восточной политикой Руси, и в частности с отношением Киева к Хазарскому каганату, народам Северного Кавказа, мусульманским государствам Закавказья и Ирана. Так, Н. Я. Половой считал, что Игорь организовал против греков “два грандиозных похода” и “заключил выгодный для Руси договор с Византией”. В сочетании с завоевательным походом на Бердаа эти события “поставили тогда Русское государство в центре всей политической жизни Восточной Европы”³².

Кстати говоря, Н. Я. Половой не только, на наш взгляд, убедительно доказал реальность сообщения русской летописи о втором походе на Византию, но и привел интересные соображения относительно датировки этого похода, отнеся его к 943 г. В этом году, полагал Н. Я. Половой, Византия потерпела тяжкое дипломатическое поражение, так как была принуждена согласиться на заключение невыгодного и малопочетного мира. Поскольку поход 943 г. был не окончен, он, по его мнению, и не нашел отражения в византийских хрониках³³.

М. И. Артамонов, анализируя те же события и также сквозь призму восточной политики Руси, пришел к совершенно противоположному выводу. Он считал, что военное выступление Руси против Византии в 40-х годах X в. было предпринято с ведома и при сочувствии Хазарии, чей конф-

ликт с империей принял начиная с 30-х годов X в. затяжной характер; но это наступление закончилось полным поражением Руси, и договор 944 г. отразил политическое преимущество империи. В нем Византия продиктовала свои условия Руси; обязательства последней носят “односторонний характер”, и сам тон документа является “директивным” по отношению к Киеву. Именно так М. И. Артамонов оценил, в частности, статьи, связанные с судьбой Херсонеса: они говорят об обязательствах Руси “порвать союз с хазарами и действовать против них на стороне Византии”³⁴.

М. В. Левченко попытался выявить причины нового русско-византийского конфликта, указав на укрепление внешнеполитических позиций империи в 20—30-х годах X в. и возможное ее стремление освободиться от тяжелых обязательств договора 907 г., и прежде всего предоставления руссам беспощинной торговли на территории Византии. Он пришел к странному, на наш взгляд, заключению, что поход 941 г. “нельзя рассматривать как агрессивный акт со стороны Руси”, которая вынуждена была предпринять ответные меры “для защиты насущных экономических интересов”. М. В. Левченко отметил крупные масштабы похода 941 г. (морем и по сухопутью), большое напряжение византийской военной машины для отражения нашествия, но скептически отнесся к версии летописи о том, что руссы в конце концов добились возобновления Византией уплаты ежегодной дани, поскольку в договоре 944 г. нет на этот счет никаких сведений. М. В. Левченко оценил договор 944 г. как совершенно самостоятельный документ, лишь включающий ряд прежних статей. Он менее выгоден Руси, чем договор 911 г., но вовсе не носит характера односторонних русских обязательств, как это утверждали А. Димитриу и некоторые другие ученые; в нем есть и прямые обязательства Византии: о приеме русских послов и купцов, выделении им места для размещения, предоставлении слобного и месячного, снаряжения на обратную дорогу; сюда же включает он и обязательство Византии оказывать Руси военную помощь. Нельзя сказать, замечает М. В. Левченко, что Игорев договор ограничивается лишь торговыми сюжетами: “...в нем имеются статьи, регулирующие внешнеполитические отношения между Византией и Русью”³⁵.

Подробный анализ событий 941—944 гг. и разбор договора 944 г. дал В. Т. Пашуто. Он считал, что прежние союзные отношения нарушил Игорь. На основании переговоров греков с Игорем, предложения византийцев уплатить большую дань, чем брал Олег, направления дорогих подарков печенегам — союзникам Игоря В. Т. Пашуто пришел к выводу, что “заинтересованность Византии в поддержании мирных торгово-политических связей с Русью очевидна”. Он рассматривает соглашение 944 г. как “договор о вечном мире, взаимопомощи и торговле”. Обязательство о взаимопомощи сформулировано в статьях о предоставлении русскому князю

воинов, “елико ему будетъ тебе”, и соответственно помощи со стороны руссов императору по письменной просьбе. Статьи о “Корсунской стране” В. Т. Пашуто оценил с позиций общего усиления влияния Руси в Крыму, а улучшение отношений двух государств, дальнейшее развитие политических и экономических связей между ними усмотрел в статьях о регулировании посольских и торговых контактов. В. Т. Пашуто оценил договор 944 г. как самостоятельное равноправное двустороннее соглашение³⁶.

С. М. Каштанов, основываясь на классификации Ф. Дэль-гера и И. Караяннопулоса, сопоставляет акт 944 г. со схемой хрисовулов, составляемых Византией после переговоров ее послов в другой стране. Первую часть грамоты 944 г. С. М. Каштанов сближает с характерным для хрисовулов этого типа определением полномочий послов другой страны. Один кусок текста в начальной части грамоты и один кусок текста в его заключительной части, содержащие клятву Руси крещеной и некрещеной хранить и соблюдать договор, С. М. Каштанов трактует как клятвенное обещание соблюдать условия соглашения, которое давалось византийскому императору другой стороной. Тексты, идущие в грамоте от лица русских, по наблюдению С. М. Каштанова, образуют в совокупности клятвенно-верительную грамоту послов. Текст, идущий от лица греков, содержит прежде всего условия договора и сведения о способах его утверждения. Таким образом, в тексте клятвенно-верительной грамоты нет договорных статей, что характерно для хрисовулов, где условия договора находятся вне текста клятвенной записи иностранных послов. С этим обстоятельством он связывает и характер обмена экземплярами договора 944 г. Раз в клятвенно-верительной грамоте послов не было условий договора, значит, экземпляр договора нуждался в подтверждении русского правительства и был направлен Игорю для принесения на нем присяги. Далее, высказывает предположение С. М. Каштанов (и это, на наш взгляд, самое основное в построении автора), после скрепления князем данного экземпляра “византийские послы забрали его и вручили русским хрисовул... Какая-то копия с утвержденной грамоты послов могла остаться на Руси”³⁷.

А. Г. Кузьмин в одной из своих последних работ также коснулся событий 941—945 гг. и вновь скептически оценил ряд известий русской летописи. Так, он отметил: “Указание на то, что греки согласились выплатить еще большую дань, чем Олегу, явно противоречит содержанию реального договора”. Не подвергая сомнению достоверность и цельность договора, А. Г. Кузьмин считает, что путаница с местоимениями произошла в нем потому, что летописец “как будто не смог удержать под контролем свои источники”. Вместе с тем сама эта путаница греческого и русского противней договора является, по его мнению, косвенным признаком оригинальности источников³⁸.

В советских обобщающих работах договор 944 г. также не получил однозначного рассмотрения. “Очерки истории СССР. Период феодализма” отразили точку зрения Б. Д. Грекова. В “Истории Византии” отмечается, что инициатива заключения соглашения принадлежит Византии, послы которой, встретив войско Игоря на Дунае, сумели склонить руссов к миру; что содержание договора 944 г. более благоприятно для империи, чем соглашения 911 г. В многотомной “Истории СССР” упоминается о двух походах Руси против Византии в 40-х годах (941 и 944 гг.) и отмечается, что в обоих случаях Игорь шел на греков во главе русских войск, “усиленных наемными печенегами и варягами”. О договоре 944 г. сказано, что он предусматривал широкие торговые связи с империей и опирался, как и соглашение 911 г., на “покон русский” .

Зарубежная историография уделила событиям 941—944 гг. несравненно меньше внимания, нежели истории нападений руссов на Константинополь в 860 и 907 гг. В общих курсах и специальных работах на этот счет имеются сообщения информативного характера. Оценке русско-византийской войны 941 г. и договора 944 г. посвящены статьи или разделы статей К. Бартовой, А. Боака, И. Свеньицкого, С. Микуцкого, А. Грегуара и П. Оргельса, И. Сорлен, Д. Миллера, а также разделы в книгах Д. Оболенского, статьях Д. Шепарда, Ф. Возняка⁴⁰.

К. Бартова, уделившая внимание известной еврейско-ха-зарской переписке X в., проводит связь между данными так называемого Кембриджского документа и событиями 941—944 гг., полагая, что таинственный Хельгу — это один из воевод Игоря, продолжавший воевать после возвращения князя на родину. А. Боак отмечает грандиозность похода 941 г., секретность его подготовки, “специфическую” цель — захват Константинополя — и устранение императором Романом I Лакапином угрозы нового нашествия дипломатическим путем. Договор 944 г. он считает полнокровным развернутым соглашением, “широко возобновившим ранние договоры”. В нем, по мнению А. Боака, отразился интерес киевских князей к торговле с Византией⁴¹.

И. Свеньицкий, сравнивая договоры 907, 911, 944 гг., показывает, что соглашение 944 г. было тесно связано с предыдущими актами, развивало и дополняло дипломатические нормы прежних договоров. По его мнению, греческие послы привезли в Киев готовый проект договора, а Игорь в ответ направил в Константинополь посольство, имевшее на руках русский проект соглашения. И. Свеньицкий полагает, что перед нами равноправное межгосударственное соглашение, в выработке которого принимали активное участие обе

⁴² сто-

роны

С. Микуцкий, анализируя текст договора 944 г., обратил внимание на то, что начало документа и его заключение идут от имени Руси, основной же текст — статьи соглашения — от

имени Византии; что в тексте договора в то же время упоминается о составлении его в двух хартиях — русской и греческой. В связи с этим С. Микуцкий высказывает предположение, что русская хартия по существу является переделкой греческого оригинала: императорская формула, идущая в начале документа и в его заключении, опущена и заменена текстом, идущим от русской стороны, в начальную часть документа добавлены список послов и преамбула русского автора. Основная же часть — статьи договора — осталась без изменения, как и подтверждение императорской хартии. И все это связано воедино с русскими добавлениями в конце — клятвой Игоря и санкциями. Поскольку статьи, пишет С. Микуцкий, отражают интересы греков, имеют характер милости с их стороны, не дают никаких прав Руси, а лишь налагают на нее обязательства, по своему содержанию документ сближается с императорским хрисовулом. Однако С. Микуцкий обращает внимание на то, что формула подтверждения, имеющаяся в договоре 944 г., в хрисовулах не встречается⁴³.

А. Грегуар и П. Оргельс разбирают историю похода 941 г. в соответствии с данными византийских источников и показывают, что после поражения в морской битве у Иерона русские войска отошли на юго-запад Малой Азии и там продолжали военные действия. Авторы отметили масштабы похода и то напряжение, которое пришлось пережить империи для преодоления русского нашествия⁴⁴.

И. Сорлен поддерживает тех ученых, которые склонны не доверять “Повести временных лет” относительно сообщения о втором русском походе на Константинополь и считать его плодом компиляции сведений хроники Георгия Амартола о походе угров на византийскую столицу в 943 г. и данных “Жития Василия Нового”. Она убеждена в достоверности договора 944 г. и отмечает, что он представляет собой несомненный перевод с греческого, причем более правильный, чем в случае с договором 911 г. По ее мнению, обе хартии были составлены в императорской канцелярии, о чем говорит и упоминание о русских христианах, которым якобы отдано преимущество перед язычниками, и наличие в грамоте обязательств не только Руси, но и Византии (относительно предоставления руссам торговых прав). Основная же часть договора — обязательства Руси — взята из императорского хрисовула, к которому по желанию руссов были добавлены преамбула и заключительная часть. Таким образом, И. Сорлен также придерживается мнения об искусственном происхождении помещенного в летописи текста договора, составлении его из разнородных частей⁴⁵.

На основе анализа статей договора И. Сорлен совершенно справедливо утверждает, что в них нашло отражение развитие русской дипломатической традиции: упоминания русских письменных документов-удостоверений свидетельствуют, по ее мнению, о том, что русские князья в середине X в.

“начали создавать канцелярии”, взяли под свой контроль торговлю с Византией. Она полагает, что в новом договоре были отменены для руссов льготы на торговые пошлины и введены некоторые торговые ограничения как результат поражения Игоря. Статью договора 944 г. о военной помощи Руси со стороны Византии И. Сорлен считает плодом небрежности переводчика, искажившего текст, так как здесь, по мысли автора, речь должна идти об обязательствах Руси не нападать на владения Византии в Крыму и помогать в этом районе империи. В то же время она справедливо указывает, что договор 944 г. отразил изменение характера отношений Руси и Византии по сравнению с 911 г.: Русь для империи становится “союзной державой”, И. Сорлен защищает весьма спорный тезис о том, что в договоре 944 г. стороны преследовали прежде всего экономические цели⁴⁶.

Д. Миллер в обобщающей статье “Византийские договоры и их выработка: 500—1025 гг.” рассматривал русско-византийские договоры, в том числе и соглашение 944 г., на равных основаниях с византино-арабскими, болгарскими и иными соглашениями раннего средневековья, определяя их как “торгово-политические договоры X в.”. Он показал, что русско-византийские договоры включают в себя все наиболее значительные компоненты дипломатических соглашений, заключаемых Византией с другими государствами, а некоторые аспекты этих соглашений в русско-византийских договорах представлены наиболее ярко, и в частности в них дано “наиболее полное описание торговых прав” как средства византийской дипломатии по урегулированию отношений с другой державой. Д. Миллер выделяет и такие особенности этих актов, как точное определение участвовавших в переговорах сторон и их представителей, которые названы по именам; изложение намерений участников переговоров; их клятвы; подробное содержание статей; сведения о порядке ратификации соглашения. По его мнению, лишь византино-персидский договор 562 г. может в какой-то степени сравниться в этом смысле с русско-византийскими договорами.

Разбирая такой аспект дипломатических соглашений Византии с “варварскими” государствами, как договоренность о союзе и взаимопомощи, Д. Миллер показал, что в договоре 944 г. сделан шаг вперед по сравнению с соглашением 911 г. и Русь из государства, допускающего наем своих людей на военную службу в Византии, стала подлинным и равноправным военным союзником империи. Он отмечает международный характер и других статей, входящих в соглашение 944 г., и в частности статьи о порядке регистрации руссов, приходящих в Византию. Порядок ратификации договора 944 г. напоминает Д. Миллеру процедуру, сопровождавшую заключение византино-арабского договора 687 г.: тогда также составлялись две копии договорных грамот, состоялся обмен ими, давались соответствующие клятвы в верности ‘заключенному соглашению’⁴⁸. Ни о каких односто-

ронных обязательствах Руси, ни о каком сравнении с хрисовулами в работе Д. Миллера нет и речи.

Д. Оболенский, верный своей идее о втягивании империей соседствующих с ней стран и народов в некое византийское сообщество государств⁴⁹, сквозь эту призму рассматривал и русско-византийские договоры. Русский поход 941 г. он считал экспедицией в стиле викингов, неожиданной и коварной, о втором походе умалчивает; обходит, естественно, и вопросы о переговорах на Дунае, о дани и т. п. Договор 944 г. Д. Оболенский рассматривает как крупный успех Византии на пути ликвидации русской опасности, которая нарастала с IX в. Эту опасность империя постепенно нивелировала при помощи искусной дипломатии. По его мнению, договор 944 г. отразил заботы Византии о своих крымских владениях и показал, как империя в отношениях с Русью изменила баланс сил в свою пользу^o.

Таким образом, обзор литературы, касающейся событий 941—944 гг. и русско-византийского договора 944 г., констатирует серьезные и принципиальные разногласия между историками по ключевым проблемам данного аспекта истории древней Руси.

Обращает на себя внимание, что изучение истории похода 941 г. ведется в отрыве от истории выработки и содержания договора 944 г., который, как правило, связывается лишь с историей второго (в 944 или в 943 г.) похода Игоря на Византию.

Отсутствует единство по таким вопросам, как: является ли договор 944 г. лишь дополнением к соглашению 911 г., или это политически самостоятельный и цельный дипломатический документ? Представляет ли он собой подобие императорского хрисовула, или это двусторонний равноправный межгосударственный договор? Отложился ли данный текст в летописи в цельном виде, или он был скомпонован позднейшими переписчиками, редакторами, скроившими из разных документов то, что вошло в состав “Повести временных лет” как русско-византийский договор 944 г.?

Нет ясности и в том, кому выгодно это соглашение — Византии? Руси? Какое “новое соотношение сил” (“изменившийся баланс сил”) отразил этот договор?

Спорными остаются и некоторые частные вопросы, связанные с историей выработки документа: по чьей инициативе он был заключен — русских или греков? Продолжали ли оставаться в силе прежние статьи договоров 907 и 911 гг., не обозначенные в договоре 944 г.? Можно ли относить к этим не включенным в договор статьям обязанность Византии уплачивать дань Руси?

Наконец, исследователи, как правило, не ставили перед собой и следующих вопросов: каково место договора 944 г. в системе как византийской, так и русской дипломатии? Как он соотносится с русско-византийскими договорами 60-х годов

IX в., 907, 911 гг.? Какой уровень дипломатии древней Руси по сравнению с ее ростками в IX — начале X в. отразил данный дипломатический акт?

Именно рассмотрению этих спорных или недостаточно исследованных вопросов посвящена данная глава.

2. *ОБОСТРЕНИЕ РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИИ В СЕРЕДИНЕ 30-х ГОДОВ X в. ВОЙНА 941—944 гг. И ПЕРЕГОВОРЫ НА ДУНАЕ*

Каждое крупное дипломатическое соглашение “варварских” государств с Византийской империей выросло, как мы уже видели, на почве международных событий своего времени, а также с учетом социально-экономических и политических факторов внутри каждой страны — участницы соглашения. Не стал исключением в этом смысле и русско-византийский договор 944 г.¹

К началу 40-х годов X в., когда отношения между Византией и Русью резко обострились, международное положение империи значительно стабилизировалось. Болгария была истощена длительными и разорительными войнами. Новое болгарское правительство царя Петра заключило с Византией мир. Провизантийские настроения все определеннее брали верх в болгарском руководстве. Еще недавно крепкое, стиснутое властной рукой Симеона, ныне оно шло к расколу. Начавшаяся феодальная раздробленность страны вела к распаду Болгарии на ряд самостоятельно управляющихся феодальных территорий².

Появление печенегов в причерноморских степях серьезно изменило обстановку в Северном Причерноморье. Отныне и Русь, и Хазария вынуждены были считаться с печенежской угрозой.

Вместе с тем в 30-х годах X в. растут противоречия между иудаистской Хазарией и Византией, где Роман I Лакапин начал широкое преследование иудеев, что осложнило отношения империи с каганатом³.

Не замиренными оказались и угры, которые в 934 г., согласно и греческим хроникам, и “Повести временных лет”, нанесли удар по Византии и “пленаху всю Фракию”. После этого Роман послал к ним посольство во главе с протопревостом Феофаном, которое договорилось с уграми об обмене пленными и восстановлении мирных отношений. Однако новое нападение угров на Византию в 943 г. и новые с ними переговоры все того же Феофана, предложившего им мир на пять лет, указывают, что венгерская опасность являлась для Византии в 30—40-х годах X в. постоянным внешнеполитическим фактором⁴.

Историки, как мы уже видели, обратили внимание на то, что и греческие источники, и русская летопись, а также текст договора 944 г. отражают очевидную борьбу в 30-х годах X в. между Русью и Византией за влияние в Крыму и Северном Причерноморье. Обычно принимается во внимание факт сообщения херсонесского стратига о движении русской рати на Византию как в 941, так и в 944 г. Правда, мы думаем, что эти действия входили в служебные обязанности херсонесских властей и вряд ли прямо свидетельствуют о напряжении, возникшем в районе Крыма между двумя государствами. Более серьезные основания для такого предположения дают известные статьи о “Корсунской стране” соглашения 944 г., в которых Русь обязуется “не имать волости” “на той части”, не чинить препятствия “корсунянам” в ловле рыбы в устье Днепра, а сами руссы отныне лишаются права зимовать в днепровском устье на Белобережье, и по наступлении осени должны возвратиться “въ дома своя в Русь”. В этой связи особенно интересна статья, говорящая об обязанности русского князя не пропускать черных болгар воевать “въ стране Корсуньстей”, так как они “пакостять стране его”. Эта фраза ясно указывает на то, что натиск черных болгар на Херсонес мог затронуть и близлежащие русские владения и послужить основанием для защиты русским князем и корсунских земель⁵.

В связи с этим сюжетом есть смысл еще раз обратиться к тем характеристикам, которые Константин VII Багрянородный в своем труде “Об управлении государством” дает народам и государствам, соседствующим с византийскими владениями в Северном Причерноморье, и рассмотреть их не в отдельности, а совокупно.

Большое внимание уделяет Константин VII печенегам. Тон автора дружелюбен; он видит в печенегах традиционных союзников Византии и наказывает своему сыну “жить в мире с печенегами, заключать с ними дружественные договоры и союз”. Такую политику необходимо проводить потому, что “печенежский народ живет в соседстве с областью Херсонеса, и если они (печенеги. — *А. С.*) не состоят с ними (херсонитами. — *А. С.*) в дружбе, то могут выступать против Херсонеса...”. В главе 2 Константин VII проводит мысль о том, что руссы также стремятся заручиться дружбой печенегов, поскольку иначе они не смогут предпринять ни одного военного похода: печенеги могут воспользоваться отсутствием русских военных сил и осуществить набег на Русь. Печенеги же по наущению Византии “легко могут нападать на земли руссов и турок (венгров. — *А. С.*)...” — отмечает царственный автор в главе 4. В главе 6 “О печенегах и херсонитах” вновь говорится о мирных, посреднических функциях печенегов в отношении Руси и Хазарии. Глава 10, как известно, называется “О Хазарии, как и кому с нею воевать”. Оказывается, воевать с ней следует узам, аланам. Эта же мысль повторяется и в главе 11: если хазары не желают жить в дружбе и мире с Византией, то аланы могут причинить им “много

зла”; “...и если этот властитель (алан. — *A. C.*) поставит себе задачей препятствовать им, то Херсонес и климаты будут пользоваться долгим и глубоким миром”⁶.

Итак, средоточие всех византийских помыслов в Северном Причерноморье, согласно Константину VII Багрянородному, — это Херсонес, крымские владения Византии. Печенеги — самая надежная традиционная защита империи на севере, а аланы — в районе Северного Кавказа. Противники же Херсонеса — в первую очередь хазары; другая забота греков в данном районе — в случае необходимости столкнуться с печенегами с руссами и уграми. Хотя текст прямо не отражает давления Руси на северопричерноморские владения империи, но потенциальный противник здесь угадывается, несмотря на то что Константин VII говорит о государстве, с которым Византию связывал со второй половины 40-х годов X в. договор о мире и союзе.

Нам бы хотелось также привлечь внимание к двум фразам из “Истории” Льва Дьякона. Передавая содержание переговоров второго посольства Иоанна Цимисхия со Святославом Игоревичем, Лев Дьякон сообщает, что император напомнил русскому князю о тяжелой участи его отца — Игоря, презревшего клятвы прежних лет и напавшего на Византию. Судьба Игоря была печальна: он “едва только успел с десятью ладьями убежать в Боспор Киммерийский”. Как известно, под названием Боспора Киммерийского в Византии был известен Керченский пролив. Следовательно, хронист имел в виду бегство Игоря в район Северного Причерноморья или Приазовья. Любопытно, что несколькими страницами ниже, рассказывая о подготовке Цимисхием армии и флота для борьбы со Святославом, Лев Дьякон замечает, что флот византийскому императору был нужен для блокады руссов на Дунае, чтобы лишить их возможности уйти “в свое отечество к Киммерийскому Боспору”⁷.

Таким образом, для придворного историка Василия II Боспор Киммерийский представлялся районом, куда бежал Игорь после своего поражения в 941 г.; применительно ко времени Святослава этот же район ассоциируется для Льва Дьякона с понятием исконно русской территории. Думается, что двойное упоминание византийским историком X в. района, близкого к Херсонесу, в качестве русской территории не случайно. Этот факт является дополнительным аргументом в пользу того, что Игорь добился больших успехов в Северном Причерноморье и овладел там рядом ключевых позиций.

Наконец, следует, на наш взгляд, обратить внимание на относящееся к 50—60-м годам X в. сообщение Ибн-Хаукаля о том, что руссы “уже издавна нападают на те части Рума, что граничат с ними, и налагают на них дань”⁸. Вероятно, киевский князь действительно подчинил своему влиянию какие-то пограничные с Византией районы или захватил некоторые земли, находившиеся ранее под влиянием империи. Г. Г. Ли-таврин указал также на относящиеся к этому периоду слова

ал-Мас'уди о том, что Черное море стали называть “Русским”, что руссы живут “на одном из его берегов и что, кроме них, по нему никто не плавает”⁹.

На фоне развивавшегося конфликта империи с Хазарским каганатом легко предположить, что подобные действия Руси в районах, близлежащих к границам каганата, уже не возбуждали у хазар столь резкой реакции, как это было, скажем, в 30—40-х годах IX в., когда давление Руси заставило их обратиться за помощью к Византии.

Последующие события 941—944 гг. еще более проясняют международную обстановку того времени. Под 944 г. “Повесть временных лет” сообщает о том, что Игорь, возвратившись на родину, тут же начал “совкупляти вое многи” и послал за варягами. В 943 г. угры ударили по Константинополю, а на следующий год коалиция славяно-русских племен (полян, словен, кривичей, тиверцев), варягов и печенегов двинулась к границам империи. Ведя переговоры с руссами на Дунае, греки одновременно направили посольство к печенегам, послав им, как сообщает русская летопись, “паволоки и злато много”. Так началась борьба за печенегов, в которой греки, видимо, достигли определенных результатов, так как руссы поспешили заключить с ними мир. Решающую роль сыграло здесь, согласно летописному тексту, обязательство Романа по-прежнему выплачивать Руси ежегодную дань и предоставить руссам единовременную контрибуцию; но не следует упускать из вида и неустойчивую позицию печенегов, задаренных греческим золотом. Тем не менее греки не добились полного эффекта от своего посольства к печенегам, так как последние по наущению Игоря нанесли удар по дружественной Византии Болгарии.

Таким образом, если по поводу политической расстановки сил в районе Балкан и Северного Причерноморья в 907—911 гг. приходится строить лишь догадки, то относительно событий 941—944 гг. источники дают на этот счет более определенные сведения, что само по себе является свидетельством более четко очерченных политических позиций противоборствующих сторон, проявлением видимых следов этих позиций в источниках.

Русь выступила в 941 г. против Византии, принимая во внимание благожелательный нейтралитет со стороны Хазарского каганата, имея потенциальных союзников в лице враждующих с империей угров. К 944 г. антивизантийская коалиция, которую возглавляла Русь, включала печенегов, а также испытанных и давних союзников Руси — варягов. Империя пользовалась поддержкой со стороны провизантийского правительства Болгарии. Такова была расстановка сил.

Необходимо учитывать при этом и тот факт, что Русь ударила по Византии в 941 г. в тот момент, когда империя, несмотря на общее укрепление своих позиций в Восточной Европе и на границах с Арабским халифатом, испытывала военное давление со стороны сицилийских арабов и угров.

Кремонский епископ Лиутпранд, посетивший Константинополь в 949 г., писал в своей хронике, что во время нападения русской рати на Константинополь греческий флот ушел для охраны архипелага от арабов. Данный факт в известной мере подтверждает, что руссы успешно овладевали практикой политической разведки и общего учета военно-политической ситуации на границах империи, практикой, которая проявила себя уже в период посольства 838—839 гг., в событиях 860 г. и так определенно заявила о себе в 941 г. Следовательно, прежде чем болгары и херсонесцы сообщили в Константинополь о движении русской рати, Игорь уже имел сведения об уходе византийского флота на запад и о постоянной угрозе имперским границам со стороны угров.

В этих условиях и происходит разрыв мирных отношений между Русью и Византией. Как мы уже пытались показать, одной из причин этого разрыва являлось противоборство сторон в районе Северного Причерноморья и Крыма. Другим поводом, по-видимому, послужило прекращение Византией уплаты ежегодной дани Руси, на что также обращалось внимание в историографии. Ряд ученых отметили, что именно руссы нарушили мир с империей¹¹. И аргументом здесь может выступать не только известное и многократно цитированное место “Повести временных лет”, где говорится, что пришедшее к Игорю на Дунай греческое посольство заявило ему: “Не ходи, но возьми дань, юже ималь Олегъ, придам* и еще к той дани”. Не менее важна интерпретация летописцем этого греческого предложения. В ответ на слова Романовых послов дружинники будто бы сказали: “Да аще сиче гла-голеть царь, то что хочемъ боле того, не бившеся имати злато, и серебро, и паволоки?” Тем самым дружина решила пойти на мир, так как основной вопрос, ради решения которого затевалось все дело (“то что хочемъ боле того”), был урегулирован.

Что касается слов: “...придамъ и еще к той дани”, то они означают обычную надбавку к установленной сумме дани. Аналогии такого рода известны в истории отношений Византии с соседями. Приск Панийский рассказал, как настойчивы были гунны в своем стремлении увеличить взимаемую с Византии дань за соблюдение мира на ее границах¹². Подобные надбавки требовали и алчные союзники Византии — авары в VI—VII вв. Так, империя по договору 584 г. увеличила им сумму ежегодной дани с 80 тыс. золотых монет до 100 тыс.; в 600 г. дань была вновь увеличена, а в 603—604 гг. произо* шла еще одна надбавка¹³.

Любопытна и интерпретация событий 941—944 гг. автором “Новгородской первой летописи”, где также отразилась версия о согласии греков платить дань Руси: “...юже дають и доселе княземъ рускымъ”. В “Летописце Переяславля-Суздальского” о втором походе говорится очень коротко, но тем не менее отмечается, что Игорь шел “отмстить” грекам и что “они же яшася по дань и смиришася и после рядци

оукреПити миръ до окончание”¹⁴. Этот текст указывает, что проблема дани, связанная с вопросом о заключении мира, представлялась автору начала XIII в. весьма важной.

Не менее значительным аргументом, на наш взгляд, является и постоянное наличие идеи дани при описании автором “Повести временных лет” всех известных нам русско-византийских конфликтов (в 907, 944, 970—971 гг.), на что мы уже указывали в главе, посвященной русско-византийскому договору 907 г. Эта идея присутствовала неизменно не только в отношениях Византии и Руси, но и в отношениях империи с Персией, Арабским халифатом, Болгарией и другими государственными образованиями второй половины 1-го тысячелетия н. э. и нашла яркое отражение в договорах, заключенных Византией с сопредельными странами.

Совсем иного значения исполнены слова летописца о том, что Игорь “вземь у грекъ злато и паволоки и на вся воя, и взратися въспять...”¹⁵. Они напоминают нам о той контрибуции, которую взял Олег с греков в 907 г. на своих “воев”. Как и в 907 г., в 941 г. в переговорах с греками снова встал вопрос о возобновлении выплаты империей не только регулярной дани (возможно, речь шла о погашении задолженности за прошлые годы), но и военной контрибуции. Она и была выплачена византийцами.

В этой связи мы хотим обратить внимание на наши разногласия с некоторыми историками по вопросу о ежегодной дани, который стоял во время переговоров 944 г. В свое время А. Димитриу писал, что греки на Дунае предложили Игорю “выкуп”. Б. Д. Греков также отметил, что греки предложили Игорю “выкуп”, после чего и был заключен договор 944 г.¹⁶

“Выкуп” — это контрибуция, единовременная выплата самому князю и его “воям” золота, серебра, паволок. Согласно летописи, она действительно была выплачена русскому войску. Но нельзя обходить молчанием ключевой вопрос отношений Руси и Византии — о выплате империей ежегодной дани Руси по образу и подобию отношений с другими “варварскими” государствами.

Не можем мы согласиться и с выдвинутым в ряде работ положением о том, что причина конфликта кроется в несоблюдении Византией “прежних соглашений”. Источники определенно указывают, что речь идет не о соглашениях в целом, а о нарушении империей совершенно конкретного и наиболее важного пункта договора 907 г. — о выплате ежегодной дани древнерусскому государству.

Настойчивое выдвижение проблемы дани на первый план в переговорах Игоря с греческим посольством на Дунае, связь этого аспекта переговоров с русско-византийским договором 907 г., заключенным Олегом, убедительно говорят, что причиной очередного русско-византийского конфликта наряду с борьбой за сферы влияния в Северном Причерноморье и Крыму было и нарушение Византией своих финансовых

обязательств. Поэтому мы не склонны в данном случае оперировать сообщением Льва Дьякона, утверждавшего, что Игорь нарушил “клятвенные договоры” прошлого. Конфликт между государствами развивался закономерно и постепенно, по мере изменения внешнеполитического положения империи, расстановки политических и военных сил в Восточной Европе, и было бы наивным как “обвинять” либо Византию, либо Русь в нарушении сложившихся отношений, так и “реабилитировать” Русь, которая якобы не допустила в данном случае агрессивного акта. Русь активно расширяла свои владения, осуществляла далекие военные рейды, выполняя союзнические обязательства и пытаясь утвердить свою власть на Волжско-Каспийском торговом пути. В сфере ее интересов в X в. оказался Крым и Северное Причерноморье, несколько позднее — Подунавье. В результате отношения между государствами осложнились, и это естественно привело к тому, что империя перестала платить дань—“уклады” — Руси. Конфликт становился неизбежным, к нему активно шли обе стороны.

Г. Г. Литаврин справедливо заметил, что взаимную неприязнь государств друг к другу договор 944 г. объясняет происками “враждолюбца-дьявола”. А это возлагает известную долю вины и на христианскую Византию¹⁷.

Кстати, в этом же документе имеется довольно точное указание на время разрыва отношений между двумя странами. Как известно, целью договора стало “обновить ветхий мирь... разоренный от многъ летъ”. Историки неоднократно указывали на то, что еще в 934—935 гг. руссы участвовали в экспедиции греческого флота к итальяским и французским берегам. Значит, до этого времени добрые отношения между Русью и империей, видимо, сохранялись. Д. Миллер, изучивший “военные” аспекты византино-иностранных договоров и реализацию пунктов о военной помощи, отметил, что весьма трудно разграничить факты союзной, государственной помощи и действия наемников, “free companies”, не связанных государственными соглашениями. Во всяком случае, по отношению к Руси это замечание, на наш взгляд, справедливо. Так, пункт о допущении на византийскую службу русских наемников, включенный в договор 911 г., был тесно связан с союзными обязательствами Руси в отношении Византии: русским воинам, пожелавшим после выполнения военно-союзных действий остаться в империи на службе “своею волею”, такое право договором предоставлялось¹⁸. Даже если в 934 и 935 гг. имели место действия русских наемных отрядов, то и тогда есть основание связать их акции с наличием дружественных русско-византийских отношений. Вероятно, где-то во второй половине 30-х годов X в. империя и перестала выплачивать Руси положенную дань. Возможно, что само это решение было вызвано возросшей активностью Руси в Крыму и в Северном Причерноморье, попыткой овладеть устьем Днепра.

Таковы исходные пункты конфликта 941 г. и таковы мотивы будущих переговоров на Дунае, в Киеве и Константинополе в 944 г.

А. А. Шахматов, как мы видели, считал, что летописец выдумал второй поход 944 г. по образу и подобию нападения 907 г., чтобы оправдать появление в летописи русско-византийского соглашения 944 г. На наш взгляд, в этом не было никакой необходимости: судьбу этого соглашения определил не столько повторный поход Игоря на Константинополь, сколько яростный удар русской рати по византийской территории в 941 г.

Уже в XIX в. историки разошлись во мнениях относительно масштаба похода. С. М. Соловьев заметил, что поход 941 г. “не был похож на предприятие Олега, совершенное соединенными силами многих племен: это был, скорее, набег шайки малочисленной дружины”. Д. И. Иловайский, напротив, считал, что “это не был простой набег из-за добычи, как обыкновенно у нас изображают... это была целая и довольно продолжительная война”, так как руссы воевали в Малой Азии несколько месяцев.

В исследованиях советских авторов и обобщающих работах приводятся сведения о количестве русских судов согласно “Повести временных лет” (10 тыс.) и Лиутпранду (1 тыс.). Специально вопрос о масштабах похода 941 г. и его влиянии на последующее развитие событий не ставился. Однако, говоря о количестве русского войска, В. Т. Пашуто заметил: “Ясно одно, это войско порядка нескольких десятков тысяч человек”²⁰.

Вместе с тем историки, писавшие об этом событии, единодушно отметили длительность и упорный характер русского нашествия, вызвавшего немало бед в Византии. А. Гре-гуар и П. Оргельс делили поход на два периода. Во время первого руссы, проникнув в Босфор, пытались дойти до Константинополя. Морской бой у Иерона сорвал эти намерения. Затем начинается второй период нашествия, когда руссы располагаются на юго-западе Малой Азии и начинают грабить и жечь территорию страны между Гераклеей и Нико-медией. Подход двух армий еще не ликвидировал нашествие, и лишь появление третьей, анатолийской армии заставило руссов в октябре повернуть обратно. М. В. Левченко, Н. Я. Половой, Я. Н. Щапов, В. Т. Пашуто подробно изложили трехмесячную военную эпопею руссов на пространстве от Босфора до Пафлагонии. Я. Н. Щапов подчеркнул, что “поражение под Иероном совсем не было столь тяжким, как это казалось имевшему перед собой только часть русских кораблей Игорю”. Русский князь, вернувшись после битвы под Иероном на родину, не мог предполагать, что значительная часть русских воинов избежала поражения и еще несколько месяцев воевала в Малой Азии, о чем рассказали византийские хронисты²¹.

О масштабах и ярости нашествия говорят и огромные усилия греков по организации отпора руссам. Восточная византийская армия насчитывала, согласно “Житию Василия Нового” и “Повести временных лет”, 40 тыс. человек. Кроме того, в район действия русской рати были подтянуты македонские и фракийские отряды. Лишь к сентябрю 941 г. руссы были выбиты окончательно. В ходе нашествия произошло два крупных морских сражения: в начале нападения, в июне, и на исходе нашествия. Лучшие полководцы империи — Вар-да Фока, Феофан и другие противоборствовали русской рати. Все это еще раз убеждает в том, что поход 941 г. явился крупным военным предприятием, буквально потрясшим им-

перии. Поэтому, когда через два с половиной года греки узнали, что руссы поднялись в новый поход, они немедленно запросили мира. Обычный прагматизм греков²³, стремившихся во что бы то ни стало отвести от своих границ угрозу нашествия, видимо, восторжествовал и на этот раз.

Безусловно, и новый натиск угров, и дворцовые смуты в Константинополе не способствовали консолидации империи перед новым русским нашествием²⁴. Безусловно и то, что новая Игорева рать, включавшая помимо славяно-русского войска варягов и печенегов и шедшая к византийским границам “въ лодьях и на конихъ”, представляла собой серьезную военную силу, может быть еще более грозную, чем в 941 г. И все же не только страх перед еще одним нашествием, но, скорее всего, и память об ужасах прошлого руководили византийским правительством, когда оно через своих дипломатов обещало на Дунае Игорю выплатить дань по прежнему соглашению и направило посольство в Киев для начала работы над новым русско-византийским договором.

Переговоры на Дунае стали важной частью дипломатического урегулирования после войны 941 г.

Русская летопись сообщает, что император Роман послал к Игорю “лучие бояре” с предложением остановить поход и по-прежнему получать дань с греков. Одновременно, по обычаю византийцев, посольство было направлено и к печенегам, с тем чтобы разъединить своих противников золотом и разными посулами, оторвать печенегов от коалиции и ослабить тем самым, русское войско, а вместе с тем и поколебать уверенность в успехе нового военного предприятия. Если опять же следовать летописи, то можно предполагать, что в эти дни между Византией и Русью развернулась дипломатическая борьба за печенегов. Согласившись на предложение греков, Игорь, вероятно, также вступил в переговоры с печенегами, результатом которых, очевидно, и явилось совместное русско-печенежское решение ударить силами печенегов по дружественной в то время грекам Болгарии. Факт направления печенегов на Болгарию указывает, что Византии не удалось на этот раз расколоть русско-печенежскую коалицию: русский козырь в дипломатической игре с печенегами оказался более крупным — набег на Болгарию стоил, видимо, большего, чем

византийские подарки. И все же греки кое-чего добились: с уграми был заключен мир на пять лет, печенеги были поколеблены, Болгария осталась союзной Византии. Антивизантийская коалиция окончательно так и не сложилась, что также могло заставить Игоря пойти на мир с греками. Но, повторяем, решающее значение, как об этом недвусмысленно говорит летопись, имело возобновление Византией уплаты ежегодной дани Руси.

На Дунае был проведен первый и очень важный тур переговоров.

По аналогии с греко-персидским договором 562 г., русско-византийскими переговорами 907 г. и другими византино-иностранными соглашениями вопрос о дани решался в первую очередь и был непосредственно связан с восстановлением мирных отношений между государствами (“мир и любовь”). В 562 г. условие о выплате империей ежегодной дани шаху Хосрову I было оформлено специальной грамотой, в которой говорилось и о сроке действия мирного договора (50 лет)²⁵. В 907 г. переговоры о контрибуции и о дани также выносятся на первый план. Аналогичная картина сложилась в 944 г. До того как начались переговоры о заключении нового русско-византийского соглашения, византийское посольство договорилось с руссами о решении ключевой проблемы — уплате дани. В летописи нет следов письменного оформления этой договоренности, как не видно его следов и в период переговоров Олеговых послов в Константинополе в 907 г. А затем ситуация повторилась: вслед за решением основного вопроса стороны согласились возобновить прежние соглашения, обновить их в соответствии с развитием русско-византийских отношений за истекшие 30 лет с учетом реального соотношения сил, взаимных интересов и претензий.

В этой связи мы не можем согласиться с теми историками, которые, строя догадки о том, сохранили или нет свое действие опущенные в договоре 944 г. статьи, входившие ранее в соглашения 907 и 911 гг., апеллировали к вопросу о дани: раз о дани не говорится в договоре и Византия продолжала ее уплачивать, писал Д. Я. Самоквасов, значит, и другие опущенные статьи сохраняли свою силу. Аргумент этот, на наш взгляд, несостоятелен: по поводу дани имелась совершенно определенная договоренность во время дунайских переговоров; условие об уплате империей дани было оформлено в результате особого соглашения и не нуждалось в появлении среди статей договора, регулирующих политические, экономические, правовые и военные вопросы.

Трудно согласиться и с мнением А. Димитриу, будто “о каких-нибудь переговорах, клонившихся к заключению договора или напоминавших о заключенных уже договорах, — ни слова”²⁶. Как раз на Дунае были проведены именно такие переговоры. Они положили конец войне 941—944 гг. В ходе этих переговоров стороны апеллировали к условиям о выплате дани, установленным договором 907 г. И не случайно че-

рез некоторое время в Киеве появилось греческое посольство. Договоренность о процедуре выработки нового русско-византийского соглашения — и это можно утверждать вполне определенно — также была достигнута во время этого первого тура мирных переговоров.

*3. ПРОЦЕДУРА
ВЫРАБОТКИ ДОГОВОРА 944 г.
СОСТАВ РУССКОГО ПОСОЛЬСТВА.
РАЗВИТИЕ ИДЕИ ОБЩЕРУССКОГО
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА*

Итак, в Киеве появились послы императора Романа и трех его соправителей — сыновей Константина и Стефана, а также Константина Багрянородного, сына Льва VI. Цель этого посольства русская летопись определяет так: “...построите мира первого”. Далее летопись сообщает, что Игорь “глагола с ними о мире”, а затем русское посольство отправилось в Константинополь, где продолжило переговоры с греческими “бо-ляре и сановники”. Процедура переговоров раскрывается в следующей короткой записи: “Приведоша руския слы, и велеша глаголати и псати обоихъ речи на харатье”. А далее следует текст самого договора, открывающийся уже классической для русско-византийских соглашений фразой: “Равно другого свещанья, бывшаго при цари Рамане и Костянтине и Стефане, христолюбивых* владыкъ...”

Эти буквально протокольные летописные записи раскрывают сложный мир выработки межгосударственного соглашения. Как и при заключении договоров 911 и 971 гг., были проведены какие-то предварительные переговоры по существу самого документа. Но на сей раз процедура выработки текста соглашения носит несколько иной характер: впервые в истории древней Руси официальное императорское посольство появляется в Киеве.

Этот факт как-то прошел незамеченным в историографии, а если о нем и упоминалось, то в основном весьма информативно. Между тем данное событие, на наш взгляд, исполнено глубокого исторического смысла: появление императорского посольства в другой стране — это не только рабочий момент выработки очередного межгосударственного соглашения, но и акт престижный. Вспомним, что и после нашествия 860 г., и после войны 907 г. русское посольство неукоснительно прибывало в Константинополь для заключения договоров “мира и любви”. Ф. Дэльгер и И. Караяннопулос, анализируя хри-совулы, врученные посольствам других государств, заметили, что те из них, которые составлялись после переговоров на территории партнера, носили более сложный, более развернутый характер, нежели те, что заключались после переговоров лишь в Константинополе. У первых, в частности, был более сложный protocol, который включал inscriptio, раскры-

вавшее адрес соглашения, а также текст, содержащий политическую преамбулу к статейной части договора. Здесь же упоминалось и о полномочиях послов другой стороны и т. д. И все это не случайные моменты, а отражение иного, более высокого уровня переговоров.

Заметим, что и другие новые явления в выработке соглашения вполне соответствуют этому новому уровню в отношениях между двумя странами.

В заключительной части грамоты говорится о том, что греческое посольство после выработки документа должно будет направиться к “великому князю рускому Игореву и к людемь его”, чтобы принять клятву руссов в верности выработанному документу. И такое вторичное императорское посольство в Киеве действительно появилось и, согласно летописи, заявило Игорю: “Твои ели водили суть царе наши роте, и насъ послаша роте водить тебе и мужь твоихъ”². Некоторые историки, как уже говорилось, считают, что появление византийского посольства в Киеве было вызвано тем, что в тексте “клятвенно-верительной грамоты” руссов отсутствовали договорные статьи и это потребовало подтверждения русским правительством условий договора, принесения руссами присяги на документе, такие статьи имевшем, после чего им и был вручен хрисовул императора, содержащий условия нового договора. Но летописные данные совершенно определенно говорят о том, что процедура утверждения договора была абсолютно идентичной и равноправной с обеих сторон: в Константинополе русские послы “водили суть царе наши роте”, т. е. приняли подтвердительную клятву со стороны византийских императоров, а в Киеве греческое посольство точно такую же клятву приняло от русского великого князя и его “мужей”.

Важно отметить, что впервые в русской истории мы имеем свидетельство и о практике так называемого ответного посольства, когда в ответ на посольство какой-либо страны для продолжения переговоров в эту страну вместе с ее посольством выезжало русское посольство. Посылку таких “ответных” посольств практиковали франки, позднее венецианцы. Русское посольство 838—839 гг. в Ингельгейм путешествовало вместе с византийскими послами, которые направлялись к Людовику Благочестивому в сопровождении франкского посольства.

Летописная запись говорит, что “послании же ели Иго-режь придоша к Игореву со слы гречьскими...”, т. е. из Константинополя на Русь для окончательного оформления договора шел огромный караван, состоявший из двух посольств — русского и “ответного” византийского. Но обратим внимание на то, что и появление Игорева посольства в Византии произошло после путешествия в Киев греческого посольства. Следовательно, русская миссия, вероятнее всего, появилась в Константинополе как “ответная”, в сопровождении византийских послов, и в свою очередь привела с собой в Ки-

ев новое императорское посольство. Это пока первое свидетельство о такой практике в дипломатической истории Руси.

И еще об одной новой тенденции. В дипломатическом соглашении, заключенном Русью в 944 г., более ярко, чем в договоре 911 г., проходит идея пролонгации договора. Эта мысль, свойственная и другим международным соглашениям средневековья³, проводится в грамоте неоднократно — и в вводной части, и в заключении: “въ весь векъ в будущий”, “въ прочая лета и воину”, “дондеже солнце съяетъ и весь миръ стоить”, “в нынешния веки и в будущая” и т. п.

Таким образом, впервые за всю известную нам историю дипломатических отношений с Византией Русь приблизилась к империи с точки зрения процедуры выработки межгосударственного соглашения. Более того, два императорских посольства побывали в Киеве и одно русское — в Константинополе. Правда, окончательная выработка договора все же состоялась в византийской столице, и в этом можно усматривать доминирующее политическое положение империи в выработке основополагающего соглашения с Русью. И все же прогресс для Руси налицо: древнерусское государство в 944 г. сделало шаг вперед в отношениях с Византией по части процедуры дипломатических урегулирований, что, несомненно, указывает на растущую мощь и международный авторитет Руси, подкрепленный масштабным и упорным нашествием русской рати на Византию в 941 г. и угрозой нового нападения на империю в 943—944 гг.

Следы Константинопольской посольской конференции видны как в словах летописца о том, что речи послов писцы записывали “на харатье”, так и в содержании самого договора. В заключительной его части, где говорится о порядке принесения Игорем клятвы “хранити истину”, подчеркнуто: “...яко мы свещахомъ, напсахомъ на харатью сию”⁴, т. е. как это было договорено во время совещания, переговоров по выработке текста договора.

И. Свенцицкий высказал предположение о подготовке русского проекта договора в Киеве и его последующей корректировке в Константинополе. Прямых фактов на этот счет мы не имеем. В нашем распоряжении есть лишь один косвенный факт: переговоры в Киеве с русскими государственными мужами византийского посольства. О чем? Либо по принципиальным положениям будущего договора, который надлежало выработать в Константинополе; либо по византийскому проекту договора, привезенному императорским посольством в русскую столицу; либо по русскому проекту договора. Окончательного ответа на этот вопрос мы, видимо, уже никогда не получим, но каждый из трех мыслимых вариантов вполне реален, и во всяком случае любой из них говорит о первом в отечественной истории “русском” этапе выработки договора по образцу заключения Византией подобных соглашений с другими иностранными державами, как об этом в свое время писали Г. Эверс, Н. А. Лавровский, И. И. Срезневский,

С. А. Гедеонов, В. И. Сергеевич, К. Нейман, А. Димитриу, А. В. Лонгинов, М. В. Левченко, Ф. Дэльгер и И. Караян-нопулос, Д. Миллер, С. М. Каштанов.

Русское посольство прибыло в Константинополь в составе 51 человека, не считая обслуживающего персонала. Это была более многочисленная — по сравнению с прежними русскими посольствами в Византию — миссия. Этот факт, на наш взгляд, также говорит как о важности возложенного на посольство поручения, так и о росте международного престижа древнерусского государства, углублении и развитии политических отношений Руси и Византии. Русскую миссию возглавил Ивор, посол великого князя Игоря. Он был первым, главным послом. На это указывают и его место при перечислении состава посольства, и его титул — “солъ” великого князя, и фраза договора, говорящая, что, кроме него, все остальные члены посольства были “объчии ели”, т. е. обычные, рядовые послы⁵.

Отдельно в составе посольства грамота выделяет 26 купцов. О них же говорит и общая “шапка” состава посольства, где представлены все 51 человек: “Мы от рода рускаго съи и гостье”, и заключительная часть, где после перечисления купцов, вошедших в состав посольства, сказано: “...послании от Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжья и от всехъ людей Руския земля”⁶. Таким образом, впервые документально был подтвержден факт участия гостей в посольской миссии, что явилось и отражением их особого интереса к предстоящим переговорам, и свидетельством развивающихся дипломатических и экономических контактов двух государств. Русский экземпляр договора, согласно летописи, был подписан всеми членами посольства, в том числе и гостями⁷. С. М. Каштанов допускает возможность иной процедуры утверждения договора — с помощью печатей⁸, но и в том и в другом случае договор 944 г. и в плане его утверждения также означал шаг вперед по сравнению с прежними дипломатическими соглашениями.

Любой, кто знакомится с грамотой 944 г., обнаруживает примечательную закономерность при перечислении состава русского посольства: вслед за первым послом идут другие члены посольства, каждый из которых представляет кого-то из видных фигур княжеского дома или знатных Игоревых бояр. Вторым стоит посол Вуефаст “Святославль, сына Иго-рева”, третьим идет Искусеви “Ольги княгини”, четвертым — Слуды, представитель Игорева племянника, пятым — Улеб от Володислава, шестым — Каницар от Предславы и т. д. Каждый из членов посольства аналогично представляет кого-то из видных людей Киевского государства. Иное дело с купцами. Они тоже входят в состав посольства, но не имеют каких-либо представительских функций и называются просто по именам: Адун, Адулб, Иггивлад, Олеб и т. д. Подобная характеристика состава посольства, как и упоминание о так называемых “светлых князьях” в договоре 911 г., дала осно-

вание группе ученых считать, что и в данном случае налицо реальное политическое представительство за рубежом отдельных русских земель, отдельных членов великокняжеского дома, бояр и “княжья”⁹.

Мы не можем согласиться с этой точкой зрения. При разборе вопроса о том, кого представляли русские послы в 911 г., мы отмечали, что и руссы, и греки представляли на посольских переговорах свое государство в целом. В той же грамоте 911 г., особенно при ее сопоставлении со списком Олеговых послов 907 г., прослеживаются, хотя и туманные, признаки обозначения послов по рангам; несомненно, что Карл являлся руководителем русских миссий как в 907, так и в 911 гг. В грамоте 944 г. отражена уже сложившаяся система дипломатической иерархии, свидетельством которой являются титулы послов. Только так, по нашему мнению, можно понимать “представительство” от малолетнего Святослава, Ольги, племянника Игоря и т. д. Заметим, что это “представительство” соответствует феодально-политической иерархии древнерусского государства. Вторую ступень в системе правительственной власти Киевской Руси занимал наследник великокняжеского престола — Святослав Игоревич, который, конечно же, никакого участия в делах государства в 944 г. еще не принимал, как не принимал он участия и в 945 г. в военных делах, хотя, согласно летописи, и метнул копьё в начале битвы с древлянами. Следующей в этой иерархии стояла княгиня Ольга, жена Игоря, и т. д.

Никакого реального политического представительства эта титулатура, на наш взгляд, не подразумевала; она лишь обозначала посольскую иерархию, придавала членам посольства определенный вес, а всему посольству известную значительность и пышность, так как государственные деятели, представленные послами, действительно были хорошо известны в Византии, на что справедливо обратил внимание В. Т. Па-шутто. Вместе с тем данная дипломатическая иерархия отражала определяющуюся феодальную иерархию киевской правящей верхушки и свидетельствовала о развитии древнерусской дипломатической системы, ее соответствии складывающемуся феодальному государству.

Эта дипломатическая практика впервые была отражена документально в русско-византийском договоре 944 г. Заметим, что позднее она была возрождена в условиях Русского централизованного государства и послы в зарубежные страны отправлялись, имея громкие титулы наместников Шацких и пр.

Определенным аргументом в пользу такой точки зрения служат факты, говорящие, что русское посольство, как и в 911 г., представляло государство Русь в целом. Действительно, с самого начала переговоры о заключении будущего договора ведут через своих послов император Роман и великий князь Игорь. “Мы от рода рускаго съли и гостъе” — так представлено все посольство в *intitulatio* грамоты 944 г. Как

и в договоре 911 г., посольство таким образом действует от имени русского народа, государства Русь. На этот счет в тексте грамоты есть и еще одно прямое указание: после списка послов и гостей, членов посольства, идут слова: "...послании от Игоря, великого князя русаго, и от всякая княжья и от всехъ людей Руския земля". Они весьма знаменательны. Во-первых, они выражают мысль об общерусском представительстве посольства; во-вторых, указывают, что именно понимали русские раннефеодальные идеологи под этим представительством: весь народ — от великого князя Игоря, "всякая княжья" до "всехъ людей". В этом просматривается уже определенная идеологическая концепция правящих кругов Руси, отождествлявших свою политическую деятельность с интересами всего народа. Кроме того, здесь впервые в русской истории понятие "Руския земля" вводится как обобщенное выражение такого понимания русской государственности.

Так в договоре 944 г. нашло логическое завершение давно уже прослеживавшееся в источниках общегосударственное определение Руси в ее взаимоотношениях с иностранными державами. Вспомним, что от имени Руси рекомендовались в Ингельгейме при дворе Людовика Благочестивого первые известные нам киевские послы. В этом же понимании слово "Русь" неоднократно употребляется в договоре 911 г.

"Русь" как понятие, идентичное русскому государству, появляется в летописной записи под 912 г.: "...посла мужи свои Олегъ построити мира и положити ряд межю Русью и Гре-кы..." После изложения грамоты 911 г. летописец вновь записал, что русские послы, вернувшись на родину, рассказали Олегу, "како сотвориша миръ, и урядъ положиша межю Грецкою землею и Рускою...". И хотя летописные записи хронологически намного моложе текста договора 911 г., они тем не менее отражают понимание общерусской государственности авторами договора. И наконец, это понятие получает дальнейшее развитие в одном из древнейших памятников отечественной истории — в русско-византийском договоре 944 г. Здесь это обобщающее понятие русской государственности встречается не раз. В преамбуле договора говорится, что цель соглашения — "утвердити любовь межю Греки и Русью"; послы от собственного имени заявляют: "И великий князь нашъ Игорьъ, и князи и боляри его, и людье вси рустии послаша ны къ Роману, и Костянтину и къ Стефану, къ великимъ царемъ гречь-скимъ, створити любовь съ самими цари, со всемъ болярь-ствомъ и со всеми людьми гречьскими на вся лета, донде же съяетъ солнце и весь миръ стоитъ". В данном случае совершенно очевидно документ дает два обобщающих понятия государственности — русской и византийской. Со стороны Руси выступает глава государства — великий князь Игорьъ, его князья и бояре, а также все русские люди; со стороны Византии — ее императоры, все греческое "боярство" и все люди греческие. Далее такие понятия, как "страна Русская", употребляются в начале договора и в его заключительной части:

некрещеная Русь должна поклясться в верности договору, “хранити от Игоря и от всехъ боляръ, и от всехъ людей от страны Руския въ прочая лета и воину”¹⁰. Русь, Русскую землю, страну Русскую, олицетворяющую в договоре 944 г. и верховную власть, “княжье”, боярство, и всех русских людей, — вот кого представляли Игоревы послы в Константинополе в 944 г. И в этом смысле договор 944 г. не только повторяет, но и развивает понятие русской государственности и в то же время показывает, как в сфере дипломатии отражались крепнущие процессы складывания древнерусской феодальной государственности.

По-иному, чем в 911 г., выглядит в документе и представительство самого главы государства Русь. В грамоте 911 г. Олег несколько раз называется “светлым князем”, “светлостью”, тогда как в отношении греческих императоров употребляются обычные титулы: “великие самодержцы”, “цари”, “царства вашего”. В 944 г. употребление титула “светлость”, который стоял значительно ниже титулатуры византийских императоров, исчезает: через всю грамоту проходит лишь один официально принятый на Руси титул — “великий князь русский” или просто “великий князь”, хотя в отдельных статьях, так сказать в “рабочем” тексте, употребляется и короткое “князь”. Таким образом, русский великий князь в этой грамоте назван так, как он величал себя на родине.

Исчезновение из официального русско-византийского документа титула “светлость”, стоявшего значительно ниже титулов других правителей, не говоря уже о византийских императорах, также находится в русле общих перемен в отношениях между двумя странами.

4. СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМА И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДОГОВОРА 944 г.

Как мы уже показывали, в русско-византийских соглашениях прошлого, стоявших в ряду иных византино-иностранных мирных договоров второй половины I-го тысячелетия, одним из основополагающих условий являлось либо восстановление, либо утверждение заново мирных отношений между двумя государствами. Идея “мира и любви” проходит красной нитью через договоры 907 и 911 гг., причем, как мы старались показать, она выглядит там не декларативно, не абстрактно, а непосредственно связана с заключением таких пунктов соглашений, которые были жизненно важны для обеих сторон и при соблюдении которых эти отношения “мира и любви” действительно должны были реализовываться.

Подобная же картина наблюдается в 944 г. Договор Игоря с греками — типичное межгосударственное соглашение “мира и любви”, которое и восстанавливало прежние мирные отношения между странами, возвращало обе стороны к “вет-

хому миру” 907 г., и заново регламентировало эти отношения в соответствии с интересами обеих сторон, новыми историческими условиями.

Идея “мира” присутствует в предваряющей договор летописной записи. Автор “Повести временных лет” считал, что византийские императоры прислали в Киев послов “построй-ти мира первого” и Игорь вел переговоры с ними “о мире”. Во вступительной части договора также говорится, что цель его—“обновити ветхий мир”, “утвердити любовь” между Византией и Русью, “створити любовь” с греками “на вся лета...”. В одной из важнейших статей договора — о военной помощи — речь идет о том, что посылка русским великим князем по письменной просьбе греков войска “на противящаяся” Византии должна на деле подтвердить отношения “мира и любви” между двумя странами: “...и отголе уведеть ины страны, каку любовь имеють грци съ русью”. “Миром” назван договор и в заключительной фразе документа. А затем слово вновь берет летописец и вновь характеризует только что приведенную им грамоту как межгосударственное соглашение “мира и любви”: византийские послы, появившиеся в Киеве для принятия великокняжеской присяги на договоре, заявили Игорю: “Се посла ны царь, радь есть миру, хо-щеть мирь имети со княземь рускимь и любье”¹. Автор “Повести временных лет” рассказывает далее, что Игорь, “утвердивь мирь” с греками, отпустил послов и те, возвратившись в Константинополь, поведали там “вся речи Игоревы и любовь юже къ грекомь”.

Договор 944 г. объединил в себе как основные статьи “мира” 907 г., устанавливающие общие принципы политических и экономических взаимоотношений между двумя странами, так и многие конкретные статьи “мира-ряда” 911 г., регулирующие и совершенствующие детали этих отношений.

В грамоте 944 г. подтвержден порядок посольских и торговых контактов, установленный еще в договоре 907 г.: “А великий князь русский и боляре его да посылають въ Греки къ великимь царемь гречьскимь корабли, елико хотять, со слы и с гостьми, яко же имь уставлено есть”². Почти без изменений вошел в договор 944 г. текст из соглашения 907 г. о порядке прихода русских послов и купцов в Византию, получения ими слобного и месячины, размещения и появления их для торговли непосредственно в Константинополе. Здесь же говорится, что, собираясь в обратный путь, руссы имеют право на получение продовольствия и снаряжения, “яко же уставлено есть преже”, т. е. в 907 г. Договор 944 г. подтвердил обязанность византийского сановника — “царева мужа”, приставленного к посольству, переписывать состав посольства и в соответствии с этим списком выявлять слобное послам и месячину купцам из Киева, Чернигова и других городов; вводить руссов в город через одни ворота; охранять их; разбирать возникавшие недоразумения между руссами и греками (“да аще кто от Руси или от Грекъ створить криво, да

оправлять то”); контролировать характер и масштабы торговых операций и удостоверять своей печатью на товарах законность произведенной сделки. Но если в договоре 907 г. по поводу функций “царева мужа” говорилось лишь вскользь: он переписывает состав посольства и сопровождает его при входе в город, то теперь эти функции расширены, обозначены более четко. Думается, что договор 944 г. отразил усложнение торговых контактов Руси и Византии, стремление упорядочить их.

Одновременно в статьи, регулирующие политические и торговые отношения двух стран, по сравнению с 907 г. внесены некоторые серьезные коррективы.

Прежде всего это относится к порядку удостоверения личности приходящих из Руси послов и купцов. Согласно договору 944 г., они должны предъявлять византийским чиновникам своеобразные “удостоверения личности” — грамоты, выданные послам или гостям великим князем, адресованные на имя византийского императора (ранее такими “удостоверениями” считались печати: золотые — для послов, серебряные — для гостей): “Ношаху ели печати злати, а гостье сребрени; ныне же уведель ест князь вашь посылати грамоты ко царству нашему; иже посылаеми бывають от нихъ поели и гостье, да приносять грамоту”³. Назначение данных документов, согласно договору, — убедить греческие власти в мирных намерениях той или иной русской миссии (“оже съ миромъ прихотять”), причем количество прибывавших русских кораблей не ограничивалось. В случае если руссы явятся без соответствующих великокняжеских “удостоверений”, они будут взяты под стражу и о них будет сообщено в Киев великому князю: “Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будутъ намъ, да держимъ и хранимъ, донде же възвестимъ князю вашему”. Если при этом руссы не отдадут себя в руки византийских властей и окажут сопротивление, то греки имеют право убить их и киевский князь не взыщет с греков за эту смерть: “Аще ли руку не дадять, и противятся, да убьени будутъ, да не изищется смерть ихъ от князя вашего”⁴.

На первый взгляд может показаться, что содержащиеся в этой части договора новшества налагали на русских представителей определенные ограничения. Однако это не так. Напротив, они в известной мере даже отвечали интересам русской стороны. Недаром в договоре подчеркнуто, что об этих изменениях “ныне же уведель ест князь вашь”, т. е. именно русский князь повелел послам и купцам предъявлять такие грамоты в Византии. Его же греки должны были уведомлять о приходе русских кораблей без княжеских документов и о бегстве руссов, задержанных греками, из-под стражи на Русь. “Мы,— говорят греки в договоре,— напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако створять”, т. е. вопрос о наказании руссов, нарушивших установленный самим киевским князем порядок, передавался целиком на рассмотрение русских властей. Все это свидетельствует, на наш взгляд, лишь

об одном: дипломатические и торговые контакты русских людей с Византией были взяты древнерусским государством под строгий контроль; киевские власти старались внимательно следить за тем, чтобы от имени Руси в Византии не появлялись и не действовали нежелательные элементы. Любые сношения с империей отныне становятся прерогативой исключительно великокняжеской власти, а это в свою очередь еще раз говорит о том, что дальнейшее развитие древнерусской государственности нашло отражение и в сфере внешней политики⁵.

Существовал еще один аспект этой особой заботы: строгий великокняжеский контроль за деятельностью русских миссий и суровые наказания, грозившие тем руссам, которые появлялись в империи на свой страх и риск, сводили до минимума возможность зарождения новых конфликтов между Русью и империей из-за антигосударственных действий в Византии русских караванов. Об этом, в частности, говорит и такое, на первый взгляд незаметное, нововведение в этой части договора, как появление фразы: “Входяще же Русь в градъ, да не творять пакости”⁶, дополняющей запрещение руссам творить “бещинья” “в селехъ” и “в стране нашей”. Как видим, ужесточение порядков шло именно в этом направлении. Одновременно сохраняло свою силу и положение договора 907 г. о том, что руссы, пришедшие в Византию “без купли”, т. е. не с торговыми целями, не имели права получать месячину.

Данные новшества были на руку и Византии, которая тем самым оберегала себя от разного рода случайных и нежелательных пришельцев.

В разделе об обязанностях русского купечества в Византии появляется ограничение насчет масштаба торговых операций с паволоками — дорогими шелковыми тканями: их можно было теперь купить только на 50 золотников. При этом “царев муж” был обязан проконтролировать сделку и опечатать купленные ткани в знак разрешения своей печатью.

Здесь же говорится, что “руссы” не имеют власти зимовать у “святаго Мамы”. Вспомним, что в договоре 907 г. речь шла лишь об ограничении на шесть месяцев получения русскими купцами месячины; послы же “слебное” получали “елико хотяче”. Теперь шестимесячный срок исчезает, зато появляется запрещение проводить зиму в Константинополе, т. е. руссы обязывались завершать и дипломатические переговоры, и торговые операции в течение одной навигации.

Мы не усматриваем в этом факте какого-то ограничения, накладываемого на руссов. Напротив, и здесь, на наш взгляд, речь идет об упорядочении и дипломатических, и торговых контактов, в котором были заинтересованы обе стороны. Трудно утверждать, что по мере развития русской посольской службы, дальнейшей профессионализации древнерусских дипломатов, переводчиков, писцов для Руси было необходимо

и важно сохранить возможность бессрочного их пребывания в империи (“елико хотячи” в договоре 907 г.). Думается, что и в этом смысле договоренность была взаимовыгодной. Вспомним, что в греко-персидском договоре 562 г. относительно посланников и гонцов обеих стран говорится, что “они обязаны оставаться недолго в земле, куда приезжают”⁷.

Действительно серьезным шагом назад по сравнению с временами 907—911 гг. явилось для Руси исчезновение из общеполитического раздела договора 944 г. пункта договора 907 г. о предоставлении русским купцам права беспошлинной торговли в Византии. Историки как-то уж слишком непосредственно связывают устранение этого пункта с поражением русского войска во время похода на Византию в 941 г. Такой прямой связи мы не усматриваем. В период средневековья право беспошлинной торговли купцов одного государства в пределах другого — явление столь же экстраординарное, сколь и непродолжительное. Обычно оно вводилось в результате особых обстоятельств: либо в целях установления торговых отношений с ранее неизвестным на собственных рынках, но выгодным партнером; либо в виде особой льготы союзнику за обещание оказать важную военную помощь; либо под диктатом военной силы победителя. Затем, однако, вступали в действие экономические интересы купечества страны, предоставившей такое право, и либо следовало устранение мирным путем сыгравших свою роль льгот, либо разгорался военный конфликт.

В данном случае мы не знаем подлинных причин ни предоставления Руси подобной льготы в 907 г. (хотя, возможно, здесь сыграли роль и стремление Византии привязать к себе Русь союзными обязательствами — вспомним походы русских войск в Закавказье в начале X в., и военное давление Руси в ходе кампании 907 г.), ни ее устранения в 944 г. (хотя здесь могли сыграть роль и давление византийского купечества, и поражение Руси в кампании 941 г.). Не исключено, что одной из причин нового конфликта между Византией и Русью, возникшего где-то во второй половине 30-х годов X в., наряду с отказом Византии уплатить дань Руси стала и ликвидация беспошлинной торговли русского купечества по аналогии с тем, как на исходе IX в. нарушение империей торговых привилегий болгарских купцов вызвало военные действия со стороны Симеона.

Статьи, имеющие принципиальный политический и экономический характер, дополняются “рядом” по другим аспектам межгосударственных отношений.

Статья “Аще ускочить челядинь от Руси” отражает договоренность сторон относительно права руссов приходить в Византию в поисках бежавшей челяди и возвращать ее на Русь. В случае если челядин не будет обнаружен, греки после клятвы руссов должны заплатить за каждого бежавшего и укрывшегося в империи челядина по две паволоки⁸.

А. А. Зимин считал, что речь идет лишь о челяди, бежавшей от прибывших с посольскими или купеческими караванами руссов; он полагал также, что для челядина бежать из Руси в Византию “крайне затруднительно”. В соответствии с этим А. А. Зимин дал и перевод статьи: “Если убежит челядин от русских, пришедших в страну нашего царского величества и (живущих) около святого Маманта...”

Между тем текст статьи говорит об ином: “Аще уско-чить челядинь от Руси, по нь же придуть въ страну царствия нашего, и у святаго Мамы аще будеть да поимуть и”. Здесь речь идет не о той челяди, что бежит от руссов, пришедших в Византию, а о беглецах из Руси, которые могут появиться у монастыря св. Маманта — места обиталища всех руссов, прибывавших в Византию. Поэтому перевод этой статьи Б. А. Романовым представляется более правильным: “Если убежит челядин у русских, то пусть придут за ним в страну нашу, и если окажется у святого Мамы, то пусть возьмут его”⁹. Трактовка текста, данная А. А. Зиминым, ограничивает вопрос лишь частными случаями побегов челяди на территории самой Византии. Перевод же Б. А. Романова предполагает наличие договоренности по кардинальной межгосударственной проблеме — о выдаче бежавших рабов или феодально зависимых людей из Руси вообще. В пользу более широкого толкования этой статьи говорит и ее непосредственная связь со следующей статьей, согласно которой Русь должна возвращать в империю бежавших греческих рабов вместе с тем имуществом, которое они унесли с собой.

В этой связи мы не можем согласиться с мнением М. В. Левченко, утверждавшего, что в данной статье речь идет лишь о греках-рабах, бежавших из Руси назад в Византию. М. В. Левченко также несколько ограничивает межгосударственные масштабы договоренности по данному вопросу. Статья же говорит: “Аще ли кто от людей царства нашего, ли от города нашего, или от инехъ городъ ускочить челядинь нашъ къ вамъ...”, т. е. речь идет о рабах, бежавших от византийцев либо из Константинополя, либо из любого другого города империи на Русь¹⁰.

Обе эти статьи впервые в отношениях между Византией и Русью отражают в столь обнаженной форме договоренность двух феодальных государств по поводу защиты классовых интересов феодальной верхушки относительно права на личность и собственность зависимых людей.

В договоре 911 г. в этом направлении сделан первый шаг: там говорится лишь о возвращении на Русь украденного или бежавшего русского челядина. Контекст этой статьи в грамоте 911 г. действительно может подсказать вывод о том, что речь шла о краже или бегстве прибывшей со своими господами в империю русской челяди. На это, в частности, указывают слова: “...но и гостие аще погубиша челядинь и жалу-ють, да ищуть обретаемое да поимуть ё” “, т. е. если купцы

потеряют челядина, то они обжалуют это, потребуют его возвращения по суду и возвращают его себе в случае обнаружения. В грамоте 944 г. проблеме придан обобщающий межгосударственный характер, и в этом смысле она отражает дальнейшее развитие отношений между двумя странами. Интересно, что ни в одном известном нам византино-иностранном договоре второй половины 1-го тысячелетия не отражена подобная договоренность.

Следующие две статьи договора 944 г. посвящены совместным санкциям за имущественные преступления. Если кто-либо из руссов покусится на кражу у греков какого-либо имущества, то будет за это сурово наказан, а если украдет, то заплатит за это имущество вдвойне. В свою очередь и греки за подобное преступление должны были нести такое же наказание. В случае кражи (следующая статья) и руссы, и греки должны не только вернуть украденное, но и оплатить его цену; а если украденное уже продано, то вор должен заплатить его двойную цену и понести наказание “по закону греческому, и по уставу и по закону русскому”¹². Убийство за кражу (или намерение украсть) на месте преступления, а также тройная плата за украденное, если вор добровольно отдался в руки властей, предусмотренные соглашением 911 г., в новом договоре заменяются более умеренным наказанием, причем вводится понятие “закона греческого” и “устава и закона русского”. Таким образом, и здесь грамота 944 г. не просто повторяет соответствующую статью 911 г., а дает ее современную трактовку с учетом эволюции правовых норм как в Византии, так и на Руси¹³.

По-иному выглядят в новом соглашении и статьи о пленных. В нем исчезает пункт о выкупе взятых в плен во время военных действий греков, снижается максимальная цена за выкуп пленных византийцев с 20 золотников до 10 и вводится дифференциация цен на пленных греков в соответствии с возрастом от 5 до 10 золотников. Одновременно появляется пункт о выкупе русских пленных по 10 золотников, причем статья отличает руссов, оказавшихся в рабстве у греков благодаря покупке и в результате военных действий, что возвращает нас к событиям войны 941 г. Каких-либо особых льгот для греков в этих статьях мы не усматриваем, за исключением снижения цены за одного пленного и ее дифференциации¹⁴.

Новый аспект в договоре 944 г. приобретают статьи военного характера.

Если в 911 г. имелась лишь одна статья, в которой говорилось о военной помощи со стороны Руси Византии и разрешении руссам оставаться на военной службе в императорском войске в качестве наемников, то в договоре 944 г. развернута целая программа военного союза и взаимной помощи¹⁵. Д. Миллер совершенно справедливо отметил, что Русь в договоре 944 г. выступает в статусе полноправного союзника Византии. Эту точку зрения разделяет Г. Г. Литав-

рин ¹⁶. Ясным критерием здесь является определенная договоренность относительно помощи сторон друг другу против общих врагов и охраны одной из территорий региона, в котором заинтересованы оба государства.

Во второй половине 1-го тысячелетия Византийская империя неоднократно заключала договоры о союзе и взаимопомощи с другими государствами. Условия таких союзов были самыми различными и соответствовали интересам сторон в тот или иной исторический период. Несколько таких договоров о союзе и взаимопомощи были заключены империей в VI в.

В 575 г., по сообщению Менандра, военный союз был заключен империей с тюрками против Персии; в 578 г.— с аварами против склавинов, которые вступили на территорию Византии; в 622/23 г. император Ираклий, по сообщению Феофана, обратился к аварскому кагану с просьбой поддержать империю военными силами; в 625/26 г., собирая силы против персидского нашествия, Ираклий запросил у хазар 40 тыс. всадников, обещая в свою очередь дочь в жены кагану. Феофан, Михаил Сирийский и другие хронисты сообщают, что в Хазарию были посланы богатые подарки ¹⁷.

Неоднократные попытки привлечь к борьбе против болгар и арабов империю франков предпринимала Византия в начале IX в., стремясь перевести отношения “мира и дружбы”, существовавшие между франкскими правителями и Византией и оформленные соответствующими договорами в VIII в., в русло отношений союза и взаимопомощи. Так, по сообщению западных хроник, в 814 г. император Лев V направил к Карлу Великому посольство (которое уже не застало его в живых) с просьбой о помощи в борьбе против болгар и “других варварских народов”. Михаил II продолжает настойчивые попытки вовлечь в союзные отношения Людовика Благочестивого, что ему и удается. В 824 г. между Франкской империей и Византией заключается договор о союзе, который через три года, в 827 г., подкрепляется вновь. В 842 г. уже Феофил предлагает Лотарю союз против арабов, а для его закрепления обещает устроить брак своей дочери и наследника франкского престола. В 869 г. Василий I предпринимает безуспешную попытку заключить союз с Людовиком II против арабов и укрепить его браком своего сына и дочери франкского императора .

На исходе IX и в начале X в. Византия добивается определенных результатов, привлекая к союзным военным действиям против Болгарии угров, позднее печенегов. Во второй половине X в. империя пытается привлечь к союзу против сарацин — западных арабов — державу Оттона I ¹⁹ и т. д.

Эти свидетельства, сохранившиеся в византийских, западных и восточных хрониках и описаниях, не исчерпывают всех попыток Византии (как удавшихся, так и безуспешных) привлечь к союзу с империей другие государства и народы. Вместе с тем, как справедливо заметил Д. Миллер, “мы не

имеем документального подтверждения, которое определенно показало бы, что эти народы берут на себя обязательства по военному вмешательству на стороне империи, к которому определенно призывала Византия”²⁰. О такого рода союзных действиях (хазар против арабов, угров против болгар и т.д.) сохранились лишь косвенные данные. В этой связи прямое свидетельство договора 944 г. о союзных отношениях Руси с Византией с указанием конкретного региона союзных действий представляет особый интерес.

В статье “А о Корсуньстей стране” говорится, что русский князь обязуется не захватывать крымских владений Византии: “Елико же есть городовъ на той части, да не имать волости, князь русский, да воюеть на техъ странахъ, и та страна не покаряется вамъ...”²¹ Последняя часть этой статьи вызвала разноречивые оценки.

Д. С. Лихачев считал, что ее смысл не ясен. Во всяком случае он отвел как необоснованное мнение А. А. Шахматова, поддержанное позднее А. А. Зиминим, о том, что речь здесь идет о действиях русских войск, которым должны помочь византийцы, против проявлявших сепаратистские тенденции херсонесцев. М. В. Левченко полагал, что речь в данном случае идет о защите русскими Херсонеса²².

Нам думается, что вопрос об определении “страны”, которая не покоряется руссам и для подчинения которой византийцы готовы предоставить им свою военную помощь, следует решать на основе анализа других статей договора 944 г., затрагивающих проблемы взаимоотношений сторон в Крыму и Северном Причерноморье.

Такой опыт уже был предпринят в отечественной историографии. Еще Н. П. Ламбин и Ф. И. Успенский, анализируя договор 944 г., отмечали, что он отражает попытки русских утвердиться в Крыму; что интересы Руси и Византии сталкивались на северных берегах Черного моря, и в частности в районах, близлежащих к устью Днепра .

Однако исследования этого вопроса не охватывали в совокупности всех связанных с данной проблемой статей. Некоторые из них только на первый взгляд кажутся не имеющими отношения к делу. Например, статья об обязанностях руссов в отношении греческого судна, потерпевшего кораблекрушение. В договоре 911 г. она имела двусторонний характер. Руссы и греки обязывались оказывать всяческую помощь судам другой стороны, потерпевшим кораблекрушение: русским судам — у берегов Византии (“близъ земля Грецаа”); греческим судам — там, где их могут подобрать руссы (район не указывается). В договоре 944 г. такой двусторонности нет. Там говорится лишь о том, что, если руссы найдут греческое судно, выкинутое где-либо на берег, они

не должны причинять ему вред. В случае если что-либо будет взято с такого судна или кто-либо из потерпевших кораблекрушение греков будет обращен в рабство, то провинившийся обязан отвечать по “закону руску и гречьску”²⁴. Здесь нет ни слова о прежней обязанности руссов сопроводить потерпевшее кораблекрушение судно в безопасное место и оказать ему всяческую помощь, точно так же исчезли и подобные обязанности греков в отношении русских судов. В этом можно усмотреть как след определенной неправомерности Руси, так и отражение признания греками еще раз — вслед за договором 911 г. — Северного побережья Черного моря сферой действия Руси.

Следующая статья это последнее предположение полностью подтверждает. В ней говорится, что руссы, обнаружив ловцов рыбы из Херсонеса в устье Днепра, не должны причинять им никакого зла: “Аще обрящють въ вустье Днепръ-скомь Русь корсуняны рыбы ловяща, да не творять имъ зла никако же”²⁵. Днепровское устье тем самым молчаливо признается в этой статье частично сферой влияния Руси, а права жителей Херсонеса, оказавшихся здесь, защищает лишь данная статья грамоты 944 г., причем никаких санкций за ее нарушение договором не предусмотрено и она остается лишь политической сентенцией²⁶. Об этом же праве Руси на устье Днепра и примыкающие к нему районы — Белобережье и остров св. Елферия — говорит и статья, запрещающая руссам зимовать в этих местах: “И да не имеютъ власти Русь зимовати въ вустьи Днепра, Бельбережи, ни у святаго Ель-ферья; но егда придетъ осень, да идути въ домы своя в Русь”. Следовательно, до осени руссы имели полное и безоговорочное право пребывать в этих местах. В данном случае стороны достигли компромисса. Русь сохраняла за собой влияние в этом регионе, но лишалась стратегически важного права оставлять здесь на зиму свои базы, отряды и т. д.²⁷

И наконец, последняя статья, связанная со “страной Кор-сунской”: “А о сихъ, оже то, приходять чернии болгаре и воюють въ стране Корсуньстей, и велимъ князю рускому, да ихъ не пуцаеть: пакостять стране его”²⁸. Не вдаваясь в специальный вопрос о том, кто такие “чернии болгаре”²⁹, заметим вслед за В. Т. Пашуто, что в данном случае речь шла о защите Русью не только владений Византии в Крыму, но и своих собственных владений в Северном Причерноморье и на Крымском полуострове (“пакостять стране его”)³⁰.

Итак, круг замыкается: статьи грамоты 944 г. совершенно недвусмысленно отражают факт контроля со стороны Руси над Северным берегом Черного моря, районами, примыкающими к Днепровскому устью, а также граничащими с крымскими владениями Византии³¹. Мы хотим сослаться на приведенные выше рассуждения Константина VIII Багрянородного о том, как нужно защищать Херсонес, бороться с Хазарией, натравливать печенегов на Русь, на упоминание Львом Дьяконом Боспора Киммерийского как территории,

где руссы находили убежище еще при Игоре, и на твердую уверенность Ибн-Хаукаля относительно нападений руссов на пограничные с Византией районы (а таковые имелись лишь в Северном Причерноморье) и с этих позиций подойти к расшифровке неясной фразы статьи о “Корсуньстей стране”. По нашему мнению, в ней отражен компромиссный подход сторон к борьбе за данный район. Русь обязалась не нападать здесь на владения Византии, однако любые иные ее военные действия в этой “стране” против тех, кто “не пока-рется” Руси, признаны вполне правомочными. Более того, поскольку эти действия направлены на поддержание безопасности и византийских владений, империя обязуется предоставить русскому князю в помощь столько воинов, “елико ему будеть требе”.

Думается, что вопрос о том, против кого направлена данная статья, кто мог угрожать византийским владениям в Крыму и усилению русского влияния в Северном Причерноморье, может быть решен только однозначно: речь шла о Хазарии. В. Т. Пашуто высказал на этот счет осторожное предположение, что “договор должен был отразиться на отношениях сторон и с Хазарией, и с Булгарией”³². На наш взгляд, вывод может быть более категоричным: данная статья непосредственно говорит о военном союзе Руси и Византии против Хазарского каганата и его союзников. Русь и Хазария были давнишними и исконными врагами. Шаг за шагом освобождались восточнославянские племена из-под ига хазар, каганат стоял заслоном на торговых путях в восточные страны. И чем более крепла Русь, тем ближе подходила она к необходимости устранить своего постоянного и опасного южного соседа. Но до тех пор, пока Византия поддерживала каганат, сделать это было трудно. Выше мы попытались показать, как постепенно Русь в Северном Причерноморье и в районах Северного Кавказа и Закавказья берет на себя те функции, которые выполняла по отношению к империи Хазария. Кроме того, необходимо учитывать и резкое обострение отношений Византии и каганата в 30-х годах X в. Теперь договор 944 г. открыл для Руси возможность активных действий против Хазарии при поддержке византийских войск.

Договоренность сторон относительно союза и взаимопомощи в конкретном районе и против конкретного противника (под которым подразумевались не только Хазарский каганат, но и, вероятно, Булгария, бургасы, черные болгары, некоторые народы Северного Кавказа) была подчеркнута и статьей, формулирующей общие принципы союза и взаимопомощи в отношениях двух государств: “Аще ли хотети нач-неть наше царство от васъ вой на противящаяся намъ, да пишемъ къ великому князю вашему и послеть к намъ, елико же хочемъ: и оттоле уведять ины страны, каку любовь имеютъ гръци съ русью”³³. Обязательства Руси по предоставлению военной помощи Византии в борьбе с ее противниками нельзя рассматривать изолированно от обязательств

империи по оказанию помощи Руси в районе Северного Причерноморья: это — звенья одной цепи. Таким образом, союзные отношения между Византией и Русью и обязательства союзников относительно военной помощи друг другу учитывали их конкретные внешнеполитические и военные интересы, отражали компромиссный и взаимовыгодный подход к спорным территориальным вопросам, попытки найти в спорных территориях основу для совместной их защиты от третьей стороны.

А теперь вернемся к пессимистическому выводу Д. Миллера о том, что сведения в источниках о византино-иностранных договорах и другие документы не дают возможности проследить, как реализовывались союзные обязательства сторон. Мы не можем разделить этот пессимизм применительно к русско-византийским отношениям. Через год после заключения соглашения 944 г. русское войско ударило в обход хазарской территории по мусульманскому Закавказью. В 949 г. 629 русских воинов на девяти судах участвовали в экспедиции византийской армии против критских арабов. В 954 г. руссы вместе с союзными империи болгарами и армянами сражались на стороне Византии в битве с войсками сирийского эмира. В 960—961 гг. руссы вновь участвовали на стороне Византии в борьбе за Крит. В 964 г. русский отряд принял участие в экспедиции греческого флота против сицилийских арабов. Думается, что во всех этих случаях русские отряды выступали в качестве союзных войск, а не как наемники, так как, по верному замечанию В. Т. Пашуто, окрепшая государственная власть на Руси “взяла полностью контроль за службой русских подданных в других странах, поэтому статья договора 911 г. о службе добровольцев больше не фигурирует”³⁴.

В. М. Бейлис также убедительно показал, что известное сообщение ал-Мас'уди от 954—955 гг. в “Книге предупреждения и пересмотра” о том, что “вошли многие из них (руссов.— А. С.) в настоящее время в общность Ар-Рум (Византийской державы), подобно тому как вошли ал-Арман (армяне) и ал-Бургар (болгары)”, и о размещении руссов (как и болгар, армян, печенегов) гарнизонами “во многих из своих крепостей, примыкающих к границе аш-Шамийа (сирийской)”, означает не что иное, “как простое подтверждение известного факта русской военной помощи Византии”³⁵. В пользу этого мнения говорит и появление руссов в одном ряду с союзниками Византии того времени — болгарами и войсками вассальной Армении.

Договор 944 г., как видим, развязал Руси руки в борьбе с Хазарским каганатом. И едва внутренние условия Руси созрели для открытого противоборства со старым соперником, удар был нанесен. Почему пришлось ждать для этого 20 лет? Промедление могло быть связано с рядом известных нам обстоятельств: гибелью Игоря в борьбе с древлянами, охлаждением русско-византийских отношений в 957—959 гг.

Но едва трудности миновали и Святослав Игоревич сумел собрать достаточно военных сил для решительного наступления на хазар, участь каганата была решена. Заодно был нанесен удар по Волжской Булгарии и землям буртасов — союзников Хазарии. Византийская империя при этом не шевельнула палец в защиту своих прежних союзников.

Так в огромном регионе — от Северного Причерноморья и Поволжья до сирийской границы, от Каспийского побережья до Сицилии — в течение по меньшей мере двух десятков лет реализовывались условия русско-византийского военного союза³⁶. Ежегодная выплата Византией дани Руси наряду с союзными обязательствами империи, с одной стороны, и русские военные обязательства — с другой, являлись той опорой, на которой держался и успешно действовал в течение долгих лет этот военный союз.

Большое внимание грамота 944 г. уделяет уголовно-правовым и имущественным вопросам, развивая и дополняя в этом отношении соглашение 911 г.

Специальная статья посвящена вопросу о наказании подданных империи, совершивших проступки на территории, подведомственной юрисдикции Руси. В этом случае преступник должен получить наказание “повеленьемъ царства нашего”. Что касается наказания русса или грека за убийство, то здесь перестает действовать это право экстерриториальности: “...держимъ будеть створивый убийство от ближних убьенаго, да убьють и”³⁷, что указывает на близость трактовки этого вопроса к Русской Правде³⁸. Эти же нормы подтверждены и в следующей статье, где говорится об имущественной ответственности убийцы, в случае если ему удастся бежать; но смерть все равно грозит ему в случае поимки.

Практически в договоре 944 г. повторяется статья грамоты 911 г. о наказаниях за побои³⁹.

Как заметил еще Д. Я. Самоквасов, из договора 944 г. выпали имеющиеся в соглашении 911 г. условия о недействительности оправдательной присяги при наличии явных доказательств виновности обвиняемого; о сохранении права жены убийцы на имущество, принадлежащее ей по закону; о порядке охраны и передачи наследникам на Руси имущества руссов, умерших на службе в Византии, а также о выдаче на Русь беглых должников⁴⁰. В нашу задачу не входит анализ вопроса, сохранили или нет свое действие эти статьи. Собственно говоря, ответить на него практически невозможно. Судя по серьезным коррективам, внесенным авторами грамоты 944 г. в другие статьи, и по появлению в этом документе совершенно новых мотивов во взаимоотношениях двух стран, прежние статьи 911 г. ушли в вечность. Это можно объяснить тем, что статья о недействительности оправдательной присяги отражала уже архаическую судебную практику и в ней не было необходимости; жена убийцы теряла право на свое имущество в связи с возможным ужесточением борьбы против серьезных уголовных преступлений. Ответст-

венность беглых должников могла регламентироваться торговыми установлениями и принятой торговой практикой.

Анализ договора 944 г. и его сравнение с ранними русско-византийскими соглашениями показывают, что его содержание вполне соответствовало новому уровню переговоров о его заключении, составу посольства, характеру дипломатического представительства Руси: это было совершенно новое всеобъемлющее политическое соглашение. Конечно, оно подтверждало и возобновляло отношения “мира и дружбы”, утвержденные между Византией и Русью в 907—911 гг., сохранило все те нормы политических, торговых, международно-правовых отношений между странами, которые оказались жизненными и через 30 лет после переговоров в начале X в. Но вместе с тем перед нами не дополнение и развитие соглашения 911 г., а совершенно самостоятельный политический межгосударственный договор о мире, дружбе и военном союзе, отразивший уровень политических и экономических отношений между Византией и Русью в середине X в. Он сочетал в себе многие аспекты соглашений империи с другими государствами и включал статьи и политического, и торгового, и военного, и юридического характера; объединил в себе “мир” 907 г. с “миром-рядом” 911 г. По существу русско-византийский договор 944 г. не только стал новым важным шагом вперед в отношениях между двумя странами, но и отразил крупный сдвиг в развитии древнерусской государственности и соответственно древнерусской дипломатии.

История взаимоотношений Византии с другими соседними государствами во второй половине I-го тысячелетия н. э. не знает (за исключением греко-персидского договора 562 г.) столь масштабного и всеобъемлющего соглашения, как договор 944 г., и не случайно он явился прочной основой взаимоотношений между двумя государствами на долгие годы.

Мы не рискнули бы сказать, кому был выгоден этот договор, и считаем, что сама подобная постановка вопроса неправомерна. Он взаимовыгоден, точно так же как отдельные его статьи наполнены духом компромисса. Несомненно, что Русь подтвердила свой политический и торговый статус в Византии и хотя потеряла важное право беспошлинной торговли, но приобрела положение союзника империи, добилась официального признания империей своего влияния на Северных берегах Черного моря, и в частности в устье Днепра. В свою очередь Византия, пойдя на важные уступки относительно утверждения Руси в этом районе, заручилась ее поддержкой в деле охраны своих владений в Крыму и получила сильного союзника в борьбе с внешними врагами, и в первую очередь с арабами.

Некоторые историки считали, что договор отразил лишь интересы Византии, что в документе слышен лишь ее голос, зафиксированы только обязательства Руси и отсутствуют обязательства империи. Но это не так. При анализе каждой статьи договора следует обращать внимание не на внешние

ее признаки — кому что запрещалось и кому что позволялось, а на внутреннее содержание, рассматривать ее с точки зрения того, какой стороне была действительно выгодна ее реализация. Так, мы попытались показать, что внешне жесточение порядка прихода в Византию русских послов и купцов (предъявление императорским чиновникам в качестве удостоверений великокняжеских грамот вместо прежних печатей) отвечало прежде всего интересам крепнущей государственной власти на Руси, поставившей под свой контроль систему отношений с империей. В этом же направлении ведет, как заметил В. Т. Пашуто, и исчезновение из договора 944 г. статьи 911 г. о разрешении служить в Византии русским наемникам.

Обоюдные права и обязанности связывают Русь и Византию относительно порядка пребывания русских посольских и торговых миссий в империи. Византия предоставляет слобное и месячное, снаряжение на обратную дорогу, обеспечивает охрану русских людей. В свою очередь руссы обязуются соблюдать благопристойное поведение на территории империи, порядок прохода в Константинополь и торговли там, покинуть Византию с наступлением зимы.

Взаимный характер носят обязательства и по другим статьям. Так, Русь обязана выдавать бежавших греческих рабов, но и Византия несет такие же обязательства в отношении бежавшей в империю русской челяди. Следующие две статьи возлагают на Русь и Византию равные обязанности по наказанию виновных в умысле на кражу и в самой краже: “Аще ли кто покусится от Руси взяти что от людий царства нашего, иже то створить, покажнень будеть вельми... аще створить то же гръчинь русину, да прииметь ту же казнь... Аще ли ключится украсти русину от грекъ что, или гръчину от руси...” Одинаковые обязательства стороны несут и относительно выкупа пленных: “Елико хрестеянь от власти нашея пленена приведуть русь... Аще ли обрящутся русь работающе у грекъ, аще суть пленници...” Равная ответственность на обеих сторонах лежит, “аще убьеть хрестеянинь русина, или русинь хрестеянина...”, хотя греки выговорили себе, как уже отмечалось, право экстерриториальной юрисдикции при разборе иных проступков своих подданных⁴¹. В равной мере стороны отвечают за побои, нанесенные их подданными Другим людям.

Но особенно ярко равные и взаимовыгодные обязательства как Руси, так и Византии отражены в статьях о военном союзе. Русь обязуется не нападать на византийские владения в Крыму, отражать натиск на Херсонес “черных болгар”. Византия обязуется предоставить Руси военную помощь по первой просьбе русского князя для противоборства Руси с противниками в этом регионе. В свою очередь Русь дает обязательство оказать империи военную помощь против ее врагов по письменному обращению императора. Мы не усматриваем здесь проявлений ни одностороннего интере-

са Византии, ни “нового соотношения сил” в ее пользу (Б. Д. Греков), ни “диктата” Руси со стороны империи (М. И. Артамонов), ни политического преимущества, достигнутого исключительно одной Русью. Думается, что в данном случае правы те историки (М. С. Грушевский, А. В. Лонгинов, А. Боак, М. В. Левченко, В. Т. Пашуто, Д. Миллер), которые считают, что соглашение носило равноправный и обоюдовыгодный межгосударственный характер. Эта равно-правность договора и его двусторонние обязательства являются весьма веским аргументом против взгляда на данное соглашение как на тип императорского хрисовула. Да и составляющие соглашение разделы вряд ли свидетельствуют в пользу императорского пожалования.

Действительно, документ как бы состоит из трех частей. В протоколе и политической преамбуле, а также в заключительной части грамоты берут слово русские послы. Статьи соглашения идут от имени Византии. В первой части руссы дают характеристику состава посольства, торжественно заявляют, от кого и ради какой цели они присланы — “створити любовь... на вся лета, донде же съеть солнце и весь мирь стоять”. Здесь же содержится обращение к богам: крещеной Руси — к христианскому, некрещеной — к языческому богу Перуну, которые осудят “на погибель въ весь векъ в будущий”, если кто-либо “от страны руския” посмеет “разрушити таку любовь”; к тому же нарушители договора будут “посечени... мечи своими” и окажутся “раби въ весь векъ в будущий”. В заключении приводится текст клятвы, утверждающий договор. Русские христиане клянутся церковью св. Ильи и “честнымъ крестомъ”; и “харатью сею” клятва произносится в соборной церкви Константинополя. Смысл клятвы в том, что руссы обязуются “хранити все, еже есть написано на ней (грамоте.— А. С), не преступити от него ничто же...”. Отступникам грозит наказание от бога, обращение в рабство, гибель от собственного оружия. “Некрещеная Русь” клянется по языческим обычаям на своем оружии соблюдать все, что написано “на харатьи сей, хранити от Игоря и от всехъ боляръ и от всехъ людей от страны Руския въ прочая лета и воину”⁴². И здесь преступившего клятву ждет наказание от Перуна и гибель от собственного оружия.

Принципы составления грамот 911 и 944 г. во многом сходны. В 911 г. Русь также берет слово в начале грамоты, где представляется посольство, излагается его цель, дается клятва в верности договору, а затем следует изложение статей. В заключении, как и в 944 г., дается информация о методе составления грамоты, способе ее утверждения как посольством, так и византийским императором, а затем идет клятва русского посольства соблюдать “установленных главъ мира и любви” и сообщается об утверждении грамоты императором. Эта схема лишь в более развернутом виде повторена, как видим, и в договоре 944 г.

Если мы обратимся к единственному известному нам развернутому византино-иностранным соглашению — греко-персидскому договору 562 г., то заметим, что и там, несмотря на наличие сакры, отдельной грамоты, утверждающей от имени монархов заключенный мир, в конце договора помещена особая статья, содержащая клятву сторон в верности договору, как сделано и в соглашениях 911 и 944 гг.⁴³

Но основной аргумент в пользу цельности документа 944 г. кроется, конечно, не в этих аналогиях, а в его содержании.

“Клятвенно-верительная грамота”, о которой писал С. М. Каштанов, замечательным образом связана с текстом статей, образует с ним единое и неразрывное целое. “Мы же свещание се написахомъ на двою харатью”, — отмечается в заключительной части грамоты, т. е. результат переговоров, статьи договора, которые якобы искусственно присоединены к “клятвенно-верительной грамоте”, составляют, как указывается здесь, органическую часть всего документа. Далее дается характеристика этих двух “харатей”. “...Едина харатья есть у царства нашего,— говорят в конце греки,— на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой послы ваша и гостье ваша”. Для чего же составлялись два аутентичных экземпляра грамоты: одна — идущая от греков и, видимо, написанная на греческом языке, другая — идущая от Руси и написанная на русском языке? По-видимому, для того, чтобы каждая из сторон приняла присягу на грамоте, идущей от имени своей страны. “А отходяче послом царства нашего да допроводять къ великому князю рускому Игореву и к лю-демь его; и ти приимающе харатью, на роту идуть...”, причем и христиане, и язычники клянутся не только своими святынями, но и “харатьею сею”. А далее еще раз сказано, что если русские христиане или язычники преступят “еже есть писано на харатьи сей”, то их ждет наказание от христианского бога и от Перуна. Наконец, в последней фразе документа подчеркивается, что если Игорь утвердит своей клятвой договор—“миръ”, то пусть “хранить си любовь правую”⁴⁴.

Таким образом, в так называемой клятвенно-верительной грамоте русского посольства четырежды говорится о “харатье”, “мире”, т. е. о документе в целом, включающем и статьи договора, и “клятвенно-верительный текст”. Об этом же говорится и в заключительной части текста, “идущего от греков”; упоминаемый там экземпляр грамоты, где написаны имена русских послов и гостей,— это текст, идущий от имени Руси. Тем самым по своей структуре договор 944 г. сходен с договором 911 г. Однако уровень оформления соглашения 944 г. значительно выше, точно так же как на более высоком межгосударственном уровне были проведены предварительные переговоры (в Киеве и Константинополе), более многочисленным и пышным был состав русского посольства, более всеобъемлющим и масштабным стало содер-

жание договора. Русские послы, как это следует из летописной записи, “водили суть царе... роте” на том экземпляре грамоты, что шла от греков. В летописном тексте договора нет указаний об утверждении соглашения византийским императором, что дало повод А. В. Лонгинову предположить, что окончательная выработка договора совпала по времени с присягой на документе греческого императора, поэтому факт этот и был опущен в самом тексте⁴⁵. Мы же полагаем, что он сохранился в тексте грамоты, идущем от греков. В данном же документе — тексте, идущем от русской стороны, — он был лишним. В свою очередь византийское посольство приняло клятву Игоря на тексте грамоты, идущей от Руси. Красочно описывает автор “Повести временных лет” эту процедуру. Утром Игорь призвал к себе послов и вместе с ними отправился на холм, где стояла статуя Перуна; к его ногам руссы сложили свое оружие, щиты, золото. Здесь Игорь совершил обряд присяги. Руссов-христиан византийские послы водили к присяге в соборную церковь св. Ильи⁴⁶.

В соответствии с принятой международной практикой Игорь устроил византийскому посольству точно такой же официальный “отпуск” с вручением подарков, какой был организован, согласно летописному тексту, русскому посольству в Константинополе в 911 г. Послов одарили традиционными русскими товарами — мехами, воском, челядью. Но на этом история заключения договора еще не закончилась: по возвращении на родину византийское посольство было принято императором и доложило ему о визите в Киев, о “речах” Игоря и, видимо, о процедуре принесения присяги русским великим князем и его людьми.

Но как быть с фактом различного исходного адреса отдельных частей грамоты 944 г. (начало и конец — от имени Руси, основная часть — от имени Византии)? Во-первых, необходимо иметь в виду уже приводившееся нами наблюдение К. Неймана о том, что нередко иностранные посольства специально требовали, чтобы текст отдельных наиболее важных договорных статей шел непременно от имени византийского императора. И в данном случае не исключена такая возможность. Во-вторых, вероятен и факт сохранения при переводе грамоты на русский язык или при составлении ее русского оригинала той редакции текста, которая была дана греками своему экземпляру грамоты, т. е. идущему от имени Византии. В-третьих, следует обратить внимание на имеющуюся в данном случае непоследовательность изложения текста от имени Византии. В статье о возвращении из империи бежавшей русской челяди неожиданно берет слово Русь. В историографии этот факт обычно расценивается как пример путаницы с притяжательными местоимениями: вместо “ваши” ошибочно поставлено “наши”. Но так ли случайна эта “путаница”? Обратимся еще раз к данной статье. В ней говорится, что если бежавшего челядина на территории Византии, в том

числе у св. Маманта, не найдут, то “на роту идут наши хрестеяне Руси по вере ихъ, а не хрестеянии по закону своему, ти тогда взимають от насъ цену свою...”. Русская сторона, как видим, говорит о себе в первом лице — “наши хрестеяне Руси...”. Причем здесь особо подчеркивается русская принадлежность идущих “на роту” христиан и язычников и как результат этого особого акцента появляется первое лицо применительно к Руси. Так что наблюдение К. Неймана получает дополнительное подтверждение и в этом случае. Употребление первого или третьего, лица в подобном договоре зависит от политических акцентов, от того, что каждая из сторон хочет подчеркнуть в том или ином контексте.

Мимо исследовательского взгляда прошло и то обстоятельство, что помимо данной статьи, идущей от имени Руси, ряда статей, идущих от имени Византии, в договоре имеется немало статей, где и о Руси, и о Византии говорится в третьем лице, что еще раз подчеркивает неоднозначный характер представительства сторон, от имени которых идет та или иная статья.

Думается, в данном случае мы имеем не какой-то особый текст, идущий от греков, а неотъемлемую составную часть всего договора. Клятвенно-верительная грамота русской стороны, как и в случае с соглашением 911 г., входит в договор 944 г. органической составной частью. В целом же грамота 944 г. составлена и утверждена по тем же международным дипломатическим канонам, что и равноправный межгосударственный договор 562 г., а также соглашение 911 г. Экземпляр, занесенный в летопись, представляет собой не компоновку из отдельных кусков разных грамот, а единый документ, идущий от русской стороны к грекам. Там, где вопрос касается исключительно компетенции русской стороны, он и идет от имени Руси; там же, где руссам выгодно подчеркнуть обязательства, согласие, позицию Византийской империи, текст идет от имени греческой стороны, что не меняет сути дела, но как бы накладывает на греков дополнительные моральные обязательства.

В пользу мнения о том, что перед нами текст, идущий от Руси в целом, включая и статьи договора, говорит заключительная фраза документа: “Да аще будеть добре устроилъ миръ Игорьъ, великий князь, да хранить си любовь правую”. Она связывает утверждение “мира” и его соблюдение лишь с именем русского князя, что характерно при выработке двух аутентичных грамот: вторая из них, идущая от греков, должна была иметь точно такую же концовку, где говорилось об утверждении грамоты византийским императором.

Оригинал текста, включенного в летопись, был, видимо, доставлен византийским посольством в империю, а копия осталась в киевском великокняжеском архиве. Точно так же оригинал греческого текста должен был остаться в Киеве, а копия текста, идущего от греческой стороны, должна была храниться в императорской канцелярии. Вряд ли можно

■ П л и н.

согласиться с мнением о том, что перед нами русский перевод греческого текста, врученного византийским посольством Игорю. В этом случае вся клятвенно-верительная часть должна была бы идти от имени Византии.

Таким образом, впервые в своей истории Русь заключила развернутый межгосударственный политический равноправный договор о мире, дружбе и военном союзе, который подкреплён конкретными статьями в других сферах взаимоотношений двух стран и выработка которого с момента начальных переговоров до их завершающего этапа — утверждения договора и обмена договорными грамотами — проходила на самом высоком для того времени уровне отношений Византийской империи с иностранным государством.

Глава седьмая
ДИПЛОМАТИЯ
КНЯГИНИ ОЛЬГИ
(50-е- начало 60-х годов Хв.)

1. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Миновали бурные во внешнеполитической истории древней Руси 40-е годы X в., отмеченные русско-византийской войной 941—944 гг., договором Руси с империей 944 г., ударом русской рати по арабским вассалам в Закавказье, поисками союзных отношений с печенегами. И хотя вдохновитель этой политики великий князь Игорь бесславно погиб в древлянских лесах, ее реализация продолжалась и после его смерти. Во исполнение союзных обязательств Руси по отношению к Византии руссы участвовали в экспедиции греческого флота, направленного против критских корсар; русские гарнизоны размещались в пограничных с халифатом крепостях, создавая заслон против арабского давления на империю с юго-востока. А вскоре правительство княгини Ольги предприняло ряд новых дипломатических шагов, которые должны были содействовать дальнейшему укреплению внешнеполитических связей древней Руси, росту ее международного престижа. Русская миссия, возглавляемая самой Ольгой, появилась в Константинополе, ответное византийское посольство побывало в Киеве. Отправилось русское посольство и на Запад, в земли германского короля (затем императора) Оттона I. Через полтора года в Киеве появляется немецкая духовная миссия.

Сведения о дипломатических шагах Руси, относящихся ко второй половине 50-х годов X в., сохранились в ряде русских, византийских и западных источников.

История посольства Ольги в Константинополь изложена в “Повести временных лет”, в “Новгородской первой летописи” и “Летописце Переяславля-Суздальского”, восходящих к оригинальным древнейшим летописным известиям. Эти сведения вошли в позднейшие летописные своды. В летописях описаны приемы Ольги у императора и патриарха, история “сватовства” императора к Ольге и ее крещения в Константинополе. Летописи рассказывают об ответном византийском посольстве в Киев и нелюбезном его приеме¹.

О визите Ольги в Константинополь сохранилось известие в книге “О церемониях византийского двора”, в значительной части написанной Константином VII Багрянородным, который и принимал Ольгу в своем дворце. Он ни словом не обмолвился о ее крещении, зато подробно рассказал о двух приемах княгини. В книгу “О церемониях” этот рассказ попал из дворцового Устава, где описывались приемы послов и других знатных посетителей из-за рубежа. Поэтому данный текст достоверно отражает сам факт приема Ольги в столице империи².

О крещении Ольги в Византии сообщили также греческие хронисты XI—XII вв. Скилица и Зонара³.

История дипломатических контактов древней Руси с Германией в 50-х — начале 60-х годов X в. содержится в хро-

нике продолжателя Регинона, где относительно интересующего нас сюжета говорится:

Под 959 г.: “В лето воплощения господня 959... послы Елены, царицы ругов, которая при Романе, императоре константинопольском, крестилась в Константинополе, приходили притворно, как впоследствии оказалось, с просьбой к императору поставить епископа и пресвитеров их народу”.

Под 960 г.: “Император праздновал рождество Христово во Франкфурте; там Либуций из братии св. Альбана был посвящен в епископы для народа ругов достопочтенным епископом Адальдагом”.

Под 961 г.: “...Либуций, в предшествующем году задержанный некоторыми обстоятельствами, скончался 15 марта; преемником ему для отправления к ругам был назначен Адальберт из братии св. Максимиана, — назначен по интригам и навету архиепископа Вильгельма, хотя он ни в чем против него не погрешил и наилучшим образом был предан ему. Благочестивейший император снабдил Адальберта со свойственной для него щедростью всем необходимым, с честью отправил...”

Под 962 г.: “...Адальберт, посвященный в епископы для ругов, не сумев преуспеть ни в чем, для чего он был послан, и видя свой труд тщетным, вернулся назад. На обратном пути некоторые из его спутников были убиты, и сам он с большим трудом едва спасся, и прибыв к императору, был принят им с любовью. Архиепископ Вильгельм как бы в вознаграждение за такое неприятное, по его вине устроенное путешествие обласкал его как брат брата и оказал ему поддержку всеми зависящими от него средствами”⁴.

Позднее это оригинальное сообщение продолжателя Регинона вкратце повторили другие западные хроники X—XI вв. — например, Гильдесгеймская, Кведлинбургская, Ламперта Герсфельдского, Титмара Мерзебургского, Саксонская⁵. В некоторых из них Ольга названа своим христианским именем — Елена; большинство хронистов пишут при этом о народе ругов, однако Титмар Мерзебургский, включивший в свою хронику немало точных сведений по истории славян, отметил, что Адальберт ездил епископом на Русь, а не к ругам⁶.

Сведения, приводимые Константином VII Багрянородным и являющиеся извлечением из официального документа, не вызывают сомнений историков. С доверием относятся они и к записи продолжателя Регинона, под которым, очевидно, скрывался сам неудачливый претендент в русские епископы — Адальберт. Хотя высказывалась точка зрения о том, что Адальберт сфабриковал версию о прибытии русского посольства, чтобы оправдать свою “киевскую авантюру”⁷, однако большинство исследователей считают, что факты, сообщаемые Адальбертом, вполне достоверны. В пользу этого говорит многократное повторение версии продолжателя Регинона в хрониках X—XI вв., авторы которых были далеки от субъек-

тивных побуждений незадачливого миссионера и тем не менее отразили в своих трудах его сведения как факты, видимо, хорошо им известные⁸. Сложнее обстоит дело с данными русской летописи. Они в своей основной части вызвали дружное недоверие историков. Поскольку источниковедческий анализ соответствующих текстов “Повести временных лет” неотделим от всей проблемы взаимоотношений Руси того периода с Византией и Германией, от совокупных сведений на этот счет, попытаемся показать, как отечественная историография трактовала проблему в целом, в том числе и сведения летописи, с тем чтобы в дальнейшем дать свою оценку этим историографическим и источниковедческим усилиям.

Первые же светские исторические труды хотя и опирались в обрисовке событий в основном на данные летописи, тем не менее выразили и первые сомнения в их полной достоверности, выявили сложность ее анализа.

В. Н. Татищев изложил летописную версию посольства Ольги в Константинополь и ее крещения там, но заметил, что княгиня была в 955 г., к которому летописец относит ее поездку в Византию, в таких годах, когда ни о каком замужестве не могло быть и речи: ей было в то время 68 лет. М. В. Ломоносов считал, что нелепое сватовство обидело Ольгу, и усматривал в этом причину плохого приема византийской миссии в Киеве. М. М. Щербатов оценил сюжет о сватовстве как народную сказку, но отметил, что он, возможно, в какой-то мере связан с вопросом о русском политическом наследстве. Цель византийского посольства в Киев он объяснил просьбой императора о военной помощи, дары же императору просить было “не по чину”⁹.

А. Л. Шлецер саркастически оценил сюжеты крещения и переговоров Ольги с императором и патриархом, но отнесся с доверием к сведениям Константина VII Багрянородного о визите русской княгини в Константинополь¹⁰.

Н. М. Карамзин рассмотрел отношения Руси того периода как с Византией, так и с Оттоном I. Он традиционно изложил летописную историю пребывания Ольги в Константинополе, ее крещения, но заметил, что русская княгиня была, вероятно, глубоко оскорблена тем, что “подозрительные греки” долго не пускали ее в город. В соответствии с данными Константина VII Багрянородного он описал приемы Ольги во дворце и посчитал, что ее обидели мизерными дарами¹¹.

М. П. Погодин не поверил ни единому слову летописи и решил, что история с крещением и сватовством была выдумана летописцем. Сам же визит, по его мнению, сопровождался множеством мелочных обрядов, раздражавших русскую княгиню: Ольга была оскорблена и ничтожностью преподнесенных ей даров¹².

Церковный историк архиепископ Макарий принял летописную версию о крещении Ольги в Константинополе, но

высказал любопытную мысль: первоначально Ольга крестилась в Киеве, о чем говорит присутствие священника Григория в ее свите, а в Византии княгиня замыслила повторное, престижное крещение, стремясь получить его из рук императора и патриарха¹³.

С. М. Соловьев передал летописный текст об этом событии. Уровень приема Ольги в Константинополе он оценил невысоко, заметив, что византийские церемонии дали княгине почувствовать то расстояние, которое существовало между нею и императором. Русскую правительницу, считает историк, поставили в ряд со знатными гречанками, и она сама должна была “выгораживаться из их среды”. Цель путешествия Ольги С. М. Соловьев видел в знакомстве с жизнью империи; крещение же не было задумано русской княгиней заранее: стремление приобщиться к христианству возникло у нее в результате этого знакомства¹⁴.

М. А. Оболенский первым связал воедино два исторических факта — посольство Ольги в Константинополь и русскую миссию к Оттону I. Он считал, что основная цель этих поездок — домогательство руссами цесарского титула, и, поскольку Ольгу постигла неудача в Византии, она обратилась через два года по этому же поводу на Запад. Так родилась версия о дипломатической игре Ольги с Византией и Западом. Сквозь призму государственных интересов древней Руси рассматривает М. А. Оболенский и известия о крещении русской княгини в Константинополе и о так называемом сватовстве императора к престарелой правительнице. “Изъяснение в любви” Константина VII к Ольге представляло собой, по его мнению, лишь выражение добрых, дружественных, мирных намерений империи и означало предложение укрепить с Русью союзные отношения. Но вместе с тем Константин VII, ревностный защитник исключительных прав византийского престола, отказал Ольге в цесарском титуле и признал ее лишь “дочерью”. Поэтому ее крещение — это не религиозный жест благочестивой женщины, а расчетливый политический шаг дальновидной правительницы. Воспреемничество императора у купели и явилось тем в высшей степени престижным актом, теми цесарскими почестями, которых добивалась Ольга. В этом она и “переключала” непреклонного Константина VII¹⁵.

А. Д. Воронова в первую очередь интересовал вопрос о целях русского посольства на Запад и связанной с этим появлением миссии Адальберта в Киеве. Как и М. А. Оболенский, он считал, что Ольга обратилась к Оттону I лишь после охлаждения отношений между Русью и Византией, что отразилось, согласно летописи, в переговорах императорских послов в Киеве и в негативных оценках Руси Константином VII Багрянородным в его сочинениях. На Западе Ольга искала не религиозных контактов, а связей государственных, поэтому и направила послов не к папе, а к германскому королю. Попытки же Оттона I навязать епископство руссам

встретили с их стороны резкое сопротивление и обусловили неудачу Адальберта. А. Д. Воронов пришел к выводу, что Адальберт кроме миссионерских целей имел и политические расчеты¹⁶.

Д. И. Иловайский, Е. Е. Голубинский в своих трудах лишь повторили предшественников¹⁷.

В. С. Иконников считал, что Ольга дала обещание предоставить грекам военную помощь, но потом уклонилась от выполнения этого обязательства. Д. Я. Самоквасов подчеркнул факт дружественных отношений Византии и Руси. А. В. Лонгинов рассматривал посольство Ольги и проведенные в империи переговоры как подтверждение русско-византийского соглашения 944 г. и высказал предположение, что русская сторона нарушила договоренность, достигнутую в Константинополе, из-за причиненных руссам обид. М. С. Грушевский вслед за Шлецером и Погодиным заявил, что сведения русской летописи — «чистая легенда, которой не поможет никакой комментарий»; посольство Ольги — обычный дипломатический визит с целью подтверждения договора 944 г., на что указывает сюжет киевских переговоров о военной помощи. Продолжая линию М. А. Оболенского и А. Д. Воронова, М. С. Грушевский рассмотрел в совокупности данные о посольствах в Византию и на Запад и пришел к выводу, что Ольга, как и болгарский князь Борис I, не добившись от греков приемлемых условий для учреждения автокефальной архиепископии, обратилась к Оттону I; ее посольство на Запад имело чисто политические цели, а германский король воспользовался случаем для религиозно-политического проникновения на Русь, окончившегося полной неудачей¹⁸.

Д. В. Айналов подробно описал два приема Ольги в императорском дворце, впервые обратив внимание на те их элементы, которые, с одной стороны, соответствовали византийским посольским обычаям, а с другой — определяли специфику визита именно русской правительницы, что указывало на значимость ее миссии. Особое внимание он уделит вопросу о том, что представляли собой «дары», преподнесенные Ольге во время приемов, и высказал мысль, что это всего лишь «слебное», т. е. оплата содержания посольства в Константинополе в соответствии с принятой в Византии практикой и русско-византийскими договорами 907 и 944 гг. В летописи же упоминаются золотые и серебряные вещи, дорогие ткани, которых обычно домогались «варвары» у греков¹⁹.

В. А. Пархоменко выдвинул идею о двукратном путешествии Ольги в Константинополь: в 957 г. (по Константину VII Багрянородному) и в начале 60-х годов X в. — после неудачи переговоров на Западе. Он полагал, что в 957 г. никакого крещения княгини в Константинополе не состоялось, в противном случае император обязательно упомянул бы об этом в своем описании. Ее первая поездка была обыч-

новенным “ежегодным торговым караваном”, принятым не по первому разряду. Самое же крещение произошло позже и было, по его мнению, связано “с чем-нибудь вроде установления родственных связей с византийским императором и получения каких-либо особых преимуществ царского достоинства для княжеской династии”. Он обратил внимание на упоминание византийского писателя XIV в. Никифора Григора о том, что русскому князю был пожалован титул главного императорского стольника. Этот факт В. А. Пархоменко готов отнести к 60-м годам X в., когда, приняв в Византии христианство, Ольга отослала назад опоздавших немецких миссионеров²⁰.

М. Д. Приселков поддержал версию В. А. Пархоменко о двукратном посещении русской правительницей византийской столицы, но датировал визиты по-другому: в 955 г., согласно летописи, Ольга крестилась в Константинополе, а в 957 г., согласно Константину VII Багрянородному, вела переговоры с императором. Второе посольство он признал неудачным, но не из-за размолвки по вопросам титулатуры, а из-за расхождений с византийскими властями относительно формы церковной иерархии будущей русской митрополии. Отголосок этого события М. Д. Приселков усмотрел в записанном в летописи народном предании о какой-то ссоре Ольги и императора. По этому же вопросу она была вынуждена обратиться на Запад, но Оттон I также не оправдал ее надежд. Общий неудаче визита в Византию соответствовал и прием княгини: Ольга была принята по рангу* обычного посольства, вела переговоры по торговым и политическим вопросам, обещала императору выслать дары и дать “воев”, что нашло отражение в союзных действиях Святослава²¹.

В дальнейшем дореволюционные историки в основном повторяют своих предшественников²².

Советские ученые специально не обращались к внешнеполитическим шагам правительства Ольги. Тем не менее в ряде монографий и общих трудов данной проблеме уделено определенное внимание.

Б. Д. Греков, обойдя вопрос о крещении Ольги, отметил, что она побывала в Константинополе с большим числом купцов; цели ее визита неизвестны, но, судя по ее обещанию прислать императору “воев” в помощь, княгиня заключила в Византии соглашение, условия которого включали, “по крайней мере, главные пункты договора ее мужа”. Б. Д. Греков, как и некоторые дореволюционные историки, считал, что посольские контакты древней Руси “колебались” между Византией и Западом. Отражением этого “колебания” явилось обращение Ольги к Оттону I “по вопросу об организации в Киевском государстве христианской церкви”. Эта точка зрения нашла отражение и в “Очерках истории СССР”²³. М. В. Левченко отметил, что Ольга, стремясь “установить более тесные связи с Византией”, совершила путешествие в Константинополь и приняла там крещение. Ей был оказан

пышный прием и особая честь — быть принятой императрицей. Анализируя источники, он пришел к выводу, что Ольга приняла крещение в Константинополе. Молчание Константина VII Багрянородного на этот счет, по его мнению, еще ни о чем не говорит, так как он в своем сочинении дал не рассказ о пребывании русской княгини в столице империи, а лишь привел выписку из Устава о придворных церемониях; это было руководство по придворному церемониалу, и только. Главная цель посольства — “торговые интересы”, о чем говорит его состав, включавший купцов, поэтому и прибыла Ольга в Византию с обычным торговым караваном. Да и принимали и одарили Ольгу как важную особу и посла, которого, кстати, заставили долго ждать аудиенции. Настроение Ольги по поводу визита в Константинополь прорывается в рассказе летописца о плохом приеме в Киеве византийских послов. Ольга отворачивается от империи и обращается на Запад, но Адальберт опаздывает, поскольку после смерти “русофоба” Константина VII и воцарения Романа II отношения Византии и Руси изменились к лучшему. “Русь могла примкнуть к любому из этих миров” .

Б. Я. Рамм рассмотрел вопрос об отношениях Руси того времени с Западом и пришел к знакомым нам выводам. Ольга приняла крещение в Киеве, а уже затем завязала церковно-политические отношения на Западе. Всю историю с направлением русского посольства к Оттону I и ответной миссией Адальберта он рассматривает сквозь призму усиления политической активности Оттона I, его стремления посредством внедрения христианства в славянских землях прибрать их к рукам. Б. Я. Рамм не дает ответа на вопрос, почему миссия Адальберта окончилась провалом, но высказывает предположение, что он пытался насильственно насадить христианство на Руси, но встретил открытое противодействие со стороны языческой партии, в результате чего дело завершилось изгнанием епископа, государственным переворотом в Киеве, отстранением Ольги от государственных дел и переходом власти в руки ее сына Святослава²⁵. Однако это предположение Б. Я. Рамм не аргументирует.

В. П. Шушарин высказал мысль о том, что Адальберт был направлен на Русь в качестве “миссийного епископа”, т. е. с целью обращения язычников в христианство .

Г. Г. Литаврин считает, что посольство Ольги в Византию в 957 г. означало “шаг навстречу империи”, что ее крещение состоялось в Константинополе, но обращает внимание на то, что уже в то время в отношениях Руси с империей появляются “черты настороженности и враждебности”, которые видны в оценках Руси Константином VII и в недовольстве Ольги оказанным ей приемом. По возвращении на родину Ольга пыталась завязать переговоры с германским королем об организации христианской церкви на Руси, но до открытого разрыва с Византией дело не дошло. Русь послала-таки своих “воев” в помощь империи в 960—961 гг.²⁷

Вопрос о посольских контактах Руси с Византией и Германским королевством рассмотрен В. Т. Пашуто. Согласно его точке зрения, цель поездки “княгини-христианки” (а это значит, что она приняла обряд крещения ранее, в Киеве) заключалась в желании Ольги “ввести на Руси христианство, но добиться этого ей не удалось”. Самое большее, что она получила, — имя императорской “дщери” и благословение патриарха.

Недовольство княгини поездкой и ее посольство к Оттону I были вызваны неудачей христианизировать Русь и игрой Константина VII на печенежско-русских противоречиях. В. Т. Пашуто считает, что Ольга подтвердила и “расширила” договор 944 г., получила богатые дары (согласно летописным данным). Преподнесенные ей и ее свите денежные суммы автор вслед за Д. В. Айналовым рассматривает как посольское содержание. Описав приемы русской княгини во дворце, В. Т. Пашуто подчеркнул отклонения от церемониала подобных приемов. Что касается отношений с Германским королевством, то они, по его мнению, были настолько тесными, что, потерпев неудачу в христианизации Руси Византией, Ольга обратилась по этому же вопросу к Оттону I. В. Т. Пашуто допускает, что ее политика на Западе преследовала цель оказать давление на Византию, а это предопределило неудачу миссии Адальберта, который действовал на Руси “осмотрительно”²⁸.

М. Б. Свердлов поддержал существующее в историографии мнение о том, что миссия Ольги в Византию была делом сугубо политическим, а на Запад она обратилась за помощью в деле организации церкви, поскольку в Киеве уже существовал церковный причт, имелись богослужебные книги. Нужен был епископ. Византия отказала в этом Руси, и к тому же русскую княгиню жестоко обидели при константинопольском дворе, приняв ее по ритуалу обычного посольства, а не владетельной особы. Поддерживает М. Б. Свердлов и точку зрения о государственном перевороте, совершенном языческой дружиной в пользу Святослава, в результате чего Адальберт и был изгнан из Киева. Обращение на Запад русского двора, по его мнению, было средством давления на Византию²⁹.

М. А. Алпатов на основании сведений западных хронистов о контактах Руси и Германского королевства сделал вывод, что цель посольства Ольги к Оттону I — “установить политические связи с империей” после обид, нанесенных ей в Византии. Адальберт оказался ненужным. Неудачу контактов с Западом он объяснял и сопротивлением русской языческой партии. М. А. Алпатов полагал, что внешняя политика Ольги потерпела крах и она была вынуждена уступить языческой партии во главе со Святославом³.

В зарубежной историографии XIX в. отмечалось, что участницей событий была русская княгиня, а не королева ругов³¹.

В 30-х годах XX в. данной проблемы касались А. А. Васильев и И. Свеньицкий. А. А. Васильев, в частности, указал, что хотя Ольгу принимали в Византии так же, как арабских послов, но сам уровень приема был необычайно высоким, поскольку арабские посольства “считались для империи X в. чрезвычайно важными”. И. Свеньицкий обратил внимание, что крещение Ольги в Константинополе чрезвычайно возвысило государственный престиж руссов, сблизило Русь и Византию и дало ей право вести с империей равноправный разговор, как это продемонстрировали руссы, дав гордый ответ византийским послам в Киеве³².

А. Боак подчеркнул, что визит Ольги в 957 г. стал возможен лишь на основе действия русско-византийского договора 944 г. Русская княгиня, по его мнению, крестилась ранее в Киеве, а затем приняла высочайшее приглашение от императора и императрицы и оставалась в Константинополе значительное время. Ее поездка способствовала развитию мирных отношений между странами и открыла путь для миссионерской деятельности греческой церкви на Руси³³.

Затронул интересующий нас вопрос и Ф. Дворник. Он повторил версию о крещении Ольги в Византии на основании данных продолжателя Регинона, Скилицы и Зонары и напомнил об аналогии в этом смысле Болгарии 60-х годов IX в. и Руси середины X в.³⁴ Мысль о колебаниях церковной, а следовательно, и внешней политики Ольги между Востоком и Западом и борьбе Оттона I и Византии за влияние на Русь, а также о языческой оппозиции этой политике со стороны Святослава и его дружины Ф. Дворник выразил в своих позднейших работах.

Особое место в зарубежной историографии занимают статьи югославского византиниста Г. Острогорского “Византия и киевская княгиня Ольга” и греческого историка В. Фидаса “Киевская княгиня Ольга между Западом и Востоком”. Первая по существу посвящена доказательству чрезвычайно высокого уровня приема русской правительницы в Константинополе. Об этом, по мнению Г. Острогорского, говорит ряд фактов: посещение императрицы, встреча в кругу императорской семьи, беседа с императором сидя и т. п. В. Фидас приходит к выводу, что и русская летопись, и Константин VII описали один и тот же визит Ольги в Константинополь, но летопись допустила ошибку в хронологии. Ольга посетила Византию с целью добиться от греков новых торговых привилегий. Ее крещение носило частный, а не государственный характер, так как данные русской летописи указывают на серьезную оппозицию введению на Руси христианства в то время со стороны Святослава и княжеской дружины. В. Фидас верен сложившейся концепции о том, что Ольга выбирала политический (именно политический, а не религиозный) курс между Западом и Востоком³⁶.

В западной историографии появилась еще одна версия визита Ольги в Константинополь. Это была “миссия мира”,

считает Д. Оболенский. Именно поэтому русская княгиня получила в империи пышный прием и приняла христианство. Хотя позднее она сделала попытку получить епископию на Западе, но традиционные отношения с Византией уже проложили дорогу для христианизации Руси³⁷.

В отечественной историографии развернулась полемика вокруг вопроса о достоверности известий о событиях 955 г. в “Повести временных лет”, поскольку степень надежности одного из основных источников во многом определяет и общую оценку фактов, и их интерпретацию. Выше отмечалось, что ряд историков хотя и признали достоверным факт посещения Ольгой Константинополя, но посчитали “побасенкой”, фольклором все описания ее встреч с императором и патриархом, историю крещения.

В источниковедческом плане данную часть летописи исследовал А. А. Шахматов. Говоря о соотношении известий в Древнейшем и Начальном сводах, он отметил, что последний вовсе не тождествен первому; что в Начальном своде налицо смешение двух версий: с одной стороны, летопись, по его мнению, рассказывает о пышном приеме Ольги, о преподнесенных ей богатых дарах, а с другой — о тяжелой обиде, которую нанесли княгине в Византии, отражением чего и явилась летописная фраза, приписываемая Ольге и сказанная ею в адрес императора: “Тако же постоиши у мене в Почайне, яко же азъ в Суду...” В этом рассказе, считает А. А. Шахматов, “переплетены, с одной стороны, духовные, церковные элементы, с другой — сказочные, народные. Сказочные элементы проглядывают в отношении Ольги к царю, духовные — в отношении ее к патриарху”. А. А. Шахматов хотя и относил летописный рассказ о крещении Ольги к Древнейшему летописному своду, но полагал, что рассуждения летописца о неотразимом впечатлении, произведенном княгиней на императора, история неудачного его сватовства, сравнение Ольги с “царицей Эфиопской” и высокомерный ответ русской правительницы византийским послам в Киеве представляют собой добавленные к ранней “духовной линии” позднейшие вставки, которые вошли в летопись из народных сказаний. А это значит, что они исторически не достоверны³⁸.

Точка зрения А. А. Шахматова в дореволюционной историографии была активно поддержана Н. Полонской³⁹, а в советское время — Д. С. Лихачевым и М. В. Левченко.

Д. С. Лихачев, в частности, обратил внимание на двукратный повтор слов “и отпусти ю”, что говорит о разрыве некогда цельного текста, который, по его мнению, должен был выглядеть так: “И благослови ю патрархъ, и отпусти ю, нарекъ ю дъщерью собе”. Он полагает, что появление сюжета с императором привело к повторному возникновению слов “и отпусти ю”, в результате которого Ольга становится уже “дъщерью” императора, а не патриарха: “И благослови ю патрархъ, и отпусти ю. И по крещеньи возва ю царь и рече

ей: “Хошю ты пояти себе жене”. Она же рече: “Како хочешши мя пояти, крестив* мя самъ и нарекъ мя дщерею? А въ хрестеянехъ того несть закона, а ты самъ веси”. И рече царь: “Переключала мя еси, Ольга”. И дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю, нарекъ ю дщерью себе”. Вставкой, по его мнению, является и история с византийским посольством в Киев. Фольклорный характер вставок Д. С. Лихачев усматривает в приписывании Ольге “мудрости-хитрости”, напоминающих ее проделки с древянами⁴⁰.

Эту точку зрения поддержал и развил А. Г. Кузьмин. Он согласился с тем, что в рассказе о поездке Ольги в Константинополь отразились “клерикальные” и “светские, фольклорные мотивы”. Но, доказывая несовместимость этих двух линий, А. Г. Кузьмин обратил внимание на “обратную зависимость” данных мотивов. Он “освободил” летописный текст не от светских “наслоений”, как это сделал А. А. Шахматов, а от клерикальных. Эффект оказался поразительным — перед нами предстал цельный текст, повествующий о свиданиях и беседах Ольги с императором. А. Г. Кузьмин считает это обстоятельство дополнительным аргументом в пользу соединения воедино двух разных версий и допускает, что клерикальная концепция отрывка восходит к творчеству летописца Десятиной церкви в Киеве⁴¹.

Одиноким голосом в защиту достоверности и цельности летописного текста прозвучал в одной из статей С. Ф. Платонова. Он высказал мысль, что летописный текст производит впечатление большей цельности. И хотя сравнение Ольги с “царицей Эфиопской” и тексты из Священного писания действительно выглядят как вставные куски, однако к остальным сюжетам это не относится. С. Ф. Платонов утверждал, что если “очистить” летописный рассказ от так называемых вставок, указанных А. А. Шахматовым, то в основе древнейшего Текста останутся лишь две речи патриарха к Ольге и двукратное ее благословение, а смысл перехода от первой речи ко второй теряется. Основная же мысль всего повествования, по его мнению, как раз и заключается в том, чтобы противопоставить отношение Ольги к патриарху ее же отношению к императору. Если патриарх выглядит в выгодном свете, то император в основном оценивается негативно, — в этом и состоит цельность всего рассказа. Здесь налицо, отмечает С. Ф. Платонов, “полное подчинение духовному авторитету патриарха, полное отрицание превосходства и главенства царя”⁴².

Итак, более чем полуторастолетняя историография проблемы рисует картину весьма противоречивую. Одни ученые считали, что вся история внешнеполитических усилий Руси в 50-х годах X в. сводилась к выбору политической ориентации на Византию или Запад. В этой связи, естественно, трактовалась и история посольства Ольги в Константино-

поль: оно рассматривалось как заурядное явление, как обычная реализация договора 944 г., отождествлялось чуть ли не с рядовым торговым караваном; его цели были весьма прозаическими: перезаклучение или уточнение договора 944 г., защита торговых интересов, династические расчеты, отраженные в рассказе о “сватовстве” императора к Ольге. Обращалось внимание на невысокий уровень приема русского посольства, мизерность преподнесенных ему даров, нескончаемые обиды руссов, отлившиеся позднее грекам в Киеве. При рассмотрении отношений как с Византией, так и с Германским королевством подчеркивалась инициативная роль этих государств, пытавшихся навязать Руси свою политику.

Согласно другой точке зрения, Ольга отправилась в Византию и искала контактов с Оттоном I, чтобы добиться для Руси цесарского титула, получить иные политические привилегии, использовать крещение в политических целях, в основном государственно-престижного характера, укрепить мирные отношения с крупнейшими европейскими державами, которые сами были заинтересованы в союзе с Русью. Ряд авторов обращали внимание на необычайно высокий уровень приема русского посольства в Константинополе, который свидетельствовал о том, что оно шло вне разряда, определенного договором 944 г. Такой угол зрения исключает охлаждение отношений между Русью и Византией и колебания Руси в выборе политического пути.

Можно обратить внимание и на другие расхождения в решении проблемы. Так, если миссия Адальберта была политическим диктатом по отношению к Руси со стороны Оттона I, тогда понятно возмущение русской правящей верхушки действиями псевдопроповедника; если же он действовал “осмотрительно” — был умерен в своих требованиях, тогда не ясно, почему произошел предполагаемый рядом историков государственный переворот на Руси во главе со Святославом, после которого Ольга отошла в тень.

Бросаются в глаза два просчета предшествующей историографии в исследовании проблемы. Во-первых, дипломатические шаги Ольги изучались в основном на материале, хронологически близком к самим этим событиям; не принималось во внимание, что посольство великой княгини в Византию явилось лишь этапом на пути складывания русской государственной системы, в том числе русской дипломатии. А если и делались попытки (В. А. Пархоменко, М. Д. Приселков) связать посольство Ольги с предшествующими событиями, то эти связи намечались лишь по линии церковно-политической, что заметно ограничивало уровень изучения проблемы. Во-вторых, источники, как правило, анализировались со стороны их внутреннего содержания, без сопоставления друг с другом, в частности нет примеров параллельного анализа сведений Константина VII Багрянородного и данных русских летописей. Разумеется, что на этом пути могут возникнуть дополнительные возможности изучения проблемы.

Все вышесказанное убеждает в том, что вопрос о дипломатии Руси во второй половине 50-х — начале 60-х годов X в., несмотря на богатую историографию, отнюдь не является решенным и требует дальнейшего исследования.

2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КРЕЩЕНИЯ КНЯГИНИ ОЛЬГИ

Анализ проблемы начнем с характеристики одного из основных источников по теме — “Повести временных лет” и подойдем к нему прежде всего со стороны политической и историко-дипломатической, поскольку в сведениях летописи в первую очередь отражены именно дипломатические сюжеты.

Заметим, что между 944 и 955 гг. летопись ни слова не сообщает о международных событиях. После гибели Игоря в 945 г. для Киева наступили трудные времена: отложились Древлянская земля; наследник, как отмечает летопись, был “детеск”, т. е. дитя, и во главе государства встала великая княгиня. И первые годы ее правления, естественно, ушли на решение внутривосточных проблем. В 946 г. Ольга воевала с древлянами и наконец вновь подчинила их Киеву. Начиная с 947 г. она взялась за наведение порядка в своих землях: упорядочила сбор дани, провела другие административно-хозяйственные реформы. А затем летопись пропускает без описания несколько лет — с 948 по 954 г. — и лишь под 955 г. сообщает о поездке русской княгини в Константинополь и ее крещении там. В этой последовательности летописного рассказа обратим внимание на удивительную аналогию событий во времена первых лет правления Ольги и Олега. Взяв власть в свои руки, Олег также начал с “устройства” дел внутренних, а попросту говоря, с покорения окрестных племен и самого упорного и воинственного среди них — древлян. И лишь подчинив ряд племен власти Киева, укрепив внутривосточные позиции княжеского дома, он приступает к решению внешнеполитических вопросов: организует поход на Византию, с тем чтобы подтвердить прежние привилегии Руси, полученные ею от империи еще в IX в.

Даже не зная ничего о поездке Ольги в Константинополь, можно было бы предположить, что после ликвидации внутренних смут в стране, стабилизации положения и упрочения великокняжеской власти в Киеве Ольга должна была приступить к решению внешнеполитических задач: Игорь был мертв, но договор, им заключенный, действовал. Однако со времени его заключения прошло более десяти лет. Сменились правители на византийском троне, новые люди встали во главе древнерусского государства. Опыт прошлых лет и взаимоотношений империи с другими “варварскими” государствами подсказывал необходимость либо подтвердить, либо пересмотра соглашения 944 г. Таким образом, появление в летописи сообщения о внешнеполитической активности княгини Ольги может быть воспринято с доверием уже в силу истори-

ческой логики развития событий, обусловленных предшествующими отношениями Руси и Византии. Но, конечно, это аргумент весьма слабый.

Итак, “иде Ольга въ Греки”, — записал древний автор. Как все легко и просто! Но реальные политические взаимоотношения двух стран такой простоты, естественно, не допускали. Правительница Руси не могла без соблюдения определенных формальностей снарядить посольство, сесть на корабль и явиться к византийскому двору, чья система внешнеполитического церемониала была чрезвычайно изощренной. Кто был инициатором визита русской княгини, как он готовился — эти вопросы не были поставлены в историографии, хотя ответы на них имеют прямое отношение к исследуемой теме.

Русские летописи и византийские хроники хранят молчание по этому поводу. Правда, “Новгородская первая летопись” сообщает, что, придя к Константинополю, руссы дали знать о своем появлении императору, что можно трактовать как намек на какую-то предварительную на этот счет договоренность¹. Состояние отношений Византии и Руси после смерти Игоря и долгая пауза в дипломатических контактах, вызванная внутривизантийской обстановкой в Киеве, требуют, на наш взгляд, прояснения, особенно в свете нараставшего конфликта между Византией и Хазарией, постоянного военного давления арабов на империю.

В ту пору византийское правительство предпринимает определенные шаги в поисках союзников против одних арабских правителей, старается умиротворить других и нейтрализовать своих возможных противников на западных и северо-западных границах. Во второй половине 40-х годов Константин VII шлет посольство к Отгону I, добивается дружбы у владыки Кордовы, пытается замирить сицилийских арабов и египетского правителя ал-Мансура². Судя по оценкам, данным Константином VII в трактате “Об управлении государством” Руси, Хазарии, печенегам, византийское правительство в середине 50-х годов X в. было весьма обеспокоено состоянием своих отношений с Русью, опасалось новых нападений с ее стороны, не доверяло ей, стремилось иметь против нее постоянного противника в лице печенегов. В то же время Русь была нужна Византии как противовес в борьбе с Хазарией и мусульманскими правителями Закавказья, а также как поставщик союзных войск в противоборстве с арабами. Думается, что в этих условиях приглашение, направленное Ольге Константином VII Багрянородным, было бы вполне оправданным дипломатическим шагом империи в отношении своего северного соседа.

При этом необходимо иметь в виду и характерное для Византии стремление использовать христианизацию окрестных народов и государств в качестве средства усиления своего политического влияния среди соседей, о чем подробно писал в своих работах Д. Оболенский³. Историк, однако, рас-

смаатривал вопрос лишь в одной плоскости: как Византия уже с IX в. подкрепляла “дипломатическое окружение” Руси попытками христианизировать ее, в пользу чего, по его мнению, говорит обращение руссов в христианство в 60-х годах IX в. Политика же самой древней Руси в этом направлении его интересовала мало. Между тем и в начале IX в., и в 60-х годах IX в. попытки Византии христианизировать Русь соприкасались с княжеской политикой использования акта крещения греческими духовными иерархами в целях усиления государственного престижа Руси. В 60-х годах IX в. становится очевидным, что процесс этот для древнерусского языческого общества был чрезвычайно сложен, так как он сталкивался с вековой мощью языческой религии и превращался из фактора внешнеполитического в фактор внутривнутриполитический. Деятельность греческих миссионеров в IX в. так и не привела к христианизации Руси Византией. Перенимая у Византии- то, что ей было нужно в плане политическом, в том числе и частичную христианизацию, Русь тщательно оберегала свой государственный суверенитет. Хотя христианизация русского общества шла быстрыми темпами и в договоре 944 г. это нашло уже официальное отражение, тем не менее и к середине 50-х годов X в. Византия не преуспела в использовании христианства на Руси в своих политических целях. Вопрос оставался открытым. С этих позиций нам представляется неправомерным говорить лишь о стремлении Византии христианизировать Русь. Обе стороны стремились к этому, но каждая в акте христианизации, вероятно, преследовала свои четко определенные политические цели.

Подобная же ситуация сложилась в 60-х годах IX в. в отношении Болгарии. Противоречия были разрешены военным путем, и под угрозой силы болгары были вынуждены принять христианство в форме, выгодной Византии, с тем чтобы уже при Симеоне порвать свою церковную зависимость от империи.

Необходимо обратить внимание и на стремление древней Руси начиная с IX в. установить с империей равноправные государственные отношения. Уровень оформления русско-византийских договоров не стоял на месте. В 944 г. впервые византийское посольство появляется в Киеве, и новый договор в сравнении с соглашениями 60-х годов IX в., 907, 911 гг. уже заключается по всем канонам равноправных и суверенных отношений между государствами. Таким образом, вопросы государственного престижа, которые играли огромную роль в отношениях Византии с Персией, Болгарией, Аварским каганатом, имели первостепенное значение и для древней Руси, являясь той лакмусовой бумажкой, на которой проверялись ее истинная сила и влияние.'

В то же время Византия свято оберегала свое исключительное политическое и религиозное положение в тогдашнем мире. Согласно византийской концепции власти, император являлся наместником бога на земле и главой всей христианской церк-

и⁴ В соответствии с этим представлением и оценивались ранги иностранных правителей. Никто из них не мог встать вровень с византийским императором, однако степень этого неравенства для правителей различных государств была, естественно, различной и зависела от многих факторов — мощи данного государства, степени его влияния на политику Византии, характера сложившихся отношений между этим государством и империей и т. д.⁵ Все это находило закономерное выражение в титулах, почетных эпитетах, инсигниях и прочих знаках достоинства. Политической символикой был пронизан не только весь византийский придворный церемониал, но и порядок общения с иностранными государствами, приема иностранных правителей и послов. Г. Острогорский очень метко назвал эту концепцию власти и связанный с нею церемониал “своеобразной византийской политической религией”. И главная цель любой встречи византийского императора с иностранными представителями, считает Г. Острогорский, заключалась в том, чтобы четко установить расстояние, которое отделяло бы гостя от императора⁶.

На примере выработки русско-византийских соглашений 60-х годов IX в., 907, 911, 944 гг. видно, как противоборствовали две политические концепции власти — русская и византийская — в области выработки дипломатических документов и как постепенно, от десятилетия к десятилетию руссы добились все большей степени равноправия и в содержании, и в форме заключаемых с империей соглашений. Немаловажное значение византийская дипломатия отводила титулатуре иностранных правителей, проявлявшейся, в частности, в межгосударственных соглашениях. Борьба за более высокую титулатуру русского великого князя, за возвышение государственного престижа Руси по-прежнему могла занимать киевских политиков.

Таким образом, весь строй отношений Руси и Византии во второй половине IX — первой половине X в. оставался открытыми для обоих государств и в середине 50-х годов X в. три основные проблемы: первая — дальнейшее урегулирование отношений, реализация договора о мире и союзе 944 г.; вторая — христианизация Руси, от которой каждая из сторон ожидала для себя несомненных политических выгод; третья — государственный престиж древней Руси, ее место в ряду других государств Европы, что выражалось в борьбе Руси за равенство с Византией в титулатуре, содержании и оформлении межгосударственных соглашений.

Как же отразились эти постоянные политические сюжеты в рассказе русской летописи о путешествии Ольги в Константинополь?

Сюжет крещения вынесен здесь на первый план. Русская летопись рассказывает, что инициатива крещения исходила от Ольги, что император эту идею принял и одобрил: “Царь же безмерно рад бысть, и рече ей: “Патриарху възвещу ли слово се?”” (“Летописец Переяславля-Суздальского”). Имен-

но с именем императора связывают крещение русской княгини и “Повесть временных лет”, и “Новгородская первая летопись”. Собственно, об этом же сообщают и продолжатель Ре-гинона, и Скилица, и Зонара.

Такое единодушие в трактовке вопроса русскими летописями, западными хрониками, византийскими авторами, видимо, не случайно. В историографии недаром замечено, что все источники говорят о крещении Ольги в Константинополе и ни один не сообщает о ее крещении в Киеве. Единственным прочным аргументом против факта крещения Ольги в Византии является расхождение в датах по Константину VII Багрянородному и русской летописи. Причем Константин сообщает лишь дни визитов Ольги во дворец — среда 9 сентября и воскресенье 10 октября; 957 год уже вычислен специалистами на основании этих данных. Русский же летописец дает дату 955 г. В связи с этим историки рассмотрели три варианта.

Ольга крестилась в Киеве, в пользу чего говорят сообщения Иакова Мниха о том, что она умерла, прожив 15 лет в христианстве (это дает дату $969 - 15 = 954/55$ г.), и присутствие в ее свите священника Григория.

Ольга предприняла две поездки в Константинополь — в 955 г., согласно сведениям летописи, и в 957 г., согласно Константину VII Багрянородному. Приехала она, будучи уже христианкой, иначе бы Константин VII непременно отразил факт ее крещения в Византии.

Ольга крестилась в Константинополе, но император не упомянул об этом, поскольку задача у него была иная — описать церемониал приема русской княгини.

По поводу первой точки зрения следует подчеркнуть, что, даже если Ольга крестилась в Киеве, этот факт отнюдь не снимает вопроса о ее крещении в Византии, как на это указал еще Макарий. На первый взгляд такое положение может показаться парадоксальным, особенно если подходить к вопросу с богословской точки зрения. В этом случае факт крещения Ольги в Киеве действительно снимает проблему о ее крещении в Константинополе, поскольку повторный обряд противоречит церковным канонам. Но византийские политики не раз демонстрировали (например, в отношении Болгарии, алан, Руси), что христианские догматы и религиозная система становились в руках империи мощным средством политического воздействия на соседние народы и государства, как это убедительно показали Ф. Дэльгер, Д. Оболенский и другие специалисты. И древние руссы недвусмысленно продемонстрировали свое умение использовать высокий авторитет византийских церковных иерархов, крещение из их рук в целях возвышения собственной власти, укрепления ее международного престижа и т. п. Фотий даже писал о том, что руссы в 60-х годах IX в. приняли христианство. Полухристианская Русь подписала договор 944 г. Ольга могла креститься в Киеве, но крещение пожилой княгини в языческой стране при

наличии языческой дружины и наследника-язычника не могло иметь политического эффекта. Крещение ее на родине, будь оно историческим фактом, скорее всего, осталось бы частным делом Ольги. Оно могло быть явным или тайным (как предполагал, например, В. И. Ламанский), — это, на наш взгляд, не имеет значения. Важно, что оно не должно было стать политическим, а тем более внешнеполитическим фактором. Другое дело — крещение русской княгини в Византии. Этот акт сразу же превращался из частного вопроса благочестивой женщины в далеко рассчитанный политический шаг. И в этом случае, думается, никого не интересовало, христианкой или язычницей приехала Ольга в Константинополь. Согласно русской летописи, она стремилась получить крещение из рук императора и патриарха. Поэтому, с нашей точки зрения, стремление установить факт крещения Ольги в Киеве не имеет существенного исторического значения.

В политике христианизации окрестных государств и народов в Византии, как известно, ведущую роль играли не патриарх, не церковные иерархи, а император, аппарат политической власти. Разумеется, церковники, в том числе константинопольские патриархи, в соответствии со своим саном принимали участие в реализации этой политики, поскольку греческая церковь сама являлась частью феодальной государственной системы. Поэтому русские летописи, рассказывая о крещении Ольги, вполне правомерно связывают решение этого вопроса в первую очередь с действиями императора, а не патриарха. Так, в “Повести временных лет” говорится, что в то время в Византии правил император Константин, сын Льва, и Ольга “приде к нему”. Именно императору она заявила: “Азь погана есмь”, именно к нему обратилась: “...аще мя хощеша крестити, то крести мя самъ”. Утверждая, что Ольга крестилась в Константинополе, летопись отмечает: “...и крести Ю царь с патреархомъ”. И вновь на первом плане фигурирует император. А далее речь идет лишь о том, как патриарх поучал ее христианскому чину. Подобную трактовку роли императора в крещении Ольги дает и “Новгородская первая летопись”, а “Летописец Переяславля-Суздальского” приводит любопытную подробность: о своем намерении креститься Ольга сообщила в беседе с императором и тот, обрадованный, воскликнул: “Патриарху възвещу ли слово се?” Этот диалог указывает еще раз, что вопрос о крещении русской княгини рассматривался в Константинополе не в религиозном плане, а в политическом: патриарху отводилась второстепенная роль исполнителя и проповедника, тогда как акт крещения, являвшийся политическим событием, был проведен под эгидой императора.

В связи с этой постановкой вопроса нельзя не обратить внимания еще на один совершенно определенный политический мотив, связанный с крещением Ольги, — на появление в применении к ней понятия “дщерь”. Оно встречается в летописном рассказе дважды, но совершенно в разных значе-

ниях. В первый раз — в фразе русской княгини, обращенной к императору в ответ на его предложение взять Ольгу в жены: “Како хочеши мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя дщерею?” Здесь слово “дщерь” употребляется в чисто церковном, ритуальном значении: император выступил крестным отцом Ольги, а она тем самым стала его крестной дочерью. А далее, по мнению некоторых авторов, следует повтор этой мысли: летописец сообщает, что Константин преподнес Ольге “дары многи” и “отпусти ю, нарекъ ю дщерею себе”. На наш взгляд, это не повтор. Здесь присутствует совершенно иная, светская, если можно так сказать, идея. Давая русской княгине прощальный прием, или, как его называли на Руси, “отпуск”, император официально назвал ее своей дочерью, но, повторяем, не в церковном, а в политическом понимании этого слова. Подобное политическое толкование таких понятий, как “дочь”, “сын”, в применении к иностранным правителям было вполне в духе византийской концепции императорской власти.

Известны случаи, когда иностранные правители для возвышения своего престижа настойчиво старались получить для своих детей титул “сына” византийского императора. Так, в VI в. персидский шах Кавад через своего посла просил у Юстиниана I, чтобы тот “усыновил” его третьего сына Хосро-ва. Шах рассчитывал, что этот титул повысит шансы Хосро-ва в борьбе со своими братьями за персидский престол. Политическая сделка не состоялась, так как греки опасались, что такое “усыновление” вызовет претензии шахской династии на византийский трон. В дальнейшем император Маврикий стал названным “отцом” персидского шаха Хосрова II, что в известной степени ослабило длительный натиск персов на владения империи с востока⁷. В 864—865 гг., во время крещения Болгарии, князь Борис принял имя императора Михаила III. И в этом случае, хотя крещение было проведено патриархом Фотием, руководила политикой христианизации Болгарии верховная светская власть и Фотий преуспел лишь постольку, поскольку оказывал влияние на византийского императора⁸.

Обобщенное выражение эта практика получила в труде “О церемониях” Константина VII Багрянородного. Говоря о порядке обращения византийских императоров к владельцам окрестных государств, Константин VII указал, что к болгарским царям следует обращаться так: “К любезному и вдохновенному нашему сыну — архонту христианского народа болгар”⁹. При этом болгар наряду с арабами, франками, владельцами итальянских государств император поставил впереди других народов. Таким образом, слова “дочь”, “сын” в официальных обращениях византийского императора к владельческим особам других стран и народов не являлись пустым звуком, а были исполнены глубокого политического смысла, указывали на определенную степень престижа того или иного государя, выделяли его среди прочих.

Здесь же следует отметить, что в то время, когда Константин VII сочинял свой труд, применительно к Руси использовался титул “архонт”: “К архонту Руси”. Что касается иных званий, то в обращении, например, к Олегу в русском тексте грамоты 911 г. употреблялся титул “светлый князь”, или, говоря языком позднего средневековья, “его светлость”. Он исчез из договора 944 г., так как, вероятно, не устраивал руссов. А это значит, что результатом пребывания Ольги в Константинополе явилось значительное возвышение титула русской княгини: ее величали и “архонтиссой”, и “дочерью” императора, что в тот момент резко выделило Русь из числа стран, с которыми она в течение долгих десятилетий стояла рядом в византийской дипломатической иерархии. И думается, не случайно византийский хронист XI в. Скилица, рассказывая о визите Ольги в Константинополь, записал, что она “с честью возвратилась на родину”¹⁰.

И еще одна характерная деталь: Ольга приняла в христианстве имя Елена. Считается почему-то, что сделано это было в честь жены Константина VII Багрянородного”. Но русская летопись говорит совсем о другом: “Бе же речено имя ей во крещении Олена, якоже и древняя царица, мати Великого Костянтина”. Летописец тем самым проводит мысль, весьма созвучную со всей историей крещения Ольги, — она взяла имя матери Константина I Великого, который первым из императоров принял крещение и сделал христианство официальной религией Римской империи. Деталь эта немаловажная, поскольку она свидетельствует о глубоком политическом содержании крещения русской княгини, о ее высоких государственно-престижных запросах и характеризует источник не как смешение религиозных и светских мотивов, а как в основе своей цельный рассказ о значительном в истории древней Руси событии¹². Как “светская” нить текста при всей ее цельности выглядит исторически бессмысленной без “клерикальной”, так и “клерикальная” абсолютно искусственно обособляется от “светской”, за которой стояла реальная политика, которую невозможно было замолчать ни при каких обстоятельствах: посольство, переговоры, крещение в первую очередь были связаны с фигурой императора, иначе создается впечатление, что такого рода дела, как обращение в христианство иностранной “архонтиссы”, представлявшей государство, связанное с империей политическим договором о мире и союзе, могли быть личной инициативой патриарха.

Таким образом, летописец в этом сюжете не поведал никакого “анекдота”, не рассказал никакой “побасенки”, а лишь передал дошедшую до него историю крещения русской княгини как политического акта, нужного в первую очередь Руси, поскольку титул “дочери” византийского императора, да еще принявшей из его рук крещение, чрезвычайно возвышал светскую власть на Руси в международном плане — не даром этот факт нашел отражение в современных событиям западных хрониках.

Но самое поразительное в истории, изложенной летописцем, заключается, на наш взгляд, в том, что отмеченная политическая концепция событий таковой в летописи не выглядит.

Ничто не указывает на понимание летописцем значения приведенных им фактов. Его больше, кажется, занимают комплименты императора в адрес Ольги, история о его “сватовстве” и о том, как княгиня “переключала” императора. Обо всем остальном он говорит как бы походя и никак не комментирует, что лишний раз указывает на естественность изложения известных ему фактов, на отражение в них реальных политических событий. В летописи нашла выражение единая концепция крещения как крупного политического события в истории древней Руси. Позднее расцвечивание событий рассуждениями императора о разуме Ольги и ее красоте действительно не имеет отношения к историческим реалиям.

Некоторые дополнительные сведения о крещении Ольги в Константинополе можно почерпнуть благодаря изучению распорядка ее пребывания в Византии.

После почти двухмесячных переговоров под городом наступило время первого ее приема во дворце, говоря о котором Константин VII назвал Ольгу ее языческим именем Елга¹³. На этом приеме на золотом блюде, украшенном драгоценными камнями, ей было преподнесено посольское содержание — 500 милиарисиев. Этому блюду суждено было еще раз появиться на страницах источников. Посетивший в 1252 г. Константинополь русский паломник Добрыня Ядрейкович, будущий архиепископ Новгородский Антоний, сообщил в своих путевых записях, что он видел в храме св. Софии драгоценное блюдо, подаренное княгиней Ольгой: “И блюдо велико злато служебное Олгы Руской, когда взяла дань, хо-дивше ко Царю-городу. Во блюде же Олжине камень драгий, на том же камени написан Христос; и от того Христа емлют печати людие на все добро; у того же блюда все по верхови жемчугом учинено”. Д. В. Айналов считал, что под служебным блюдом следует понимать богослужебный сосуд, а не то блюдо, на котором преподнесли Ольге посольское содержание¹⁴. Но как оно попало к язычнице, почему его описание Антонием так близко к сведениям Константина VII Багрянородного? Можно с известной долей вероятности предположить, что именно преподнесенное Ольге императором драгоценное блюдо она и подарила в ризницу храма св. Софии, где принимала крещение между первым и вторым приемом у императора. Кстати, эта канва событий точно совпадает в описании Константина VII Багрянородного и “Повести временных лет”.

Мы не разделяем уверенности тех источниковедов, которые восприняли рассказ летописи о повторной беседе Ольги с императором как искусственную вставку, признаком чего для них является повтор слов “и отпусти ю”. Внимательное рассмотрение последовательности изложения событий в лето-

писи убеждает, что она во многом совпадает с описанием Константина VII Багрянородного.

В самом деле, летопись начинает рассказ о пребывании Ольги в Константинополе с беседы у императора, во время которой княгиня поставила вопрос о крещении. В “Книге о церемониях” также говорится о первом приеме Ольги у императора 9 сентября, где она была названа языческим именем Елга. “Новгородская первая летопись” тоже указывает, что после прибытия Ольги в Константинополь император “возва ю”. Затем русские летописцы сообщают о крещении княгини императором и патриархом, о чем молчит Константин VII Багрянородный. После крещения, рассказывает летописец, состоялась первая беседа Ольги с патриархом, во время которой он “поучи ю”, благословил “и отпусти Ю”. Далее летопись совершенно определенно говорит, что “по крещеньи” вторично “возва ю царь”¹⁵, т. е. пригласил ее царь, и повел речь о “сватовстве”. Эта повторная встреча с императором в известной мере совпадает со вторым приемом Ольги 18 октября, описанным Константином VII Багрянородным. Ольге были преподнесены “дары многи”, император назвал ее дочерью, а затем он “отпусти Ю”. По нашему мнению, летописец не воссоздавал искусственно этот текст: он просто описал прощальный “отпуск” русской княгини у императора. Именно на таких приемах иностранным послам вручались императорские дары, как это было и в случае с Ольгой. Но летопись на этом не обрывает историю ее посольства в Константинополь, а сообщает, что перед отъездом на родину Ольга побывала еще раз у патриарха, который имел с ней беседу и еще раз благословил ее.

Таким образом, канва событий, согласно летописным данным, выглядит следующим образом: простояв долгое время “в Суду”, т. е. в Константинопольской гавани, Ольга была принята императором, с которым провела первые переговоры, в том числе о своем крещении, затем крестилась и имела официальный прием у патриарха. Потом последовали “отпуск” у императора, во время которого Ольга имела с Константином VII еще одну беседу, и прощальный визит к патриарху. Константин VII Багрянородный описал лишь церемониал двух приемов Ольги в своем дворце; русский летописец описал и крещение, и визиты к патриарху, отразил даже сюжеты переговоров Ольги с императором и характер бесед с патриархом. Следует обратить внимание и на факт присутствия в свите русской княгини священника Григория, который может навести на мысль о том, что именно ему, грамотному человеку, принадлежало первоначальное описание истории посольства 957 г. в Константинополь, включенное позднее в модифицированном виде в древнейшие летописные своды. Из путевых записей Антония известно, что Ольга внесла дар в ризницу храма св. Софии. На основе этого факта можно предположить, что она приняла крещение в главном храме империи. Все это говорит о том, что сначала в основу лето-

писного рассказа, вероятно, был положен цельный текст, отразивший как “светскую” политическую, так и “церковную” линию визита Ольги в Константинополь. Последующие вставки исключать, конечно, не приходится, но в основном это ничего не значащие сравнения Ольги с “царицей Эфиопской”, религиозные сентенции и т. п.

В отечественной историографии укрепилось мнение о том, что русская княгиня и византийские власти не договорились относительно учреждения на Руси церковной организации; что Ольга обращалась по этому поводу к Византии и то ли в ответ получила не устраивавшее ее предложение греков, то ли взяла с них обещание об учреждении церковной организации на Руси, которое позднее не было выполнено, что вызвало раздражение русского двора и заставило Киев обратиться по этому же политическому вопросу на Запад. Подобный подход к проблеме представляется неправомерным. Нет никаких доказательств в пользу того, что Ольга обращалась к Византии с просьбой об организации на Руси автокефальной церкви. Напротив, летопись дает достаточный материал для того, чтобы составить прямо противоположное мнение. Здесь говорится не о крещении страны, а о крещении греками одной правительницы, и не на Руси, что имело бы символическое значение — как обращение народа в христианство (это имело место при Владимире Святославиче), а в Византии, что могло быть расценено европейским миром как рост международного престижа Руси. Заметим, что и продолжатель Регинона, и Скилица также говорят только о крещении самой Ольги и ни в какой мере не связывают ее крещения ни с попыткой крестить Русь, ни с какими-либо переговорами о создании там церковной организации.

В летописи отмечается, что распространение христианства на Руси представляло для Ольги серьезные трудности. В Константинополе она жаловалась патриарху: “Аюдье мои пагани и сынъ мой, дабы мя богъ съблюлъ от всякого зла”. В этих словах (независимо от того, оригинальный ли это древнейший текст или позднейшая вставка) отражено понимание всей сложности введения христианства на Руси, где чрезвычайно сильно было язычество и где истинным язычником перед лицом набравшего силу христианства показал себя молодой великий князь Святослав Игоревич. Возвращаясь на Русь, Ольга боялась “всякого зла”. Но на этом данный мотив не кончается. Летописец повествует далее, что, прибыв на родину, великая княгиня пыталась склонить к христианству Святослава, но безуспешно: “...и учашеть И мати креститися, и не брешаше того ни во уши приимати”. Святослав не препятствовал людям креститься, но всячески насмехался над ними: “...но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому”. Когда же Ольга стала настаивать, он заявил ей: “Како азъ хочу инъ законъ прияти единъ? А. дружина моя сему смеяться начнуть”. На что княгиня ответила: “Аще ты кре-стишися, вси имуть тоже створити”. “Он же не послуша ма-

тере, творяше норовы поганьския...” Ольга, по словам летописца, не отступилась, уговаривала сына: “Аще богъ хочет помиловати рода моего и земле руские, да възложитъ имъ на сердце обратитися къ богу, яко же и мне богъ дарова”¹⁶.

За церковной фразеологией и религиозными сентенциями четко проступают серьезные противоречия в русском обществе той поры по вопросу принятия Русью христианства. Ольга представляла тех, кто ратовал за его введение на Руси; Святослав, отражая настроение великокняжеской дружины — серьезной социальной силы, выступал за преданность язычеству.

Заметим, что даже в приведенном диалоге просматривается стремление Ольги не столько крестить самого Святослава, сколько продолжить ту политическую линию по введению Руси в лоно христианских государств, которую она активно поддержала, приняв христианство. Спор между матерью и сыном, судя по летописи, шел не по поводу обращения в новую веру Святослава, а относительно крещения Руси. Недаром Ольга отмечала, что следом за своим князем “все имуть тоже створити”, и ратовала за всю “землю русскую”. И даже если предположить, что подобный диалог в действительности не состоялся, что летописец воссоздал его по собственному разумению, тем не менее придется признать, что в этих записях отражено понимание им чрезвычайно острой ситуации в связи с желанием Ольги крестить Русь и противоборством этому со стороны языческой части русского общества во главе со Святославом.

Трудно себе представить, как в подобных условиях, не имея никакой гарантии в успехе задуманного дела, никакой поддержки со стороны такой влиятельной силы, как великокняжеская дружина, могла Ольга договариваться в Византии об учреждении у себя на родине церковной организации. Вспомним, что и в 60-х годах IX в., несмотря на заявление патриарха Фотия о принятии руссами христианства, на Русь была отправлена лишь христианская миссия, которая, как известно, не оставила заметного следа в русской истории. Подобная картина наблюдалась и в отношениях между Византией и венграми. Незадолго перед появлением Ольги в Константинополе здесь был крещен (948 г.) один из венгерских вождей — Булчу, а в 952 г. крестился другой вождь — Дьюла, который взял с собой в Венгрию монаха Иосифа, рукоположенного константинопольским патриархом в епископы Венгрии. Однако в тот период греческая церковь не смогла удержать здесь своих позиций, и крещена была Венгрия лишь в конце X в., при Стефане I¹⁷.

В свете указанных соображений можно с полным основанием утверждать, что русское феодализирующееся общество в то время было еще не готово принять из Византии крещение, церковную организацию и что Ольга с подобными просьбами ни к императору, ни к патриарху не обращалась, да и следов этого обращения нет в источниках. Ее крещение яви-

лось индивидуальным политическим актом, смысл которого заключался в том, чтобы утвердить международный престиж великокняжеской власти, поставить Русь на более высокий уровень в европейской иерархии.

Нет оснований, на наш взгляд, для аналогий между принявшей христианство в 864 или 865 г. Болгарией и Русью 955 или 957 г. Борис не только крестился сам, но под нажимом Византии заставил, несмотря на сильнейшую языческую оппозицию, креститься болгарский народ. Его попытки обойтись в этом вопросе без империи, а позднее добиться независимости болгарской церкви от константинопольского патриарха окончились неудачей¹⁸. Ничего похожего не наблюдалось в отношениях между Русью и Византией в середине X в., а потому у Ольги и членов ее посольства не было никаких оснований выражать обиды, неудовольствие, раздражение по поводу мифической неудачи переговоров относительно установления церковной организации на Руси. Но если это так, то теряет смысл устоявшийся тезис о том, что обиженная Русь обратилась на Запад с просьбой учредить на Руси церковную организацию, результатом чего и явилось посольство Ольги к Оттону I в 959 г. Не выдерживает критики и тезис о колебаниях Руси в этом вопросе между Византией и Западом, выборе между ними и т. п. Такую политику Русь в середине 50-х годов X в. не проводила, зато усиленно добивалась возвышения своего престижа непосредственно в Константинополе.

Что касается молчания Константина VII по поводу крещения Ольги, то оно, как уже отмечалось в историографии, объяснялось весьма просто: царственный автор действительно описывал не историю пребывания русской княгини в Византии, а ее визиты во дворец. И в этом смысле нам представляется убедительной аргументация Г. Острогорского. Он считал, что задача Константина VII заключалась в том, чтобы преподать образцы церемониальной практики на примере конкретных исторических событий. Действительно, прием Ольги 9 сентября, о котором рассказал Константин VII, являлся редчайшим явлением в истории дворцового церемониала: визит императорской чете был нанесен не обычным послом, а главой иностранного государства, да еще женщиной. Все это вызвало неповторимые церемониальные ситуации¹⁹. И Константин VII не только описал стереотипные черты, но и отметил все особенности приема именно русской княгини. При всей обстоятельности рассказ не пошел дальше изложения ее визитов во дворец. Константин VII ни единым словом не обмолвился о том, как протекала жизнь русской княгини помимо двух приемных дней — 9 сентября и 18 октября — за стенами императорского дворца. Он не приоткрыл нам, где жила княгиня, кому наносила визиты, какие достопримечательности столицы она посетила, хотя известно, что для византийских политиков было в порядке вещей потрясать иностранных правителей и послов пышностью Константинополя-

ских дворцов, храмов, богатством собранных там светских и церковных сокровищ.

~В пользу версии лишь об одном визите Ольги в Византию говорят следующие соображения.

Во-первых, это не простая прогулка, а поездка владетельной особы; ее визит, судя по строгостям византийского церемониала, должен был тщательно готовиться и согласовываться говоря современным языком, “по дипломатическим каналам”. Едва ли императорский двор готов был принять русскую архонтиссу дважды с промежутком в один год.

Во-вторых, необходимо учесть, что вряд ли и пожилая княгиня была способна дважды проделать нелегкое путешествие в Константинополь, причем провести в Византии по меньшей мере около полугода.

3. СОДЕРЖАНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Какие же проблемы интересовали Ольгу в Византии помимо крещения и связанного с ним возвышения политического престижа Руси, стремления вывести Русь из того невысокого ряда, который, согласно византийским канонам, она занимала рядом с печенегами и уграми?

Исследователи высказывали мысль о том, что рассказ русской летописи о “сватовстве” императора к Ольге отразил какие-то переговоры княгини в Константинополе по поводу скрепления русско-византийских отношений династическим браком. Не располагая аргументами в пользу того, что текст о “сватовстве” и комплиментах императора (“подобна еси царствовати въ граде с нами”) отражает какие-то переговоры о династическом браке, обратим внимание на другое. Крещение Ольги, получение ею титула “дочери” императора — это лишь один из признаков того, что намерения княгини во время этой поездки были тесно связаны с надеждами на получение Русью более высокой политической титулатуры и отражали общую внешнеполитическую линию Руси на совершенствование договорных отношений с империей. Другим таким признаком является та обида, которую княгиня выразила византийскому посольству в Киеве: “...также постоиши у мене в Почайне, яко же азъ в Суду...”

Итак, до автора “Повести временных лет” дошли сведения о том, что Ольга, по ее мнению, слишком долго простояла “в Суду”. Следует согласиться с этой летописной версией, потому что, по сведениям Константина VII Багрянородного, она была впервые принята во дворце лишь 9 сентября, между тем как русские караваны отправлялись в империю, как правило, летом. В. Т. Пашуто не без основания предположил, что руссы дожидались приема у императора более двух месяцев. Об этом, по его мнению, могут говорить сведения Константина VII о двух выплатах посольству “слебного”, первая из

которых состоялась 9 сентября и значительно превышала вторую, выданную 18 октября, т. е. через месяц с небольшим¹.

Какова же была причина столь длительной задержки русского посольства “в Суду”? Историки в основном усматривали ее в подозрительности греков, в их формализме, в желании дать русской княгине почувствовать дистанцию между императором и ею. Такой подход к решению вопроса представляется несостоятельным. Как известно, статус русских посольств и купеческих караванов определялся в предшествующие десятилетия соответствующими статьями договора 907 г., а позднее 944 г. Там четко было сказано, что по прибытии к Константинополю руссов переписывают, выясняя состав их посольства, приставляют к ним особого чиновника, который определяет их на местожительство в русское подворье около монастыря св. Маманта, затем они в соответствующем порядке входят в город и т. д. Но в случае с прибытием в Константинополь великой княгини определенно возник дипломатический казус, сведения о котором отложились в летописи.

Ответ на интересующий нас вопрос можно получить, проанализировав параллельно состав русского посольства и сведения Константина VII Багрянородного.

Если в состав посольства Игоря в Византию, которое по количеству и пышности представительства не имело себе равных на Руси, входил 51 человек, то число сопровождавших Ольгу лиц перевалило за сотню, не считая охраны, корабельщиков, многочисленных слуг. В свиту входили родственник Ольги (анепсий), 8 ее приближенных (возможно, знатных киевских бояр или родственников), 22 апокрисиария, 44 торговых человека, люди Святослава, священник Григорий, 6 человек из свиты апокрисиариев, 2 переводчика, а также приближенные женщины княгини². Состав посольства, как видим, напоминает русскую миссию 944 г. Апокрисиарии, как отмечалось в историографии³, являлись представителями от видных русских князей и бояр. Однако, как и в случае с посольством 944 г., за ними, по нашему мнению, не было никакого реального политического представительства. Их связь с видными политическими фигурами древнерусского государства была лишь номинальной, титульной, что было правильно понято византийским двором: апокрисиарии получили посольского жалованья по 12 миллиарисиев каждый, т. е. столько же, сколько и купцы, и даже меньше, чем переводчики (15 миллиарисиев каждый). Другое дело, что в составе посольства Ольги по сравнению с посольством Игоря появилась новая категория лиц — либо родственники, либо приближенные, которые получили на первом приеме по 20 миллиарисиев, что указывает на их высокое место в русской посольской иерархии: больше них получила лишь сама Ольга и ее родственник. Во всяком случае, столь представительного, столь пышного посольства Русь в Византию еще не засылала. Ольга явилась в Константинополь во всем великолепии, со значительным флотом, на котором и прибыло сто с лишним чело-

век одних членов посольства, не считая обслуги. Такая миссия должна была преследовать какие-то исключительные цели.

В этой связи закономерен вопрос: каков же был уровень приема посольства Ольги во дворце? Как известно, в историографии по этому поводу противостоят друг другу две точки зрения: одна говорит о плохом приеме Ольги в Константинополе, мизерных ей дарах, что соответствовало уровню приема захудалых владетелей Востока; другая отмечает высокий уровень приема русского посольства. Рассмотрим фактическое положение дела.

Первый прием Ольги императором 9 сентября проходил так, как обычно проводились приемы иностранных правителей или послов крупных государств. Император обменялся с ней через логофета церемониальными приветствиями в роскошном зале — Магнавре; на приеме присутствовал весь состав двора, обстановка была чрезвычайно торжественной и помпезной. По типу он напоминал прием, описанный Лиутпрандом, епископом Кремонским, являвшимся в 949 г. послом итальянского короля Беренгара при константинопольском дворе. В тот же день состоялось еще одно традиционное для приемов высоких послов торжество, также описанное Лиут-прандом, — обед, во время которого присутствующих услаждали певческим искусством лучших церковных хоров Константинополя и различными сценическими представлениями.

Однако Константин VII Багрянородный описал и такие детали приема русской княгини, которые не имели аналогий во время встреч с другими иностранными представителями и никак не соответствовали византийской “политической религии”. Хотя император и продемонстрировал Ольге все свое величие, он сделал для нее и ряд отступлений от предусмотренных церемониалом тронного зала традиций. После того как придворные встали на свои места, а император воссел на “троне Соломона”, завеса, отделявшая русскую княгиню от зала, была отодвинута, и Ольга впереди своей свиты двинулась к императору. Обычно иностранного представителя подводили к трону два евнуха, поддерживавшие его под руки, а затем тот совершал проскинезу — падал ниц к императорским стопам. Именно об этом поведал в своей хронике Лиут-пранд: “Я оперся на плечи двух евнухов и так был приведен непосредственно перед его императорское величество... После того как я, согласно обычаю, в третий раз преклонился перед императором, приветствуя его, я поднял голову и увидел императора в совершенно другой одежде”⁴. Ничего подобного не происходило с Ольгой. Она без сопровождения подошла к трону и не упала перед императором ниц, как это сделала ее свита, хотя в дальнейшем и беседовала с ним стоя. Кроме того, Ольгу отдельно приняла императрица, которую она также приветствовала лишь легким наклоном головы. В ее честь был устроен торжественный выход придворных дам; беседа русской княгини с императрицей проходила через препозита.

После небольшого перерыва, который Ольга провела в одном из залов дворца, состоялась встреча княгини с императорской семьей, что, как отметил Г. Острогорский, не имело аналогий в ходе приемов обычных послов. «Когда император воссел с августою и своими багрянородными детьми, — говорится в «Книге о церемониях», — княгиня была приглашена из триклина Кентурия и, сев по приглашению императора, высказала ему то, что желала». Здесь, в узком кругу, и состоялся разговор, ради которого Ольга и явилась в Константинополь. Такую практику также не предусматривал дворцовый церемониал — обычно послы беседовали с императором стоя. Право сидеть в его присутствии считалось чрезвычайной привилегией и предоставлялось лишь коронованным особам, но и тем ставились низкие сиденья⁵.

В тот же день состоялся парадный обед, перед которым Ольга опять вошла в зал, где на троне восседала императрица, и вновь приветствовала ее легким поклоном. За обедом Ольга сидела за «усеченным столом» вместе с зостами — придворными дамами высшего ранга, которые пользовались правом сидеть за одним столом с членами императорской семьи, т. е. такое право было предоставлено и русской княгине. По мнению Г. Острогорского, «усеченный стол» — это стол, за которым восседала императорская семья. Мужчины из русской свиты обедали вместе с императором. За десертом Ольга вновь оказалась за одним столом с императором Константином, его сыном Романом и другими членами императорской семьи. И во время парадного обеда 18 октября Ольга сидела за одним столом с императрицей и ее детьми⁶. Ни одно обычное посольство, ни один обыкновенный посол такими привилегиями в Константинополе не пользовались.

И еще одна характерная деталь отличает прием русского посольства и 9 сентября, и 18 октября — на этих встречах не было ни одного другого иностранного посольства. Между тем в практике византийского двора существовал обычай давать торжественный прием одновременно нескольким иностранным миссиям. Так, Лиутпранд сообщает, что во время первого посещения императорского дворца вместе с ним были послы испанского халифа, а также Лиутфред, майнцский купец, посланный к императору германским королем. Спустя 19 лет, будучи снова послом в Византии и представляя там Оттона I, Лиутпранд сидел на парадном обеде вместе с болгарскими послами, которых, кстати, посадили на более почетные места, что и задело престиж посла германского императора⁷. «Персональное» приглашение русскому посольству в обоих случаях следует расценивать как особую привилегию.

Все это указывает на то, что русские приложили немало усилий к тому, чтобы превратить свое посольство в экстраординарный случай в византийской дипломатической практике. Поэтому не случайно Ольга обошлась без евнухов при приближении к императору, не совершала проскинезу, удостоилась приема у императрицы, ела за «усеченным столом»

и т. п., т. е., проходя поначалу в ранге обычного посла, она сумела занять в посольском церемониале совершенно особое место. Средневековая практика приемов и “отпусков” иноземных послов, в частности в Русском государстве XV—XVII вв. и русских послов за рубежом, говорит о том, что переговоры по вопросам церемониала затягивались порой на долгие недели. Немаловажное значение придавалось тому, встанет иностранный государь при вопросе о здоровье русского монарха или задаст его сидя, снимет при этом шляпу или нет; особо оговаривалась последовательность тостов за здоровье монархов, их жен и наследников во время обеда. Русские средневековые дипломаты при иностранных дворах настаивали на том, чтобы им не устраивали официальных встреч и приемов до представления главе государства и чтобы во время их приемов, “отпусков”, а также обедов не было в зале иных посольств. Случалось, дело доходило до курьезов: русские послы грозили отъездом, если иностранные правители нарушали принятый между государствами дипломатический этикет. Так же вели себя и иностранные дипломаты при русском дворе. Дипломатический опыт более позднего времени, упорная борьба за престиж своего государства русской дипломатии XV—XVII вв. подсказывают ключ к решению загадки долгого пребывания русского посольства близ Константинополя: вероятно, шли напряженные переговоры по поводу церемониала приема русской княгини, в ходе которых и рождались все отмеченные выше отступления от традиционных правил встреч послов в столице империи.

Судя по многочисленности и пышности русского посольства, по тому, что сама великая княгиня — возможно, по приглашению Константина VII—отправилась в столь далекий и нелегкий путь, руссы должны были настаивать на исключительности приема, на воздании Ольге особых почестей, на сведении до минимума той дистанции, которая отделяла русских князей от византийских императоров. И Ольге удалось добиться известных результатов. Стороны пришли к компромиссному решению по вопросам церемониала: в приеме Ольги нашли отражение как стереотипные правила встреч высоких иностранных послов, так и отступления от них, сделанные специально для высокой русской гостьи. Византийский император сумел сохранить расстояние, отделявшее его от правительницы “варваров”, хотя и вынужден был пойти на серьезные уступки. Разумеется, долгие переговоры “в Суду” должны были произвести на княгиню, которая приехала в Константинополь добиваться для русского великокняжеского дома высших почестей, самое неблагоприятное впечатление. Именно в этом следует искать причину ее недовольства и раздражения, высказанных позднее византийским послам в Киеве.

Вопрос о преподнесенных Ольге дарах не противоречит этой концепции. Историки спорили по поводу того, мизерны были эти дары или, напротив, вполне приличны. Нам представляется, что спор этот беспредметен, поскольку Д. В. Ай-

налов убедительно доказал, что во время как первого, так и второго приема Ольге были преподнесены не дары, а польское содержание.

Д. В. Айналов отметил, что точно такую же сумму — 500 миллиарисиев — получил до нее сарацинский посол, причем ему, как и Ольге, преподнесли их на золотом блюде. Он усмотрел аналогию и в случае с выплатой посольского содержания членам итальянского посольства, когда был составлен специальный список, согласно которому на аудиенции каждому члену была вручена причитающаяся сумма. Д. В. Айналов высказал мысль, что 500 миллиарисиев, врученных Ольге, не что иное, как “слебное” договоров 907 и 944 гг. Блюдо же в данном случае использовалось просто для подношения денег. Обратил Д. В. Айналов внимание и на то, что вторая плата (18 октября) была меньше первой, что также указывает на подневную оплату. Что касается даров, то они Ольге были вручены особо; о них-то и говорит летопись: “И дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и есуды различныя, и отпусти ю”. Так же понимает этот вопрос и В. Т. Пашуто⁸.

Добавим к этому, что Лиутпранд, рассказывая о своем посольстве в 949 г., заметил, что после приема и торжественного обеда ему были преподнесены императором дары. Что касается денежной выплаты на содержание посольства, то о ней он упомянул отдельно: деньги ему были вручены императорским чиновником на особой раздаче⁹. Следует, видимо, напомнить и о том, что дары иностранному посольству обычно преподносились только во время прощального приема, и в этом смысле русский летописец совершенно точно отметил, что император вручил Ольге дары, когда “отпусти Ю”, т. е. на прощальной аудиенции. Да и в последней летописной записи, касающейся поездки, сказано, что император “многo дарихъ” Ольгу, а та обещала в ответ прислать ему традиционные русские подарки: челядь, воск, меха.

Все эти факты говорят о том, что Ольга была принята в Византии не как обычный посол, а как высокая владетельная особа. Не исключено, что разговор в Константинополе мог касаться и вопроса об установлении с императорским двором династических связей. Такая практика была хорошо известна тогдашнему миру. Династические связи Византии с “варварскими” государствами либо подкрепляли союзные отношения, либо способствовали возвышению престижа той или иной страны. Так, в 20-х годах VII в., испытывая сильное давление со стороны персов и аваров, император Ираклий направил посольство к хазарскому кагану с просьбой о помощи и предложил ему в жены свою дочь Евдокию, а также направил богатые подарки. В VIII в., стремясь сохранить союз с Хазарией, император Лев IV женил на хазарской принцессе своего сына Константина, будущего Константи-

на V, за что впоследствии его резко осудил Константин VII Багрянородный, который считал, что Лев IV нанес тем самым ущерб престижу императорской власти. В 20-х годах X в. болгарский царь Петр скрепил мирные отношения с Византией браком с внучкой Романа I Марией. Империя признала за Петром титул цесаря. Кстати, этот шаг также порицал Константин VII Багрянородный. В свою очередь, стремясь заручиться поддержкой мощной державы франков, а позднее Германского королевства в борьбе с арабами, византийские императоры настойчиво добивались укрепления династических связей с домом Карла Великого. В 802 г. ему было направлено письмо с предложением заключить договор о мире и любви и укрепить его династическим браком. В 842 г. император Феофил направил посольство в Трир к Лотарю I для переговоров о взаимных действиях против арабов и предложил руку своей дочери сыну Лотаря Людовику. С той же целью в 869 г. император Василий I Македонянин стремился оформить брак своего сына Константина и дочери немецкого короля Людовика II. Однако были случаи, когда константинопольский двор по политическим мотивам отказывал в династических браках даже весьма могущественным правителям. В 591 г. персидский шах Хосров II просил руки дочери императора Маврикия, но получил отказ, мотивированный тем, что он не христианин¹⁰. Византийские императоры старательно уклонялись от династических связей с персидским двором, опасаясь претензий персов на императорский престол.

В свете этих усилий сопредельных с Русью стран (Хазарского каганата, Болгарии), а также борьбы за государственный престиж в ходе выработки дипломатических документов, статуса посольства Ольги, последующего ее крещения и получения титула “дочери” императора вполне вероятно, что княгиня могла вести переговоры по поводу династического брака молодого Святослава с одной из принцесс императорского дома. В этой связи многозначительно звучит предостережение Константина VII Багрянородного своему сыну Роману ни в коем случае не допускать браков с “варварами” и не предоставлять им, несмотря на их требования (“как часто случается”), императорских одеяний, венцов или другого убранства. Среди “варваров” Константин VII назвал хазар, угров и Русь. За этим предостережением в его сочинении следует раздраженный пассаж относительно того, что в прошлом императоры нанесли большой урон престижу византийской власти, допустив династические браки с хазарами и болгарами. Следует прислушаться к тонкому замечанию В. Т. Па-шуты о том, что под именем анепсия мог скрываться сам молодой русский князь¹¹, которого мать привезла в Константинополь не без политических расчетов.

Наконец, объектом переговоров в Константинополе, как это видно из записи о просьбе византийских послов в Киеве и об ответе им Ольги, были вопросы, связанные с реализацией союзного договора 944 г. Послы, судя по летописи, пере-

дали Ольге слова императора: “Много дарихъ тя. Ты бо гла-голаше ко мне, яко аще възвращюся в Русь, многи дары прислю ти: челядь, воскъ и скърю, и вой в помощь”. “Вой в помощь” — вот что обещала русская княгиня Константину VII во время переговоров в сентябре — октябре. Император, видимо в преддверии новых военных кампаний против арабов, хотел заручиться помощью руссов, в обмен на которую Ольга и выставила свои требования в области титула-туры, а возможно, и добивалась династического брака, что было свойственно “варварам” и о чем с раздражением писал император в своем сочинении. Именно в этом вопросе стороны разошлись, недовольные друг другом. Истоки этого недовольства Ольга возводит к долгим словопрениям “в Суду”, а Константин VII — к требованиям руссов родственных связей с императорским домом и символов царской власти.

Реализация союзного договора 944 г. была тем сюжетом, на который нанизывались политические требования русской стороны. Поэтому нет серьезных оснований полагать, что цель переговоров Ольги с императором состояла в заключении нового договора или в достижении каких-то договоренностей в области торговых отношений (В. А. Пархоменко, М. Д. Приселков, М. В. Левченко). Трудно согласиться и с мнением В. Т. Пашуто, что, “если не считать христианизации, круг проблем, волнующих обе страны, прежний”¹², т. е. тот же, что и в 944 г. Он был прежним лишь в плане постоянного стремления Руси IX—X вв. повысить свой международный авторитет, добиться от Византии новых политических уступок, но на каждом этапе Русь ставила конкретные задачи, и в этом смысле посольство Ольги ни в чем не повторило переговоров времен выработки русско-византийских соглашений. Что касается мнения о том, что на переговорах в 957 г. шла речь о реализации договора 944 г., то оно справедливо, но лишь с одной оговоркой: на этой реализации настаивала империя, а русская сторона умело использовала интересы Византии, чтобы добиться политических выгод в сферах, о которых уже говорилось. И отказ Ольги предоставить империи военную помощь, вероятнее всего, был связан с ее неудачными переговорами по поводу династического брака, получения более высокого достоинства, чем то, которого она добилась, и долгими переговорами “в Суду” по вопросам церемониала. Однако договор 944 г. продолжал действовать, и посылка русского отряда на помощь Византии в ее борьбе за Крит это наглядно подтверждает.

Что касается нарастания конфликта между Русью и Византией с середины 60-х годов X в., то посольство Ольги не имело к этому никакого отношения. Договор о мире и союзе 944 г. продолжал действовать и в 60-х годах, взаимоотношения между двумя странами в середине 60-х годов строились на его основе. Истоки же конфликта уходили корнями в историческую обстановку, сложившуюся к тому времени в Восточной Европе.

4. УСТАНОВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ “МИРА И ДРУЖБЫ” С ГЕРМАНСКИМ КОРОЛЕВСТВОМ

В 959 г. Ольга проявила еще одну внешнеполитическую инициативу, отправив посольство к германскому королю Оттону I.

В историографии этот шаг русской княгини обычно связывали с тем, что Ольга, потерпев неудачу с введением церковной организации из Византии и не получив там необходимых политических преимуществ, обратилась по тем же вопросам на Запад, чем оказала давление на несговорчивый византийский двор. Но ни о какой церковной организации, как это показано выше, в Константинополе не было и речи. С какой же целью направила она посольство к Оттону I, бывшему тогда лишь германским королем и, конечно, не пользовавшемуся столь высоким международным авторитетом, как византийский император? Ответить на этот вопрос, принимая традиционную точку зрения, весьма затруднительно.

Анализируя факт отправки русского посольства на Запад, историки в основном опирались на слова продолжателя Регино-на о том, что русские послы обратились с просьбой к Оттону I дать епископа и пресвитеров их народу, и меньшее значение придавали весьма знаменательной записи того же автора о том, что послы “притворно, как впоследствии оказалось... просили” об этом (“fictē, it post claruit... petebant”)¹,

Интерпретируя эту фразу, В. Фидас отнес слово “притворно” именно к просьбе о направлении епископа и пресвитеров, а не к предыдущей фразе о крещении Ольги в Константинополе. На этом основании он заключил, что ни о каком введении христианства на Руси из рук Оттона I не могло быть и речи. Об этом же говорит, по его мнению, и холодный прием епископа Адальберта в Киеве, а также его последующая неудача на Руси².

Между тем это добавление можно трактовать, на наш взгляд, и в ином смысле: либо русские послы превысили свои полномочия, пригласив епископа и пресвитеров, хотя в Киеве об этом не было и речи; либо Ольга действительно решила просить Оттона I о введении церковной организации на Руси, но в дальнейшем под давлением языческой оппозиции вынуждена была взять свою просьбу обратно и выслать немецких миссионеров из Киева; либо цель русского посольства была понята при дворе Оттона I неправильно. Во всяком случае, неловкость с приглашением епископа из германских земель °ЩУЩается в источнике довольно основательно. Думается, что ни одна из этих версий не может объяснить появление в Киеве епископа Адальберта. Что касается самовольства в этом вопросе русских послов, то оно исключается в силу того, что к середине X в. на Руси уже существовали прочные дипло-

матические традиции. Послы действовали строго от имени великого князя и были ему подотчетны, что совершенно очевидно просматривается при заключении договоров 907, 911, 944 гг.

По причине отмеченных выше обстоятельств — наличия мощной языческой партии в Киеве во главе со Святославом — представляется маловероятным, чтобы Ольга пошла на столь ответственный шаг, как принятие церковной организации из рук Оттона I. Это было бы вызовом не только великокняжеской дружине и язычникам, но и русским христианам, которые были связаны с греческой церковью. О ее сильном влиянии на Руси хорошо знали и в Риме. Это видно, в частности, из буллы папы Иоанна XIII от 967 г. об утверждении Пражского епископства. Папа наказывал князю Болеславу II, чтобы он выбрал для богослужения в Праге “не человека, принадлежащего к обряду или секте болгарского или русского народа, или славянского языка, но, следуя апостольским установлениям и римским, выбрал лучше наиболее угодного всей церкви священника, особенно сведущего в латинском языке, который смог бы плугом вспахать сердца язычников...”³. Как известно, Болгария приняла христианство из Византии, а здесь она упоминается в одном контексте с Русью. Да и сама Ольга, крестившись в Византии, получив титул императорской “дщери” и благословение константинопольского патриарха, несмотря ни на какие обиды как политического, так и частного порядка, не могла не чувствовать себя связанной с византийской церковью.

Трудно себе представить, чтобы Оттон I и королевские чиновники не поняли, с какой просьбой к ним обратились русские послы, и направили без соответствующей подготовки церковную миссию в Киев.

Смысл событий нам представляется несколько в ином свете. Русь того времени активно продолжала искать международные контакты: Византия, Болгария, Хазарский каганат, варяги, печенеги, угры давно уже были в сфере ее политического внимания. Со всеми этими государствами и народами Русь связывали давние отношения. С большинством из них к середине X в. она не раз заключала мирные договоры, различного рода соглашения. С IX в. киевские князья проявляли интерес к контактам с империей франков, которая стала к тому времени существенным международным фактором, и в 839 г. русское посольство в сопровождении византийских послов появилось в Ингельгейме. Целью этого посольства на Запад явился сбор сведений об империи франков, ознакомление с соседними странами. Как известно, эта миссия кончилась печально для киевских посланцев. С тех пор источники молчат о каких бы то ни было дипломатических контактах Руси с франками и Германским королевством. Между тем последнее превратилось к середине X в. в могущественную империю. В середине X в. Оттон I захватил Италию и одержал ряд побед над венграми. Религиозный фанатик, он стре-

милея создать имперско-церковную систему и в 962 г. увенчал свои усилия принятием титула императора Священно-римской империи. При нем особенно активизировалась миссионерская деятельность на Востоке, и в частности в землях славян. Б. Я. Рамм отмечает, что после учреждения епископства в Магдебурге Оттон I решил создать две новые епархии — в Польше и на Руси, подчинив их майнцекому епископу⁴.

В этих условиях ряд государств, в том числе и Византия, стремились укрепить мирные отношения с Германским королевством. Русское посольство 959 г. вряд ли можно рассматривать изолированно от усилий других стран и самой Руси установить контакты с державой Оттона I. В. Т. Пашуто заметил, что в политические расчеты Ольги мог входить и факт сближения в 60-х годах X в. Польши и Германии⁵. Необходимо иметь в виду и присутствие русского посольства на имперском съезде в Кведлинбурге в 973 г. В хронике Лам-перта говорится, что на съезд прибыли посольства из Рима, Италии, Византии, Венгрии, Дании, Польши, Болгарии, Чехии, а также русское посольство с богатыми дарами. Таким образом, русское посольство оказалось при дворе германского императора среди миссий других государств Европы, и это несмотря на историю с епископом Адальбертом, происшедшую всего несколькими годами ранее⁶.

Такая дипломатическая активность может говорить лишь об одном — о желании вступить в отношения “мира и дружбы” еще с одним крупным государством западного мира, с которым до сего времени у Руси не было регулярных дипломатических контактов. “Это была попытка, — как совершенно справедливо отметил М. А. Алпатов, — установить политические связи с империей”⁷. Подобное стремление находилось в русле тех усилий по расширению своего международного влияния, которые Русь настойчиво проводила в жизнь во второй половине IX — первой половине X в. К Оттону I прибыла обычная миссия “мира и дружбы” для установления между государствами мирных отношений, которые предполагали регулярный обмен посольствами, свободный пропуск купцов. Вспомним, что в результате русского посольства в Византию в 60-х годах IX в. на Русь были отправлены греческие миссионеры и в списке епархий, подчиненных константинопольскому патриарху, появилось даже русское епископство. Однако никаких заметных церковных или политических следов эта миссия не оставила, хотя часть руссов, вероятно, и крестилась, видя в этом приобщение к политическим высотам византийского мира. В ходе переговоров с руссами у Оттона I вполне могла возникнуть мысль об использовании представившегося случая для попытки внедрить свою церковную организацию на Руси, и он мог выдвинуть предложение о направлении в Киев своей церковной миссии и получить согласие русских послов. Но это вовсе не означало бы, что Русь направила посольство к Оттону I по поводу введения

в своих землях христианства немецко-римского образца; в этом случае руссы просто допустили бы свободу миссионерской деятельности со стороны Запада, так же как сто лет тому назад они предоставили такую возможность Византии.

Но как оценить в этой связи слова продолжателя Регино-на — Адальберта о том, что руссы обратились с просьбой об организации в Киеве епископства и поставлении пресвитеров? Думается, что эта версия должна остаться на совести самого Адальберта: ничто не указывает на то, что Русь конца 50-х годов была готова к введению церковной организации. Удивительно и другое: если руссы, по словам Адальберта, обратились к Оттону I с такой просьбой, то почему он, столь ревностный церковник и распространитель немецкого влияния на Востоке, так медлил? После появления руссов при королевском дворе прошло значительное время, а епископ все еще не был поставлен. Лишь в 960 г. монахи Аибуция посвятили в епископы для Руси. Но с отъездом он не торопился, а вскоре умер. Прошел еще год, пока определился новый кандидат — Адальберт из братии монастыря св. Максимиана, да и тот обвинил в своем новом назначении архиепископа Вильгельма, считая, что на новую должность его поставили “по интригам и навету” последнего. Все это плохо вяжется с официальным предложением Руси организовать в Киеве епархию; зато такой ход событий вполне соответствует согласию руссов допустить в свои земли немецких миссионеров, на что те шли с великой неохотой, как на дело неясное, трудное и неблагодарное. В том же направлении ведет нас и последующая история пребывания Адальберта на Руси. В 962 г. он вновь появился при дворе Оттона I, “не сумев преуспеть ни в чем, для чего он был послан, и видя своей труд тщетным”. Часть его миссии погибла на обратном пути, неудачливый кандидат в русские епископы с трудом добрался до родных мест, был обласкан императором и архиепископом, а позднее поставлен в архиепископы Магдебурга⁸.

Что же произошло в Киеве? Ряд ученых предполагают, что в русской столице вспыхнуло народное возмущение против ретивого епископа, который не только занимался миссионерской деятельностью, но и пытался осуществить какие-то политические притязания Оттона I. Он был изгнан. В Киеве произошел государственный переворот, а пригласившая епископа Ольга отошла от государственных дел (М. Д. Приселков, В. А. Пархоменко, Б. Я. Рамм, М. А. Алпатов). Судя по недовольству Адальберта киевлянами, а также по указанию хроники Ламперта Герсфельдского о том, что Адальберт, бежав из Киева, “едва избежал их (киевлян.— А. С.) рук”, и сообщению Титмара Мерзебургского, что он “был оттуда (из Киева.— А. С.) изгнан народом”⁹, можно сделать вывод, что конфликт между немецким епископом и жителями русской столицы действительно имел место, хотя правы и те, кто утверждал, будто спутники епископа погибли не от рук

киевлян и, возможно, не в русских землях, а где-то в иных местах на пути в Германию¹⁰.

Справедливо замечено, что дальнейшее возвышение Адальберта может свидетельствовать о рьяном исполнении им возложенного на него поручения, тем более что папа Иоанн XIII в булле о поставлении его в архиепископы отметил, что на Руси Адальберт потерпел неудачу “не по своей нерадивости”¹¹. Однако вряд ли есть основания связывать изгнание Адальберта с серьезными внутривосточными переменами в Киеве, которые, кстати, не прослеживаются по источникам. Не видно, чтобы расхождение Ольги с сыном пошло дальше споров по поводу введения христианства. Более того, когда Святослав надолго покидал Киев — а так было во время его войны с вятичами, волжскими булгарами, хазарами, ясами и касогами, а также в период первого похода в Болгарию, во главе государства по-прежнему оставалась Ольга, что со всей очевидностью подтверждается изложенной в летописи историей печенежского нашествия на Киев в 968 г., когда княгиня возглавила оборону города. Добрые отношения, согласно летописным данным, существовали между Ольгой и Святославом и позднее, когда князь встретился с матерью и остался около больной Ольги и лишь после ее смерти вторично двинулся в Болгарию¹².

Согласие русской стороны принять у себя, по выражению В. П. Шушарина, “миссийного епископа” было в конечном счете использовано Оттоном I для того, чтобы превратить его в полноправного представителя немецкой церкви и учредителя церковной организации на Руси. Вот это и встретило отпор, и не столько, по-видимому, народа, сколько правящей языческо-христианской верхушки, не пожелавшей предоставить какие бы то ни было церковные и политические права представителю германского короля. Поэтому версии о том, что Русь “выбирала” путь между Византией и Западом, “могла примкнуть” к той или другой стороне; что она оказывала на Византию политическое давление, демонстрируя ей свою независимость; что Ольга обращением на Запад мстила за “дипломатический карантин” “в Суду”, а когда крестилась и Адальберт “опоздал”, возвратилась опять к союзу с Византией,— представляются нам необоснованными. Русское посольство на Запад преследовало самостоятельные политические цели, не связанные непосредственно с отношениями Руси и Византии.

Дипломатия княгини Ольги осуществлялась, когда Русь не воевала ни с одним из соседних государств. Но и в мирных условиях русское раннефеодальное государство настойчиво проводило прежнюю внешнеполитическую линию правящих кругов Руси, когда она силой оружия добивалась политического признания, равноправных межгосударственных соглашений с Византией, закрепляла за собой новые районы в Причерноморье. Линия на дальнейшее возвышение государственного престижа древней Руси, расширение ее между-

народных связей прослеживается и в 50-х — начале 60-х годов X в. Не во всем и не повсюду дипломатическим усилиям Ольги сопутствовал успех: лишь частично добилась она поставленных целей в отношении Византийской империи, тернист был путь установления нормальных внешнеполитических отношений с другой могущественной державой Европы — Германским государством. Каждый из дипломатических шагов Руси встречал контрдействия и Византии, и Отто-

на I, и киевским правителям приходилось соизмерять степень достигнутых успехов с политическими уступками, которых требовали взамен Византия и Германское королевство. В этом дипломатическом противоборстве нащупывала древняя Русь политическую линию, которая в тогдашних условиях наиболее полно выражала бы интересы раннефеодального государства, интересы правящей династии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зарождение древнерусского раннефеодального государства IX—X вв., складывание его внешней политики, отражавшей интересы правящей верхушки, феодализирующеися знати, богатого купечества, закономерно сопровождалось возникновением и развитием дипломатической системы, являвшейся органической частью раннефеодальной государственности древней Руси.

Эта система, представлявшая собой определенные средства, приемы, традиции, документацию и т. п., людей, которые сосредоточивали свои усилия на выполнении дипломатических поручений киевского великокняжеского дома, совершенствовалась и видоизменялась в соответствии с внутривнутриполитической эволюцией древнерусского государства, а также под воздействием развития дипломатической службы в странах Центральной и Восточной Европы, Передней Азии, в Прибалтике, на Северном Кавказе, в Закавказье, т. е. в тех регионах, которые являлись сферой приложения внешнеполи-

тической активности древних руссов. Уровень развития дипломатической системы в тот или иной период соответствовал определенной стадии становления государственности в древней Руси, в известной мере отражал состояние международного дипломатического опыта своего времени и в значительной степени зависел от практики дипломатических контактов “варварских” раннефеодальных государств, сопредельных Руси, а также других государственных образований второй половины 1-го тысячелетия с Византийской империей, которая к IX в. располагала тщательно разработанной дипломатической системой, в том числе и непосредственно адресованной “варварским” государствам и народам.

На всем протяжении изучаемого периода мы видим, как дипломатическая практика древних руссов, во-первых, уходит корнями в глубь веков, впитывает в себя первый опыт дипломатической активности руссов прошлых десятилетий, закрепляет и совершенствует раз приобретенное; во-вторых, осваивает дипломатический опыт сопредельных “варварских” государств, вкладывая в него собственные традиции и представления о месте древнерусского государства в международной системе Восточной Европы и Передней Азии. Об этом говорит сравнительно-историческое изучение дипломатических усилий руссов и других народов того времени. В-третьих, эта практика находилась в постоянном взаимодействии с византийской дипломатической системой, которая оказывала на нее мощное воздействие, однако руссы заимствовали из имперского арсенала лишь то, что содействовало успехам собственной внешней политики и усиливало международные позиции древней Руси.

Истоки древнерусской дипломатии восходят еще ко временам антов. Именно от VI — начала VII в. до нас дошли первые сведения о дипломатической практике предков восточных славян.

Анты знали переговоры по территориальным вопросам, соглашения о выкупе пленных, посольские обмены и статус послов, заключали со своими соседями военно-союзные договоры. Племенные союзы антов вступили на традиционный как для “варваров” VI в., так и для позднейших “варварских” государственных образований путь получения постоянных денежных даней от Византийской империи в обмен за соблюдение мира на ее границах. Аналогичную практику знали другие древнеславянские племена — соседи антов — склавины.

Первые, правда чрезвычайно зыбкие, сведения о внешнеполитических контактах древних славян на Востоке в VI в. доносят до нас арабские авторы.

Применительно к концу VIII — первой трети IX в. есть уже основания говорить о первых дипломатических соглашениях древних руссов с греками. После типично грабительских “военно-демократических” походов на крымские и малоазиатские владения империи руссы вступали в мирные переговоры

с местными византийскими властями, во время которых определились первые дипломатические стереотипы древних руссов: противники договаривались о приостановлении военных действий, о возвращении руссами плененных жителей прибрежных городов и награбленной добычи. Обращает на себя внимание появление в их мирных переговорах сюжетов, связанных с крещением. В этот период определяются основные направления военных предприятий руссов на юге и юго-западе: Северное Причерноморье и побережье Крыма, опорные византийские пункты в этом регионе — Херсонес и Сурож, а также Южное побережье Черного моря, богатые малоазиатские районы. Эти военные предприятия указывают и на то, что в начале IX в. руссы решают здесь собственные внешнеполитические задачи, не связанные с политикой их недавнего сюзерена — Хазарии. Более того, удар по Крыму не только был направлен против могущественной империи, но и являлся вызовом ее давнему союзнику — Хазарскому каганату. Нападение же на Амастриду стало своеобразной рекогносцировкой перед большим общерусским походом на Константинополь в 860 г.

Руссы того времени еще не вышли в своих внешнеполитических контактах с империей за рамки соглашений с местными византийскими властями. Большая константинопольская политика пока еще обходила их стороной. Условия первых договоров с греками, и в первую очередь соглашения о прекращении военных действий и возврате пленных, имеют близкие аналоги в договорах Византии с арабами, болгарами, венграми на начальной стадии формирования ими своих государств. Но уже в то время в переговорах руссов с греками появляется дипломатический мотив, которому суждено было звучать в период и переговоров в 60-х годах IX в., и визита княгини Ольги в Константинополь в 957 г., и русско-византийского конфликта 987—988 гг. и последовавших за ним переговоров. Речь идет о крещении Руси византийскими церковными иерархами в качестве определенной политической привилегии со стороны Византии по отношению к Руси, которая использовала этот акт, естественно, не для усиления влияния империи на свою политику (как оценивали такого рода договоренности византийские государственные деятели), а как средство возвышения собственного внешнеполитического престижа и укрепления авторитета государственной власти.

Русское посольство в 838—839 гг. в Константинополь и в столицу Франкского государства Ингельгейм явилось новым шагом в складывании древнерусской дипломатической системы. Впервые в истории Русь как государство была представлена при дворе византийского императора Феофила и франкского императора Людовика Благочестивого. Появление посольства в Византии было вызвано необходимостью урегулировать русско-византийские отношения после набега русской рати на Пафлагонию. Поддержание мирных отношений с Русью сопровождается активной помощью со стороны Визан-

тии Хазарскому каганату, позиции которого стали не столь прочными, как прежде, из-за появления в причерноморских степях печенегов и угров. Русскую миссию в Константинополь следует рассматривать и в связи с начавшимся активным наступлением арабов на владения империи в Малой Азии: в этих условиях константинопольское правительство было заинтересовано в надежном обеспечении своих границ на севере.

При помощи посольства 838—839 гг. Русь вошла в прямой официальный дипломатический контакт с византийским центральным правительством. Посольство было принято в Константинополе на достойном уровне, о чем свидетельствуют длительность его пребывания в столице и внимание к нему со стороны императора, позаботившегося о его безопасном и почетном препровождении в Ингельгейм совместно со своим посольством. В состав посольства входили иностранцы, находившиеся на русской службе. Эта традиция была порождена нехваткой в формирующемся государстве людей, искушенных в выполнении дипломатических поручений, а также, вероятно, более конкретной причиной — связями древнерусской правящей верхушки с выходцами из Прибалтики, откуда могли явиться и сами древнерусские властители того времени. Позднее варяги не только шли в составе русского войска на Константинополь в 907 и 944 гг., но и принимали активное участие в посольских переговорах 907, 911, 944 гг.

События 60-х годов IX в. — нападение Руси на Константинополь 18 июня 860 г., перемирие и мирные посольские переговоры — сыграли важную роль в становлении древнерусской государственности, и в частности в развитии дипломатической системы древней Руси, в расширении ее международных связей, росте международного престижа. Недельная осада Константинополя руссами завершилась миром под стенами византийской столицы. Это первый известный нам мирный договор, заключенный Русью с другим государством. Согласно условиям мира, руссы сняли осаду города, сохранили за собой захваченные богатства и, видимо, обязались заслать посольство в Византию для окончательного мирного урегулирования. Империя в данном случае провела переговоры с Русью как с суверенным складывавшимся государственным образованием. Этот мир открыл послевоенные межгосударственные отношения между двумя странами.

Через некоторое время между Русью и Византией был заключен стереотипный для того времени межгосударственный договор “мира и любви”. Соглашение было заключено новым русским посольством, появившимся в Константинополе, и содержало условие об установлении между государствами мирных отношений, предположительно (как на это указывает практика отношений других “варварских” государств с Византией и позднейшая практика самой Руси) пункт об уплате империей дани Руси, а также договоренность о крещении Руси как политическом акте, который стороны стремились использовать в своих интересах. Христианская греческая

миссия была допущена на Русь. Важно отметить, что договор 60-х годов IX в. включал, судя по развитию событий, и союзное обязательство Руси по отношению к Византии. Именно в это время, по сведениям восточных авторов, руссы ударили по Закавказью, находившемуся под контролем враждебных Византии арабов.

В 860 г. Русь официально была признана Византией, как и ДРУ^{не} сопредельные государства раннего средневековья, и благодаря заключению первого в своей истории политического межгосударственного договора 60-х годов IX в. вошла в круг известных восточноевропейских государственных образований.

Все эти свидетельства, дошедшие от IX в., сопоставленные друг с другом и с дипломатической практикой сопредельных государств, указывают на то, что вышеизложенные события были не уникальными явлениями в истории Руси, а представляли собой дрдинарные, стереотипные внешнеполитические ситуации, звенья в цепи развития древнерусской дипломатической системы, которая, как и государство на Руси, складывалась задолго до пресловутого “призвания” варягов, “нор-маннизации” Руси и т. п.

От конца IX в. до нас дошли сведения о расширении Русью внешнеполитических связей с окружающими странами и народами, что объяснялось как потребностями экономического и политического развития Руси, необходимостью торговых связей с соседями и военных походов ради интересов феодализирующейся знати и купечества, так и подобными же встречными тенденциями со стороны других стран и народов, что приводило к военным конфликтам, мирным соглашениям, поискам союзников и т. п. и содействовало совершенствованию дипломатии как средства достижения государственных внешнеполитических целей.

На исходе IX в. Русь заключает договор “мира и любви” с варягами, который основывался на тех же принципах, что и подобные многочисленные соглашения Византии с “варварскими” народами и государствами, а также внутри “варварского” мира. За мир на своих северо-западных границах, а также за союзную помощь, как это показали последующие события, когда варяги шли вместе с Олегом и Игорем на Константинополь, Русь установила им выплату ежегодной денежной дани.

Мир с уграми был совершенно иного происхождения. Их кочевые полчища на исходе IX в. осадили Киев, и руссы добились снятия осады и отхода противника, лишь согласившись на уплату уграм, как и варягам, ежегодной денежной дани. Если в случае с варягами можно — с различного рода оговорками — проследить основные моменты их мирных и союзных отношений с руссами в течение, как указывает летопись, 150 лет, то в отношении угров сделать этого не удастся, хотя и нельзя абстрагироваться от того знаменательного факта, что в одновременных антивизантийских действиях Ру-

си и угров в 30-х годах и в начале 40-х годов X в., в их союзных с Русью действиях против Болгарии в 968 г., в рейде угров 968 г. по византийской Фракии, в их совместном военном походе под руководством Святослава на Константинополь летом 970 г. их интересы совпадали. Все это позволяет высказать предположение, что и с уграми Русь установила отношения “мира”, “любви” и союза, скрепленные либо упоминаемым договором, заключенным под стенами Киева, либо договоренностью во время последующих русско-венгерских переговоров.

Дружеские отношения были установлены и с Болгарией Симеона Великого, по чьей территории русское войско в 907 г. прошло к византийской столице.

Таким образом, готовясь к очередному походу против Византии в начале X в., Олег не только мобилизовал общерусские силы подчиненных ему племен и союзных тиверцев, но и располагал союзной помощью варягов, по меньшей мере благожелательным нейтралитетом угров и тайной помощью со стороны Болгарии, заключившей к этому времени мир с Византией, но не отказавшейся от борьбы с ней.

Поход Руси против Византии в 907 г. увенчался новым русско-византийским договором 907 г., который, как и мир 60-х годов IX в., был типичным договором “мира и любви”, т. е. политическим межгосударственным соглашением, регулировавшим основные вопросы взаимоотношений между двумя государствами. Он восстановил прежние нормы 30-летнего русско-византийского мира, нарушенные, видимо, в 90-х годах IX в., и значительно обогатил и развил их. Заключению договора предшествовали, как и в 860 г., предварительные мирные переговоры и установление перемирия. Переговоры вели в русском стане греческие парламентарии. Затем русское посольство появилось в Константинополе и провело там переговоры относительно дальнейшего мирного урегулирования отношений Руси и Византии. Соглашение 907 г. включало классические для договоров “мира и любви” условия: о восстановлении мирных отношений между странами, об уплате империей контрибуции и ежегодной денежной дани Руси, о статусе русских посольских и торговых миссий и освобождении русского купечества от торговых пошлин на столичных рынках. Договор 907 г. не только выявил характерные для соглашений этого типа условия, но и пролил дополнительный свет на первое такое соглашение, заключенное Русью с Византией в 860 г., подчеркнув их преемственность и развитие в договоре 907 г. тех положений, которые едва просматривались в источниках, касающихся 860 г.

В столице империи русское посольство вело упорные переговоры. Договор 907 г. состоял не только из устной клятвенной договоренности сторон по основным политическим вопросам взаимоотношений двух государств, но и из письменного документа, по-видимому хрисовула — императорской привилегии, где были перечислены конкретные обязательства

греческой стороны. Не известно, как утверждался договор 860 г., но, судя по процедуре утверждения соглашения 907 г., аналогичной процедуре, бытовавшей у болгар и имевшей место при заключении русско-византийских договоров 911 и 944 гг., можно предполагать, что руссы во второй половине IX и в начале X в. выработали свой стереотип подобной процедуры — “роты”, соответствовавшей тогдашним международным стандартам, бывшим на дипломатическом вооружении у “варварских” государств. Договор 907 г. стал тем характерным для раннего средневековья 30-летним миром, на основе которого строили свои отношения Русь и Византия. Ежегодная денежная дань Руси со стороны империи материально скрепляла существование этого договора, который, судя по активным военным действиям Руси в Закавказье в 909—910 гг., а также по участию русских отрядов в борьбе с критскими арабами, включал и устную договоренность о военно-союзных обязательствах Руси.

Русско-византийский договор 911 г., заключенный через четыре года после политического межгосударственного соглашения 907 г., показал, что в начале X в. Русь не только овладевала стереотипными “варварскими” договорами “мира и любви”, но и подошла вплотную к освоению вершин тогдашней дипломатии, преподанной миру Византийской империей. Соглашению 911 г. предшествовала посольская конференция, в ходе которой были выработаны основные принципы будущего договора. Работа над текстом договора была проведена в Константинополе во время встречи представителей Византии, которых возглавлял сам правящий император Лев VI, с русским посольством во главе с Карлом. Договор отразил наличие посольских прений, “речей”.

Русское посольство впервые было принято по типу иных иностранных миссий в Константинополе. Оно вело переговоры с самим императором, после их окончания получило ритуальную возможность ознакомиться с византийской столицей и ее достопримечательностями, в его честь был дан официальный прием у императора, или “отпуск”, а по возвращении в Киев оно получило также общепринятый в таких случаях прием у киевского князя, во время которого русские послы изложили результаты своей миссии в Византию.

Более определенно, чем в прошлые годы, выглядит и состав русского посольства. Его анализ показывает, что в начале X в. на Руси (как и в Византии, Персии, Арабском халифате) складывается категория лиц, прочно связавших свою деятельность с дипломатическими обязанностями. Такими дипломатами были пять русских послов 911 г., которые принимали участие и в выработке договора 907 г. Уже в то время просматривается посольская иерархия: Карл возглавляет посольство в обоих случаях, выделяется и младший чин посольства, по-видимому секретарь.

Представительство русского посольства впервые отразило в дипломатической сфере развитие идеологии раннефеодаль-

ного государства: послы выступали от лица великого князя киевского, всех “светлых” бояр и князей и от имени всего русского народа. Великокняжеская власть таким образом пыталась представить себя перед внешним миром выразительницей общенародных, общегосударственных интересов, что говорит о развитии феодального политического самосознания у правящих верхов Руси того времени.

Договор 911 г. и по своему содержанию качественно новая ступень в развитии русской дипломатии. Он включает не только основную общеполитическую идею соглашения 907 г.— идею “мира и любви”, но и основанный на этой политической посылке “ряд” — серию конкретных статей, обнимающих вопросы юридические, торговые, военно-союзные, о выкупе пленных и т. д.

Практически это соглашение наряду с принципиальными межгосударственными договоренностями 907 г. регулировало весь комплекс отношений между подданными Руси и Византии, в чем остро нуждались оба государства.

Статья о союзных обязательствах Руси относительно Византии не только указывает на растущее международное значение Русского государства, но и отражает его возросшую экономическую и военную мощь как следствие усиления внутренней централизации. Наем русских воинов на службу к византийскому императору принял организованный характер: после выполнения союзно-государственных обязательств они могли “своей волей” остаться служить в Византии.

По характеру содержащихся в нем статей договор 911 г.— равноправное, двустороннее соглашение. Он включает обязательства обеих сторон, причем обязательства греков сформулированы от их лица в тех случаях, когда речь идет об интересах Руси, и, наоборот, обязательства руссов сформулированы от их лица, когда на их включении настаивали греки.

Соглашение 911 г. явилось первым известным нам двусторонним письменным договором, заключенным Русью с иностранным государством. Процедура выработки и утверждения договора также соответствует новому качеству “мира-ряда”. Соглашение зафиксировано в аутентичных грамотах, идущих от обеих сторон на их родном языке, и в копиях, написанных на языке другой стороны. Обмен оригиналами и копиями, порядок подписания грамот византийским императором и русскими послами, процедура их клятвенного утверждения свидетельствуют о том, что Русь преуспела в стремлении использовать опыт предшествующих веков по выработке письменных равноправных межгосударственных соглашений. Однако древнерусское государство данного периода не сумело встать вровень во всех отношениях с “великой” империей. Греческие послы так и не появились в Киеве. Русский князь получил в договоре лишь титул “светлости”, что соответствовало невысокой титулатуре второстепенных правителей тогдашнего мира. Текст грамот, по-видимому, выработывался в императорской канцелярии.

Русско-византийские договоры начала X в. как бы подвели итог основным дипломатическим усилиям древней Руси. Она установила дружественные и союзные отношения с империей, скрепила их как общеполитическим соглашением “мира и любви” 907 г., так и “миром-рядом” 911 г., которые уравнивали Русь с другими “варварскими” государствами по отношению к Византии и во многом подняли ее до уровня самой империи. Мирные и союзные отношения связывали Русь с варягами, дружественные отношения — с уграми. Византии удалось отбить первый натиск Руси на Северное Причерноморье, Крым и непосредственно на владения империи на Балканах, но цена успеха была весьма ощутимой. Несмотря на давние дружественные отношения Руси с Болгарией, Византии удалось их разъединить, однако в отношениях с болгарами руссы придерживались нейтралитета.

Лишь отношения с Хазарией оставались двусмысленными. Хазарский каганат был, с одной стороны, исконным союзником Византии в Северном Причерноморье, Приазовье и на Северном Кавказе, а с другой — традиционным противником Руси, ставшей также союзницей Византии в этих же районах и на восточных торговых путях. И русская дипломатия IX — начала X в. постоянно учитывала это многозначительное обстоятельство. Союзный Византии поход Руси в Закавказье в 60-х годах IX в., вероятнее всего, “транзитом” проходил по хазарской территории, и каганат был вынужден терпеть инициативу нового союзника империи. Если применительно к IX в. подобный вывод еще является гипотетическим и основан лишь на наблюдениях общего порядка, то в отношении начала X в. он имеет уже более веские обоснования. Русь действительно заключила с Византией союзный договор: в 909/10 и 912/13 гг. русское войско вновь ударило по Закавказью, отряд руссов принял участие в борьбе против критских арабов. Что касается похода русской рати в районы Южного и Юго-Западного Прикаспия в 912/13 г., то он лишний раз доказывает, что с каганатом было заключено на счет прохода руссов по Дону и Волге дипломатическое соглашение. Разумеется, Хазария не желала мириться с потерей своих позиций в регионе и шла на подобного рода русские “транзиты” скрепя сердце, о чем говорит вероломное нападение хазарской гвардии и союзников каганата — волжских булгар и бургасов на возвращавшееся из похода с добычей русское войско.

В сложных и противоречивых взаимоотношениях IX — начала X в. с Византией, Хазарией, Болгарией Русь определила собственные внешнеполитические цели и намечала районы, которые подлежали дальнейшей экспансии раннефеодального древнерусского государства и которыми стали Северное Причерноморье и Крым, земли, близлежащие к устью Дуная, и пути, ведущие в Закавказье. Хотя русская дипломатия и решила многие принципиальные вопросы взаимоотношений с Византией, варягами, уграми, Болгарией, Хаза-

рией, ей не удалось тогда обеспечить эту зарождающуюся экспансию.

В 20—30-х годах X в. значительно изменилось международное соотношение сил в Восточной Европе. Византия Романа I Лакапина сумела приостановить натиск арабов, создала сильную армию. Болгария, раздираемая противоречиями, слабела с каждым годом, ее непоследовательная в политике правящая верхушка все более склонялась к провизантийскому курсу, к которому умело подталкивали болгар искусные византийские дипломаты. В карпатских предгорьях набирали силу угры, которые стали реальной угрозой для Византии, Германского королевства и Болгарии. Хазария, напротив, теряла свою былую мощь. Она вступила в острые противоречия с империей, которая всю силу своей дипломатии направила на создание враждебной каганату коалиции народов Северного Кавказа. Покинутая Византией, Хазария дождалась того часа, когда ей придется один на один выдержать удар Руси. Новым внешнеполитическим фактором для стран и народов Восточной Европы стало освоение причерноморских степей печенегами.

В середине 30-х годов X в. экономическая, военная, политическая мощь Руси продолжает возрастать. Все более определенный и активный характер приобретает ее стремление овладеть Северным Причерноморьем, сокрушить византийские опорные пункты в Крыму, прочно утвердиться на восточных торговых путях, и в первую очередь в Приазовье, Поволжье, Закавказье. К началу 40-х годов X в. Русь сумела овладеть опорными пунктами на Таманском полуострове, Нижним Поднепровьем и другими районами Северного Причерноморья. Под угрозой оказался византийский Херсонес, который испытывал трудности и со стороны враждебной Хазарии. В 30—40-х годах X в. Русь выбрала для активизации своей внешней политики не восточное, а юго-западное направление. Не против Хазарии, а против Византии обратил Игорь всю мощь русского войска и военные силы своих союзников. В это время, видимо, кончалось действие 30-летнего мирного договора 907 г. В конфликтной ситуации империя прекратила выплату Руси ежегодной дани, что и обусловило начало войны в 941 г.

В обстановке обострившейся борьбы за Северное Причерноморье, которая нашла яркое отражение в статьях договора 944 г. о “Корсунской стране”, а также об условиях русско-византийского союза, Русь стала участницей крупных международных политических комбинаций того времени. После первых столкновений во втором десятилетии X в. Русь заключила с печенегами договор “мира и любви”, и в начале 40-х годов X в. они уже выступают в качестве союзников-наемников Руси в ее борьбе с Византией. Русь поддерживала воинскими силами варяги; Хазария заняла в конфликте нейтралитет; угры, являясь потенциальными союзниками Руси, совершили в 30—40-х годах X в. несколько нападений на

Византию. Практически в борьбе с Русью империя могла опираться лишь на союзную Болгарию, которая, однако, не выступила на ее стороне и лишь предупредила Константинополь о русском нашествии, за что получила печенежский рейд по своей территории, совершенный кочевниками с разрешения Игоря.

Таким образом, 20—40-х годах X в. в Восточной Европе, несмотря на то что основные страны региона — Византия, Болгария, Русь, Хазария — находились в мире, были насыщены напряженной дипломатической борьбой, в которой Русь проявляла себя весьма активно. Дипломатическое обеспечение похода на Константинополь в 941 г. проглядывает и в том, что Византия оказалась практически в одиночестве.

Яростный и длительный, но неудачный в своем исходе поход Руси на Константинополь и далее вдоль Южного побережья Черного моря в 941 г. сыграл важную, если не решающую, роль в том политическом урегулировании, которое и Византия, и Русь предприняли в 944 г., начиная с переговоров на Дунае и кончая заключением нового русско-византийского мирного договора 944 г.

Византии удалось остановить на Дунае союзное русско-варяжско-печенежское войско обещанием предоставить Руси контрибуцию, вновь начать выплату ежегодной дани с надбавкой, а возможно, и погасить долги за прошлые годы. Византийское посольство появилось и у печенегов, обещая им “злато” и “паволоки”. В результате Русь отказалась от продолжения похода, печенеги были поколеблены. За год до этого Византия заключила мир с уграми. Таким образом, и на этот раз Руси не удалось организовать антивизантийскую коалицию, хотя такую попытку киевское правительство предприняло. Посольства с просьбой о помощи к варягам, печенегам и, вероятно, к уграм определенно говорят об этом. Византия предпринимала ответные дипломатические меры. Дунайские переговоры завершили первый тур усилий сторон, положили конец войне 941—944 гг. и выявили принципиальные условия возобновления мирных отношений между странами.

Здесь же была достигнута предварительная договоренность о продолжении мирных переговоров и их характере. То, о чем говорилось на Дунае относительно порядка проведения переговоров, резко отличалось от предшествовавшей практики. Судя по состоявшейся позднее процедуре, Русь потребовала большего равноправия в их проведении, и вскоре византийские послы впервые в истории взаимоотношений двух государств явились в Киев на посольскую конференцию для выработки проекта нового мирного соглашения. Затем русское посольство двинулось в Константинополь, а греки позднее вновь появились в Киеве, чтобы присутствовать на церемонии утверждения русским великим князем заключенного договора.

Характерно, что во время этих посольских путешествий Русь осваивала практику так называемых ответных посоль-

ских миссии, когда два посольства — русское и византийское — совместно совершали путешествие из Киева в Константинополь и наоборот.

Участие русских дипломатов в посольских конференциях по выработке как проектов мирных договоров, так и самих межгосударственных соглашений становится к середине X в. прочной традицией. Руссы дважды участвовали в таких конференциях в 907 г., дважды встречались с греческими представителями по поводу договора 911 г. Соглашению 944 г. предшествовали переговоры на Дунае, посольские встречи в Киеве и Константинополе.

С каждым десятилетием развивается и совершенствуется состав самих посольств. Увеличивается количество послов, растет престиж русских представительств. Для придания русским посольствам особого значения и блеска каждый из послов в соответствии со служебной иерархией имел определенный титул, связанный с именем того или иного видного представителя княжеского дома или другой княжеской или боярской фамилии. Впервые в состав посольства включается купечество. Состав русского посольства 944 г. отразил дальнейшее развитие древнерусской государственности, усиление централизации и возрастание роли купечества в рамках дипломатической системы.

Документально получает дальнейшее развитие идея общерусского представительства посольства за рубежом. Впервые в русской дипломатической документации вводится понятие “Русская земля”, которую представляют послы и под которой понимается великий князь, его князья и бояре, а также все русские люди. Древнерусское государство с удивительной последовательностью проводило эту тривиальную для эксплуататорской верхушки складывающегося господствующего класса феодалов идею единства власти и народа. Договоры 941 и 944 гг. дают тому наглядное и динамичное подтверждение. Из соглашения 944 г. исчезает титул “светлость”, которым величал себя Олег в 911 г. и который ставил киевского князя в ряд с другими малозначительными владетелями. Но и нового титула русский князь не получил. В договоре Игорь титулован так, как он сам величал себя на Руси, — “великий князь русский”. Исчезновение одного титула и появление другого не случайная описка, а дипломатическое отражение стремления Руси возвысить свой политический престиж как перед лицом империи, так и среди восточноевропейских государств, завоевать достойное место в кругу иных сопредельных стран.

Договор 944 г. не только включает статьи “мира и любви” 907 г., формулирующие принципиальные положения, регулирующие политические и экономические отношения двух государств, но и вбирает в себя “ряд” 911 г. Но и “мир” и “ряд” здесь более высокого свойства: их детальная разработка глубже отражает характер отношений Руси и Византии и полнее соответствует данному уровню развития древнерусской

государственности. По существу это соглашение стало вершиной древнерусской дипломатической практики и документалистики. Русь демонстрирует в нем усиление централизации власти в ряде статей, посвященных более строгому контролю за порядком направления в Византию дипломатических и торговых караванов. Русь договаривается с империей по одному из важнейших вопросов существования раннефеодального общества — о выдаче из Византии бежавшей туда русской челяди и в ответ обязуется обеспечить выдачу бежавших на Русь греческих рабов. Два государства таким образом взаимно обеспечивают в сфере международного права свои классовые, феодальные интересы относительно права на личность и имущество зависимых людей.

Новый уровень развития государственности на Руси, отраженный в дипломатической деятельности ее представителей, виден в том, что данное соглашение с Византией является первым развернутым договором о военном союзе двух государств. Если в 911 г. стороны договаривались по поводу союзной помощи Руси и о разрешении руссам оставаться в качестве наемников в рядах византийской армии после выполнения ими союзных обязательств, то в договоре 944 г. по существу представлена целая программа военного равноправного союза двух государств, что явилось большим успехом древнерусских дипломатов. Стороны, во-первых, договорились о взаимной военной помощи против общих врагов; во-вторых, обозначили регион, где их интересы должны были охраняться в первую очередь, — это “Корсунская страна” — Крым и Северное Причерноморье; здесь Русь обязывалась не нападать на византийские владения, другие же ее военные действия по охране региона, особенно против тех, кто “противился” ей, объявлялись правомерными. Русско-византийский военный союз 944 г. имел четко выраженный антихазарский характер.

Новое дипломатическое соглашение подтвердило преобладание Руси в таком важном стратегическом районе, как устье Днепра, но наложило на руссов некоторые ограничения в освоении края. Договор в этой части носил компромиссный характер, так как закреплял положение, сложившееся к 944 г. В то же время в данном компромиссе уже просматривался источник дальнейшего обострения противоречий между Русью и империей в борьбе за Северное Причерноморье, Крым, По-дунавье, куда все ближе продвигали руссы свои владения.

Союзная договоренность сторон имела в виду и еще один аспект, который был немедленно реализован после заключения соглашения, — совместную борьбу против арабов как на Западе, так и на Воетокке. В 945 г. русское войско двинулось в Закавказье и захватило один из ключевых городов края — Бердаа. Уже в который раз договор с Византией приводил к активизации русской политики на Востоке. И с каждым разом в этом районе все более очевидно прослеживаются не столько союзные обязательства Руси, сколько ее собствен-

ные государственные интересы. 945 год дал яркое тому подтверждение: руссы не только захватили Бердаа, но и попытались там укрепиться, овладеть краем и с этой целью предприняли меры по заключению договора с местным населением.

В плане оформления дипломатических соглашений Руси с Византией договор 944 г. отличался большей цельностью. Хотя, как и в 911 г., обе стороны были представлены в нем в качестве равноправных партнеров и сохранялся тот же порядок составления документа, его перевода, обмена грамотами, однако процедура его утверждения носила более равноправный характер, чем прежде. Императорские послы в Киеве прошли ту же официальную процедуру прощального приема с вручением подарков, которую практиковали греки в византийской столице в отношении иностранных посольств. И здесь Русь восприняла дипломатический опыт не только греков, но и других народов, потому что эта практика была международной.

Таким образом, договор 944 г. стал в истории древней Руси первым комплексным международным мирным соглашением, включающим как общеполитические, так и конкретные статьи, регулирующие отношения между странами в различных общественных сферах. Это было взаимовыгодное, равноправное военно-союзное соглашение, действие которого простиралось на огромные территории — от Северного Причерноморья и Поволжья до сирийской границы, от Каспия до Сицилии — и сохраняло силу по меньшей мере в течение последующих 20 лет. Уплата Византией ежегодной дани Руси по-прежнему являлась основой дипломатического соглашения. Договоренность на этот счет была достигнута в 907 г. и подтверждена в 944 г., во время переговоров византийского посольства с Игорем на Дунае.

Дипломатия княгини Ольги протекала в мирных условиях. Подавив восстание древлян и проведя ряд преобразований внутри страны, правительство Ольги стремилось закрепить достигнутое в международных отношениях и преумножить политический престиж Руси. С этой целью Ольга предприняла поездку в Константинополь, а позднее направила посольство к германскому королю Отгону I.

Византия середины 50-х годов X в. продолжала настойчиво искать новых союзников в борьбе с арабами и пыталась втянуть в антиарабскую коалицию Германское королевство. Отношения Византии и Хазарии продолжали оставаться враждебными. Опасалась империя и новых нападений со стороны Руси, поскольку с ней не были разрешены взаимные противоречия в районе Северного Причерноморья и Крыма. Против Руси Византия старалась держать наготове печенегов. В то же время Русь была необходима империи как противовес против Хазарского каганата, как традиционный союзник в борьбе с арабами в Закавказье, на сирийской границе и в районе Средиземного моря. Поэтому приглашение Ольги в византийскую столицу константинопольским двором в се-

редине 50-х годов X в. преследовало цель закрепить и конкретизировать союзные условия договора 944 г., использовать начавшуюся христианизацию Руси в своих политических целях. Как показала миссия Ольги в Константинополь, руссы в свою очередь старались использовать заботы греков в интересах дальнейшего возвышения собственного политического престижа, добиться от империи признания за Русью новой политической титулатуры, заключить династический брак между правящими домами. Принятием христианства в Византии Ольга добилась определенных результатов в решении первой задачи: за ней был закреплен титул “дочери” императора, русская княгиня поднялась в византийской дипломатической иерархии выше тех владетелей, которым был пожалован титул “светлость”, как когда-то Олегу. Крещение Ольги явилось индивидуальным политическим актом, связанным с престижными вопросами великокняжеской власти, и не предусматривало учреждения автокефальной церковной организации на Руси. Русь того времени еще не была готова к принятию христианства: языческая партия в Киеве была достаточно сильна.

Престижные политические вопросы сопутствовали и всему периоду пребывания посольства Ольги в Константинополе. Дипломатический торг по вопросам уровня приема княгини во дворце и всего ритуала ее пребывания в византийской столице начался с момента появления на константинопольском рейде русской флотилии с пышным посольством, включавшим более 100 человек. Он продолжался в течение многих дней. В результате руссы добились по поводу церемониала приема великой княгини ряда отступлений от привычных обычаев встречи высоких иностранных послов в столице империи. Для византийской дипломатической рутины исключения такого рода были политическими уступками весьма серьезного свойства. Объектом переговоров Ольги в Константинополе стали также вопросы реализации русско-византийского военного союза 944 г. Именно на основе этих переговоров русское посольство, видимо, и пыталось решить важные для себя вопросы, связанные с новой титулатурой русского великокняжеского дома и династическим браком с императорской семьей.

Несколько позже правительство Ольги предприняло дипломатические шаги на Западе. Древнерусское государство в X в. настойчиво расширяло свои международные связи, стремилось усилить международное влияние, возвысить международный престиж, и в свете этих тенденций появление в 959 г. русской миссии в землях Оттона I было вполне закономерным, тем более что сам германский король проводил активную политику на Востоке. Посылка Ольгой посольства на Запад явилась попыткой вступить с Германией в отношения “мира и дружбы”, какие были установлены с Византией после нападения Руси на Константинополь в 860 г. Их суть сводилась к тому, чтобы ввести между государствами регулярные посольские обмены, содействовать развитию торговли.

В рамках отношений “мира и дружбы” Русь допустила в свои земли немецкую миссию, как некогда разрешила появление у себя христианских миссионеров из Константинополя после заключения мира с Византией в начале 60-х годов IX в. Адальберт был типичным “миссийным” епископом, которого Оттон I, яростный и воинственный христианский политик, попытался превратить в организатора церкви на Руси. Эта попытка не удалась по той же причине, по которой и Византия в тот период не смогла здесь использовать — по традиции обращения с “варварскими” народами — рычаг христианизации в своих политических интересах: слишком прочна еще была языческая толща на Руси, слишком сильной оказалась оппозиция новой религии со стороны правящей верхушки, и в том числе молодого князя Святослава, крепко связанного с дружиной. Однако, несмотря на эту неудачу, политические контакты Руси и Германской империи с того времени стали регулярными: миссия “мира и дружбы” сыграла свою роль.

Таким образом, в середине X в. Русь стабилизировала свои отношения с Византией, Хазарией, уграми, варягами, Болгарией, печенегами, установила мирные контакты с Германской империей и, можно думать, направляла посольства в другие соседние страны — Польшу и Чехию. Дальнейшая борьба за интересы Руси в Северном Причерноморье, Крыму, на Дунае, в Приазовье, Поволжье могла быть успешной уже не на дипломатическом, а на военном поприще, на основе решительных столкновений Руси прежде всего с Византией и Хазарией. Но в это грядущее столкновение не могли не быть вовлечены другие народы и государства Восточной Европы, связанные между собой долгими и традиционными отношениями, разного рода соглашениями, мирами, союзами и т. п. Эти проблемы предстояло решать киевскому правительству князя Святослава.

Необходимо подчеркнуть, что на каждом историческом этапе Русь стремилась одновременно решить несколько важнейших внешнеполитических задач. Так, уже с 60-х годов IX в. увязываются дипломатические усилия Руси по отношению к Византии и Востоку. В конце 90-х годов IX — первом десятилетии X в. в комплексе решаются вопросы отношений с варягами, уграми, Византией, Болгарией, Хазарией, народами Закавказья. Позднее, в 20—30-е годы X в., Русь активно вовлекает в сферу своей политики печенегов, а в антивизантийских действиях координирует свои усилия с уграми. Договор 944 г. по существу явился отражением сложной политической борьбы и расстановки сил во всей Восточной Европе в середине 40-х годов X в. Дипломатия княгини Ольги была обращена почти одновременно и к Константинополю с учетом союзного договора 944 г., и на Запад, в Германию.

Каждый крупный дипломатический шаг Руси был тесно связан с международными отношениями своего времени, а каждое соглашение древнерусского государства вырастало

на почве международных событий соответствующего периода, точно так же как средства, приемы, формы, используемые древнерусской дипломатией, находились в постоянном развитии, определяемом как становлением самого древнерусского государства, так и его взаимодействием с другими странами и народами.

Древнерусская дипломатическая система от десятилетия к десятилетию осваивала

международный дипломатический арсенал, закрепляла и развивала собственный опыт.

В конечном счете складывание дипломатической системы древней Руси

в IX—X вв, стало очевидным свидетельством развития раннефеодального древнерусского государства, вышедшего на широкую международную арену.

Источники и литература

Введение
1968.

¹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949, с. 2.

² Цивило г f Внешняя политика древней Руси. М,

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 735.

⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 30, с. 93; т. 27, с. 458.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 143, 164.

⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 26, с. 28.

⁷ Курс международного права, т. 1. М., 1967, с. 39.

⁸ Кожевников Ф. И. Русское государство и международное право.

М., 1947; Левин Д. Б. Дипломатия. Ее сущность, методы и формы.

М.,

1962.

³ Левченко М. В. Очерки русско-византийских отношений. М., 1956;

Пащутто В. Т. Указ. соч.

1. Дипломатическая практика антов.

“Полевые миры” древних руссов.

Конец VIII — первая треть IX в.

(с. 22—36)

¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, кн.

VII, § 13,

с. 294; § 29, с. 337; § 38, с. 364; § 40, с. 364, 372—373; кн. VIII, § 25,

с. 459; Брайчевский М. Ю. К истории расселения славян на

византийских землях.— Византийский временник, т. XIX. М., 1961,

с. 131, 135.

² Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха.

“Хроника” Георгия Амартола в древнем славянском переводе.

Текст,

исследование и словарь, т. I. Текст. Пг., 1920, с. 464 и ел.

См. также:

История Болгарии, т. I. М., 1954, с. 40; История Византии, т.

I. М.,

1967, с. 339; т. II. М., 1967, с. 42; История СССР с

древнейших вре

мен до наших дней, т. I. М., 1966, с. 352; Удальцова З. В.

Идейно-по

литическая борьба в ранней Византии (По данным историков

IV—

VII вв.). М, 1974, с. 188.

³ Прокопий из Кесарии. Война с готами, кн. VII, § 14, с. 295; § 40,

с. 375; кн. VIII, § 25, с. 460.

З. В. Удальцова подчеркнула возможность существования “связей” и даже союзов между “варварскими” племенами в их борьбе против Византии (Удальцова З. В. Прокопий Кесарийский и его “История войн с готами”.— Прокопий из Кесарии. Война с готами, с. 54).

⁴ Menander Protector. Fragmenta Historicorum Graecorum, vol.

4.

Parisii, edidit Ambrosio Firmin Didot (далее — Menander), p.

204

⁵ Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских

писа

телей по VII в. н. э.— Вестник древней истории, 1941, т. 1 (14), с.

254,

268.

⁶ История Византии, т. I, с. 340; История Болгарии, т. I, с. 41;

Брайчевский М. Ю. Указ. соч., с. 128, 129.

⁷ Повесть временных лет (далее — ПВЛ), ч. I. М., 1950, с.

13.

⁸ Лонгинов А. В. Мирные договоры русских с греками,

заключен

ные в X в. Одесса, 1904, с. 44; Саюквасов Д. Я. Древнее русское

пра

во. М., 1903, с. 1; Левченко М. В. Очерки по истории

русско-византий

ских отношений. М., 1956, с. 57; Греков Б. Д. Киевская Русь. М.,

1949,

с. 439.

⁹ Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь.— Вестник древней

исто

рии, 1939, т. 1 (6), с. 337; его же. Ранняя культура восточных

славян.—

Историк-марксист, 1943, № 11—12, с. 78; *его же*. Начало Русского государства (Представления летописца о Руси VI—IX вв.).— Вестник МГУ, 1955, № 4—5, с. 63—68; *его же*. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 34. См. также: *Ericsson K.* The Earliest Conversion of the Rus' to Christianity.— The Slavonic and East European Review, vol. 44, N 102. London, 1966, p. 102.

^d Оба жития опубликованы В. Г. Васильевским {*Васильевский В. Г.*

Труды, т. III. Пг., 1915).

¹ Цит. по: *Васильевский В. Г.* Труды, т. III, с. 96.

² *Васильевский В. Г.* Введение в житие св. Стефана

Сурожского.—

Труды, т. III, с. CCLXXII—CCLXXIII.

³ Дискуссия на эту тему между историками XIX в. нашла отражение в историографическом обзоре, включенном впервые в работу

г. Г. Васильевского “Введение в житие св. Стефана Сурожского” (Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП), 1883,

июнь, с. 99—109). В нем рассматриваются точки зрения А. А.

Куника, С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, С. А.

Гедеонова,

Д. И. Иловайского, Е. Е. Голубинского, архиепископа Макария и др.

Если А. А. Куник, Д. И. Иловайский, Макарий отстаивали концепцию

позднего происхождения сурожской легенды, связывая ее с крещением

Владимира I, то К. Н. Бестужев-Рюмин и С. А. Гедеонов защищали историческую реальность предания и личности Бравлина.

⁴ *Пархоменко В.* Начало христианства Руси. Полтава, 1913, с.

14;

Полонская Е. К. вопросу о христианстве на Руси до

Владимира.—

ЖМНП, новая серия, ч. LXXI, 1917, сентябрь, с. 41.

⁵ *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической

истории

Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, с. 2—3. См.

также: *его*

же. Русско-византийские отношения.— Вестник древней истории,

1939,

т. 3, с. 99.

⁶ *Успенский Ф. И.* Первые страницы русской летописи и византийские

переходные сказания.— Записки императорского Одесского

общества

за истории и древностей, т. XXXII. Одесса, 1915, с. 210.

⁷ *Byzantion*, t. XV. Bruxelles, 1940/41, p. 231—248.

⁸ *Vasillev A. A.* The Russian Attack on Constantinople in

86С.

Cambridge (Mass.), 1946, p. 76.

⁹ *Sorlin I.* Les Traites de Byzance avec la Russie au Xe

siècle

(I partie).— Cahiers du monde Russe et Sovietique, vol. II, N 3. Paris,

1961, p. 320.

¹⁰ *Vernadsky G.* The Problem of the Early Russian

Campaigns in

the Black Sea Area.— The American Slavic and the East

European

Review, vol. VIII. New York, 1949, p. 3—4, 6.

¹¹ *Vlasto A. P.* The Entry of the Slavs into Christendom. Cambridge,

(Mass.), 1970, p. 243—244.

¹² *Левченко М. В.* А. Грегуар и его работы по византиноведению.—

Византийский временник, т. III. М. А., 1950, с. 239; *его же*.

Очерки

по истории русско-византийских отношений, с. 11—12, 45, 53.

¹³ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.,

ч. 1.

М., 1953, с. 73. Ср.: *Пауто В. Г.* Внешняя политика

Древней Руси.

М., 1968, с. 48; *towmianski H.* Pocvatki Polski, t. 5.

Warszawa,

1973, s. 136.

¹⁴ Цит. по: *Васильевский В. Г.* Труды, т. III, с. 96.

¹⁵ Regesten der Kaiserurkunden des Ostromischpn Reiches von 565—

1453. I Teil: Regesten von 565—1025 (далее — Regest). Munchen

und

Berlin, 1924, N 194, 240, 340, 441.

¹⁶ *Ibid.*, N 605, 633, 770.

¹⁷ *Ibid.*, N 393, 522, 626; *Swiencickyj I.* Die Friedensvertrage

der

Bulgaren und der Russen mit Byzance.— Studi Byzantini e

Neellenici,

vol. 5. Roma, 1939, S. 323.

¹⁸ *Васильевский В. Г.* Введение в житие св. Георгия

Амастридско-

го.— Труды, т. III, с. XXVIII—XXXI, XXXVIII, CXX; *Sevcenko J.*

Hagiography of the iconoclast period.— Iconolazm. Bermingam,

1977,

Р-121—122," 125.

²⁹ *Иловайский Д. И.* Разыскания о начале Руси. М., 1876, с.

160;

Васильевский В. Г. Труды, т. III, с. VI; *Успенский СР. И.*

Указ. соч.,

с. 210; *Голубинский Е.* История русской церкви, т. I, ч. I. М., 1880 с. 46; *Иконников В. С.* Опыт русской историографии, т. I, кн. I. Киев 1891, с. 117; *Пархоменко В.* Указ. соч., с. 15—16; *Ламанский В. И.* Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Пг., 1915; *Полонская Н.* Указ. соч., с. 39; *Приселков М. Д.* Русско-византийские отношения.

³⁰ Byzantion. t. XV, p. 231—248; *Vasiliev A. A.* Op. cit. p. 320

Sorlin I. Op. cit. p. 320; *Ahrweiler H.* Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle.— Bulletin "Information et de coordination

N 5. Athenes — Paris, 1971, p. 54—56.

³¹ *Vasilievskiy V. G.* Труды, т. III, с. СХХIX, СХХХ, СХХХVII

³² *Vernadsky G.* Op. cit. p. 3, 7, 8-9.

³³ *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских

отноше

ний, с. 11—12, 42—45, 46; *его же А.* Грегуар и его работы по визан

тиноведению, с. 236—237, 240. Ср. *Lowmiahski H.* Op. cit. s. 136—137

³⁴ *Липшиц Е. Э.* О походе Руси на Византию ранее 842 г.—

Исто

рические записки, т. 26. М., 1948, с. 330.

³⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.,

ч. 1.

с. 73; История Византии, т. II, с. 228; *Пауцто В. Т.* Указ. соч., с.

58.

³⁶ *Голубинский Е.* Указ. соч., с. 46.

³⁷ Цит. по: *Васильевский В. Г.* Труды, т. III, с. 64.

³⁸ Там же, с. СХХIX.

³³ Там же, с. СХХVII.

⁴⁰ См., например, *Соловьев С. М.* История России с древнейших вре

мен, кн. I. М., 1959, с. 306—307.

⁴¹ *Иловайский Д. И.* Указ. соч., с. 156; *Пархоменко В.* Указ.

соч.,

с. 61—62; *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 304;

Пауц

то В. Т. Указ. соч., с. 58 и др.

⁴² *Аллатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная

Европа

XII—XVII вв. М., 1973, с. 62.

2. Русское посольство в Византию и Франкское государство. 838—839 гг.

(с. 36—46)

¹ Prudencio Trecensis annales. Annalium Bertinianorum pars secunda.— Monumenta Germaniae Historica. Scriptores (далее — MGH SS),

t. I. Leipzig. 1925, p. 434.

² *Шлецер А. Л.* Нестор, т. I. СПб., 1809, с. 319, 322—323.

³ *Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. I. СПб.,

1830, с. 56—57; *Соловьев С. М.* Указ. соч., с. 125.

⁴ *Погодин М. П.* Г. Гедеонов и его система о происхождении

варя

гов и Руси.— Записки имп. Академии наук, т. 6, № 2. Прил. СПб., 1864,

с. 32—33, 73—74, 77—78; *Томсен В.* Начало русского

государства.—

Чтения в Обществе истории и древностей российских при

Московском

университете (далее — ОИДР), 1891, кн. I, с. 39; *Успенский*

Ф. И.

Указ. соч., с. 206; *Приселков М. Д.* Очерки по

церковно-политической

истории Киевской Руси X—XII вв., с. 42—43; *Платонов С. Ф.*

Лек

ции по русской истории. Пг., 1918, с. 64—65.

⁵ *Leahr G.* Die Anfänge des russischen Reiches. Politische Geschichte

in 9. und 10. Jahrhundert. Berlin, 1930, S. 16. 122;

Vasiliev A. A.

Op. cit., p. 9; *Stender-Petersen A.* Varangica. Aarhus, 1953. p.

246—

277; *idem.* Das Problem der Altessten

byzantinisch-russisch-nordischen

beziehungen. Firenze. 1955. S. 175—176; *Sawyer P. H.* The

Age of

the Vikings. London. 1963. p. 45. 20.

⁶ *Obolensky D.* The Byzantine Sources on the

Scandinavianity in Eastern Europe.— Varangian problems. Scando-slavica. Suppl. 1.

Copen

hagen. 1970. p. 149—150; *idem.* The Byzantine Commonwealth Eastern

Europe. 500—1453. London. 1971. p. 182; *Ahrweiler H.* Op. cit., p. 47—49.

⁷ *Голубинский Е.* Указ. соч., с. 49; *Васильевский В. Г.*

Труды.

т. III, с. СХVII.

⁸ *Эверс Г.* Предварительные критические исследования для Российской истории. М., 1826, с. 116—117.

⁹ *Бестужев-Рюмин К.* Русская история, т. I. СПб., 1872, с. 91;
Иконников В. С. Указ. соч., с. 119, 136; *Иловайский Д. И.*
История

России, т. I, изд. 2. М., 1906, с. XVI; *Багалея Д. И.* Русская история, I М 1914, с. 170; *Ламанский В. И.* Указ. соч., с. 38, 43; *Гедео-иое С. А.* Варяги и Русь, ч. 1. Варяги. СПб., 1876, с. 3; ч. 2. Русь, СПб., 1876, с. 400, 409, 412, 488—489. i° *Swiencickij I.* Op. cit., S. 324

" Положительную оценку антинорманистским взглядам А. В. Рязановского дали советские ученые И. П. Шаскольский и В. Т. Пашуто (*Шаскольский И. П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.—Л., 1965, с. 29—30; *Пашуто В. Т.* Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы.— Скандинавский сборник XV. Таллин, 1970, с. 51).

^Е *Riasanovsky A. V.* The Embassy of 838 Revisited; some Comment on Early Russian History.— *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*, Bd 70, Heft 1, April. Wiesbaden, 1962, p. 2, 5. 10—11.

Недавно французский историк Б. Дельмэр также отметил, что титул “каган” тюркского, а не скандинавского происхождения и, согласно русским и арабским источникам, принадлежал с X в. киевским князьям (*Delmaire B.* Les origines russes d'après les travaux soviétiques re-cens.— *Am.ales. Economies. Societes. Civilization.* 29 an, 1974, N 1, jan-vier-fevrier, p. 160). Но если этот титул принадлежал киевским князьям с X в., то возникает вопрос: когда они впервые стали его использовать? И здесь источники неукоснительно ведут нас к первой трети IX в.

^Б *Шаскольский И. П.* Указ. соч., с. 24; *Vernadsky G.* Op. cit., p. 1

^В *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1946; его же.

Про
исхождение названий “Русь” и “Русская земля”.— Советская этногра

фия, 1947, вып. VI—VII; *Греков Б. Д.* Киевская Русь; *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1953; *Рыбаков Б. А.*

Образование
древнерусского государства. М., 1955; его же. Спорные вопросы обра

зования Киевской Руси.— Вопросы истории, 1960, № 9; его же.

Обзор

общих явлений русской истории IX—середины XIII в.— Вопросы ис

тории, 1962, № 4; его же. Древняя Русь. Сказания. Былины.

Летописи;

Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.

¹ *Пашуто В. Т.* Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы, с. 55. См. также: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 84—85.

^Б *Пашуто В. Т.* Норманский вопрос в свете летописной традиции

о племенах и княжествах.— Тезисы докладов Пятой Всесоюзной конфе

ренции по изучению Скандинавских стран и Финляндии, ч. I. М.,

1971,

с. 46. См. также: *Пашуто В. Т.* Летописная традиция о “племенных кня

жествах” и варяжский вопрос.— Летописи и хроники. Сб. ст.

1973 г.

М., 1974.

^В *Пашуто В. Т.* Труды польского академика Г.

Ловмянского по

истории Литвы, Руси и славянства.— Вопросы истории, 1959,

№ 10,

с. 113.

^Б *i-owmiahsky H.* Zagadiienie roli normanow w genezie paristw slowiariskich Warszawa, 1957, s. 216.

Еще в 1939 г. к такому же выводу пришла Е. А. Рыдзевская в недавно опубликованной работе “О роли варягов в древней Руси”. (Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1978 г. *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв.

М., 1978, с. 138).

^В *Шаскольский И. П.* Указ. соч., с. 17; *Lichacev D. S.* The

Legend

of the Calling-in of the Varangians and political Purposes in

Russians

Chroniclewriting from the second Half of the XI-th to the Beginning of

the XII-th Centure.— *Varangian Problems. Scando-slavica. Suppl.* 1.

So

penhagen, 1970. p. 176. См. также: *Алпатов М. А.* Русская

историче

ская мысль и Западная Европа XII—XVII вв.. с. 63.

²⁰ Цит. по: *Пашуто В. Т.* Летописная традиция о “племенных

кня

жествах” и варяжский вопрос, с. 103—104.

¹ -Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийск! х отноше-

ний, с. 55—56; *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 366; *Новосельцев А. П.,*

Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Указ.

соч., с. 87, 397, 399, 407; *Литаврин Г. Г.* Византия и Русь

в IX—

X вв.— История Византии, т. II, с. 228; Пауто В. Т. Внешняя политика Древней Руси, с. 58; *Lowmianski H. Poczatki Polski.* s. 135.

² Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 1 с. 74—75; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I с. 360.

³ Эта точка зрения нашла отражение в “Истории Византии” (т. II

с. 75) О борьбе с уграми как основными врагами Хазарского кагана

та писал также М. В. Левченко (*Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений, с. 56).

⁴ Эту точку зрения впервые высказал Ф. И. Успенский (*Успенский Ф. И.* Указ. соч., с. 218; ср. Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 1, с. 75).

⁵ *Иловайский Д. И.* Разыскания о начале Руси, с. 156; *Пархоменко В.* Указ. соч., с. 61—62; *Sorlin I.* Op. cit., p. 318—319; *Пауто В. Т.*

Внешняя политика Древней Руси, с. 58.

По мнению М. И. Артамонова, постройка Саркела была предпринята в ответ на появление угров и печенегов и возвышение древнерусского государства (*Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 297). Д. Оболенский связывал постройку Саркела с появлением в Крыму новой византийской фемы с центром в Херсонесе, подчинением стратига Херсонеса непосредственно центральному правительству и стремлением Византии препятствовать давлению в Причерноморье и низовьях Дона неких “неизвестных варваров” Однако, верный своей норманистской концепции, он не допускал, что это были славяно-руссы (*Obolensky D.* The Empire and its Northern Neighbours. 516—1018.— *Byzantium and the Slavs: Collected Studies.* London, 1971, p. 492). А. Власто считал, что в 839 г. (точнее, в 838 г.— А. С.) византийское правительство попыталось “дипломатическими средствами” устранить угрозу нападений на свои владения со стороны руссов, как это имело место в конце VIII — первой трети IX в. Этим же целям способствовала и постройка Саркела (*Vlasto A. P.* Op. cit., p. 244”).

⁶ *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 304, 299; *Constantine Porphyrogenitus de administrando imperio.* Ed. by Gy. Moravcsik; transl. by R. J. H. Jenkins (далее — *De administrando imperio*). Budapest, 1949.

р. 183—184; История Византии, т. II, с. 75; *Успенский Ф. И.* Указ.

соч., с. 218.

⁷ *Vaslliev A. A.* Op. cit., p. 6.

⁸ Об определенном достоинстве русского посольства 839 г. писал еще С. А. Гедеонов (*Гедеонов С. А.* Указ. соч., ч. 1, с. 271—272)

А. В. Лонгинов высказал интересную мысль о том, что забота византийского императора о благополучном возвращении на родину русского посольства имеет аналогию в статьях договоров Руси с Византией 907 г.

и особенно 944 г., где говорится: “...и да возвращаются съ спасением* въ страну свою” (*ПВЛ*, ч. 1, с. 36). В X в. русские посольства, отправляясь из Константинополя в обратный путь, кроме корабельных снастей и припасов получали императорскую охранную грамоту (*Лонгинов А. В.* Мирные договоры русских с греками, заключенные в X в., с. 48).

См также; *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений, с. 56.

⁹ *Бестужев-Рюмин К.* Указ. соч., т. I, с. 9; *Левченко М. В.* Очерки

по истории русско-византийских отношений, с. 55; *Riasanovsky A. V.*

Op. cit., p. 11—12, *Lowmianski H.* Zagadtienie roli normanow w gene/ie paristw slowiaiiskich, s. 182; *Delmair B.* Op. cit., p. 160.

¹⁰ *Новосельцев А. П., Пауто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н.* Указ. соч., с. 86.

¹¹ *Ключевский В. О.* Соч., т. I, М., 1956, с. 145; *Шахматов А. А.*

Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919, с. 58; Очерки исто

рии СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 1, с. 75; *Vernadsky G.*

Op. cit., p. 1; *Swiencieckyj I.* Op. cit., S. 324.

¹² *Багалея Д. И.* Указ. соч., т. I, с. 171; История Византии, т. II.

с. 228; *Пауто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси, с. 58.

¹³ Геродот. История. Л., 1972, с. 144—146.

¹⁴ *Ericsson K.* Op. cit., p. 107.

1. *Нападение Руси на Константинополь
и заключение перемирия*
(с. 48—59)

¹ ПВЛ, ч. 1. М., 1950, с. 17. См. об этом подробнее: *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 163—164.

² Ломоносов *М. В.* Древняя Российская история от начала российских народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 г.—ПСС, т. 6. М.—Л., 1952, с. 219; *Болтин И. Н.* Примечание на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, т. I. СПб., 1788, с. 62; *Иловайский Д. И.* О мнимом призвании варягов. М., 1874, с. 17; его же. Разыскания о начале Руси. М., 1876, с. 197; *Гедеонов С. А.* Варяги и Русь, ч. 1. Варяги. СПб., 1876, с. 560; *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. X—XII вв. СПб., 1913, с. 45; *Успенский Ф. И.* Первые страницы русской летописи и византийские переходные сказания.— Записки императорского Одесского общества истории и древностей, т. XXXII. Одесса, 1915, с. 204.

³ *Тихомиров М. Н.* Начало русской земли.— Вопросы истории, 1962, № 9, с. 42; *Рыбаков Б. А.* Указ. соч., с. 165; *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 76; *Паушто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 59; *Vlasto A. P.* The Entry of the Slavs into Christendom. Cambridge, 1970, p. 241.

⁴ Две беседы святейшего патриарха константинопольского Фотия по случаю нашествия руссов на Константинополь (далее — Две беседы Фотия...) — Христианское чтение, 1882, сентябрь — октябрь; *Patrologiae cursus Completus. Series graeca* (далее — PG), t. 102, J.-P., Migne. Paris, 1860, p. 735—738.

⁵ *Nicetae Paphlagonis. S.P.N. Ignatii archiepiscopi constantinopolitani vita sive certamen* (далее — *Nicetae PaphL.*) — PG, t. 105. J.—P., Migne, 1863, p. 515.

⁶ *Лопарев Х.* Старое свидетельство о положении ризы богородицы во Влахернах в новом истолковании применительно к нашествию русских на Византию в 860 г.— Византийский временник, т. II. СПб., 1895. Прил. “Слово на положение ризы богородицы во Влахернах” (далее — Слово на положение ризы...).

Если относительно достоверности и большой исторической ценности проповедей Фотия и фактов, приводимых Никитой Пафлагонским, для изучения истории нападения руссов на Константинополь в 860 г. у историков, как отечественных, так и зарубежных, нет разногласий, то отнесение событий, описываемых в “Слове”, к походу 860 г. встретило возражения в литературе. Основным оппонентом Х. М. Лопарева стал известный русский византист В. Г. Васильевский (Васильевский *В. Г.* Авары, а не русские, Федор, а не Георгий.— Византийский временник, т. III. СПб., 1896, с. 84—85). Его точку зрения разделяли А. А. Васильев (*Vasiliev A. A.* The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge (Mass.), 1946. p. 106) и М. В. Левченко (Левченко *М. В.* Указ. соч., с. 78). Аргументы В. Г. Васильевского и его сторонников вкратце сводятся к следующему: в проповедях Фотия говорится о “народце” незначительном, а в “Слове” — “о многих народах”; памятники разнятся по стилю; в “Слове” в отличие от проповедей упоминаются предварительные (до нашествия) переговоры.

Эти соображения представляются нам неправомерными, и мы решительно поддерживаем Х. М. Лопарева. Слова Фотия о “неименитом”, “незначительном” народе — не более как риторический прием для доказательства основной мысли: Константинополь пострадал за “грехи свои”. Характеристике Фотия следует рассматривать как определение народа, хотя и не признанного империей, но навязавшего ей свою волю. Описание же противника у Фотия и в “Слове” идентичны. Един и стиль памятников, о чем свидетельствуют фразеологические повторы. Наконец, в “Слове” говорится, что вождь нападавших хотел “утвердить” мирный договор, и нет указаний, что речь идет о переговорах, проведенных до нападения. Следует считать ошибочным и отнесение событий, описываемых в “Слове”, к нападению аваров и славян при поддержке персов на Константинополь в 626 г. Слишком отличалось положение империи,

описываемое в “Слове”, от событий 626 г. К тому же император так и не попал тогда в осажденный город, что имело место в 860 г. и нашло отражение в “Слове”.

⁷ О причастности этого письма к событиям 860 г. см.:

Голубинский Е. История русской церкви, т. I, ч. 1. М., 1880, с. 23; *Ламанский В. И.* Славянское житие св. Кирилла как

религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Пг., 1915, с. 107—108; *Па- шугу В. Т.* Указ соч., с. 59, 314, прим. 21, и др.

⁸ См. об этом подробнее: История Византии, т. II. М., 1967, с. 195—

196.⁹ Monumenta Germaniae Historica. Epistolae (далее — MGH), t. VI. Berlin, 1925, p. 479—480.

¹⁰ Theophanes Continuatus. Theophili Michaelis f. impenum Chronographia (далее — Theophanes Cont.). Bonnae, 1838, lib. III. cap. 33,

р. 196.¹¹ Ibidem; Historia de vita et rebus gestis Basilii imperatoris.—

Theophanes Cont.. lib. V. cap. 97. p. 342—343.

¹² Хроника Симеона Логофета. Изд. В. Срезневского. СПб., 1905,

с. 106. См. также один из изводов этой хроники — хронику продолжателя Георгия Амартола, где также отмечено, что Русь едва избежала

беды и “с победением” возвратилась домой (*В. М. Истрин.* Книги

временныя и образныя Георгия Мниха. “Хроника” Георгия Амартола

в древнем славянском переводе. Текст, исследование и словарь, т. I.

Текст. Пг., 1920, с. 511). “Повесть временных лет” передает

события в записи, близкой к хронике продолжателя Георгия Амартола (ПВЛ.

ч. I, с. 19). “Новгородская первая летопись старшего и младшего изво-

дов” (М.—Л., 1950, с. 105) отмечает, что руссы “во своя сы возвра-

тишася”, т. е. не упоминает об их поражении. См. также: “Летописец

Переяславля-Суздальского, составленный в начале XII в. (между 1214

и 1219 гг.)”. М., 1851, с. 5—6.

¹³ Скилица отметил, что россы — народность скифская, что они под

вергли Константинополь “страшной опасности”, а затем, испытав на

себе “гнев божий”, удалились домой, “отправив в город послов

просить божественного крещения”, и получили его (Ioannis Scylitzae Sinopsis

Historiarum (далее — ScyL). Berolini, 1973. p. 107; *Ioannis Zonarae*

Epitome historiarum (далее — Zonar.), vol. IV. Lipsiae, 1871, lib. XVI,

cap. IV—V, p. 15).¹⁴ Ioannis Diaconi chronicon venetum.— MGH SS. I. VII.

Leipzig. 1925, p. 18.

¹⁵ См., например. *Vasiliev A. A.* Op. cit, p. 189—190.

¹⁶ Левченко *М. В.* Указ. соч., с. 61; *Пауто В. Т.* Указ. соч., с. 59.

Тем более что “погманогум” у Иоанна Дьякона могут быть поняты

и как “норманны”, и как “северные пришельцы”, “иноземцы”, “северное

племя” и т. д.¹⁷ Перевод письма см.: *Пападопуло-Керамевс А.* Акафист

божией матери. Русь и патриарх Фотий.— Византийский временник, т. X,

вып. 3—4. СПб., 1903, с. 381.

¹⁸ Там же, с. 394.¹⁹ Anecdota Bruxellensia. Chroniques Byzantins du manuscrit 11370.

Par F. Cumon. 1894.— Recueil des Travaux publiés par la Faculte des

Philosophie et des Lettres. fasc. 9. p. 33. Публикация этого источника

впервые за долгие годы изучения нашествия установила его точную

да ту, о чем В. Г. Васильевский немедленно сообщил русской научной

об

щественности (*Васильевский В. Г.* Год первого нашествия русских на Константинополь.— Византийский временник, т. I. СПб., 1894, с. 258—

259)²⁰ *Ламанский В. И.* Указ соч., с. 118, 120; *Левченко М. В.* Указ.

соч., с. 67 и др.

²¹ См. о нем: *Успенский Ф. И.* Указ. соч., с. 215, прим. 1.

²² Две беседы Фотия..., с. 421, 425, 430.

²³ Слово на положение ризы..., с. 595; Хроника Георгия -Амартола,

с. 511.

²⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 19; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. IX. СПб., 1862, с. 8.

⁵ Эверс Г. Предварительные критические исследования для Российской истории. М., 1826, с. 229, *Иловайский Д. И.* Разыскания о начале Руси, с. 197; *Ламанский В. И.* Указ. соч., с. 121—123; *Приселков М. Д.* Указ. соч., с. 46—47; *Ahrweiler H.* Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle.— Bulletin d'information et de coordination N 5. Athenes — Paris, 1971. p. 52—54; *Swiencickij I.* Die Friedensverträge des Bulgaren und der Russen mit Byzance.— Studi Byzantini e Neoellenici, v. 5. Roma, 1939. S. 324. *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500—1453. London. 1971. p. 183.

⁶ Левченко М. В. Указ. соч., с. 68.

⁷ См. об этом подробнее: *Удальцова З. В.* Идейно-политическая борьба в ранней Византии (По данным историков IV—VII вв.). М., 1974, с. 135, 138.

⁸ Две беседы Фотия..., с. 419, 421.

⁹ ПВЛ, ч. 1, с. 19.

¹⁰ Хроника Симеона Логофета, с. 97, 99, 106; Слово на положение ризы..., с. 595—596; Nicetae Paphl. p. 515; MGH, t. VI, p. 479—480.

¹¹ Две беседы Фотия..., с. 433; Слово на положение ризы..., с. 611.

¹² Слово на положение ризы..., с. 611.

¹³ Вопрос о сроках осады решен в соответствии с данными советской историографии (см.: *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 69, 70—71, 72; *Каждан А. П. К.* характеристике русско-византийских отношений в современной буржуазной историографии.— Сб. Международные связи Росии до XVII в. М., 1961, с. 15; История Византии, т. II, с. 229).

¹⁴ Хроника Симеона Логофета, с. 106; Хроника Георгия Амартола, с. 511; ПВЛ, ч. 1, с. 19.

¹⁵ Две беседы Фотия..., с. 436.

¹⁶ Theophanes Cont., lib. III, cap. 33, p. 196.

¹⁷ MGH SS, t. VII, p. 18; Две беседы Фотия..., с. 431.

¹⁸ *Шлецер А. Л.* Нестор, т. I. СПб., 1809, с. 362—363; *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига, т. I. М., 1872, с. 11; *Лопарев Х.* Указ. соч., с. 615; *Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919, с. 60; *Приселков М. Д.* Русско-византийские отношения.— Вестник древней истории, 1939, т. 3, с. 99; *Мауродин В. В.* Образование древнерусского государства. Л., 1945, с. 215. См. также: Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 1. М., 1953, с. 74.

¹⁹ *Бестужев-Рюмин К.* Русская история, т. I. СПб., 1872, с. 99.

²⁰ *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 74—75. См. также: *Ericsson K.* The Earliest Conversion of the Rus' to Christianity.— The Slavonic and East European Review, vol. 44. N 102. London. 1966. p. 114.

²¹ *Литаврин Г. Г.* Византия и Русь в IX—X вв.— История Византии, т. II, с. 229.

²² *M. de Taube.* Rome et la Russie avant l'invasion des Tatars (IX—XIIe siècles). t. I. Le Prince Askold, l'origine de l'Etat de Kiev et la premiere conversion des russes. 856—882. Paris, 1947, p. 31—33.

²³ Слово на положение ризы..., с. 593—594.

²⁴ Две беседы Фотия..., с. 434.

²⁵ Там же, с. 432.

²⁶ Например, с аvarами в 568 и 617 гг. (Regest., N 10, 171); с персами в 558 г. (Regest.. N 36); с вестготами в 616 г. (Regest.. N 168); с арабами в 641, 750, 756, 800 и 952 гг. (Regest.. N 220. 311. 317. 365, 660); с уграми в 896 и 943 гг. (Regest., N 532, 640); с болгарами в 913 г. (Regest., N 572) и т. д.

²⁷ Две беседы Фотия..., с. 431—432.

2. Договор “мира и любви” (с. 59—82)

¹ PG. t. 102, p. 735—738.

² Theophanes Cont., lib. III, cap. 33, p. 196.

³ Ibid., lib. V, cap. 97, p. 342—343.

⁴ ПСРЛ, т. IX, с. 13.

описываемое в “Слове”, от событий 626 г. К тому же император так и не попал тогда в осажденный город, что имело место в 860 г. и нашло отражение в “Слове”.

⁷ О причастности этого письма к событиям 860 г. см.:

Голубинский Е. История русской церкви, т. I. ч. 1. М., 1880, с. 23; *Ламанский В. И.* Славянское житие св. Кирилла как

религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Пг., 1915, с. 107—108; *Паушто В. Т.* Указ соч., с. 59, 314, прим. 21, и др.

⁸ См. об этом подробнее: История Византии, т. II. М., 1967, с. 195—196.

⁹ Monumenta Germaniae Historica. Epistolae (далее — MGH), t. VI.

Berlin. 1925, p. 479—480.

⁰ Theophanes Continuatus. Theophili Michaelis f. imperium Cbro pographia (далее — Theophanes Cont.). Bonnae, 1838, lib. III. cap. 33,

p. 196.

¹ Ibidem, Historia de vita et rebus gestis Basilii imperatoris —

Theophanes Cont. lib. V. cap. 97. p. 342—343.

² Хроника Симеона Логофета. Изд. В. Срезневского. СПб., 1905,

с. 106. См. также один из изводов этой хроники — хронику

продолжа теля Георгия Амартола. где также отмечено, что Русь едва избежала

беды и “с победением” возвратилась домой (*В. М. Истрин.* Книги

временныя и образныя Георгия Мниха. “Хроника” Георгия Амартола

в древнем славянском переводе. Текст, исследование и словарь, т. I.

Текст. Пг., 1920, с. 511). “Повесть временных лет” передает

события в записи, близкой к хронике продолжателя Георгия Амартола

(ПВЛ, ч. I, с. 19). “Новгородская первая летопись старшего и младшего

изво дов” (М.—Л., 1950, с. 105) отмечает, что руссы “во своя сы

возврати тиася”, т. е. не упоминает об их поражении. См. также: “Летописец

Переяславля-Суздальского, составленный в начале XII в. (между 1214

и 1219 гг.)”. М., 1851, с. 5—6.

³ Скилица отметил, что россы — народность скифская, что они под

вергли Константинополь “страшной опасности”, а затем, испытав

на себе “гнев божий”, удалились домой, “отправив в город послов

просить божественного крещения”, и получили его (Ioannis Scyitzae

Sinopsis Historiarum (далее — Scyl.). Berolini. 1973, p. 107; *Ioannis Zonarae*

Epitome historiarum (далее — Zonar), vol. IV. Lipsiae. 1871, lib. XVI,

cap. IV—V, p. 15).

⁴ Ioannis Diaconi chronicon venetum.— MGH SS. t. VII. Leipzig,

1925, p. 18.

⁵ См., например, *Vasilvv A. A.* Op. cit., p. 189—190.

⁶ *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 61; *Паушто В. Т.* Указ. соч., с. 59.

Тем более что “normanorum” у Иоанна Дьякона могут быть

поняты и как “норманны”, и как “северные пришельцы”, “иноземцы”,

“северное племя” и т. д.

⁷ Перевод письма см.: *Пападопуло-Керамевс А.* Акафист божи-

ей матери. Русь и патриарх Фотий.— Византийский временник, т. X,

выш. 3—4. СПб., 1903, с. 381.

⁸ Там же, с. 394.

⁹ Anecdota Bruxellensia. Chroniques Byzantins du manuscrit 11370.

Par F. Cumon. 1894.— Recueil des Travaux publiés par la Faculte des

Philosophie et des Lettres. fasc. 9. p. 33. Публикация этого

источника впервые за долгие годы изучения нашествия установила его точную

да ту, о чем В. Г. Васильевский немедленно сообщил русской научной об

щественности (*Васильевский В. Г.* Год первого нашествия русских на Константинополь.— Византийский временник, т. I. СПб., 1894, с. 258—

259),³⁰ *Аманский В. И.* Указ. соч., с. 118, 120; *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 67 и др.

¹ См. о нем: *Успенский Ф. И.* Указ. соч., с. 215, прим. 1.

² Две беседы Фотия..., с. 421, 425, 430.

³ Слово на положение ризы..., с. 595; Хроника Георгия Амартола, с. 511.

³¹ ПВЛ, ч. 1, с. 19; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. IX. СПб., 1862, с. 8.

²⁵ Эверс Г. Предварительные критические исследования для Российской истории. М., 1826, с. 229; *Иловайский Д. И.* Разыскания о начале Руси, с. 197; *Ламанский В. И.* Указ. соч., с. 121—123; *Приселков М. Д.* Указ. соч., с. 46—47; *Ahrweiler H.* Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle.— Bulletin d'information et de coordination N 5. Athenes — Paris, 1971, p. 52—54; *Swiencicky J.* Die Friedensverträge des Bulgaren und der Russen mit Byzance.— Studi Byzantini e Neoellenici, v. 5. Roma, 1939, S. 324. *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500—1453. London. 1971. p. 183.

²⁶ Левченко М. В. Указ. соч., с. 68.

²⁷ См. об этом подробнее: *Удальцова З. В.* Идейно-политическая борьба в ранней Византии (По данным историков IV—VII вв.). М., 1974, с. 135, 138.

²⁸ Две беседы Фотия..., с. 419, 421.

²⁹ ПВЛ, ч. 1, с. 19.

³⁰ Хроника Симеона Логофета, с. 97, 99, 106; Слово на положение ризы..., с. 595—596; Nicetae Paphl., p. 515; MGH, t. VI, p. 479—480.

³¹ Две беседы Фотия..., с. 433; Слово на положение ризы..., с. 611.

³² Слово на положение ризы..., с. 611.

³³ Вопрос о сроках осады решен в соответствии с данными советской историографии (см.: Левченко М. В. Указ. соч., с. 69, 70—71, 72; *Каждан А. П.* К характеристике русско-византийских отношений в современной буржуазной историографии.— Сб. Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 15; История Византии, т. II, с. 229).

³⁴ Хроника Симеона Логофета, с. 106; Хроника Георгия Амартола, с. 511; ПВЛ, ч. 1, с. 19.

³⁵ Две беседы Фотия..., с. 436.

³⁶ Theophanes Cont., lib. III, cap. 33, p. 196.

³⁷ MGH SS, t. VII, p. 18; Две беседы Фотия..., с. 431.

³⁸ *Шлецер А. Л.* Нестор, т. I. СПб., 1809, с. 362—363; *Погибдин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига, т. I. М., 1872, с. 1; *Ланарев Х.* Указ. соч., с. 615; *Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919, с. 60; *Приселков М. Д.* Русско-византийские отношения.— Вестник древней истории, 1939, т. 3, с. 99; *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства. Л., 1945, с. 215. См. также: Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 1. М., 1953, с. 74.

³⁹ *Бестужев-Рюмин К.* Русская история, т. I. СПб., 1872, с. 99.

⁴⁰ Левченко М. В. Указ. соч., с. 74—75. См. также: *Ericsson K.* The Earliest Conversion of the Rus' to Christianity.— The Slavonic and East European Review, vol. 44. N 102. London. 1966, p. 114.

⁴¹ *Литавин Г. Г.* Византия и Русь в IX—X вв.— История Византии, т. II, с. 229.

⁴² *M. de Taube.* Rome et la Russie avant l'invasion des Tatars (IX—XIIe siècles), t. I. Le Prince Askold, l'origine de l'Etat de Kiev et la première conversion des russes. 856—882. Paris, 1947, p. 31—33.

⁴³ Слово на положение ризы..., с. 593—594.

⁴⁴ Две беседы Фотия..., с. 434.

⁴⁵ Там же, с. 432.

⁴⁶ Например, с аvarами в 568 и 617 гг. (Regest., N 10, 171); с персами в 558 г. (Regest., N 36); с вестготами в 616 г. (Regest., N 168). с арабами в 641, 750, 756, 800 и 952 гг. (Regest., N 220, 311. 317. 365, 660); с уграми в 896 и 943 гг. (Regest., N 532, 640); с болгарскими в 913 г. (Regest., N 572) и т. д.

⁴⁷ Две беседы Фотия..., с. 431—432.

¹ PG. t. 102, p. 735—738.

² Theophanes Cont., lib. III, cap. 33, p. 196.

³ Ibid., lib. V, cap. 97, p. 342—343.

⁴ ПСРЛ, т. IX, с 13.

⁶ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1901, с. 276.

⁶ Эверс Г. Указ. соч., с. 228; Карамзин Н. М. История государства Российского, т. I. СПб., 1830, с. 138—139.

⁷ Лонгинов А. В. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X в. Одесса, 1904, с. 43—44, 47.

⁸ Успенский Ф. И. Указ. соч., с. 212, 214, 216; Приселков М. Д. Русско-византийские отношения, с. 99.

⁹ Бестужев-Рюмин К. Указ. соч., с. 99; Пападопуло-Керамевс А. Указ. соч., с. 393.

⁰ Пархоменко В. Начало христианства Руси. Полтава, 1913, с. 52—53; Ламанский В. И. Указ. соч., с. 73—75, 97, 99, 111—112. См. также: Полонская Н. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира.— ЖМНП, новая серия, ч. LXXI, 1917, сентябрь, с. 92.

¹ Wilken F. Ober die Verhältnisse der Russes zum Byzantinischen Reich in dem Zeitraum von neunten bis zum swolften Jahrhundert.— Abhandlungen der historisch-philologischen Klasse der K- Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin, 1829, S. 75—90; Coure A. La Russie et Constantinople. Premieres tentatives des Russies contre l'Empire Grec. 865—1116. § 3. La legende d'Oleg. 906—907.—Revue des questions historiques, vol. XIX. Paris, 1876, p. 79—84; Raundal G. Stories of the East Vikings. Minneapolis (Minn), 1938, p. 187, 189—190; Vasiliev A. A. Op. cit., p. 230—232.

² Constantini imperatoris de cerimoniis aulae Byzantinae libri duo (далее — De cerimoniis). Bonnae, 1829, lib. 11, cap. 44, p. 651

³ Jenkins R. The Date of Leo VI's-Cretan expedition.— Melandes St. Kynakides. Saloniki, 1953, p. 277.

⁴ Vasiliev A. A. Op. cit., p. 231—233; Bury J. B. A History of the Eastern Roman Empire. London, 1912, p. 422.

⁵ M. de Taube. Op. cit., p. 30, 33; Boak A. E. R. The Earliest Russian Moves against Constantinople.— Queen's Quarterly, vol. LV, N 3. Kingston (Ontario), 1948, p. 312.

⁶ Dvornik F. Byzantine Mission among the Slavs SS. Constantine-Cyrrill and Methodius. New Brunswick, 1970, p. 51—52, 267; idem. Missions of the Greek and Western Churches in the East during the Middle Ages—XIII Internationale Congress of Historical Sciences. M., 1970, p. 12."

⁷ Sorlin I. Les Traites de Byzance avec la Russie au Xe siecle (I partie)—Cahiers du monde Russe et Sovietique, vol. II, N 3. Paris, 1961, p. 322—323

⁸ Ahrweiler H. Op. cit., p. 52—53, 57—59, 65.

⁹ Левченко М. В. Указ. соч., с. 76, 81. На наш взгляд, М. В. Левченко оценивает христианизацию весьма однозначно — как средство политического влияния со стороны Византии на определенные страны — и не учитывает собственных политических интересов этих стран в данном вопросе.

²⁰ Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 59—60; История Византии; т. II, с. 229.

²¹ Vlasto A. P. Op. cit., p. 244—245.

²² Левченко М. В. Указ. соч., с. 70.

²³ См., например, M. de Taube. Op. cit., p. 35, Dvornik F. Byzantine Mission among the Slavs..., p. 267; Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 59; Lowmiahski H. Poczatki Polski, t. 5. Warszawa, 1973, s. 51.

²⁴ История дипломатии, т. I, изд. 2. М., 1959, с. 16; Левин Д. Б. Дипломатия. Ее сущность, методы и формы. М., 1962, с. 67.

²⁵ Мейчик Д. Русско-византийские договоры.— ЖМНП, новая серия, ч. LIX, 1915, октябрь, с. 315; Лонгинов А. В. Указ. соч., с. 63.

²⁶ См., например; Гедеонов С. А. Варяги и Русь, ч. 1. Варяги, с. 266; Димитриу А. К вопросу о договорах русских с греками.— Византийский временник, т. II. СПб., 1895, с. 531—535; Лонгинов А. В. Указ. соч., с. 25.

²⁷ Menander, p. 203; Regest, N 240, 243 etc. См. также: Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки.— ЖМНП, 1878, февраль, с. 116, 121; Златарски В. Н. История на Българската държава презь средните

векове, т. I. Първо Българско царство, ч. I. София, 1927, с. 147; История Болгарии, т. I. М., 1954, с. 56—57, 59, 65—66; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 109, 111, 145—146, 199, 201; История Византии, т. II, с. 47—48; *Obolensky D.* Op. cit., p. 19. 63.

² Regest., N 461. Правда, В. Н. Златарский подчеркивает, что речь идет здесь лишь о церковном подчинении болгар Византии, ни о каком прямом политическом подчинении “императору ромеев”, как об этом сообщили византийские источники, говорить в данном случае неправомочно (*Златарский В. Н.* Указ. соч., ч. 2. София, 1927, с. 21—23).

³ Regest., N 626. 640; Хроника Георгия Амартола, с. 563, 566. ПВЛ, ч. 1, с. 32; Хроника Георгия Амартола, с. 563.

⁴ *Swiencickij I.* Op. cit., S. 323.

⁵ ПВЛ, ч. 1, с. 17—18, 31, 32; ч. 2, с. 284.

⁶ Хроника Георгия Амартола, с. 544—545.

⁷ Там же, с. 557—559.

⁸ Об отношениях с гуннской державой см.: *Удальцова З. В.* Указ. соч., с. 109—110.

⁹ Так вслед за Е. Е. Голубинским переводили это понятие Г. Острогорский, Д. Оболенский, Э. Арвейлер (*Ostrogorskiy G.*

Византия и киевская княгиня Ольга.— To Honor Roman Jakobson. vol. II. The Hague—Paris, 1967. p. 1458; *Obolensky D.* Op. cit., p. 184; *idem.* The Empire and its Northern Neighbours. 565—1018.— Byzantini and the Slavs: Collected Studies. London, 1971, p. 496; *Arweiler H.* Op. cit., p. 63) по аналогии с обращением в христианство Болгарии, церковь которой была поставлена в зависимость от византийской патриархии. Однако, хотя византийская политическая доктрина трактовала случаи зависимости от империи, ни о каком политическом подчинении ни Болгарии, ни Руси не могло быть и речи, на что обратил внимание Д. Оболенского Г. Г. Литаврин в своей рецензии на его книгу (Вопросы истории, 1972, № 2, с. 182—183). Прав был в свое время В. Н. Златарский, который отметил, что сообщение Симеона Логофета о подчинении Болгарии власти византийских императоров следует понимать как подчинение церковное (*Златарский В. Н.* Указ. соч., ч. 2, с. 23). Сообщение Фотия вполне заслуживает такой же оценки. Ф. И. Успенский, М. В. Левченко и другие переводили это понятие как “преданных нам” (*Успенский Ф. И.*

Русь и Византия в Х в. Одесса, 1888, с. 9; *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 57, 88).

¹⁰ PG, t. 102, p. 735—738.

¹¹ Scyl., p. 107.

¹² *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500—1453. p. 183; *idem.* The Empire and its Northern Neighbours. 565—1018, p. 496.

¹³ *Айналов Д.* Очерки по истории древнерусского искусства. II. О дарах русским князьям и послам в Византии.— Известия ОРИС, 1908, т. XIII, кн. 2, с. 293—294.

¹⁴ *Дорн Б.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан с до полнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб., 1875, с. 5. См. также: *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 370; *Новосельцев А. П.* Русь и государства Кавказа и Азии.— *Папуто В. Т.* Указ. соч., с. 99.

¹⁵ *Лонгинов А. В.* Указ. соч., с. 43—44, 47; *Vasiliev A. A.* Op. cit., p. 233; *Voak A. E. R.* Op. cit., p. 312.

¹⁶ ПВЛ, ч. 1, с. 27.

¹⁷ См., например, Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I. СПб., 1851, с. 16.

¹⁸ А. Власто считает возможным определить его как “первый формальный договор” между Русью и Византией (*Vlasto A. P.* Op. cit., p. 245).

⁴⁶ *Obolensky D.* The Commonwealth. Eastern
Byzantine Europe.
500—1453. p. 184.

⁴⁷ *Каждан А. П.* Социальные и политические
взгляды
Ежегодник Музея истории религии и атеизма,
т. II.
с 111.

⁴⁵ Голубинский Е. Указ. соч., с. 321. О тенденциозности в этом вопросе Константина VII Багрянородного писалось немало. После апологетического по отношению к Василию I изложения событий в исторической литературе XIX в. некоторые авторы XX в. более критически подошли к сочинению Константина VII. В работах Ф. Дворника, А. А. Васильева, Р. Дженкинза отмечалось, что Константин VII заведомо искажил облик и деяния Михаила III и всячески превозносил личность своего деда — основоположника Македонской династии (*Dvornik F. Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siecle. Paris, 1926, p. 146; Vasiliev A. Op. cit., p. 152—164; Jenkins R. Constantine VII portrait of Michael III.—Academie de Belgique. Bulletin de la cl. des lettres, 5 ser., 1948, t. 34, p. 72*). О тенденциозности Константина VII писал А. П. Каждан (*Каж-дан А. П. Из истории византийской хронографии X в. О составе так называемой "Хроники продолжателя Феофана".— Византийский временник, т. XIX. М., 1961, с. 85*).

⁴⁹ Макарий. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира, как введение в историю русской церкви, изд. 2. СПб., 1868, с. 226; ПСРЛ, т. IX. М., 1962, с. 9.

⁵⁰ М. В. Левченко считает, например, что события 60-х годов IX в. лишь подготовили почву для равноправных договоров Руси с греками, состоявшихся уже позднее, в X в., т. е. начинает вести счет таким договорам лишь с 907 г. (*Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений, с. 76*).

³ Шлецер А. Л. Указ. соч., с. 86, 109, 110, 113, 258; Ягодин М. П. Указ. соч., с. 9; Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. I. М., 1959, с. 137; Полонская Н. Указ. соч., с. 89; Голубинский Е. Указ. соч., с. 19, 40—42, 45; Пархоменко В. Указ. соч., с. 18—23.

³² M. de Taube. Op. cit., p. 24; Stender-Petersen A. Varangica. Aarhus, 1953, p. 247—248.

³⁵ Vasiliev A. A. Op. cit., p. 175. Развернутую критику норманистских взглядов А. А. Васильева см.: Левченко М. В. Указ. соч., с. 42—55 и ел.

⁶⁴ См., например: *Obolensky D. The Empire and its Northern Neighbours. 565—1018.— Byzantium and the Slavs; Collected Studies. London, 1971, p. 93, 494; Shepard I. Some Problems of Russo-Byzantine Relations: с 860 — с. 1050.— The Slavonic and East European Review, vol. 52, N 126. London, 1974, p. 12.*

³⁵ Vernadsky G. Ancient Russia. New Haven, 1943, p. 342—344;

Dvornik F. The Slavs. Their early History and Civilization. Boston, 1956, p. 195; *idem. Byzantine Mission among the Slavs. SS. Constantine-Cyrill and Methodius. New Brunswick, 1970, p. 50—51, 267.*

³⁶ В связи с этим В. О. Ключевский заметил, что Фотию, видимо, было известно о начавшемся важном перевороте на Руси, а А. А. Шахматов обратил внимание на сообщение Никоновской летописи, которую

он считал восходящей к не дошедшим до нас источникам, о подчинении

Аскольдом и Диром полочан (*Ключевский В. О. Соч., т. I. М., 1956,*

с. 145, 147; Шахматов А. А. Указ. соч., с. 59).

³⁷ Liutprandi cremonensis episcopi historia gestorum regum et imperatorum sive antapodosis (далее — Liutprandi antapodosis.)—PCC, ser.

latina (PL), t. 136. J — P., Migne/Paris, 1853, p. 883.

³⁸ См. об этом подробнее: Эверс Г. Указ. соч., с. 227; Макарий.

Указ. соч., с. 83, 218—220; Иловайский Д. И. Разыскания о начале

Руси, с. 197; *его же. О мнимом призвании варягов, с. 17; Иконни*

ков В. С. Опыт русской историографии, т. I. Киев, 1891, с. 119; Гедео

нов С. А. Указ. соч., с. 470 и ел.

³⁹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949, с. 443; Левченко М. В.

Указ. соч., с. 43; Пауто В. Т. Указ. соч., с. 59.

⁴⁰ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.—Новосельцев А. П., Пауто В. Т., Черепнин Л. В.,

Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 384.

⁴ Theophanes Cont., lib. V, cap. 97, p. 343.

⁴² Две беседы Фотия..., с. 426.

1. *Историография вопроса о договоре 907 г.*
(с. 84—89)

- ¹ ПВЛ, ч. 1. М., 1950, с. 24—25.
- ² *Шлецер А. Л.* Нестор. СПб., 1809, т. I, с. 5; т. II. СПб., 1809, с. 634, 641, 752—758.
- ³ *Барац Г. М.* Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1910, с. V.
- ⁴ *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русско-византийского права. СПб., 1910, с. 626—628, 631—632, 635.
- ⁵ *Шахматов А. А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря.—Записки нефилологического общества, вып. VIII. Пг., 1915, с. 391—395.
- ⁶ *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории, т. I. Киевская Русь. М., 1938, с. 69; *Обнорский С. П.* Язык договоров русских с греками.—Язык и мышление, вып. VI—VII. М.—Л., 1936, с. 80, 81, 100; *Бахрушин С. В.* Некоторые вопросы истории Киевской Руси.—Историко-марксист, 1937, № 3, с. 172—173.
- ⁷ *Лихачев Д. С.* “Повесть временных лет” (Историко-литературный очерк).—ПВЛ, ч. 2. М.—Л., 1950, с. 49, 53, 118, 262—263 и ел.; *его же.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 163.
- ⁸ *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 178, 179. См. также: История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I. М., 1966, с. 489, 490; Памятники русского права, вып. I. М., 1952, с. 5, 66.
- ⁹ *Кузьмин А. Г.* Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969, с. 83; *его же.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 330—331; *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий).—Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (далее — ТОДРЛ), т. XXX. М., 1976, с. 17—21.
- ¹⁰ *Эверс Г.* Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835, с. 135; *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции, т. III. М., 1846, с. 195; *Срезневский И. И.* О договорах Олега с греками.—Известия ОРЯС, т. 1. СПб., 1852, с. 311; *Ламбин Н. П.* Действительно ли поход Олега под Царьград сказка? (Вопрос г. Иловой скому).—ЖМНП, 1873, июль; *Димитриу А.* К вопросу о договорах русских с греками.—Византийский временник, т. II. СПб., 1895, с. 543; *Мейчик Д.* Русско-византийские договоры.—ЖМНП, новая серия, ч. LIX, 1915, октябрь, с. 296—297.
- ¹¹ *Грушевский М.* История Украши — Руси, т. I. Львів, 1904, с. 386.
- ¹² *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949, с. 449, 450. С. М. Каштанов считает, что Б. Д. Греков “колебался в вопросе о самостоятельности договора 907 г.” (*Каштанов С. М.* Русские княжеские акты X—XIV вв. (до 1380 г.).—Археологический ежегодник (далее — АЕ) за 1974 г. М., 1975, с. 99), хотя никаких колебаний в работах Б. Д. Грекова на этот счет мы не заметили.
- ¹³ *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 101, 118, 120—121.
- ¹⁴ *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 60—61, 314. См. также: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т.* Внешняя торговля Древней Руси.—История СССР, 1967, № 3, с. 82.
- ¹⁵ *Лавровский Н.* О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853, с. 71; *Сокольский В. В.* О договорах русских с греками.—Университетские известия (Киев), 1870, № 4, с. 3—4.
- ¹⁶ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, т. I. М., 1959, с. 143; *Лонгинов А. В.* Мирные договоры русских с греками, заключенные в X в. Одесса, 1904, с. 72, 83; *Сажоквасов Д. Я.* Курс рус

ского права. М., 1908, с. 5, 30.

^v *Истрин В. М.* Договоры русских с греками X в.— Известия ОРЯС, т. XXIX. Л., 1924, с. 386—387.

⁸ *Ключевский В. О.* Соч., т. I. М., 1956, с. 145—146, 156;

*Само
квасов Д. Я.* Указ. соч., с. 11; *Любавский М. К.* Лекции
по древней

русской истории до конца XVI в. М., 1916, с. 82; *Шангин М. А.* Два договора.— *Историк-марксист*, 1941, № 2, с. 114.

⁹ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 1.

М., 1953, с. 81; Краткая история СССР, ч. 1. М.—Л., 1963, с. 50;

изд. 2. Л., 1972, с. 37; История Болгарии, т. 1. М., 1954, с. 90; Исто

рия Византии, т. II. М., 1967, с. 230.

¹⁰ *Clerc N. G.* Histoire physique, morale, civile et politique de la

Russie Ancienne, vol. 1. Paris, 1785, p. 102—116; *Lavesque P. Ch.* Histoire de Russia. Hamburg, Brunswick, 1800, p. 70—81; *Coure A.* La Russie a Constantinople. Premieres tentatives des Russies contre l'Empire

Grec. 865—1116. § 3. La legende d'Oleg. 906—907.—*Revue des*

questions historiques, vol. XIX. Paris, 1876, p. 84—94 etc.

¹¹ *Wilken F.* Uber die Verhaltnisse der Russen zum Byzantinischen

Reich in dem Zeitraum vom neunten bis zum zwolften Jahrhundert.—

Abhandlungen der historisch-philologischen Klasse der K. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin, 1829, S. 93—98; *Ranciman S.* The

Emperor Romanus Lecapenus and His Reigne. Cambridge, 1929, p. 110; *Laehr G.* Die Anfange des russischen Reiches. Berlin, 1930, S.

34—35,

130—131.

¹² *Gregoire H.* La legende d'Oleg et l'expedition d'Igor.—

Bulletin de la classe des Lettres et des Sciences, Morales et Politiques de

l'Academie royale de Belgique, t. XXIII. Bruxelles, 1937,

p. 80;

Dolley R. H. Oleg's Mithical Campaign against Constantinople.—

Ibid.,

t. XXXV. Bruxelles, 1949, p. 119—121.

¹³ *Sorlin I.* Les Traités de Byzance avec la Russie au Xe siecle

(I partie).— *Cahiers du monde Russe et Sovietique*. vol. II, N 3. Paris, 1961, p. 336—341, 345.

¹⁴ *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500—1453. London, 1971, p. 186; *Shepard J.* Some Problems of Russo-Byzantine Relations: c 860 — c. 1050.— *The Slavonic and East European Re*

view, vol. 52, N 126. London, 1974, p. 18.

¹⁵ *Raundal G.* Stories of the East Vikings. Minneapolis (Minnesota), 1938, p. 193—194, 198, 300; *Brehier L.* Vie et Mort de Byzance.

Paris,

1947, p. 150—151; *Boak A. E. R.* The Earliest Russian Moves

against

Constantinople.— *Queen's Quarterly*, vol. LV, N 3. Kingston

(Ontario),

1948, p. 312—313.

¹⁶ *Ostrogorsky G.* L'expedition du prince Oleg contre Constantinople en 907.— *Annales de l'Institut Kondakov. Seminarium*

Kondakovianum, vol. XI. Prague, 1939, p. 47—61; *Vasiliev A. A.* The Second Russian

Attack on Constantinople.— *Dumbarton Oaks Papers*. Cambridge (Mass.),

1951, N 6, p. 216, 220—221; *Vernadsky G.* The Problem of the Early Russian Campaigns in the Black Sea Area.— *The American Slavic and*

the East European Review, vol. VIII. New York, 1949, p. 4.

Убедительную критику воззрений А. Грегуара и анализ позитивных усилий А. А. Васильева дали в своих работах М. В. Левченко и А. П. Каждан (*Левченко М. В.* Указ. соч., с. 110—114; *Каждан А. П.*

К характеристике русско-византийских отношений в современной буржуазной историографии (1947—1951).— *Международные связи России до XVII в. М.*, 1961, с. 13—16). В 1971 г. договор 907 г. как реальное торговое соглашение оценил Д. Миллер (*Miller D. A.* *Byzantine*

Treaties and Treaty-Making: 500—1025.— *Byzantinoslavica*, 1971, t. XXXII, p. 67).

Текст

Убедительную критику воззрений А. Грегуара и анализ позитивных усилий А. А. Васильева дали в своих работах М. В. Левченко и А. П. Каждан (*Левченко М. В.* Указ. соч., с. 110—114; *Каждан А. П.* К характеристике русско-византийских отношений в современной буржуазной историографии (1947—1951).— *Международные связи России до XVII в. М.*, 1961, с. 13—16). В 1971 г. договор 907 г. как реальное торговое соглашение оценил Д. Миллер (*Miller D. A.* *Byzantine Treaties and Treaty-Making: 500—1025.*— *Byzantinoslavica*, 1971, t. XXXII, p. 67).

2 *Дипломатические соглашения Византии второй половины I-го тысячелетия и договоры Руси с варягами, уграми, тиверцами, Болгарией, Византией в 907 г.*
(с. 89—104)

¹ Обоснование исторической достоверности сообщений русских летописей о походе 907 г. см.: *Сахаров А. Н.* Поход Руси на Константино

поль в 907 г.—*История СССР*, 1977, № 6.

² *Miller D. A.* Op. cit., p. 56.

³ *Obolensky D. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy—XII Congress International des Etudes Byzantine. Ochride, 1961.*

Rapport II. Beograd — Ochride, 1961, p. 46.

⁴ *Miller D. A. Op. cit., p. 56.* Д. Оболенский, анализируя термины

логию дипломатических контрагентов Византии, выделяет: союзников

“по торжественному договору”; наемников; тех, с кем заключаются

обычные мирные договоры; подданных империи, т. е. вассалов; “друзей”, к которым отнес Русь IX в. патриарх Фотий (*Obolensky D. The Prin*

ciples and Methods of Byzantine Diplomacy, p. 57).

⁵ *Miller D. A. Op. cit., p. 57—59, 67.*

⁶ История Византии, т. I. М., 1967, с. 340. См. также: *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500—1453, p. 50.*

⁷ *Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии*

(По данным историков IV—VII вв.). М., 1974, с. 110, 124.

⁸ *Menander, p. 203.*

⁹ История Византии, т. I, с. 343. См. также: *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500—1453, p. 50;*

Удальцо

ва З. В. Указ. соч., с. 261—262.

¹⁰ *Menander, p. 208—209.* Задолго до этого соглашения, еще при императоре Феодосии, Византия с 422 г. платила денежную дань персам, в обязанность которых входила охрана северных горных

проходов на Кавказе от вторжений “варваров”. В 532, 545 и 557 гг. в процессе долготрадных военных конфликтов персы неоднократно требовали

ежегодной дани и покрытия старых долгов (*Кулаковский Ю. История*

Византии, т. II. Киев, 1912, с. 66—67, 196, 203, 208).

¹¹ *Удальцова З. В. Указ. соч., с. 264.*

¹² *Проконий us Кесарии. Война с готами. М., 1950, кн. VIII, § 11,*

с. 405; § 15, с. 424, 426.

¹³ *Regest, N 21, 23, 34, 36, 43, 64, 82, 131, 152, 171. См. также:*

Кулаковский Ю. Указ. соч., с. 448—449.

¹⁴ *Regest., N 239, 253, 257, 340, 353, 366, 423, 579, 603, 747, 769, 770.*

¹⁵ *Ibid., N 208, 243, 276, 522; История Болгарии, т. I, с. 66, 81.*

¹⁶ История Византии, т. II, с. 199; История Болгарии, т. I, с.

82.

¹⁷ История Льва Дьякона Калойского и другие сочинения византийских писателей. СПб., 1820, с. 39.

¹⁸ История Болгарии, т. I, с. 90; *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500—1453, p. 128.*

¹⁹ *Regest., N 320, 353, 385, 438.*

²⁰ *Ibid., N 177, 183, 519, 713.*

²¹ *Ibid., N 41.*

²² В данном случае мы не разбираем других соглашений:

мирных договоров, согласно которым прекращались военные действия и уста

навливался порядок обмена пленными; договоров о ненападении; “ми

ров”, содержавших лишь уверения в дружеском расположении, но не

подкрепленных никакими конкретными статьями; соглашений, включав

ших договоренности по церковным вопросам.

²³ *Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974,*

с. 242, 244.

²⁴ *Obolensky D. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy, p. 56.*

²⁵ ПВЛ, ч. 1, с. 20; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 107.

²⁶ См. об этом подробнее: *Сахаров А. Н. Указ. соч., с. 78—80.*

²⁷ ПВЛ, ч. 1, с. 18.

²⁸ Там же с. 21. Эти сведения и последующий текст об уграх, как

показал А. А. Шахматов, восходят к древнейшим письменным источни

кам западных славян (*Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники.—ТОДРЛ, вып. IV. М.—Л., 1940, с. 82, 83, 91).* В. П. Шушарин

выявил, что другим источником этого сообщения являются современные летописцу устные народные предания о венграх и их

истории

(*Шушарин В. П. Русско-венгерские отношения в IX в.—*

Международ

ные связи России до XVII в. М., 1961, с. 173).

²⁹ *Шушарин В. П. Указ. соч., с. 132, 137—141, 149.*

»
П
ВЛ,
ч. 1,
с.
23
—2
4.

¹ См. об этом подробнее: *Сахаров А. Н.* Указ. соч., с. 88—90.

² ПВЛ, ч. 1, с. 21.

³ *Барац Г. М.* Указ. соч., с. 7; *Lepissier S.* Les *Tolkoviny* de la chronique de Kiev.— *Revue des Etudes slaves*, t. 42, fasc. 1—4. Paris, 1963, p. 107—108.

⁴ *Тихомиров М. Н.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.— *Славянский сборник*. М., 1947, с. 133; ПВЛ, ч. 2. М.—Л., 1950. Комментарий, с. 263.

⁵ *Расовский Д.* Тълковины.— *Seminarium Kondakovianum*, t. VIII Praha, 1936, с. 307—313.

⁶ См. также: *Греков Б. Д.* Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1945, с. 58; *Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.*, ч. 1, с. 82.

⁷ *Пигулевская Н. В.* Имя “Рус” в сирийском источнике VI в. н. э.— Сб. Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия. М., 1952, с. 46; *ее же.* Сирийский источник о народах Кавказа.— *Вестник древней истории*, 1939, № 1 (6), с. 114—115. См. также: *Дьяконов А. П.* Из вестия Псевдо-Захария о древних славянах.— *Вестник древней истории*, 1939, № 4, с. 88. Французский историк Б. Дельмэр заметил по этому поводу, что “Русь” восточных источников вряд ли может быть идентифицирована с “Русью” источников византийских, тем более что в византийских источниках того времени нет подобных аналогий (*Detmaire B.* Les origines russes d'apres les travaux sovietiques recens.— *Annales. Economies. Societes. Civilization*, 29 an, 1974, N 1, Janvier — fevrier, p. 159).

⁸ Цит. по: *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.— *Новосельцев А. П., Паушто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 398.

⁹ *Летопись византийца Феофана*. М., 1890, с. 206.

¹⁰ *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв., с. 400.

¹¹ Там же, с. 390.

¹² *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова.— *Материалы и исследования по археологии СССР* № 11. М.—Л., 1949, с. 22—24, 27, 40, 52.

¹³ ПВЛ, ч. 1, с. 34.

¹⁴ Н. Полонская, например, писала: “Сухопутных войск Олег не мог иметь с собою; где могли пройти его дружины?” (*Полонская Н.* Указ. соч., с. 122).

¹⁵ *История Византии*, т. II, с. 190.

¹⁶ *История Болгарии*, т. I, с. 81.

¹⁷ *Васильев А. А.* Византия и арабы. СПб., 1902, с. 160, 165.

¹⁸ *Swiencickuj I.* Die Friedensvertrage der Burgaren und der Russen mit Byzance — *Studi Byzantini e Neoellenici*, vol. 5. Roma, 1939, S. 322; *История Болгарии*, т. I, с. 81.

¹⁹ *Златарский В. Н.* Болгарский историко-литературный элемент в русской летописи.— *Труды V съезда русских академических организаций за границей*, ч. 1. София, 1932, с. 339—340; *Денеков П. Н.* О распространении древнеболгарской литературы на Руси.— Сб. *Культурное наследие древней Руси*. М., 1976, с. 29. См. также: *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 107—109; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, с. 176; *Зыков Э. Г.* Известия о Болгарии в Повести временных лет и их источники. Литература и общественная мысль древней Руси.— *ТОДРЛ*, т. XXIV. Л., 1969, с. 48—49.

²⁰ *Тихомиров М. Н.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в., с. 136—137; *Литаврин Г. Г.* Византия и Русь в IX—X вв.— *История Византии*, т. II, с. 230; *Каждан А. П.* Указ. соч., с. 12, сн. 25.

²¹ *Коларов Х.* Средновековната Българска държава (уредба, характеристика, отношения със съседните народи). В. Търново, 1977, с. 68.

²² *Dolley R. H.* Oleg's Mithical Campaign against Constantinople, p. 119; *Vasiliev A. A.* Op. cit., p. 172.

⁵³ История Болгарии, т. I, с. 81—82; История Византии, т. II, с. 199.
⁵⁴ *Златарски В. Н.* История на Българската държава през средните векове, т. I. Първо Българско царство, ч. 2. София, 1927, с. 304.
⁵⁵ *Scyl.*, р. 276—277.
⁵⁶ Житие Василия Нового.— Договоры русских с греками и предшествовавшие заключению их походы русских на Византию, М., 1912, с. 84; ПВЛ, ч. 1, с. 33.
⁵⁷ *Златарский В. Н.* Указ. соч., с. 301.

3. Русско-византийские переговоры
и условия мирного договора 907 г.
(с. Ю4—116)

¹ ПВЛ, ч. 1, с. 24.
² Там же.
³ Правда, несколько иную версию одной из фраз цитируемого отрывка дает “Троицкая летопись”. В ней говорится, что греки просили Олега остановить военные действия, “дабы не воевал граждан по пристанищем”. Но эти слова не меняют общего смысла текста, а лишь несколько приоткрывают характер действий русской рати, которая, видимо, грабила прибрежные городки, купеческие склады и т. п. (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, с. 64).
⁴ *Татищев В. Н.* История Российская, т. I. М.—Л., 1963, с. 36; *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. СПб., 1901, с. 287; *Эверс Г.* Указ. соч., с. 135.
⁵ История Византии, т. II, с. 230.
⁶ ПВЛ, ч. 1, с. 24.
⁷ *Эверс Г.* Указ. соч., т. 135; *Лонгинов А. В.* Указ. соч., с. 54—55; *Мейчик Д.* Указ. соч., с. 297.
⁸ Кстати, автор “Повести временных лет” был превосходно осведомлен не только о хронологии царствования императоров Льва и Александра в начале X в., но и об их деяниях. Выше он отметил, что император Лев VI начал править в 887 г., и это почти соответствует истине (правильная дата — 886 г.) (ПВЛ, ч. 1, с. 21). Под 902 г. летописец сообщил об антиболгарских происках Льва VI и о направлении им уговоров против Симеона. Далее оба императора участвуют в событиях 907 г., а потом они же вместе с Константином заключают с Олегом и договор 911 г.
⁹ ПВЛ, ч. 1, с. 25.
⁰ В “Летописце Переяславля-Суздальского” XIII в., который относится к древнейшей киевской летописной традиции (см. *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XIV вв. Л., 1940, с. 58—59, 65, 75), наряду с “укладами” “оу грады” сохраняется цифра 12 гривен на человека (Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 гг.). М., 1851, с. 8—9).
¹ *Татищев В. Н.* Указ. соч., с. 36; *Ломоносов М. В.* ПСС, т. 6. М.—Л., 1952, с. 222; *Болтин И. Н.* Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, т. I. СПб., 1788, с. 68; *Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. I. СПб., 1830, с. 399, прим. 310; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, т. II. М., 1960, с. 104; *Оболенский М. А.* Несколько слов о первоначальной русской летописи. М., 1870, с. 21; *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига, т. I. М., 1872, с. 20—21; *его же.* Исследования, замечания и лекции, т. III, с. 193; *Лонгинов А. В.* Указ. соч., с. 55; *Сергеевич В. И.* Указ. соч., с. 630; *Мейчик Д.* Указ. соч., с. 300.
² *Романов Б. А.* Деньги и денежное обращение.— История культуры

ры Древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, с. 378.
^в ПВЛ, ч. 2. Комментарии, с. 265. Версию об использовании летописцем в данном случае разных источников, “в неодинаковых выражениях говоривших об одном и том же”, принял без какой-либо дополнительной аргументации и А. Г. Кузьмин (*Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания*, с. 330).
^д *Шлецер А. Л. Указ. соч.*, т. II, с. 645.

^б Пауто В. Т. Указ. соч., с. 60.
^б Болтин И. Н. Указ. соч., с. 215; Грушевский М. Указ. соч., с. 386; История Византии, т. II, с. 230; Рапов О. М. К вопросу о земельной ренте в древней Руси в домонгольский период.— Вестник МГУ. Истори́я, 1968, № 1, с. 57.
^в Вопрос об упоминании Переяславля среди русских городов, получивших дань — “уклады”, является дискуссионным. Переяславль, согласно летописи, был основан лишь при Владимире, но А. В. Лонгинов полагал, что город, заложенный здесь позднее и названный Переяславлем, находился на месте прежнего Переяслава, спаленного пожаром {Лонгинов А. В. Указ. соч., с. 60—61).
^б Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, с. 108; ПВЛ, ч. 1, с. 25.
^в Две беседы Фотия..., с. 432.
^д История Болгарии, т. I, с. 39, 43, 65, 70; Regest, N 265, 276, 388. См. также: *Swiencickij I.* Op. cit., S. 322.
^д ПВЛ ч. *he.* 34, 50, 51.
^д И тот и другой считали “уклады” “дарами”, “поминками” (Шлецер А. Л. Указ. соч., т. II, с. 643, 645; Ламанский В. И. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Пг., 1915, с. 154).
^д Новосельцев А. П., Пауто В. Т. Указ. соч., с. 82.
^д ПВЛ, ч. 1, с. 34, 47, 50, 51.
^д “Игорь, посылая в греки дани ради и видя, еже греки не хотели положенного со Ольгом платить, пошел на них” (Татищев В. Н. Указ. соч., с. 40).
^д И. И. Срезневский также переводил слово “уклад” как “дань”, “налог”, а слово “укладати” понимал как “возлагать” (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III. СПб., 1903, с. 1178).
^д Возникает вопрос, почему ежегодная дань — “уклады” — выплачивалась не Киевскому государству, как таковому, а на “грады”: Киеву, Чернигову, Полоцку и др. Ответ подсказывает практика великокняжеских пожалований дани своим дружинникам, видным помощникам. Эта дань, как отмечают в коллективной монографии “Пути развития феодализма” А. П. Новосельцев, В. Т. Пауто, Л. В. Черепнин, отдавалась им в лен (М., 1972, с. 151—152).
^д ПВЛ, ч. 1, с. 25.
^д На эти условия неоднократно обращалось внимание в отечественной историографии. Наиболее полно этот вопрос раскрыл А. В. Лонгинов (Указ. соч., с. 54—57).
^д ПВЛ, ч. 1, с. 24.
^д Там же.
^д Там же, с. 27.
^д Там же, с. 24.
^д Д. В. Анналов считал, что и “слубное”, и “месячное” — это денежное обеспечение, предоставляемое послам и гостям помимо поставки продуктов питания (Айналов Д. Очерк по истории древнерусского искусства. II. О дарах русским князьям и послам в Византии.— Известия ОРЯС, 1908, т. XIII, кн. 2, с. 302).
^д Карамзин Н. М. Указ. соч., с. 94, прим. 302; Соловьев С. М. Указ. соч., с. 142.
^д Шангин М. А. Указ. соч., с. 115.
^д ПВЛ, ч. 1, с. 25.
^д Ключевский В. О. Указ. соч., с. 157; Айналов Д. Указ. соч., с. 300; Лонгинов А. В. Указ. соч., с. 58. По списку получали деньги на содержание и члены посольства итальянского короля Беренгара, во главе которого стоял епископ Лиутпранд (Liutprandi antapodosis, p. 895—897).
^д Советы и рассказы Кекавмена. Сочинения византийского полководца XI в. Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М., 1972, с. 178—179, 183, 187.
^д Византийская книга Эпарха. Вступительная статья, перевод, комментарий М. Я. Сюзюмова. М., 1962, с. 249, 68. О деятельности лега-

такия см.: *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 146—147.

⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 36.

⁴² *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста, с. 65.

⁴³ ПВЛ, ч. 1, с. 35—36.

⁴⁴ Regest, N 276.

⁴⁵ ПВЛ, ч. 1, с. 25.

⁴⁶ *Сергеевич В. И.* Указ. соч., с. 630.

4. О форме договора 907 г. (с. 117-124)

¹ *Лонгинов А. В.* Указ. соч., с. 58.

² См., например, *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 120.

³ ПВЛ, ч. 1, с. 29.

⁴ *Menander*, p. 206>-208.

⁵ ПВЛ, ч. 1, с. 34*, 39, 45, 51—52.

⁶ Хроника Георгия Амартола, с. 558.

⁷ *Лихачев Д. С.* Русский посольский обычай XI—XIII вв.—

Исто

рические записки, 1946, т. 18, с. 42.

⁸ *Obolensky D.* The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy; *Miller D. A.* Byzantine Treaties and Treaty-Making: 500—1025, p. 67. В частности, Феофан сообщает, что в 765 г. между Византией и Болга

рией был заключен мир и “обе стороны дали друг другу письменные на это обязательства” (Летопись византийца Феофана, М., 1884, с. 327).

Епископ Лиутпранд, описывая свое посольство в Константинополь в

968 г., отметил, что посольские речи на переговорах с императором были записаны (*Liutprandi cremonensis episcopi relatio de legatione Constantinopolitana* —PL, t. 136. J.—P., Migne, Paris, 1853, p. 911).

⁹ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, с. 314.

¹⁰ ПВЛ, ч. 1, с. 25.

¹¹ Там же, с. 35—36.

¹² Там же, с. 35.

¹³ *Neumann C.* Ober die urkundlichen Quellen zur Geschichte

der

byzantinisch-venetianischen Beziehungen vornehmlich in Zeitalten

der

Komnenen.— *Byzantinische Zeitschrift*, 1898, Bd I, S. 368—369; *Dolger F., Karayannopoulos I.* Byzantinische Urkundenlehre. München, 1968, S. 95—104, 117.

¹⁴ И. Свенцицкий считал, что слова летописи “и послеть царство наше, и да испишут имена их” являются признаком того, что документ вышел из императорской канцелярии (*Свенцицкий И.* Питания про автентичность договора в Руси з греками в X вщк—Ученые записки Львовского университета. Вопросы славянского языкознания, т. IX, кн. 2.

Льв!в, 1949, с. 108).

¹⁵ *Neumann C.* Op. cit., S. 368; *Dolger F., Karayannopoulos I.*

Op.

cit., S. 95.

¹⁶ Если перед нами след хрисовула, то это отнюдь не противоречит фразе договора 911 г., говорящей, что он оформляется “не точью прос то словесемь, и писанием”, так как хрисовул был именно императорской привилегией, а не двусторонним равноправным договором, и в этом

смысле договор 911 г. был действительно первым писанным

русско-ви

зантийским соглашением.

¹⁷ См. об этом подробнее: *Димитриу А.* Указ. соч., с. 533 и ел.;

Капитанов С. М. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в.—Сб. Феодальная Россия во

всемирно-историческом

процессе. М., 1972, с. 210—211.

¹⁸ *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, кн. VIII, § 15, с. 460;

Хроника Георгия Амартола, с. 434, 465, 557—559; Летопись

визан-^

тийца Феофана, с. 370; Хроника Симеона Логофета, с. 134—135.

¹⁹ *Златарский В. Н.* Клятва у языческих болгар.— Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору

В. И. Ламанскому по случаю 50-летия его ученой деятельности, ч.

1.

СПб., 1907; История Болгарии, т. I, с. 64; *Тихомиров М. Н.*

Истори-

ческие связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в., с. 137—138; см. также последнюю редакцию этой статьи: *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией, с. 107—108.

5. Историческое значение договора 907 г. (с. 124—134)

¹ ПВЛ, ч. 1, с. 26, 29.

² А. А. Зимин, комментируя эту статью, заметил, что, возможно, на месте пропуска существовал текст, близкий к ст. 2 договора 944 г. (Памятники русского права, вып. I. М., 1952, с. 23).

³ *Шахматов А. А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря, с. 398.

⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 28, 36.

⁵ *Menander*, p. 202, 206. Заметим, что и в этом случае между приостановлением военных действий и миром прошло четыре года.

⁶ *Regest.*, N 36, 171, 220, 323, 353, 391, 443, 480, 491, 713.

⁷ *Сергеевич В. И.* Указ. соч., с. 635; *Приселков М. Д.* Русско-византийские отношения.—*Вестник древней истории*, 1939, № 3, с. 100; *Дмитрию А.* Указ. соч., с. 546—547.

⁸ *Лонгинов А. В.* Указ. соч., с. 77—78; *Самокусов Д. Я.* Древнее русское право. М., 1903, с. 5, 16, 29.

⁹ ПВЛ, ч. 1, с. 34, 35.

¹⁰ Там же, с. 35.

¹¹ Там же, с. 27, 36.

¹² Там же, с. 39, 236; 52, 250.

¹³ Там же, с. 34.

¹⁴ Там же, с. 51.

¹⁵ *De cerimoniis*, p. 651.

¹⁶ *Vasiliev A. A.* Op. cit., p. 187. См. также: *Левченко М. В.*

Указ.

соч., с. 111.

¹⁷ *Новосельцев А. П.* Русь и государства Кавказа и Азии.—*Паушто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 100.

¹⁸ *PG*, t. 111. J.—P. Migne, Paris, 1863, p. 153—154.

¹⁹ ПВЛ, ч. 1, с. 28.

²⁰ См. об этом подробнее: *Дуйчев Ив.* Одна из особенностей ранне-византийских мирных договоров.—*Византийский временник*, 1959, т. XV, с. 66—67, 70.

²¹ История Льва Дьякона Калойского и другие сочинения византийских писателей. СПб., 1820, с. 65; *Scyl.*, p. 310; *Zonar.*, p. 101.

²² ПВЛ, ч. 1, с. 52.

²³ *De administrando imperio*, cap. 4, p. 51.

б. “Равно другого свещения” и появление на Руси системы предварительных переговоров (с. 134—146)

¹ *Срезневский И. И.* О договорах Олега с греками.—*Известия*,

ОРЯС, т. 2. СПб., 1852, с. 314; *Лавровский Н.* Указ. соч., с. 9, 43—44,

52; *Геденов С. А.* Варяги и Русь, ч. 1. Варяги. СПб., 1876, с. 57;

Ламбин Н. П. О годе смерти Святослава Игоревича, великого князя Киевского. Записки императорской Академии наук. СПб., 1876, с. 129,

сн. 1; *Дмитрию А.* Указ. соч., с. 540 и сл. См. также: ПВЛ, ч. 1,

с. 222; Памятники русского права, вып. I, с. 10, 15.

² *Mikucki S.* Etudes sur la diplomatie russe, la plus ancienne. I.

Lcs Traités byzantino-russes des Xe siècle.—*Bulletin International de*

l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres. Classe de Philologie,

Classe d'Histoire et de Philosophie, N 40, Suppl. 7.

Cracovie, 1953,

p. 7—11.

³ *Капитанов С. М.* О процедуре заключения договоров между Ви-

зантией и Русью в X в., с. 213.

⁴ *Татищев В. Н.* Указ. соч., с. 37; *Эверс Г.* Древнейшее русское

право в историческом его раскрытии. СПб., 1835, с. 135; *Соловьев С. М.*

Указ. соч., с. 143, 308, прим. 181; Сокольский В. В. Указ. соч., с. 3; Салокеев Д. Я. Курс русского права, с. 8—9, прим. 2; Мейчик Д. Русско-византийские договоры, с. 296.

⁸ Лонгинов А. В. Указ. соч., с. 78—79, 80—83.

⁸ Шангин М. А. Указ. соч., с. 114; ПВЛ, ч. 1. Перевод, с. 222; ч. 2. Комментарии, с. 262, 279, 274.

⁷ Sorlin I. Op. cit., p. 352.

⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III, с. 7—10, 128.

⁹ ПВЛ, ч. 1, с. 29; перевод см. там же, с. 225—226.

¹⁰ Там же, с. 33.

¹¹ Там же, с. 38.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 52.

¹⁴ Там же, с. 51—52.

¹⁵ См. перевод: “Говорил же он так: “Список с договора...””

(ПВЛ,

ч. 1, с. 249).

¹⁶ Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания, с. 331.

¹⁷ Шахматов А. А. Указ. соч., с. 391.

¹⁸ Лавровский Н. Указ. соч., с. 53.

¹⁹ Кузьмин А. Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси, с. 83.

²⁰ ПВЛ, ч. 1, с. 25.

²¹ Там же, с. 29.

²² Stender-Petersen A. Varangica. Aarhus, 1953, p. 184 etc

²³ Рыдзева Е. А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи.— Древнейшие государства на территории

СССР. Материалы и исследования, 1978. М., 1978, с. 185—189.

²⁴ Кузьмин А. Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси, с. 82—83.

²⁵ Литаврин Г. Г. Война Руси против Византии в 1043 г. Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972, с. 193.

²⁶ ПВЛ, ч. 2. Комментарии, с. 280.

²⁷ Правда, Д. С. Лихачев почему-то считает, что “явные вставки” в “Повести временных лет” вообще нарушают логическое развитие летописного рассказа (Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 35), хотя, на наш взгляд, в случае с договором 911 г. (и с описанием событий, за ним последовавших), вставленным позднее в сложившуюся древнюю летописную канву, эти вставки, напротив, значительно усиливают и историческую достоверность событий 907—912 гг., и стройность, логическую силу летописного

изложения.

²⁸ ПВЛ, ч. 1, с. 34, 39.

²⁹ История Византии, т. II, с. 183—186.

³⁰ ПВЛ, ч. 1, с. 52.

/. *Историография вопроса* (с. 148—156)

¹ ПВЛ, ч. 1. М., 1950, с. 29; ч. 2. М., 1950. Комментарии Д. С. Лихачева, с. 272. Хотя договор мог оказаться в Киеве именно в 912 г.

после прихода послов Олега из Константинополя.

² ПВЛ, ч. 1, с. 25—29.

³ Шлецер А. Л. Нестор, т. II. СПб., 1809, с. 693, 708, 751, 756.

⁴ См. о творчестве этого историка: Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (По данным историков IV—VII вв.).

М., 1974, с. 261—273.

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. I. СПб., 1830, с. 98, прим. 316. См. также: Эверс Г. Древнейшее русское право

в историческом его раскрытии. СПб., 1835, с. 135, 137.

⁶ Погудин М. П. Исследования, замечания и лекции, т. I. М., 1846,

с. 124.

- ¹ Лавровский Н. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853, с. 14, 27, 43—44.
- ² Срезневский И. И. Договоры с греками.— Известия ОРЯС, т. III. СПб., 1854, с. 260. 280—281.
- ³ Геденов С. А. Варяги и Русь, ч. I. Варяги. СПб. 1876, с. 4.
- ⁴ 264, 265—266, 267.
- ⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. I. М., 1959, с. 109; Ключевский В. О. Соч., т. I. М., 1956, с. 158—159.
- ⁶ Грушевский М. История Украины—Руси, т. I. Львів, 1904, с. 387.
- ⁷ Димитриу А. К вопросу о договорах русских с греками.— Византийский временник, т. II. СПб., 1895, с. 533—536.
- ⁸ Там же, с. 540, 542, 545.
- ⁹ Лонгинов А. В. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Одесса, 1904, с. 25—27, 29, 63.
- ¹⁰ Барац Г. М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1910, с. 45, 77—79.
- ¹¹ Мейчик Д. Русско-византийские договоры.— ЖМНП. новая серия. 1915. ч. LIX, с. 308—309, 368—369.
- ¹² Шахматов А. А. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря.— Записки нефилологического общества, вып. VIII. Пг., 1915, с. 402—404. Мы не касаемся оценок договора 911 г. в ряде других дореволюционных трудов, так как эти оценки в основном выдержаны в традиционном ключе: договор рассматривается в них чисто информационально, излагается его содержание. Место этого соглашения в системе государственной организации древней Руси, естественно, не анализируется.
- ¹³ Истрин В. М. Договоры русских с греками. X в.— Известия ОРЯС, 1924, т. XXIX. с. 387, 388, 392.
- ¹⁴ Обнорский С. П. Язык договоров русских с греками.— Язык и мышление, вып. VII—VIII. М.—Л., 1936, с. 91, 93, 96, 100, 103.
- ¹⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949, с. 290, 450.
- ¹⁶ Лихачев Д. С. “Повесть временных лет”. Комментарии.— ПВЛ. ч. II, с. 272, 279.
- ¹⁷ Паушто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 61.
- ¹⁸ Капитанов С. М. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в.— Сб. Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 209.
- ¹⁹ Dolger G., Karayannopoulos I. Byzantinische Urkundenlehre. München. 1968. S. 97—104.
- ²⁰ Капитанов С. М. Указ. соч., с. 211, 213; *его же*. Русские княжеские акты X—XIV вв. (до 1380 г.).— АЕ за 1974 г. М., 1975, с. 94, 95.
- ²¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. I. М., 1953, с. 80—91; История СССР с древнейших времен до наших дней. т. I. М. 1966, с. 472; История Византии, т. II. М., 1967, с. 230.
- ²² Mikucki S. Etudes sur la diplomatie russe, la plus ancienne. I Les Traités byzantino-russes des X-e siècle.— Bulletin International de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres Classe de Philologie. Classe d'Histoire et de Philosophie. N 40. Suppl. 7 Cracovie, 1953 p. 6—7, 8—10, 17, 20, 24—25.
- ²³ Ibid., p. 25; *idem*. Remarques sur la diplomatie russe de X^e et XIe siècles.— Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. N 26. Prace Historyczne, zesz. 4. Krakow. 1960. s. 139.
- ²⁴ Sorlin I. Les Traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle (I partie).— Carriers du monde Russe et Soviétique. vol. II, N 3. Paris. 1961. p. 329, 352, 353.
- ²⁵ Boak A. E. R. The Earliest Russian Moves against Constantinople.— Queen's Quarterly, vol. LV. N 3. Kingston. Ontario. 1948. p. 313.
- ²⁶ Obolensky D. The Byzantine Commonwealth Eastern

Europe.
500—1453. London. 1971. p. 186—187; *idem*. The Principles and
Methods
of Byzantine Diplomacy.—XII Congress International des Etudes
By
zantine. Ochride. 1961. Rapport II. Beograde — Ochride. 1961. p.
57.
^x *Miller D A*. Byzantine Treaties and Treaty-Making:
500—1025,—
Byzantinoslavica. 1971, t. XXXII, p. 58. 66.

2. Процедура выработки договора 911 г. Состав
русского посольства. Его представительство
(с. 156—164)

- ¹ Miller D. A. Op. cit., p. 57.
² Menander, p. 204.
³ Dolger F., Karayannopoulos I. Op. cit., S. 96.
⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 26, 29; Лонгинов А. В. Указ. соч., с. 89.
⁵ Menander, p. 206—209, 211.
⁶ Regest., N 335; Neumann C. Ober die urkundlichen Quellen
zur
Geschichte der byzantinisch-venetianischen Beziehungen vornehmlich
in
Zeitalten der Komnenen,— Byzantinische Zeitschrift, 1898, Bd 1, S. 374—
377.
⁷ Menander, p. 204, 206—207, 209, 211.
⁸ ПВЛ, ч. 1, с. 231, 34.
⁹ Византийские историки, т. 5. СПб., 1860, с. 281—283.
¹⁰ Menander, p. 221—222.
¹¹ ПВЛ, ч. 1, с. 25—26.
¹² Лешков В. О древней русской дипломатии. М., 1847, с. 14; Лон-
гинов А. В. Указ. соч., с. 62; Сергеевич В. Древности русского
права,
т. I, изд. 3. СПб., 1909, с. 42; Мейчик Д. Указ. соч., с. 315;
Любав-
ский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI в.
М.,
1916, с. 88.
¹³ Бахрушин С. В. Некоторые вопросы истории Киевской
Руси.—
Историк-марксист, 1937, № 3, с. 168; *его же*. Держава
Рюриковичей.—
Вестник древней истории, 1938, № 2, с. 93.
¹⁴ Греков Б. Д. “Слово о полку Игореве” и его время.—
Историк-
марксист, 1938, № 4, с. 4; *его же*. Киевская Русь. М.—Л., 1938, с. 77—
78; изд. 2. М.—Л., 1949, с. 295; *его же*. Борьба Руси за
создание
своего государства. М.—Л., 1945, с. 42—43. Б. Д. Грекова в этом
воп-
росе в те годы поддержала Е. А. Рыздзевская (*Рыздзевская Е. А.* Древ-
няя Русь и Скандинавия. М., 1978, с. 194). См. также:
*Новосель-
цев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н.*
Древнерусское государство и его международное значение. М.,
1965,
с. 146—147.
¹⁵ Гедеонов С. А. Указ. соч., с. 273.
¹⁶ Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 61.
¹⁷ См. об этом подробнее: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Череп-
нин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н.* Указ. соч., с. 73—77.
¹⁸ ПВЛ, ч. 1, с. 35. На эту сторону вопроса обратил
внимание
Б. Д. Греков, выступивший против мнения В. И. Сергеевича и
других
о сочетании в Киевской Руси “народного”, “вечевого” и “монархическо-
го”, “княжеского” характера власти. Противоречия своей точке
зрения о
представительстве на посольских переговорах бояр и “светлых князей”,
Б. Д. Греков подчеркнул, что в договорах 911, 944, 971 гг.
“греческие
цари имеют дело с великим князем русским, представляющим всю свою
страну” (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.—Л., 1949, с. 304).
¹⁹ Menander, p. 209; Лонгинов А. В. Указ. соч., с. 62.

3. “Мир” и “ряд” 911 г.
Историческое значение договора
(с. 165—180)

- ¹ Мейчик Д. Указ. соч., с. 315; Лонгинов А. В. Указ. соч., с. 63.
² ПВЛ, ч. 1, с. 26.
³ Там же, с. 29.
⁴ Именно на эту сторону соглашения 911 г. обратил внимание соста-
витель “Летописца Переяславля-Суздальского”, редактировавший в
на-
чале XIII в. ранний Киевский свод. Опустив текст договора 911
г., он
тем не менее записал, что Олег послал своих послов “мира
построити”
“и оутвердише твердо” (Летописец Переяславля-Суздальского,
состав-
ленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 гг.). М., 1851, с.
9).
⁵ Dolger F., Karayannopoulos I. Op. cit., S. 95.
⁶ Памятники русского права, вып. I. М., 1952, с. 10—11.
⁷ В этой связи вряд ли можно согласиться с трактовкой
“ряда”
в недавно вышедшей работе М. Б. Свердлова “Древнерусский акт
X—

XIV вв.". Он пишет: "Как ряд воспринимались договоры вообще, договоры о мире", "рядом в древней Руси считали договоры и договорные грамоты" ("Вспомогательные исторические дисциплины, вып. VIII. Л., 1976, с. 60, 63). Думается, что не всякий договор о мире был "рядом", как и "ряд" не всегда имел в виду обобщающее политическое соглашение. Мы не даем подробного разбора "ряда" в правовом аспекте, отражения в нем уровня развития общественных отношений в древней Руси, так как этим вопросам посвящена обширная специальная отечественная литература.

⁸ Мы еще раз хотим подчеркнуть, что договор 562 г. является в этом смысле уникальным образцом. Даже известные византино-болгарские соглашения 705, 716, 814 (815) гг. не дают и малой доли для таких аналогий. Еще И. Свеньицкий, большой знаток византино-болгарских договоров VII—X вв., отметил, что, хотя Болгария и Русь добились от Византии одних и тех же прав, Русь преуспела здесь больше и соглашения ее с империей весьма отличаются от византино-болгарских договоров, где нет "определенной договоренности о дружбе и взаимной помощи против врагов" (Свеньицкий И. Питания про автентичтеть флогоВоріВ Русі з греками в X в!ц1.—Ученые записки Львовского государственного университета. Вопросы славянского языкознания, т. IX, кн. 2. ЛьВ1в, 1949, с. 107). Мы полагаем, что не только этим отличаются византино-болгарские и византино-русские соглашения. Первые, оставаясь "мирами", охватывают в основном ключевые проблемы взаимоотношений между двумя государствами: заключение мира, установление границ, решение вопросов о торговых сношениях, обмене военнопленными или их выкупе (Regest., N 265, 276, 393; Златарски В. Н. История на Българияката държава презь средните векове, т. I. Първо Българияско Царство, ч. I. София, 1927, с. 166—170, 182, 299—300). Эти договоры весьма близки по содержанию общеполитическому русско-византийскому соглашению 907 г. В них лишь намечены черты так называемого ряда, которые в силу постоянных болгаро-византийских конфликтов и войн так и остались неразработанными.

⁹ Menander, p. 209.

¹⁰ Д. А. Миллер трактует эти статьи, а также статью девятую как "запрещающие агрессию" (Miller D. A. Op. cit., p. 58—59).

¹¹ Д. Миллер в данном случае говорит об определении в договоре посольского статуса, что вместе со статьями третьей и пятой сближает этот договор со статьями соглашения 907 г.

¹² Menander, p. 212—213.

¹³ См. об этом подробнее: Лонгинов А. В. Указ. соч., с. 150—153.

¹⁴ Ф. Дэльгер и И. Караяннопулос выделяют в византино-иностранных договорах следующие составные части:

I. Protocol, содержащий invocatio — призыв к богу, помогающему

сохранить договор в силе; intitulatio, раскрывающее, от кого идет дан

ный договор; inscriptio, содержащее "адрес" соглашения;

II. Text, включающий agenda — риторическое введение ко всему остальному тексту; narratio, излагающее существо дела; dispositio, содержащее решение проблемы; sanctio, формулирующее наказание за нару

шение договора; соггoboratio, раскрывающее средства утверждения до

говора;

III. Eschatocol, включающий datum — дату подписания договора, и

subscriptio, содержащее подписи сторон (Doiger P.,

Karayannopulos I. Op. cit., S. 48—49).

¹⁵ Мы заранее ограничиваем этим важным для нас сюжетом анализ содержания договора 911 г., не вступая в дискуссию с предшествующей

историографией по разнообразному кругу проблем, с ним связанных

(о соответствии той или иной статьи договора греческому праву или

русскому "закону", о территории, к которой относилось действие доку

мента, и т. д.).

¹⁶ ПВЛ, ч. 1, с. 223; Памятники русского права, вып. I, с. 11.

¶ В связи с этим нам представляется неубедительным мнение А. А. Зимина о том, что данная статья “трактует об односторонней по мощи русских греческим купцам...” (Памятники русского права, вып. I, с. 19).

¹⁸ Но это вовсе не значит, что в договоре сформулированы “в основном обязательства греков относительно Руси”, как полагает А. А. Зимин (Памятники русского права, вып. I, с. 24).

¹⁹ PG, t. 111. J.-P., Migne, Paris, 1863, p. 153—154.

²⁰ ПВЛ, ч. 1, с. 29.

²¹ Menander, p. 214.

²² Схожей была система заключения двусторонних равноправных договоров в XII в. и позднее между Византией и итальянскими государствами (Neumann C. Op. cit., S. 374—377; Димитриу А. Указ. соч., с. 533 и ел.).

²³ Menander, p. 209.

²⁴ Поэтому нам представляется слишком категоричным утверждение А. А. Зимина о том, что “перед нами греческий экземпляр... русский экземпляр остался в Византии” (Памятники русского права, вып. I, с. 24).

²⁵ Neumann C. Op. cit., S. 368, 370; Dolger F.,

Karayannopoulos I.

Op. cit., S. 100.

²⁶ Neumann C. Op. cit., S. 368; Dolger F., Karayannopoulos I.

Op.

cit., S. 95.

И. П. Медведев в статье “Договор Византии и Генуи от 6 мая 1352 г.” также отметил, что до XII в. византино-иностранные соглашения оформлялись в виде хрисовула-привилегии, а с XIII в. многие элементы этой формы утрачиваются, в документах усиливается элемент двусторонности. Однако, отметил И. П. Медведев, “структура жалованной грамоты не изживается до конца; документ составляется от имени императора, ясно проглядывает стремление представить статьи договора как благо для империи и адресата...” (Византийский временник, 1977, т. 38, с. 165).

²⁷ Dolger F., Karayannopoulos I. Op. cit., S. 98.

²⁸ Каутинов С. М. О процедуре заключения договоров между

Ви

зантией и Русью в X в.

²⁹ Dolger F., Karayannopoulos I. Op. cit., S. 160, N 52.

³⁰ В пользу этого предположения говорят многие факты, приводимые учеными-филологами. Сюда же можно отнести и перевод понятия Βασιλευα U.OU (“МОЯ царственность”), которое постоянно присутствует в императорских жалованных грамотах, хрисовулах и в договорных двусторонних грамотах. Думается, что это понятие присутствовало и в оригинальных греческих текстах грамот 907 и 911 гг. и было переведено русским переводчиком дословно: “...и послеть царство наше...” (907 г.); “и таковое написание дахом царства вашего на утверждение” “кови вашему”, “царя вашего” (911 г.). Любопытно, что слова одной из императорских грамот “мое царство” были переведены на латынь как “империи нашей” (Dolger F., Karayannopoulos I. Op. cit., S. 160—162, N 52—57), т. е. местоимение “мое” перешло в “наше”, как это могло быть и в русском переводе. В этом же направлении ведет нас и практика перевода другого понятия, постоянно употребляемого в хрисовулах, — “в Христе боге верный царь и автократор” (ibid.). В русских грамотах эти слова переводились так: “великие о бозе самодержьцы, цари” (911 г.), “христолюбивые владыки” (944 г.) и т. д.

³¹ Neumann C. Op. cit., S. 369.

³² Лавровский Н. Указ. соч., с. 109; Гедеонов С. А. Указ. соч.,

с. 276; Лонгинов А. В. Указ. соч., с. 42.

³³ De cerimoniis, cap. 48, p. 691.

³⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 29.

³⁵ Карамзин Н. М. Указ. соч., с. 98, прим. 319; Эверс Г.

Древней

шее русское право в историческом его раскрытии, с. 137; Соловьев С. М. Указ. соч., с. 144—145; Голубинский Е. История русской церкви,

т. I,

ч. 1. М., 1880, с. 56, прим. 1. См. также: Vasiliev A. A. The

second Russian Attack on Constantinople.—Dumbarton Oaks Papers

(Cam

bridge, Mass.), 1951, N 6, p. 125; Баран, Г. М. Указ. соч., с. 245—246.

³⁶ ПВЛ, ч. 2. Комментарии, с. 280.

³⁷ Пащито В. Т. Указ. соч., с. 61.

³⁸ Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 331.

1. Обзор источников и историография вопроса (с.
182—191)

- ¹ Дорн Б. Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с до полнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб., 1875, с. 5; Новосельцев А. П. Русь и государства Кавказа и Азии.— Паушто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 99. См. подробнее об обстановке в Табаристане этого периода: История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958, с. 116—117; Cambridge History of Iran, vol.4. Cambridge, 1975, p. 78—80.
- ² Дорн Б. Указ. соч., с. X, 6.
- ³ См., например, Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 1. М., 1953, с. 81—82, 101.
- ⁴ Бартольд В. В. Арабские известия о руссах. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, с. 831.
- ⁵ Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 99; Калинина Т. М. Древняя Русь и страны Востока в X в. (Средневековые арабо-персидские источники о Руси). АКД. М., 1976, с. 21.
- ⁶ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. X—XI вв. М., 1963, с. 188, сн. 1; прил., с. 198—199.
- ⁷ Там же, прил., с. 200.
- ⁸ См. о нем подробнее: Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 101.
- ⁹ Якубовский А. Ибн-Мискавейх о походе руссов в Бердаа в 322 = 943/4 г. (далее — Ибн-Мискавейх).— Византийский временник, 1926, т. XXIV, с. 64.
- ¹⁰ Кесрави А. Шахрий аран-е томном. Тегеран, 1956 (перс. яз.), с. 59—69; Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 101. Заметим, что еще А. А. Куник высказал предположение об уходе части Игорева войска с берегов Дуная в каспийский поход, считая, однако, русскую рать норманнами (Дорн Б. Указ. соч., с. 521). В. В. Бартольд позднее вновь по ставил вопрос о том, состоялся ли поход на Бердаа ранее второго Иго-рева похода против Византии (943 г.) или после него, однако ответа на него не дал (Бартольд В. В. Указ. соч., с. 843). Определенно в пользу связи похода 912/13 г. с русско-византийским договором 911 г. и русско-византийского конфликта в 941—944 гг. с походом русских на Бердаа высказался А. Ю. Якубовский (Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв.— Известия АН СССР. Серия истории и философии, т. III, № 5. М., 1946, с. 465, 469). Этому же сюжету посвятил раздел своей статьи “О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа” Н. Я. Половой, считавший, что лишь после окончания второго похода на Византию Игорь направил русскую рать в Закавказье (Византийский временник, 1959, т. 14, с. 142—144).
- ¹¹ Ибн-Мискавейх, с. 64—67.
- ¹² История агван Моисея Каганкатваца, писателя X в. СПб., 1861, с. 275—276.
- ¹³ Худуд ал-алам. Рукопись А. Г. Туманского с введением и указа телем В. Бартольда. Л., 1930 (перс. яз.), л. 33а. См. об этом: Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 102. Кратко сообщают о походе также Ибн-Хаукаль и арабский историк XIII в. Ибн-ал-Асир (см. там же, с. 101—103).
- ¹⁴ См., например: Карамзин Н. М. История государства Российского, т. I. СПб., 1830, с. 184; Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции, т. III. М., 1846, с. 142; Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. I. М., 1959, с. 151; Иловайский Д. И. История России, т. I. М., 1906, с. 23; Грушевський М. Історія України—Руси, т. I. Львів, 1904, с. 388 и сл.
- ¹⁵ Погодин М. П. Указ. соч., с. 142; Соловьев С. М. Указ. соч., с. 152.
- ¹⁶ Дорн Б. Указ. соч., с. V, 16, 29.
- ¹⁷ Григорьев В. В. Россия и Азия. Гл. I. О древних

походах рус
сов на Восток. СПб., 1876.
⁸ Дорн Б. Указ. соч., с. XVI; Григорьев В. В. Указ. соч., с. 12, 25.
⁹ Якубовский А. Ибн-Мискавейх о походе руссов в Бердаа в 332—

943/4 гг.; *его же*. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв.; *Бартольд В. В.* Арабские известия о руссах; *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949; *Рыбаков Б. А.* Русь и Хазария.— Сб. Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия. М., 1952; *его же*. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси.— Советская археология, 1953, № 8; *Заходер Б. Н.* Из истории волжско-каспийских связей древней Руси; *его же*. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т. II. М., 1967; *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956; *Половой Н. Я.* О дате второго похода Игоря на греков и походе русских на Бердаа; *его же*. О русско-хазарских отношениях в 40-х годах X в.— Записки Одесского археологического общества, т. I (34). Одесса, 1960; *его же*. О маршруте похода русских на Бердаа.— Византийский временник, 1961, т. 20; *Бейлис В. М.* Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в.— Международные связи России до XVII в. М., 1961; *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962; *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.— *Новосельцев А. П., Пашу-то В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; *его же*. Русь и государство Кавказа и Азии; *Калинина Т. М.* Указ. соч., с. 21—28.

²⁰ *Якубовский А.* Ибн-Мискавейх о походе русских в Бердаа в 332 = 943/4 г., с. 87; *его же*. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв., с. 463—465, 467, 469.

¹ *Бартольд В. В.* Указ. соч., с. 827, 829.

² *Греков Б. Д.* Киевская Русь, с. 452.

³ *Рыбаков Б. А.* Русь и Хазария, с. 7, 77.

²⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 1, с. 84.

²⁵ *Заходер Б. Н.* Указ. соч., с. 157—159, 160, 162.

²⁶ *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 149—150.

²⁷ *Насонов А. Н.* Тмутаракань в истории Восточной Европы.— Исторические записки, 1940, т. 6, с. 86—87.

²⁸ *Половой Н. Я.* О русско-хазарских отношениях в 40-х годах X в., с. 344, 346—347, 352—354; *его же*. О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа, с. 143—144.

²⁹ *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 233, 249, 251, 369—370.

³⁰ Там же, с. 371, 325, 380.

³ *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси. VI—IX вв., с. 363—365, 367, 371, 392; *его же*. Русь и государство Кавказа и Азии, с. 99—103.

³² *Пашуто В. Т.* Указ. соч., с. 60, 63.

³³ *Калинина Т. М.* Указ. соч., с. 21, 22.

³⁴ Там же, с. 22.

³⁵ Там же, с. 25.

2. Русская политика на Востоке и ее дипломатическое обеспечение. Вторая половина IX — первая половина X в. (с. 191—208)

¹ *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв., с. 362.

² Там же, с. 362—365.

³ *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII до конца X в. по р. х). СПб., 1870, с. 79.

⁴ *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв., с. 364.

⁵ Там же, с. 366—367.

⁶ История Византии, т. I. М., 1967, с. 368—372.

⁷ *Obolensky D.* The Empire and its Northern Neighbours. 565—

1018.—Byzantium and the Slavs: Collected Studies. London, 1971, p. 486; *Dvornik F.* Byzantine Mission among the Slavs. SS.

Constantine-Cyrill and Methodius. New Brunswick, 1970, p. 267.

⁸ История Византии, т. II. М., 1967, с. 46.

⁹ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв., с. 367.

¹⁰ *Togan A. Z. V. Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939, S. 299. Ibid., S. 305—307 etc.; Lewicki T. Znajomosc krajow i ludow Euro-ru u pizarzy arabskich IX i X v.— Slavia Antiqua, t. VIII. Warszawa — Poznan, 1961, s. 76; Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. М., 1958, с. 873—874; Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 193; Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв., с. 369—370.*

¹¹ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 193; Заходер Б. Н. Указ. соч., с. 112—114, 130; Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв., с. 384; Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв., с. 769.

¹² *Togan A. Z. V. Op., cit., S. 253, 302; Артамонов М. И. Указ. соч., с. 202—225, 233.*

¹³ *Талис Д. Л. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв.— Византийский временник, 1958, т. 14, с. 103—105.*

¹⁴ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв., с. 371—372; *Marquart J. Osteuropaische und Ostasiatische Streifzuge. Leipzig, 1903, S. 200.*

¹⁵ Новосельцев А. П. Русь и государства Кавказа и Азии, с. 100.

¹⁶ Дорн Б. Указ. соч., с. 7—9. См. также: Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв., с. 464; Заходер Б. Н. Указ. соч., т. II, с. 162; т. I, с. 14—25.

¹⁷ Новосельцев А. П. Русь и государства Кавказа и Азии, с. 99—100.

¹⁸ ПВЛ, ч. 1, с. 28, 224.

В этой связи более правильным представляется перевод А. А. Зимина: “Когда же требуется идти на войну...” (Памятники русского права, вып. I. М., 1952, с. 13).

¹⁹ *PG, t. 111. J.-P., Migne, Paris, 1863, p. 153—154; Златарски В. Н. Писмата на царигородския патриархъ Николая Мистика до българския царь Симеона.— Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, кн. XII. София, 1895, с. 150, 155.*

²⁰ Артамонов М. И. Указ. соч., с. 370.

²¹ Бартольд В. В. Указ. соч., с. 831; Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв., с. 465; *Талис Д. А. Указ. соч., с. 104—105.*

²² ПВЛ, ч. 1, с. 31, 33—34.

²³ *De administrando imperio, cap. 1, p. 49; cap. 5, p. 53; cap. 6, p. 53; cap. 10, p. 63—64; cap. 11, p. 65; cap. 12, p. 65.*

²⁴ *Obotensky D. The Empire and its Northern Neighbours. 565—1018, p. 511; idem. The Principles and Methods of Byzantine Diploma su.— XII Congress International des Etudes Byzantines. Ochride, 1961. Rapport II. Beograd — Ochride, 1961, p. 50.*

²⁵ Артамонов М. И. Указ. соч., с. 353, 373, 375.

²⁶ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Пг., 1932, с. 65—66, 117, 118—120.

²⁷ Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 62.

²⁸ *De administrando imperio, cap. 5, p. 53.*

²⁹ ПВЛ, ч. 1, с. 37, 38.

³⁰ См. об этом подробнее: Левченко М. В. Указ. соч., с. 216; Па*шуто В. Т. Указ. соч., с. 65—66 и ел.

³¹ Новосельцев А. П. Русь и государства Кавказа и Азии, с. 101; Половой Н. Я. О русско-хазарских отношениях в 40-х годах X в., с. 344, 346—347; Насонов А. Н. Тмутаракань в истории Восточной Европы, с. 86—87. См. также: Грушевский М. Історія України — Руси, т. I, с. 411. Но даже если принять версию Н. Я. Полового и М. И. Артамонова (Указ. соч., с. 375) о том, что руссы шли на

Бердаа тем же
путем, что и в 912/13 г., то это не может, на наш взгляд, изменить об-
щего понимания союзных действий Византии и Руси против
вассалов
халифата после заключения договора 944 г.

³⁴ Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв., с. 467; Артамонов М. И. Указ. соч., с. 376.

³⁵ Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв., с. 468; его же. Ибн-Мискавейх о походе руссов в Бердаа в 332 = 943/4 г., с. 79; Ибн-Мискавейх, с. 66.

³⁶ Ибн-Мискавейх, с. 67; Новосельцев А. П. Русь и государства Кавказа и Азии, с. 102; История агван Моисея Каганкатваца, писателя X в., с. 276.

³⁷ Новосельцев А. П. Русь и государства Кавказа и Азии, с. 102.

³⁸ Половой Н. Я. О русско-хазарских отношениях в 40-х годах X в., с. 347—348; Дорн Б. Указ. соч., с. 515; Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в., с. VIII; Якубовский А. Ибн-Мискавейх о походе руссов в Бердаа в 332 = 943/4 г., с. 70—72, 88; Левченко М. В. Указ. соч., с. 150; Ибн-Мискавейх, с. 65.

³⁹ Для общей оценки позиции каганата в то время по отношению к Руси следует иметь в виду и многократно цитировавшееся письмо хазарского царя Иосифа к своему испанскому корреспонденту Хасдаю ибн-Шафруту, восходящее к середине X в., в котором он писал: “Я [сам] живу у входа в реку, и не пускаю Руссов, прибывающих на кораблях, проникать к ним [исмаильтянам]. Точно так же я не пускаю всех врагов их [исмаильтян], приходящих сухим путем, проникать в их страну. Я веду с ними [руссами] упорную войну. Если бы я их оставил [в покое], они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада” (Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в., с. 83—84). В этих фразах отражена как позиция Хазарии относительно русских походов на Восток в середине X в., так и их значение для тогдашнего мира. См. подробнее об истории изучения вопроса о еврейско-хазарской переписке: Рыбаков Б. А. Русь и Хазария, с. 77—82; его же. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси, с. 156 и сл.; Фейгина С. А. Историография еврейско-хазарской переписки X в.—Сб. Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 225—234.

t. Обзор источников и историография вопроса (с. 210—223)

¹ Житие Василия Нового. Рассказ о походе руссов на Византию в 941 году, заключенный в форме видения в Житие Василия Нового, по рукописи Московской синодальной библиотеки № 244 XIV в., л. 132 об. и сл.—Договоры русских с греками и предшествовавшие заключение их походы русских на Византию. М., 1912, с. 84—85; Хроника Георгия Амартола, с. 567—568; Liutprandi antapodosis, р. 883—884; ПВЛ, ч. 1. М.—Л., 1950, с. 33; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 108; Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 гг.). М., 1851, с. 10.

² См. об этом: Лихачев Д. С. Комментарий. ПВЛ, ч. 2. М.—Л., 1950, с. 284—286.

³ Житие Василия Нового, с. 85.

⁴ Хроника Георгия Амартола, с. 567—568.

⁵ Liutprandi antapodosis, р. 883—884.

⁶ ПВЛ, ч. 1, с. 33.

⁷ См. об этом подробнее: Половой Н. Я. Русские народные предания и византийские источники о первом походе Игоря на греков.—ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, с. 107—109 и сл.; Щанов Я. Н. Русская летопись о политических взаимоотношениях древней Руси и Византии.—Сб. Международные связи России до XVII в. М.

1961,
с. 201—208.

⁸ ПВЛ, ч. 1, с. 33—39.

⁹ См., например, *Ломоносов М. В.* Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Пер

вого, или до 1054 г.—ПСС, т. 6. М.—А, 1952, с. 227—229.

⁰ *Татищев В. Н.* История Российская, т. III.—Л., 1963, с.

40—

41; *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. СПб.,

1901, с. 202; *Болтин И. Н.* Критические примечания на первый том истории князя Щербатова, т. I. СПб., 1793, с. 229.

¹ *Шлецер А. Л.* Нестор, ч. II. СПб., 1816, с. 209.

² *Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. I. СПб.,

1830, с. 148, 150.

³ *Эверс Г.* Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835, с. 135—137, 138—139, 141—145.

⁴ *Лавровский Н.* О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853, с. 27, 139—140.

⁵ *Сокольский В. В.* О договорах русских с греками.— Университетские известия (Киев), 1870, с. 5.

⁶ *Срезневский И. И.* Договоры с греками.— Известия ОРЯС, т. III. СПб., 1854, с. 260, 280—281, 295.

⁷ *Геденов С. А.* Варяги и Русь, ч. I. Варяги. СПб., 1876, с. 282—285.

⁸ *Иловайский Д. И.* История России, т. I. М., 1906, с. 25—26

и ел.

¹⁸ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. I. М.,

1959, с. 146—149.

²⁰ *Сергеевич В.* Русские юридические древности, т. II. СПб., 1893,

с. 123, 126.

²¹ *Димитриу А.* К вопросу о договорах русских с греками.— Византийский временник, т. II. СПб., 1895, с. 549—550.

²² *Самоквасов Д. Я.* Древнее русское право. М., 1903, с. 13—16.

Близкую к Д. Я. Самоквасову позицию занял в этом вопросе М. С. Грушевский (ГеторіР Украши — Руси, т. I. Льв!в, 1904, с. 394—395).

²³ *Лонгинов А. В.* Мирные договоры русских с греками,

заключен

ные в X в. Одесса, 1904, с. 26—30, 33, 36, 64, 77—78, 128—129.

²⁴ *Мейчик Д.* Русско-византийские договоры.— ЖМНП, новая серия, ч. LIX, 1915, октябрь, с. 308—309; ч. LX, 1915, ноябрь, с. 351—

352, 365, 368—369.

²⁵ *Шахматов А. А.* Несколько замечаний о договорах с греками

Олега и Игоря.— Записки нефилологического общества, вып. VIII Пг., 1915, с. 402—405; *его же.* “Повесть временных лет” и ее источники.—

ТОДРЛ, т. IV. Л., 1940, с. 72.

²⁶ *Любавский М. К.* Лекции по древней русской истории. М.,

1916,

с. 82; *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории, т. I. Киевская Русь. М., 1938, с. 74.

²⁷ *Истрин В. М.* Договоры русских с греками X в.— Известия

ОРЯС, 1924, т. XXIX, с. 388, 391—392.

²⁸ *Обнорский С. П.* Язык договоров русских с греками.—

Язык и

мышление, вып. VII—VIII. М.—Л., 1936, с. 96—97, 100;

Шангин М.

Комментарии к двум статьям договора Игоря с греками 945 г.— Исто

рик-марксист, 1941, № 5, с. 111.

²⁹ *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949, с. 452—453.

³⁰ ПВЛ, ч. 2, с. 288.

³¹ Памятники русского права, вып. I. М., 1952, с. 41.

³² *Половой Н. Я.* О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа.— Византийский временник, 1958, т. XIV, с.

138.

³³ Там же, с. 140—141, 146.

³⁴ *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 375—378, 381.

³⁵ *Левченко М. В.* Очерки русско-византийских отношений. М., 1956, с. 137, 139—140, 149, 152, 154—155, 163.

³⁶ *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 62—

64.

³⁷ *Капитанов С. М.* О процедуре заключения договоров между

Ви

зангией и Русью в X в.— Сб. Феодальная Россия во

всемирно-истори

ческом процессе. М., 1972, с. 212, 213. См. также: *Капитанов С. М.* Русские княжеские акты X—XIV вв. (до 1380 г.)—АЕ за 1974

г. М.,

1975, с. 94—95.

³⁸ *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 333—334.

³⁹ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. I. М., 1953, с. 84—85; История Византии, т. II. М., 1967, с.

231—232;

История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I. М., 1966, с. 492.

⁴⁰ *Bartovd K.* Iгорева vuрava na Cafihrad, r. 941.— Byzantinoslavica, t. VIII, 1939—1946; *Boak A. E. R.* The Earliest Russian Moves against Constantinople.— Queen's Quarterly, vol. LV, N 3. Kingston, Ontario, 1948; *Свеньицкый И.* Питаня про автентичшьть договорѣв Русѣ з греками в X Ви.и.— Ученые записки Львовского государственного университета. Вопросы славянского языкознания, т. IX, кн. 2. Львѣв, 1949; *Mikucki S.* Etudes sur la diplomatie russe, la plus ancienne. I. Les Traités byzantino-russes des Xe siècle.— Bulletin International de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres. Classe de Philologie, Classe D'Histoire et de Philosophie, N 40, Suppl. 7. Cracovie, 1953; *idem.* Remarques sur la diplomatie russe X-e et XI-e siècles.— Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellonskiego, N 26, Prace Historyczne, zesz. 4. Krakow, 1960; *Gregoire H., Orgeles P.* La guerre russo-byzantine de 941.— Byzantion, t. XXIV. Bruxelles, 1955; *Sorlin I.* Les Traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle (II partie).— Cahiers du monde Russe et Soviétique, vol. II, N 4. Paris, 1961; *Miller D. A.* Byzantine Treaties and Treaty-Making; 500—1025.— Byzantinoslavica, 1971, t. XXII; *Obolensky D.* The Empire and its Northern Neighbours. 565—1018.— Byzantium and the Slavs: Collected Studies. London, 1971; *idem.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500—1453. London, 1971; *Shepard J.* Some Problems of Russo-Byzantine Relations: c 860 — c. 1050.— The Slavonic and East European Review, vol. 52, N 126. London, 1974; *Wozniak F. E.* The Crimean question, the Black Bulgarians, and the Russo-Byzantine Treaty of 944.— Journal of medieval History (Amsterdam), 1979, vol. 5, N 2.

⁴¹ *Bdrtova K.* Op. cit.; *Boak A. E. R.* Op. cit., p. 314—315.

⁴² *Свеньицкый И.* Указ. соч., с. 109.

⁴³ *Mikucki S.* Etudes sur la diplomatie russe, la plus ancienne. p. 23—24, 27—28; *idem.* Remarques sur la diplomatie russe X-e et XI-e siècles, s. 139.

⁴⁴ *Gregoire H., Orgeles P.* Op. cit., p. 155—156.

⁴⁵ *Sorlin I.* Op. cit., p. 453—456.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 457, 460, 464—465.

⁴⁷ *Miller D. A.* Op. cit., p. 58, 66—67, 73.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 62, 74.

⁴⁹ Г. Г. Литаврин отметил, что автор порой подменяет церковно-идеологические и культурные тенденции к “единству” тенденциями по литическими (Вопросы истории, 1972, № 2, с. 182, 183).

⁵⁰ *Obolensky D.* The Empire and its Northern Neighbours. 565—1018, p. 511; *idem.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500—1453, p. 187—188; *Shepard J.* Op. cit., p. 13, 18.

2. Обострение русско-византийских отношений
в середине 30-х годов X в. Война 941—944 гг.
и переговоры на Дунае
(с. 223—233)

¹ Мы берем дату, принятую в советской историографии. См., на пример: *Греков В. Д.* Указ. соч., с. 453; *Лихачев Д. С.* Комментарии.— ПВЛ, ч. 2, с. 289; *Зимин А. А.* (Памятники русского права, вып. 1, с. 41). За исходную хронологическую точку договора принимается факт упоминания в договоре имен трех византийских императоров — Романа, Константина и Стефана, которые совместно правили, как известно, до 16 декабря 944 г. Правда, из договора вовсе не ясно, был ли он утвержден Игорем при этих же императорах или при одном Романи, так что нельзя исключить и дату 945 г., которая, возможно, указана в летописи как дата утверждения договора русской стороной.

² *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 137; *Златарски В. Н.* История на Българската държава през средните векове, т. I. Първо Българско царство, ч. 2. София, 1927, с. 522; История Болгарии, т. I. М., 1954, с. 87, 88; *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими стра

нами и Византией. М, 1969, с. 112—113; *Stokes A. D.* The Balcan Cam-

raigns of Svyatoslav Igorevich.— The Slavonic and East European Review, 1962, vol. XL, N 95, p. 467.

³ Артамонов М. И. Указ. соч., с. 373—375.

⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 32; Regest., N 626, 640.

⁵ ПВЛ, ч. 1, с. 37. См. Wozniak F. E. Op. cit., p. 115, 120—121.

⁶ De administrando imperio, cap. 2, p. 49—51; cap. 4, p. 51; cap. 6, p. 53; cap. 10, p. 63—64; cap. 11, p. 64.

⁷ История Льва Дьякона Калойского. СПб., 1820, с. 65, 80.

⁸ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси. VI—IX вв.— Новосельцев А. П., Паушто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 412.

⁹ Литаврин Г. Г. Византия и Русь в IX—X вв.— История Византии, т. II, с. 231.

¹⁰ Liutprandi antapodosis, p. 883.

¹ Bartova K. Op. cit., p. 106—107; Сюзюмов М. Я. К вопросу о

происхождении слова “Рос”, “Россия”.— Вестник древней истории, 1940, кн. II, с. 165; Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.,

ч. 1, с. 84; Левченко М. В. Указ. соч., с. 139; Паушто В. Т. Указ. соч.,

с. 62. В данном случае В. Т. Паушто, как и К. Бартова,

обратился к

известному высказыванию Льва Дьякона о нарушении Игорем прежних русско-византийских договоров.

² Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (По данным историков IV—VII вв.). М., 1974, с. 124.

³ Regest., N 82, 131, 152.

⁴ Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII в. (Между 1214 и 1219 гг.), с. 10.

¹⁶ ПВЛ, ч. 1, с. 34.

⁵ Димитриу А. Указ. соч., с. 545; Греков Б. Д. Указ. соч., с. 453.

Эта же точка зрения отражена и в “Очерках истории СССР.

Период

феодализма. IX—XV вв.” (ч. 1, с. 84).

⁷ История Византии, т. II, с. 231.

⁸ Miller D. A. Op. cit., p. 61; ПВЛ, ч. 1, с. 28.

⁵ Соловьев С. М. Указ. соч., с. 146; Иловайский Д. И. О

мнимом

призвании варягов. М., 1874, с. 11.

³ Паушто В. Т. Указ. соч., с. 62.

² Gregoire H., Orgeles P. Op. cit., p. 155—156;

Левченко М. В.

Указ. соч., с. 141 и сл.; Половой Н. Я. Русское народное предание и византийские источники о первом походе Игоря на греков, с. 108—109;

Щапов Я. Н. Указ. соч., с. 204—205; Паушто В. Т. Указ. соч., с. 62—63.

²² Житие Василия Нового, с. 84—85; ПВЛ, ч. 1, с. 33.

Указание продолжателя Георгия Амартола о том, что среди 10 тыс. русских судов шли “и скеди глаголем, от рода варяжска” (Хроника Георгия Амартола, с. 567), может свидетельствовать в пользу присутствия и на этот раз в войске Игоря варяжского отряда.

²³ См. об этом принципе византийской дипломатии подробнее: Miller D. A. Op. cit., p. 56.

²⁴ Н. Я. Половой даже предположил, что, создавая новую антиви-

зантийскую коалицию, Игорь, возможно, направил посольство к уграм и болгарам с целью создать вокруг империи кольцо из враждебных го-

сударств и народов (О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа.— Византийский временник, 1958, т. XIV, с. 145).

²⁶ Menander, p. 208.

²⁶ Димитриу А. Указ. соч., с. 545.

3. Процедура выработки договора 944 г.
Состав русского посольства. Развитие идеи
общерусского представительства
(с. 233—239)

¹ Dolger F., Karayannopoulos I. Byzantinische Urkundenlehre.

Mfln-chen, 1968, S. 48, 49, 97—104.

² ПВЛ, ч. 1, с. 38—39.

³ См. об этом подробнее: *Лонгинов А. В.* Указ. соч., с. 41.

⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 38.

⁵ А не “общие” послы, как это значится в академическом переводе “Повести временных лет” (ч. 1, с. 230).

⁶ ПВЛ, ч. 1, с. 35.

⁷ Там же, с. 38.

⁸ *Капитанов С. М.* Русские княжеские акты X—XIV вв. (до 1380 г.), с. 96—98.

⁹ *Болтин И. Н.* Указ. соч., с. 231; *Иловайский Д. И.* История России, т. I, с. 29; *Лавровский Н.* Указ. соч., с. 27; *Соловьев С. М.* Указ. соч., с. 147; *Лонгинов А. В.* Указ. соч., с. 139; *Полонская Н.* К вопросу о христианстве на Руси до Владимира.— ЖМНП, Новая серия, ч. LXXI, сентябрь 1917, с. 135; *Пресняков А. Е.* Указ. соч., с. 74; *Бахрушин С. В.* Держава Рюриковичей.— Вестник древней истории, 1938,

№ 2, с. 93; *Греков Б. Д.* Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1945, с. 42—43; *его же.* Киевская Русь, с. 295, 304;

Памятники русского права, вып. 1, с. 42; *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 155—

156.

¹⁰ ПВЛ, ч. 1, с. 35, 38—39.

4. Содержание, форма и историческое значение договора 944 г. (с. 239—258)

¹ ПВЛ, ч. 1, с. 35, 38, 39.

² Там же, с. 35.

³ Там же. В. Л. Янин отметил, что использование на Руси в X в. металлических печатей-удостоверений говорит о ее достаточно тесном политическом и культурном взаимодействии с Византией, откуда и пришла эта практика (*Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. I. Печати X — начала XIII в. М., 1976, с. 15). Заметим, что правила подобного рода имели место и в отношениях Византии с Персией и Болгарией. Согласно хронике Феофана, по договору 716 г. с ханом Тервелем было обусловлено, что болгарские купцы могут торговать в Византии лишь в том случае, если они имеют при себе грамоты с печатями, в противном случае их товары подлежали конфискации (Regest., N 276; *Златарский В. Н.* Указ. соч., с. 182). Значит, Русь не просто находилась под влиянием византийских дипломатических традиций, но и перенимала международные дипломатические стереотипы. Замена печатей грамотами-удостоверениями явилась еще одним шагом вперед в этом отношении.

⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 35.

⁵ И. Сорлен и Д. Шепард заметили, что “киевский князь, кажется, нес ответственность за точное регулирование торговли с Византией” (*Sorlin I.* Op. cit., p. 457; *Shepard I.* Op. cit., p. 19).

⁶ ПВЛ, ч. 1, с. 36.

⁷ Menander, p. 212.

⁸ ПВЛ, ч. 1, с. 36.

⁹ Памятники русского права, вып. 1, с. 38; *Pargoire I.* St. Mamas, le quartier russe de Constantinople.— Echos d'Orient, t. XI, p. 203—210; ПВЛ, ч. 2, с. 233.

¹⁰ *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 160; ПВЛ, ч. 1, с. 36.

¹ ПВЛ, ч. 1, с. 28.

² Там же, с. 37.

³ См. комментарии Д. С. Лихачева (ПВЛ, ч. 2, с. 291) и А. А. Зимины (Памятники русского права, вып. 1, с. 45—46).

⁴ См. комментарии Д. С. Лихачева (ПВЛ, ч. 2, с. 292) и А. А. Зимины (Памятники русского права, вып. 1, с. 46—47). Д. С. Лихачев

усматривает дискриминацию Руси в связи с тем, что цена за русского пленника устанавливается “по высшей ставке” — 10 золотников, между тем как цена за греческих пленников варьируется в зависимости от возраста между 5 и 10 золотниками. Правильно заметил А. А. Зимин, что русские пленники — это в основном взятые в плен воины, т. е. взрослые, сильные люди. В свою очередь А. А. Зимин увидел льготу для

греков в договоре 944 г. в факте отмены “челядинной цены” для выкупа русских пленных, установленной в 911 г., но эта “челядинная цена” относилась, согласно договору 911 г., не только к русским, но и к грекам: “О тех, аще полоняникъ обою страну держимъ есть или от Руси, или от грекъ, проданъ въ ону страну, аще обрящеться ли русинъ ли греченинъ да икупяты и възратяты икупное лице въ свою сторону, и възмутъ цену его купящии, или мнитъся в куплю над нь челядиннаа цена” (ПВЛ, ч. 1, с. 28).

⁵ И. Свеньицкий заметил, что за все время заключения византи- но-болгарских договоров ни в одном из них не появлялся пункт о взаимной помощи (Указ. соч., с. 107).

⁶ *Miller D.* Op. cit., p. 62; *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976—

1081 гг. М., 1977, с. 253.

⁷ Regest., N 41, 46, 177, 183.

⁸ Ibid., N 391, 433, 443, 480.

⁹ Ibid., N 519, 575, 713.

¹⁰ *Miller D.* Op. cit., p. 59.

¹¹ ПВЛ, ч. 1, с. 37.

¹² ПВЛ, ч. 2, с. 292; Памятники русского права, вып. 1, с. 47; *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 162.

¹³ *Ламбин Н. П.* Славяне на Северном Причерноморье.— ЖМНП,

1877, № 4, с. 234, 237; *Успенский Ф. И.* Русь и Византия в X в. Одеса, 1888, с. 15; *Wozniak F. E.* Op. cit., p. 117—118.

¹⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 27, 37.

¹⁵ Там же, с. 37.

¹⁶ О соответствии вышеназванных статей договора 944 г. нормам

тогдашнего международного права см.: *Шангин М.* Комментарии к двум статьям договора Игоря с греками 945 г.— Историк-марксист, 1941,

№ 5. И. Сорлен полагает, что статья о ловцах рыбы говорит в основном о значении приднепровских рыбных промыслов для экономики Ви-

зантии (*Sorlin I.* Op. cit., p. 461). Нам думается, что не рыболовные

проблемы интересовали в первую очередь обе стороны, а вопрос о том, в чьих руках и на какой срок окажется стратегически важная терри-

тория (ср. *Wozniak F. E.* Op. cit., p. 117—118).

¹⁷ А. А. Зимин справедливо, на наш взгляд, заметил, что “этим своеобразным мероприятием оно (византийское правительство.— А. С.)

пыталось обеспечить свою безопасность, усложнив для Руси возможность организации новых походов на Царьград” (Памятники русского

права, вып. 1, с. 47).

¹⁸ ПВЛ, ч. 1, с. 37.

¹⁹ См. по этому поводу комментарии Д. С. Лихачева

(ПВЛ, ч. 2, с. 292—293) и А. А. Зиминой (Памятники русского права, вып. 1, с. 48),

а также: *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 162—163; *Sorlin I.* Op. cit.,

p. 462; *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 382; *Пауто В. Т.* Указ. соч.,

с. 65; *Wozniak F. E.* Op. cit., p. 115, 121.

²⁰ *Пауто В. Т.* Указ. соч., с. 65. И. Сорлен считает, что в данном случае не может быть и речи о собственных владениях Руси в Крыму

и в Северном Причерноморье и что следует принять версию А. А. Шахматова об ошибке переводчика, написавшего “стране его” вместо пра-

вильного “стране нашей”, т. е. Византии. А это значит, что руссы должны здесь защищать лишь греческие территории. Правда, никаких ар-

гументов, кроме ссылки на А. А. Шахматова, И. Сорлен не привела

(Op. cit., p. 463).

²¹ А. Н. Насонов считал, что в результате событий 941—944 гг.

Русь подчинила себе некоторые земли в Крыму и на Таманском полу-

острове (Тмутаракань в истории Восточной Европы.— Исторические за-

писки, 1940, т. 6, с. 89). М. Д. Приселков также полагал, что Игорь к

944 г. овладел выходом из Азовского в Черное море (Киевское госу-

дарство второй половины X в.— Ученые записки ЛГУ. Серия

исторических наук, вып. 8, № 73. Л., 1941, с. 239). М. В. Левченко, однако, утверждал, что ни греческие источники, ни археологические данные не свидетельствуют о прочном овладении Русью этими районами (Указ. соч., с. 164).

² Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 65.

³ ПВЛ, ч. 1, с. 38.

⁴ Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 64, 66. См. также: Левченко М. В.

Указ. соч., с. 234; Лонгинов А. В. Указ. соч., с. 71.

⁵ Бейлис В. М. Ал-Мас'уди о русско-византийских

отношениях в 50-х годах X в.—Сб. Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 23.

⁶ Поэтому трудно согласиться с мнением А. А. Зимина о том, что “ближайшее будущее показало недейственность ст. 15” (Памятники русского права, вып. 1, с. 49).

⁷ ПВЛ, ч. 1, с. 37.

⁸ Правда, Д. С. Лихачев сомневается, что греки наряду с руссами могли подлежать без суда убийству со стороны родственников убитого

(ПВЛ, ч. 2, с. 293), однако это так. В данной статье нет никакого намека на юрисдикцию империи в этом вопросе, как в предыдущей статье; здесь явно действуют нормы русского обычного права. А. А. Зимин

считает, что в отличие от соответствующей статьи договора 911 г. в

данном случае запрещена расправа на месте преступления

(Памятники

русского права, вып. 1, с. 49). Но вряд ли есть существенная разница

между “да умереть” статьи 911 г. и “держимь будеть”, т. е.

задержан

будет родственниками убитого, и “да убьють и” статьи 944 г.

⁹ ПВЛ, ч. 1, с. 27, 38.

¹⁰ Самоквасов Д. Я. Указ. соч., с. 13—14.

¹¹ ПВЛ, ч. 1, с. 36—38.

¹² Там же, с. 35, 38—39.

¹³ Menander, p. 209, 213.

¹⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 38—39.

¹⁵ Лонгинов А. В. Указ. соч., с. 28.

¹⁶ ПВЛ, ч. 1, с. 39.

1. Обзор источников и историография вопроса (с. 260—272)

¹ ПВЛ, ч. 1. М., 1950, с. 44—45; Новгородская первая летопись

старшего и младшего изводов. М. А., 1950, с. 113—114;

Летописец

Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 гг.). М., 1851, с. 14.

² De cerimoniis, lib. II, cap. XV. p. 594—598; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 217.

³ Scyl., p. 240; Zonar., p. 63.

⁴ Continuator Reginonis Trevirensis.—MGH SS, t. I. Leipzig, 1925, p. 624—625.

⁵ Annales Hildesheimenses.—MGH SS, t. III. Leipzig, 1925, p. 60;

Annales Quedlinburgenses.—Ibid., p. 60; Lamberti annales.—Ibid., p. 61;

Thietmari Mersenburgensis episcopi Chronicon.—MGH SS. Nova series,

t. IX. Berlin, 1935, p. 64—65; Annalista saxo.—MGH SS, t. VI. Leipzig.

1925, p. 615.

⁶ См. об этом подробнее: Фортинский Ф. Я. Титмар Мерзебургский

и его хроника. СПб., 1872; его же. Крещение князя Владимира и Руси

по западным известиям.—Чтения в историческом обществе

Нестора-ле

тописца, кн. II. Киев, 1888, с. 119; Голубовский П. Хроника

Дитмара

как источник для русской истории.—Сборник сочинений студентов Уни

верситета св. Владимира, кн. I, вып. I. Киев, 1880, с. 27—40;

Un.be-

gaun V. O. Le nom des Ruthenes Slaves.—Annales de l'Institut

de

philologie et d'histoire orientales et Slaves, t. X. Bruxelles, 1950, p. 615;

Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М.—Л., 1959, с. 34;

Шуша-

рин В. П. Древнерусское государство в западных и восточноевропейских

средневековых памятниках.—Новосельцев А. П., Пашуто В. Т.,

Черен-

нин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство

и

его международное значение. М., 1965, с. 420; Алтаев М. А.

Русская

историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, с. 66—

67. М. Б. Свердлов показал, что Титмар Мерзебургский назвал

землю,

где побывал Адальберт, “Руссия”, не имея еще в руках

хроники про

должателя Регинона, а когда познакомился с ней, не меняя

названия,

дописал, что Адальберт был оттуда изгнан. На этом основании М. Б. Свердлов заключает, что мерзебургский клир точно знал место, куда совершил неудачную поездку Адальберт {Свердлов М. Б. Известия о Руси в хронике Титмара Мерзебургского.— Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975. М., 1976, с. 106—107}.

⁷ Рамм Б. Я. Указ. соч., с. 35. С. М. Соловьев считал, что речь может идти не о русском посольстве, а о каких-то самозванных посланцах, о чем говорят слова “приходили притворно, как впоследствии оказалось”

(Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. I. М., 1959,

с. 312, прим. 217), хотя весь ход событий, изложенный Адальбертом,

указывает, что они говорят лишь о несбывшихся надеждах немецких

миссионеров учредить свое епископство на Руси.

⁸ См. об этом: Воронов А. Д. О латинских проповедниках на Руси

Киевской в X и XI вв.— Чтения в Историческом обществе

Нестора-

летописца, кн. I. Киев, 1879, с. 5; Голубинский Е. История

русской

церкви, т. I, ч. 1, М., 1880, с. 90; Фортинский Ф. Я. Крещение

князя

Владимира и Руси по западным известиям, с. 119—120; Левченко М.

В.

Указ. соч., с. 223; Пауцто В. Т. Внешняя политика Древней

Руси. М.,

1968, с. 119; Аллатов М. А. Указ. соч., с. 65, и др.

⁹ Татищев В. Н. История Российская, т. П. М., \., 1963,

с. 47,

306; Ломоносов М. В. Древняя Российская история от начала

российского народа до кончины великого князя Ярослава

Первого, или до 1054 г.—ПСС, т. 6. М.—Л., 1952, с. 236;

Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб.,

1901, с. 222—223. См. также: Болтин И. Н. Примечания на

историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, т. I. СПб.,

1788, с. 237.

¹⁰ Шлецер А. Л. Нестор, ч. III. СПб., 1819, с. 363, 373, 397,

411—

412.

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. I.

СПб.,

1830, с. 167—170. Прим., с. 149—152, № 378—382.

² Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции, т. I. М.,

1846,

с. 181; *его же*. Древняя русская история до монгольского ига, т.

I. М.,

1871, с. 28—29.

³ Макарий. История христианства в России до

равноапостольного

князя Владимира, как введение в историю русской церкви, изд. 2. СПб.,

1868, с. 247, 250.

⁴ Соловьев С. М. Указ. соч., с. 157—159.

⁵ Оболенский М. А. Несколько слов о первоначальной русской ле-

тописи. М., 1870, с. 45, 46, 50, 52, 77, 80.

⁶ Воронов А. Д. Указ. соч., с. 6—8, 10—11. См. также:

Фортин

ский Ф. Я. Крещение князя Владимира и Руси по западным известиям,

с. 116—120.

⁷ Иловайский Д. И. История России, т. I. М., 1906, с.

32—35;

Голубинский Е. Указ. соч., с. 66—67, 71.

⁸ Иконников В. С. Опыт русской историографии, т. I. Киев,

1891,

с. 125; Самоквасов Д. Я. Древнее русское право. М., 1903, с. 16;

Лон-

гинов А. В. Мирные договоры русских с греками, заключенные в

X в.

Одесса, 1904, с. 72; Грушевский М. История Украины — Руси, т. I. Льв1В,

1904, с. 402, 403—406.

⁹ Айналов Д. В. Княгиня Ольга в Царьграде.— Труды XII архео-

логического съезда в Харькове. М., 1902, с. 13, 15—17; *его же*.

Очер

ки по истории древнерусского искусства. II. О дарах русским князьям и

послам в Византию.—Известия ОРЯС, 1908, т. XIII, кв. 2, с. 292—293,

244—295, 297, 299—300, 302—304 и ел.; *его же*. Дар св. княгини Оль

ги в ризницу церкви св. Софии в Царьграде.— Труды XII

археологи

ческого съезда в Харькове, с. 1—4.

¹⁰ Пархоменко В. А. Древнерусская княгиня святая

равноапостоль

ная Ольга. Киев, 1911, с. 9—10, 15, 17—19; *его же*. Начало

христиан

ства Руси. Полтава, 1913, с. 129—131, 132, 136, 140.

¹ Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории

Ки
евской Руси X—XII вв. СПб., 1913, с. 10—13; *его же*.
Русско-визан
тийские отношения.— Вестник древней истории, 1939, № 3, с.
101 —
102.

- ²² Багалей Л. И. Русская история, т. I. М., 1914, с. 211; Ламанский В. И. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Пг., 1915, с. 157; Полонская Н. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира.— ЖМНП, новая серия, ч. LXI, 1917, сентябрь, с. 65—66; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. I. Киевская Русь. М., 1938, с. 81—83
- ²³ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949, с. 453, 454; Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 1. М., 1953, с. 86.
- ²⁴ Левченко М. В. Указ. соч., с. 217, 219—220, 222—223, 228—231, 233—235.
- ²⁵ Рамм Б. Я. Указ. соч., с. 28, 31—32, 33, 36.
- ²⁶ Шушарин В. П. Указ. соч., с. 420—421.
- ²⁷ История Византии, т. II. М., 1967, с. 232.
- ²⁸ Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 66—68, 119—120.
- ²⁹ Свердлов М. Б. Политические отношения Руси и Германии X — первой половины XI в.— Проблемы истории международных отношений. Сб. статей памяти академика Е. В. Тарле. Л., 1972, с. 283—286.
- ³⁰ Аллатов М. А. Указ. соч., с. 64—65, 66, 68—72.
- ³¹ Wattenback W. Deutschlands Geschichtsquellen, Bd I. Berlin, 1858, S. 270; Fischer W. Die russische Grossfürstin Helga am Hofe von Byzantien.— Zeitschrift für Geschichte und Philologie, hrsg. von Zwi edeneck-Sudenhorst, t. XI. Stuttgart, 1888.
- ³² Vasiliev A. A. Was old Russia a Vassal State of Byzantium? — Speculum, 1932, July, p. 351; Swiencickij I. Die Friedensverträge der Bulgaren und der Russen mit Byzance.— Studi Byzantini e Neoellenici, vol. V. Roma, 1939, S. 326.
- ³³ Boak A. E. R. The Earliest Russian Moves against Constantinople.—Queen's Quarterly, vol. LV, N 3. Kingston, Ontario, 1948, p. 315.
- Это мнение разделяли Г. Вернадский, Л. Мюллер, А. Власто: Vernadsky G. Kievan Russia. New Haven, 1948, p. 48; Midler L. Byzantinische Mission nordlich des Schwarzen Meers vor dem elften Jahrhundert.— Supplementary Papers. XIII. International Congress of Byzantine Studies. Oxford, 1966, p. 5; Vlasto A. P. The Entry of the Slavs into Christendom. Cambridge (Mass.), 1970, p. 250—251.
- ³⁴ Dvornik F. The Slavs. Their Early History and Civilisation. Boston, 1956, p. 200—201.
- ³⁵ Dvornik F. Byzantine Mission among the Slavs. SS. Constantine-Cyrill and Methodius. New Brunswick, 1970, p. 269; *idem*. Missions of the Greek and Western Churches in the East during the Middle Ages.— XIII Internationale Congress of Historical Sciences. М., 1970, p. 12.
- ³⁶ Ostrogorskij С. Византия и киевская княгиня Ольга.— То Honor Roman Jakobson, vol. II. The Hague — Paris, 1967, p. 1460—1463, 1467—1470, 1472; Фидас В. Киевская княгиня Ольга-Елена между Востоком и Западом (греч. яз.).— Epiritis Etaireias Byzantinion Spondon, 1972—1973, N 39—40, p. 636, 639—640, 642, 645.
- ³⁷ Obolensky D. The Empire and its Northern Neighbours. 565—1018.— Byzantium and the Slavs: Collected Studies. London, 1917, p. 511; *idem*. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500—1453. London, 1971, p. 189—190. К сожалению, нам не удалось учесть точку зрения на этот счет французского ученого Ж. Арриньона.
- ³⁸ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 111—113, 114, 117.
- ³⁹ Полонская Н. Указ. соч., с. 64—65.
- ⁴⁰ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., 1947, с. 63—64; *его же*. “Повесть временных лет” (Историко-литературный очерк).— ПВЛ, ч. 2. М., 1950, с. 61; *его же*. “Повесть временных лет”. Комментарии.— ПВЛ, ч. 2, с. 306—307. См. также: Левченко М. В. Указ. соч., с. 222—223.
- ⁴¹ Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 340—341.
- ⁴² Платонов С. Летописный рассказ о крещении княгини Ольги в Царьграде.— Исторический архив, кн. I. Пг., 1919, с. 285, 287.

2. Политическое значение крещения княгини Ольги
(с. 272—285)

- ¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, с. 114.
- ² Regest., N 651, 657, 660, 661, 666, 667; История Византии, т. II, с. 208.
- ³ *Obolensky D.* The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy.— XII Congress International des Etudes Byzantine. Ochride, 1961, Rapport. II. Beograd — Ochride, 1961, p. 47—48; *idem.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500—1453, p. 184; *idem.* The Empire and its Northern Neighbours. 565—1018, p. 496. См. также: История Византии, т. II, с. 204.
- ⁴ *Рамм Б. Я.* Указ. соч., с. 10; *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 180—181.
- ⁵ Г. Г. Литаврин заметил, что “обладание таким титулом было часто не результатом милости или осуществления высшего суверенитета василевса, а следствием поражения империи, а главное, его получение ни к чему не обязывало обладателя титула в его отношениях с Византией” (Вопросы истории, 1972, № 2, с. 184).
- ⁶ *Ostrogorskiĭ G.* Die byzantinische Staatenhierarchie.— Seminarium Kondakovianum, 1936, t. 8, S. 41 etc; *idem.* The Byzantine Emperor and the Hierarchical Order.— Slavonic and East European Review, vol. 35. London, 1956; *idem.* Византия и киевская княгиня Ольга, р. 1467.
- ⁷ *Кулаковский Ю.* История Византии, т. II (518—602). Киев, 1912, с. 21, 453.
- ⁸ История Византии, т. II, с. 198; *Obolensky D.* The Empire and its Northern Neighbours. 565—1018, p. 498; *Гюзелев В.* Князь Борис Първи. София, 1969, с. 171; *Ангелов Д.* Образуване на Българската народност. София, 1971, с. 265.
- ⁹ De cerimoniis, p. 690.
- ¹⁰ Ibidem; Scyl., p. 240.
- ¹ См., например, *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 229.
- ² Кстати, об этом говорит и попытка А. Г. Кузьмина освободить текст от клерикальных наслоений: перед нами предстает цельный (пусть и приукрашенный легендами) рассказ об участии светской византийской власти в крещении и переговорах с Ольгой (*Кузьмин А. Г.* Указ. соч., с. 340).
- ³ De cerimoniis, p. 594, 597.
- ⁴ Цит. по: *Айналов Д. В.* Дар св. княгини Ольги в ризницу церкви св. Софии в Царьграде, с. 1, 2.
- ⁵ ПВЛ, ч. 1, с. 44. Ср.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, с. 113.
- ⁶ ПВЛ, ч. 1, с. 45—46.
- ⁷ История Византии, т. II, с. 214.
- ⁸ История Болгарии, т. I. М., 1954, с. 74; История Византии, т. II, с. 198; *Гюзелев В.* Указ. соч., с. 190 и сл.
- ⁹ *Ostrogorskiĭ G.* Византия и киевская княгиня Ольга, р. 1462.

3. Содержание переговоров в Константинополе (с. 285—292)

- ¹ *Пауто В. Т.* Указ. соч., с. 67.
- ² De cerimoniis, p. 597.
- ³ *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 230; *Пауто В. Т.* Указ. соч., с. 67;
- Ostrogorskiĭ G.* Византия и киевская княгиня Ольга, р. 1464.
- ⁴ De cerimoniis, p. 597; Liutprandi antapodosis, p. 895—896.
- ⁵ *Ostrogorskiĭ G.* Византия и киевская княгиня Ольга, р. 1469; De cerimoniis, p. 596.
- ⁶ *Ostrogorskiĭ G.* Византия и киевская княгиня Ольга, р. 1470; De cerimoniis, p. 597—598.
- ⁷ Liutprandi antapodosis, p. 895; Liutprandi cremonensis episcopi relatio de legatione Constantinopolitana.— PI. t. 136. J.-P., Migne, Paris, J853, p. 917.

⁸ *Айналов Д. В.* О дарах русским князьям и послам в Византии, с. 296—300, 304—306; ПВЛ, ч. 1, с. 44; *Пауто В. Т.* Указ. соч., с. 67.

⁹ Liutprandi antapodosis, p. 896, 898.

¹⁰ Regest., N 101, 183, 357, 443, 480; De administrando imperio, сар. 13, р. 69, 73; *Obolensky D.* The Empire and its Northern Neighbours. 565—1018, р. 182, 186, 487; История Болгарии, т. I, с. 88; История Византии, т. II, с. 200.

¹¹ De administrando imperio, сар. 13, р. 67, 73, 75; *Пауто В. Т.* Указ. соч., с. 67.

¹² *Пауто В. Т.* Указ. соч., с. 66.

4. У становление отношений “мира и дружбы” с Германским королевством (с. 293—298)

¹ MGH SS, t. I, p. 624.

² *Фидас В.* Указ. соч., с. 645—646.

³ Cosmae Pragensis chronica boemorum.— MGH SS, t. II, nova series. Berlin, 1923, p. 44. См. перевод: Козьма Пражский. Чешская хроника. М, 1962, с. 66.

⁴ *Рамм Б. Я.* Указ. соч., с. 15, 31—32.

⁵ *Пауто В. Т.* Указ. соч., с. 120.

⁶ MGH SS, t. III, p. 63. Правда, М. Б. Свердлов полагает, что Ламперт выдумал этот факт, так как в иных хрониках подобное известие отсутствует (*Свердлов М. Б.* Политические отношения Руси и Германии X—первой половины XI в., с. 287), хотя мотивов этой фальсификации, да еще в пользу Руси, не приводит.

⁷ *Алпатов М. А.* Указ. соч., с. 66.

⁸ MGH SS, t. I, p. 624, 625; t. IV, p. 561.

⁹ MGH SS, t. III, p. 61; t. IX, p. 64—65.

¹⁰ *Воронов А. Д.* Указ. соч., с. 11.

¹¹ Там же, с. 10; MGH, Legum, t. II. Leipzig, 1925, p. 560—561.

¹² ПВЛ, ч. 1, с. 47, 48.